САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

71:07-7/105

На правах рукописи

Аранович Алексей Владимирович

ИНТЕНДАНТСКОЕ СНАБЖЕНИЕ РУССКОЙ АРМИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX–НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Специальность 07.00.02. — Отечественная история

Диссертация на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Научный консультант:
доктор исторических наук,
профессор Привалов В. В.

Санкт-Петербург — 2006

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение **5**

Глава 1. Интендантство русской армии как объект исторического исследования **12**

1.1. Историография вопроса 12

1.2. Источники по истории интендантского снабжения русской армии. 35

1.3. Краткая история интендантства русской армии 54

Глава 2. Интендантское снабжение русской армии во второй половине XIX века **63**

2.1. Реформа системы интендантского снабжения в 1860–70-е годы 63

2.2. Общая характеристика деятельности интендантства в русско-турецкую войну 1877–78 гг. 97

2.3. Оценка деятельности интендантства в русско-турецкую войну 1877–78 гг. 147

Глава 3. Деятельность Интендантского управления по снабжению войск в русско-японскую войну 1904–1905 гг. **189**

3.1. Общее состояние интендантской подготовки к войне. Мероприятия подготовительного периода. 189

3.2. Указанные войной недостатки в устройстве интендантской части и принятые меры к их устранению. 229

3.3. Обеспечение интендантским довольствием чинов Военного ведомства на примере защитников Порт-Артура. 277

Глава 4. Интендантское снабжение русской армии накануне и в годы Первой мировой войны. **304**

4.1. Структура интендантства, сложившаяся к Первой мировой войне. 304

4.2. Система вещевого довольствия. 313

4.3. Система устройства военно-врачебных заведений и мероприятия по их обеспечению интендантским довольствием. 337

4.4. Система продовольственного довольствия накануне и в годы Первой мировой войны 367

4.5. Денежное и квартирное довольствие. 391

Заключение. 418

Список сокращений 428

Литература и источники 429

Приложения

Приложение 1. Структура интендантских органов русской армии после реформы 60–70 гг. XIX века 449

Приложение 2. Полевые органы материального, транспортного и медицинского обеспечения действующей армии по Положению 1876 г. 450

Приложение 3. Размещение продовольственных запасов 451

Приложение 4. Указные дачи суточного довольствия людей и лошадей 452

Приложение 5. Краткий перечень распределения расходов, произведенных интендантством в войну 1904–1905 гг. 453

Приложение 6. Полевое управление Маньчжурской армии (1,2,3 армий) в русско-японской войне 1904–1905 гг. 454

Приложение 7. Управление тылом при Главнокомандующем Маньчжурской армии в войну 1904–1905 гг. 455

Приложение 8. Органы продовольственного обеспечения войск в период русско-японской войны 1904–1905 гг 456

Приложение 9. Состав войсковых интендантских управлений, согласно приказа по в. в. 1907 г. № 347 457

Приложение 10. О чиновниках и офицерах Интендантского ведомства, привлеченных к следствию и приданных суду (22 января 1915 г. — 21 июля 1916 г.) 458

Приложение 11. Ведомость о ценах заготовления обмундирования и снаряжения на 1914 г. 469

Приложение 12. Список продовольственных магазинов по округам, подведомственных Главному интендантскому управлению на 1 января 1917 г 472

Приложение 13. Организация управления обеспечением войск фронта в ходе Первой мировой войны (1914–1918 гг.) 480

Приложение 14. Органы управления обеспечением войск полевой армии в ходе Первой мировой войны (1914–1918 гг.) 481

Приложение 15. Структура продовольственной службы действующей армии в Первой мировой войне (1914–1918 гг.) 482

Введение

История побед и неудач русской армии неразрывно связана с деятельностью интендантства. Именно эта служба на протяжении десятилетий решала и решает задачи по довольствию войск как в мирное, так и в военное время. Интендантство, по сути, выступает гарантом будущих побед, и без изучения системы интендантского довольствия невозможно понять глубинные причины неудач иногда не только отдельных сражений, но и целых компаний.

Готовность армии в интендантском отношении как нельзя лучше проверяется во время ведения боевых действий, что наглядно демонстрирует вся история человечества. Война всегда была и будет основным экзаменатором служб тыла воюющих стран.

В данном диссертационном исследовании рассматривается структура и деятельность, через основные виды довольствия, Интендантства Русской армии во второй половине XIX–начале XX века. Исследование этого вопроса представляется весьма актуальным, так как это позволяет, на примере деятельности Интендантства, объективно оценить всю систему функционирования аппарата Военного ведомства в период крайнего напряжения сил, выявить его объективные и субъективные недостатки, сопоставить вклад государственных и частных предприятий в решение стоящих перед службами тыла задач; определить, в каких видах довольствия преобладала государственная монополия, а где нельзя было обойтись без частного капитала.

Для оценки эффективности работы интендантства очень ценно то обстоятельство, что на период, рассматриваемый в диссертационном исследовании, на долю России выпадает участие в трех крупнейших военных компаниях — это русско-турецкая война 1877–1878 гг., русско-японская война 1904–1905 гг. и, конечно же, Первая мировая или, как ее называли современники, Великая война.

Рассмотрение вопроса интендантского снабжения обращает наше внимание и на проблемы, лежащие в плоскости истории повседневности (обращение к изучению конкретных образцов интендантских поставок, фирм, работавших на этом рынке), что, в свою очередь, позволяет подойти к разрешению вопросов, стоящих в сфере исторической психологии: к выявлению причин, по которым интендантство русской армии не справлялось с поставленными перед ним военным руководством задачами по обеспечению действующей армии основными видами интендантского довольствия. Решение этих вопросов может способствовать выявлению слабых звеньев в цепи системы взаимодействия различных органов в системе интендантского управления, определению роли Главного интендантского управления как руководящего и координирующего органа. Сегодня это особенно актуально в связи с поиском новых подходов к изучению истории Отечества в целом, военной истории и вопросов военного снабжения в частности.

Кроме того, на основании подобного исследования становится возможным выявление основных принципов построения оптимальной системы взаимодействия различных структур и подразделений Интендантства и других служб тылового обеспечения, что дает возможность использовать данный исторический опыт в решении современных военно-стратегических задач планирования построения эффективной системы интендантского довольствия.

Комплексное исследование поставленной проблемы актуально и для решения прикладных задач, в том числе и по реформированию Вооруженных Сил Российской Федерации сегодня, на этапе перевода армии на профессиональную основу.

Объект и предмет исследования. Объектом исследования является в целом интендантство русской армии в означенный период и система интендантского довольствия, включающая в себя продовольственное, вещевое, военно-врачебных заведений, денежное и квартирное довольствие, а предметом — все стороны его деятельности, а также контакты с другими управлениями и ведомствами; изменения в системе интендантского довольствия, вызванные

войнами второй половины XIX – начала XX в., а также структура интендантских поставок основных видов довольствия, начиная от разработки оптимальных образцов (относительно вещевого довольствия, довольствия или, к примеру, продовольственных припасов), процесса их производства, включая систему предприятий и магазинов с выявлением механизмов непосредственного контакта с интендантством, систему заготовления и хранения всех видов довольствия, механизмы поставки непосредственно в действующую армию, следственные дела по правонарушениям в Интендантском управлении.

Главная цель данного исследования заключается в изучении деятельности Интендантства Русской армии во второй половине XIX — начале XX века, в анализе и оценке его работы в означенный период, в определении степени эффективности работы интендантства и обнаружении основных недостатков, а так же в фиксации слабых звеньев в системе интендантского снабжения.

Исходя из цели исследования, в работе ставятся следующие задачи:

— кратко проследить историю интендантства русской армии, заострив особое внимание на истории Главного интендантского управления в означенный период;

— выявить основные виды довольствия и определить степень эффективности работы интендантства по развертыванию механизмов их обеспечения;

— изучить динамику изменения законодательной базы, дать оценку основным нормативным документам; выявить слабые, с точки зрения эффективности функционирования интендантства стороны, в документах, относящихся к организации структуры основных видов довольствия; проанализировать и оценить степень соответствия законодательной базы и практики организации заготовления, хранения и поставок интендантского довольствия в действующую армию, как в мирное, так и в военное время;

— проанализировать систему формирования кадрового потенциала Главного интендантского управления и окружных интендантских управлений; выявить его социальный состав;

— оценить эффективность работы интендантских структур в период военных компаний изучаемого периода; выявить вносимые в работу интендантства войной коррективы; определить основные способы заготовления;

— проанализировать основные элементы системы вещевого довольствия и выявить механизм ее функционирования; выделить основные компании поставщиков Военному ведомству;

— изучить основные элементы системы лазаретного и госпитального довольствия, а также показать ее в действии; рассмотреть вклад общественных организаций и частных лиц в дело помощи больным и раненным в период военных компаний;

— рассмотреть систему и механизм функционирования системы продовольственного довольствия;

— исследовать обеспечение денежным и квартирным довольствием;

— выработать практические рекомендации для современного использования в процессе реформирования служб тыла армии Российской Федерации.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1864 г. — время проведения Великих реформ в Военном ведомстве под руководством Д. А Милютина, в результате которых были ликвидированы Провиантский и Комиссариатский департаменты, а вместо них создано Главное интендантское управление, и проведена реформа всей системы интендантского обеспечения армии. Хронологически диссертационное исследование заканчивается 1918 г. — годом прекращения истории русской армии и старой системы снабжения и интендантства в частности.

Методологической основой диссертации являются принципы историзма, объективности и научной достоверности. Решение поставленных задач

достигалось путем комплексного анализа источников, а также логически последовательного и всестороннего анализа исторических событий и их взаимосвязи и взаимообусловленности.

Из многообразия методов исторического исследования были использованы: историко-сравнительный, проблемно-хронологический и статистический методы.

Научная новизна работы. Научная новизна работы обусловлена рассмотрением интендантства русской армии как самостоятельного объекта исследования. На материале истории русской армии второй половины XIX-начала XX вв. решается крупная теоретическая проблема — создание модели интендантства по законодательным документам и сравнение ее с реально существовавшей системой Интендантского управления, реконструируемой на основе не официальных отчетов Главного интендантского управления, а ведомостей поставок как государственных органов, так и частных лиц, разбора уголовных дел по хищениям и злоупотреблениям в интендантстве, мемуарных источников, материалов периодической печати и документов личного происхождения.

Исследуя сложный процесс деятельности Интендантского управления, автор не изолирует его от общей системы функционирования аппарата Военного ведомства в целом, прослеживает сложную взаимосвязь интендантских структур с поставщиками и общественными организациями, тем самым, выстраивая целостную картину происходившего.

С научной точки зрения несомненный интерес представляет также то обстоятельство, что в научный оборот впервые вводится целый комплекс источников, раскрывающих различные стороны деятельности интендантства русской армии (это, прежде всего деловая переписка, непосредственно относящаяся к делопроизводству в самом интендантстве, следственные дела по хищениям в интендантстве, неофициальная переписка), а также материалы, по-новому иллюстрирующие процессы, происходившие в интендантстве русской армии во второй половине XIX–начале XX века, на основании анализа которых

формируется целостное представление о системе интендантского управления, вертикали власти и том влиянии, которое оказывали военные компании на ее изменение.

Теоретическая и практическая значимость работы. Результаты диссертационного исследования могут быть использованы и уже используются в процессе преподавания в высших учебных заведениях по курсу «Русская военная история», «История русского военного костюма», а также при подготовке спецкурсов по истории вещевого довольствия (курс «История русского военного костюма» автор читает в Санкт-Петербургском государственном университете технологии и дизайна).

Итоги исследования могут быть использованы при последующем изучении проблем военной истории периода второй половины XIX–начала XX века. Результаты анализа послужат основой для дальнейшего исследования в области истории становления и развития интендантской службы Русской императорской армии. Откроют новые возможности для дальнейшей систематизации фондов вещевого довольствия Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи.

Системное изучение процессов, происходивших в недрах интендантского управления, поможет ответить на многие вопросы, стоящие перед исследователями, занимающимися историей второй половины XIX–начала XX века и послужит основой для дальнейших исследований по истории не только интендантства, но всего Военного ведомства.

Это в свою очередь позволит сделать выводы по построению современной системы обеспечения интендантского довольствия и разработать конкретные рекомендации.

Результаты исследования могут быть полезны экспертам и специалистам, занимающимся историей русско-турецкой 1877–78 гг., русско-японской и Первой мировой войн, представителям службы тыла Министерства Обороны Российской Федерации. Часть диссертационного исследования, касающаяся системы вещевого довольствия, представляет особый интерес для хранителей

фондов костюма в ведущих музеях России: Государственный Эрмитаж, Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи, Государственный музей-заповедник «Царское Село» и др.

Апробация результатов исследования. Основное содержание диссертационного исследования и главные его выводы были изложены в докладах и сообщениях на международных, всероссийских, межвузовских научных конференциях и семинарах, организованных кафедрой русской истории РГПУ им. А. И. Герцена (1997, 1998, 1999), на конференциях: История и психология (1999–2000), на вологодской конференции «Воинский подвиг защитников Отечества», на всероссийской научной конференции «Общество и власть», организованной кафедрой истории России и зарубежных стран Республиканского гуманитарного института Санкт-Петербургского государственного университета (2003). На ежегодной международной научной конференции «Мода и дизайн: исторический опыт — новые технологии» (2000, 2001, 2002, 2004, 2005) и отражены в опубликованных тезисах докладов.

Материалы диссертации отражены в монографиях «Из истории военного Петербурга» (2003), «Интендантское снабжение русской армии накануне и в годы Первой мировой войны» (2004), «Интендантское снабжение русской армии во второй половине XIX–начале XX в.» (2005) и в книге «Русский военный костюм 1907–1917» (2005), допущенной учебно-методическим объединением вузов Российской федерации по образованию в области дизайна и изобразительных искусств в качестве учебного пособия для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности 052400 – Дизайн, а так же в 24 других научных публикациях.

Структура диссертации определена целью и задачами исследования. Работа состоит из введения, четырех глав, разбитых на параграфы (всего их — 13), заключения, списка использованной литературы и источников, а также 15 приложений.

Глава 1. Интендантство русской армии как объект исторического исследования

1.1. Историография вопроса

В отечественной историографии на сегодняшний момент нет специальных работ, посвященных истории интендантского снабжения во второй половине XIX — начале XX века. В работах, касающихся действий русской армии в военные компании этого периода, преобладают описание и разбор хода боевых действий, тактики, стратегии, технической и организационно-структурных сфер. Хотя в последнее время и появляются работы по истории военного хозяйства, но, ввиду того, что их авторы выбирают для рассмотрения этого вопроса слишком большой промежуток времени, их исследования теряют должную проработанность[1].

Вместе с тем отдельные вопросы, связанные с некоторыми аспектами предмета нашего исследования, затрагиваются в работах, посвященных русской армии и истории военных реформ 60–70-годов XIX века, истории русско-турецкой войны 1877–78 гг., русско-японской и Первой мировой войн.

Еще до революции появляются работы, в которых, в частности, анализируется система военного хозяйства на примере русско-турецкой и русско-японской воин (по понятным причинам подобных исследований по истории Первой мировой войны выйти просто-напросто не успело). Заметим, что эти работы принадлежат в основном военным специалистам, которые исследовали тыловое и военно-хозяйственное устройство армии, и чаще всего они издавались как учебные пособия для Интендантской академии. Среди последних особо хотелось бы выделить фундаментальный труд по организации

[1] Вещиков П. И. Военное хозяйство — тыл вооруженных сил России (XVIII–XX вв.). М., 2003.

военного хозяйства Ф. А. Макшеева[2]. В этой работе подробнейшим образом описываются все стороны организации военного хозяйства, книга изобилует большим количеством примеров по ведению интендантского хозяйства в мирное время.

Также крайне интересна работа генерал-майора Н. Н. Янушкевича «Организация и роль интендантства в современных армиях. На войне»[3], посвященная организации и роли интендантства в «современных армиях» в условиях войны. В ней автор подробно разбирает опыт деятельности интендантства в русско-турецкую и русско-японскую войну, что позволяет ему вывести закономерности в организации и деятельности интендантских служб.

Весьма актуальны для нашего исследования работа В. Аничкова «Военное хозяйство. Сравнительное исследование положительных законодательств России, Франции, Пруссии, Австрии, Сардинии, Бельгии и Баварии»[4] и работа М. А. Газенкампфа «Военное хозяйство»[5], в которой уделяется особое внимание вопросам системы заготовления, хранения и распределения интендантского довольствия.

При изучении истории интендантства не обойтись и без использования юбилейного издания «Двухсотлетие интендантства», подготовленного и изданного в Санкт-Петербурге в 1900 г. Небольшую историческую справку по истории Интендантства можно обнаружить в XI томе «Военной энциклопедии» издательства И. Д. Сытина[6]. Она дает общее представление о этапах развития

---

[2] Макшеев Ф. А. Военное хозяйство. Курс Интендантской академии. СПб., 1913.

[3] Янушкевича Н. Н. Организация и роль интендантства в современных армиях. На войне. СПб., 1910.

[4] Аничков В. Военное хозяйство. Сравнительное исследование положительных законодательств России, Франции, Пруссии, Австрии, Сардинии, Бельгии и Баварии. СПб., 1860.

[5] Газенкампф М. А. Военное хозяйство. СПб., 1890.

[6] Военная энциклопедия. Издание И. Д. Сытина. СПб., 1913.

интендантских органов начиная от эпохи их зарождения вместе с образованием русской регулярной армией до периода начала XX века.

Отдельные аспекты снабжения войск отражены и в работах А. М. Пучковского, А. Т. Борисевича, И. Николаева, В. Недзвецкого[7], также вышедших до революции. В них авторы анализируют деятельность интендантства в области обеспечения продовольствием, квартирным и вещевым довольствием, не выходя еще на вопросы взаимодействия всех структур интендантского управления.

В общих работах, посвященных русской армии конца XIX — начала XX вв., содержатся отрывочные сведения об армейском быте: это труды Н. Бутовского «Очерки современного офицерского быта»[8], А. Риттиха «Русский военный быт в действительности и мечтах»[9], Л. Третеского «Опыт 12-ти летнего командования ротой»[10]. Ценность этих работ заключается в том, что авторы, будучи сухопутными офицерами, описывают быт армии изнутри.

Русско-турецкая война 1877–1878 гг. явилась существенным рубежом в развитии военного искусства, и с самого момента ее окончания она стала объектом самого пристального внимания военной теории и военно-исторической науки: никакую другую войну русская военная мысль не исследовала столь подробно и всесторонне. Обобщение опыта войны в значительной степени было поставлено под официальный контроль: в эту работу активно включилось военное ведомство.

---

[7] Пучковский А. М. Исторический очерк пищевого довольствия русской армии. СПб., 1913; Борисевич А. Т. Организация, расквартирование и передвижение войск. СПб., 1902; Николаев И. Суконная промышленность в России // Интендантский журнал. 1900. № 1; Недзвецкий В. Интендантство в XIX веке // Интендантский журнал. 1900. № 1.

[8] Бутовский Н. Очерки современного офицерского быта. СПб., 1899.

[9] Риттих А. Русский военный быт в действительности и мечтах. СПб., 1893.

[10] Третеский Л. Опыт 12-ти летнего командования ротой. Киев, 1901.

Подобное явление можно объяснить несколькими причинами. Во-первых, это была первая война, которую вела Россия в пореформенный период. Во-вторых, война 1877–1878 годов проходила в условиях возрастающего воздействия на военное дело целого ряда достижений науки и техники: железные дороги, телеграф, скорострельное оружие — все это определенным образом видоизменяло стратегические и тактические установки действующей армии. В-третьих, война 1877–1878 гг. потребовала от России значительных военных усилий. Впервые на театрах военных действий оказались столь значительные вооруженные силы. Война имела победоносный исход для России, однако эта победа далась нелегко и пришла не сразу.

Русские военные историки последней трети XIX — начала XX века внесли значительный вклад в изучение этой войны. Необходимо выделить две стороны исследовательской деятельности, которую провели военные историки России в ходе разработки проблем русско-турецкой войны:

1. Осмысление исторического места данной войны. Эта задача реализовывалась посредством изучения причин войны, ее характера, ее исторических результатов.

2. Изучение войны с точки зрения эволюции военного искусства, стремление оценить тот опыт и вклад, который внесла война в развитие тактики, стратегии, военного управления, в том числе и работы интендантских органов, непосредственного предмета нашего исследования.

Для понимания общих процессов, происходивших в русской армии накануне и во время русско-турецкой войны, не обойтись без привлечения общих работ по истории данной компании, вышедших как сразу по ее окончании, так и в последующий период.

Среди них хотелось бы отметить исследование А. К. Пузыревского «Русская армия перед войной 1877–1878 гг.»[11] и его же работу «Десять лет

[11] Пузыревский А. К. Русская армия перед войной 1877–1878 гг. СПб., 1889.

назад. Война 1877–1878 гг.»[12], в которых автор подробным образом освещает состояние русской армии накануне и непосредственно во время войны, что дает возможность проследить те изменения, которые происходят в системе интендантского обеспечения, а также работу Н. Епанчина «Освободительная война 1877–1878 гг.»[13], позволяющую создать целостное представление непосредственно о ходе боевых действий.

Список исследователей, обращавшихся к изучению истории русско-турецкой войны, очень велик. Мы упомянем лишь некоторые работы, в которых наряду с общими вопросами затрагиваются и вопросы интендантского снабжения: это исследования В. Сыхра «Восточная война 1877–1878 гг. по официальным и другим сведеньям»[14] и М. А. Домонтовича «Обзор русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на Балканском полуострове»[15], содержащие сведения о службе тыла, незначительные, но весьма полезные для понимания причин принятия тех или иных стратегических решений.

В свете рассмотрения вопросов интендантского снабжения в годы русско-турецкой большой интерес представляет также и работа Н. Г. Филимонова «Постепенное развитие мероприятий по мобилизации русской кадровой армии в XIX столетии»[16], которая дает возможность оценить масштабы необходимого довольствия для нужд действующей армии в зависимости от реализации мобилизационного плана.

---

[12] Пузыревский А. К. Десять лет назад. Война 1877–1878 гг. СПб., 1887.

[13] Епанчин Н. Освободительная война 1877–1878 гг. СПб., 1902.

[14] Сыхра В. Восточная война 1877–1878 гг. по официальным и другим сведеньям. СПб., 1879.

[15] Домонтович М.А. Обзор русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на Балканском полуострове. СПб., 1900.

[16] Филимонов Н.Г. Постепенное развитие мероприятий по мобилизации русской кадровой армии в XIX столетии. СПб., 1908.

Важнейшая проблема интендантского снабжения — проблема продовольственного обеспечения — отражена в работах В. О. Баранова «Записка о преобразовании системы заготовки продовольствия и транспортирования припасов для войск Задунайской армии» и Н. Д. Шигарина «Евреи, продовольствовавшие нашу армию в последнюю турецкую войну»[17].

Целый ряд исследователей как дореволюционных, так и советских обращались к изучению вопросов интендантского снабжения военно-врачебных учреждений. Среди дореволюционных исследований особо хотелось бы отметить труды Н. И. Пирогова — «Военно-врачебное дело и частная помощь на театре войны в Болгарии и в тылу действующей армии в 1877–1878 гг.»[18], посвященная общим вопросы организации медицинской помощи больным и раненным во время войны, и К. К. Искерского «Причины развития тифозных эпидемий, от которых таяли наши войска во время войны 1877–1878 гг. Меры против этого зла в будущем»[19], поднимающая проблему инфекционных заболеваний и причины их возникновения, в частности в аспекте интендантского снабжения. Отдельного внимания заслуживает работа Ф. И. Фейгина — «Недостатки врачебной помощи в нашей действующей армии в компанию 1877–1878 гг. Заметки полевого хирурга»[20], также как и работа А. С. Георгиевского и З. В. Мицова «Медицинская общественность и военная медицина в Освободительной войне на Балканах в 1877–1878 гг.»[21]. В этих

---

[17] Шигарина Н.Д. Евреи, продовольствовавшие нашу армию в последнюю турецкую войну. В 2-х вып. Киев, 1878.

[18] Пирогов Н.И. Военно-врачебное дело и частная помощь на театре войны в Болгарии и в тылу действующей армии в 1877–1878 гг. СПб., 1914.

[19] Искерский К. К. Причины развития тифозных эпидемий, от которых таяли наши войска во время войны 1877–1878 гг. Меры против этого зла в будущем. СПб., 1897.

[20] Фейгин Ф. И. Недостатки врачебной помощи в нашей действующей армии в компанию 1877–1878 гг. Заметки полевого хирурга. СПб., 1895.

[21] Георгиевский А. С., Мицов З. В. Медицинская общественность и военная медицина в Освободительной войне на Балканах в 1877–1878 гг. М: Медицина, 1978.

трудах детально исследуются недостатки как в снабжении военно-врачебных заведений, так и в целом в организации медицинской помощи на театре военных действий. Труды Г. М. Герценштейна «Военно-санитарные порядки восточной войны»[22] и С. Штерна «Из недавнего прошлого. Очерки некоторых хозяйственных и санитарных распорядков в последнюю Русско-турецкую войну»[23] тоже содержат дополнительные сведения общего характера по организации системы интендантского снабжения военно-врачебных заведений.

Проблема военно-судной части освещается в труде Н. А. Максимова «Статистический очерк военно-судной части во время войны 1877–1878 г на Балканском полуострове»[24], дающем представление о количестве военных чиновников, привлеченных к суду, и тем самым позволяющем представить и описать слабые места в системе интендантского снабжения действующей армии.

Множество публикаций посвящено и истории русско-японской войны. Среди общих работ, в которых отражен вопрос нашего исследования, хотелось бы отметить труд Военно-исторической комиссии по описанию войны «Тыл действующей армии. Организация и деятельность управления действующей армии»[25].

Несомненный интерес представляют и общие исследования, затрагивающие конкретные виды довольствия или носящие региональный характер. К этой категории относятся, к примеру, публикации К. П. Гбера

---

[22] Герценштейн Г. М. Военно-санитарные порядки восточной войны. СПб., 1881.

[23] Штерн С. Из недавнего прошлого. Очерки некоторых хозяйственных и санитарных распорядков в последнюю Русско-турецкую войну. Иркутск. 1886.

[24] Максимов Н.А. Статистический очерк военно-судной части во время войны 1877–1878 г на Балканском полуострове. Ч. 1–2. СПб., 1879–1880.

[25] Тыл действующей армии, ч. 1. Организация и деятельность управления действующей армии. СПб., 1910. Работа Военно-исторической комиссии по описанию войны, т. VII, ч. 1.

«Расходы на продовольствие Маньчжурской армии в войну 1904–1905 гг.»[26] и Н. А. Ухач-Огоровича «К вопросу о транспортах Маньчжурской армии. По поводу работ военно-исторической комиссии по описанию русско-японской войны»[27], хотя объективность последней работы следует подвергнуть сомнению, поскольку ее автор впоследствии сам был осужден за хищения в особо крупных размерах и, видимо, в своих работах в большей степени решал вопрос собственного оправдания. Региональный характер носит работа С. Виноградова «Интендантство в Порт-Артуре. Опыт исследования по официальным документам»[28]. Эта работа интересна тем, что она позволяет на примере крепости воссоздать в целом замкнутую систему интендантского довольствия.

Нельзя обойти вниманием работы, посвященные вопросу хищений чинами интендантского ведомства. К этой категории относятся в частности многочисленные публикации Ф. П. Купчинского, к примеру, «Герои тыла. Очерк преступной деятельности чинов Интендантского ведомства во время русско-японской войны»[29] и В. Кашеринова «Старое вино в новых мехах (По поводу отчета ген. Губера о деятельности интендантства в русско-японскую войну)»[30]. В них приводятся многочисленные примеры по злоупотреблению в интендантском ведомстве, анализируются механизмы и причины этого явления.

---

[26] Гбер К.П. Расходы на продовольствие Маньчжурской армии в войну 1904–1905 гг. СПб., 1911.

[27] Ухач-Огорович Н.А. К вопросу о транспортах Манчжурской армии. По поводу работ военно-исторической комиссии по описанию русско-японской войны. Киев? 1910.

[28] Виноградов С. Интендантство в Порт-Артуре. Опыт исследования по официальным документам. Хабаровск, 1908.

[29] Купчинский Ф. П. Герои тыла. Очерк преступной деятельности чинов Интендантского ведомства во время русско-японской войны. СПб., 1908.

[30] Кашеринов В. Старое вино в новых мехах (По поводу отчета ген. Губера о деятельности интендантства в русско-японскую войну). Курск, 1906.

Однако повышенный интерес к Дальнему Востоку стал проявляться еще задолго до русско-японской войны. Это было связано с занятием Россией Порт-Артура. В работах конца 1890-х — начала 1900 годов, хотя и эпизодически, но достаточно подробно описывается повседневная жизнь, что представляет существенную ценность для нашего исследования, поскольку дает возможность собрать и проанализировать сведения о военном быте, чтобы выяснить в ходе дальнейшего исследования, каким образом интендантское снабжение позволит поддерживать его на уровне довоенного. Сведения эти еще не затемняются событиями войны, и представлены в исследованиях более или менее равномерно. Так, информацию о бытовых особенностях русской колонизации можно обнаружить в работе Д. И. Шрейдера «Наш Дальний Восток»[31], целый раздел посвящает повседневной жизни Порт-Артура Г. Козьмин в своем труде «Дальний Восток»[32]. Задумывая эти исследования как краеведческие, авторы обращают внимание на многие бытовые мелочи, особенно важные для предмета нашего исследования.

Наиболее сильный всплеск интереса к событиям русско-японской войны и обороны Порт-Артура имел место во время и сразу после завершения войны. Русское общество испытало шок от провальных операций в Маньчжурии и трагедии при Цусиме. На военные поражения наложились внутренние катаклизмы — революционные события 1905–1907 гг., активные изменения в общественно-политической жизни страны. В ходе этой войны армия постоянно отступала, флот практически прекратил свое существование, и на этом фоне лишь Порт-Артур выглядел очагом героического сопротивления. Его сравнивали с Севастополем в Крымскую войну. Сообщения о его обороне, безусловно, влияли на общественное мнение. По крайней мере, водоворот революционных событий захлестнул страну уже после падения крепости. Но еще до этого, в 1904 г. вышло несколько работ военного и экономического

---

[31] Шрейдер Д. И. Наш Дальний Восток. СПб., 1897.

[32] Козьмин Г. Дальний Восток. СПб., 1904.

характера, которые были посвящены нашим дальневосточным рубежам. В исследовании П. Головачева «Россия на Дальнем Востоке»[33] помещены сведения о денежном содержании военнослужащих на Дальнем Востоке и о процессе ценообразования в регионе. Большая часть выходившей в период русско-японской войны литературы носила научно-популярный либо агитационно-патриотический характер. В качестве исключения можно назвать работу П. Н. Лащенкова «Гигиенические отряды на театре военных действий. Русско-японская война»[34], содержащую отрывочные сведения о санитарно-гигиенических условиях жизни на передовых позициях.

Ситуация меняется в 1905 году. В Россию возвращаются многие морские и сухопутные офицеры участники войны, отпущенные японцами под честное слово не принимать дальнейшего участия в текущей войне. Некоторые из них выступили в печати не только как мемуаристы, но и как исследователи неудач русской армии, поскольку обстановка в стране способствовала свободе высказывания самых различных суждений. В это время выходят критические труды офицеров – участников русско-японской войны. В исследованиях А. Геруа «После войны о нашей армии»[35], М. С. Галкина «Новый путь современного офицера»[36], Л. З. Соловьева «Указание опыта текущей войны на боевых действиях пехоты»[37] затрагиваются отдельные вопросы, связанные с обмундированием, досугом солдат, взаимоотношениями в их среде.

Некоторые аспекты, составляющие историю интендантского снабжения, нашли отражение в специальных трудах, в частности, это касается форменного обмундирования. В этой связи необходимо назвать работы медиков:

---

[33] Головачев П. Россия на Дальнем Востоке. СПб., 1904.

[34] Лащенков П. Н. Гигиенические отряды на театре военных действий. Русско-японская война. Харьков, 1904.

[35] Геруа А. После войны о нашей армии. СПб., 1907.

[36] Галкин М. С. Новый путь современного офицера. М., 1906.

[37] Соловьев Л. З. Указание опыта текущей войны на боевых действиях пехоты. СПб, 1905.

И. И. Тржемесского «Исследование и оценка с гигиенической точки зрения одежды нижних чинов русского флота» и Н. Н. Костямина «Способы исследования тканей одежды с точки зрения гигиены»[38], дающие всестороннюю оценку обмундирования, в котором воевали порт-артурский гарнизон и эскадра, с точки зрения удобства его ношения.

Вообще труды медиков дают богатый материал, связанный с историей интендантского снабжения русского Порт-Артура в 1904 году. В первую очередь необходимо назвать исследование В. Б. Гюббенета «В осажденном Порт-Артуре. Очерк военно-санитарного дела и заметки по полевой хирургии»[39]. Исследуя болезни защитников крепости, Гюббенет подробно анализирует условия проживания, питания гарнизона, его психологическое состояние. Проблемам адаптации человека на войне посвящены работы Г. Шумкова «Рассказы и наблюдения из русско-японской войны (военно-психологические этюды)» и «Первые шаги психиатрии во время русско-японской войны в 1904–1905 гг.»[40].

Если в первые несколько лет после окончания русско-японской войны выходили в основном исследования, посвященные наиболее злободневным проблемам русской армии и флота, то перед Первой мировой войной появляются более фундаментальные труды. Из таковых следует упомянуть работы В. Черемисова «Русско-японская война 1904–1905 гг.»[41], А. Свечина

---

[38] Тржемесский И. И. Исследование и оценка с гигиенической точки зрения одежды нижних чинов русского флота. СПб., 1913; Костямин. Н. Н. Способы исследования тканей одежды с точки зрения гигиены. СПб., 1909.

[39] Гюббенет В. Б. В осажденном Порт-Артуре. Очерк военно-санитарного дела и заметки по полевой хирургии. СПб., 1910.

[40] Шумков Г. Рассказы и наблюдения из русско-японской войны (военно-психологические этюды). Киев, 1905; Он же. Первые шаги психиатрии во время русско-японской войны в 1904–1905 гг. Киев, 1907.

[41] Черемисов В. Русско-японская война 1904–1905 гг. Киев, 1907.

«Предрассудки и боевая действительность»[42], А. В. Шварца и Ю. Д. Романовского «Борьба за Порт-Артур»[43], в которых дается систематическое описание войны и осады Порт-Артура: вопросы продовольственного, вещевого снабжения, условия проживания, распорядка дня на позициях вписаны в общую картину обороны Порт-Артура. Однако названные аспекты не составляют содержания отдельных глав или параграфов, они выступают лишь фоном, на котором исследуется история военных действий. Эта же особенность характерна и для более узкого исследования С. А. Цабеля «Типы полевых оборонительных построек, применявшихся во время русско-японской войны»[44].

Во всех исследованиях, посвященных русско-японской войне, главенствовало изучение сугубо военной истории, а история интендантского снабжения в лучшем случае занимала в них второстепенное положение и не была представлена системно.

В целом дореволюционная историография русско-японской войны представлена значительно более обширным количеством работ, чем таковая же советского периода: в это время внимание историков, в том числе и военных, приковано к Первой мировой и гражданской войнам. Исследовательский интерес к русско-японской войне и Порт-Артуру вновь проявился в конце 1920х–1930х годах. Это было связано с обращением к истории военного искусства в высших военных учебных заведениях Советского союза. Поэтому работы данного периода принадлежали, как правило, перу военных. Среди этих работ следует назвать труд известного инженера Д. Карбышева «Оборона Порт-Артура (1904)»[45], где можно найти данные по продовольственному рациону защитников крепости, однако в работе отсутствует освещение динамики

---

[42] Свечин А. Предрассудки и боевая действительность. СПб., 1907.

[43] Шварц А. В. Романовский. Ю.Д. Борьба за Порт-Артур. СПб., 1907.

[44] Цабель С. А. Типы полевых оборонительных построек, применявшихся во время русско-японской войны. СПб., 1907.

[45] Карбышев Д. Оборона Порт-Артура (1904). М., 1933.

изменений продовольственных выдач. Обширное исследование, посвященное тактике военных действий, провел комбриг Н. А. Левицкий («Русско-японская война 1904–1905 гг.»[46]), несомненной заслугой которого является собранный им и задействованный при написании книги обширный справочный аппарат, указания на литературу и источники. В 1939 г. вышел в свет перечень В. В. Лучинина «Русско-японская война 1904–1905 гг. Библиографический указатель книжной литературы на русском и иностранных языках»[47], в который вошли опубликованные источники и литература по русско-японской войне и Порт-Артуру с 1904 по 1939 гг., однако некоторые работы дореволюционного периода в этот указатель не включены. В работе Б. Колчигина и Е. Разина «Оборона Порт-Артура в русско-японскую войну 1904–1905 гг.»[48], как и в дореволюционных обобщающих трудах о Порт-Артуре, история повседневности носит характер малозначимых эпизодических вкраплений в повествование.

Выходили в свет работы, посвященные русско-японской войне и обороне Порт-Артура, и в период сразу после второй мировой войны. Послевоенный СССР вернул и приумножил внешнеполитические завоевания Российской империи: с 1945 по 1955 гг. Порт-Артур вновь становится нашей военно-морской базой на Дальнем Востоке. В 1952 г. появляется основательный и разносторонний труд А. И. Сорокина «Оборона Порт-Артура»[49]. Сорокин касается вопросов продовольственного и денежного обеспечения чинов гарнизона крепости, однако уделяет им гораздо меньшее внимание, чем собственно военной истории осады, а кроме того, его выводы о продовольственных запасах защитников сделаны без систематического анализа

---

[46] Левицкий Н. А. Русско-японская война 1904–1905 гг. М., 1938.

[47] Лучинин В. В. Русско-японская война 1904–1905 гг. Библиографический указатель книжной литературы на русском и иностранных языках. М., 1939.

[48] Колчигин Б., Разин. Е. Оборона Порт-Артура в русско-японскую войну 1904–1905 гг. М., 1939.

[49] Сорокин А. И. Оборона Порт-Артура. М., 1952.

ежедневных рационов. В то же время ряд выявленных бытовых фактов придают работе Сорокина определенную ценность в свете разработки темы истории военного снабжения в годы русско-японской войны. Идеологическая заданность и схематизм при изложении материала присутствуют в труде Е. Д. Черменского «Русско-японская война 1904–1905 гг.»[50]. Касаясь взаимоотношений в военной среде, Черменский трактует их исключительно негативно. Однако следует учесть, что подобные труды были написаны во времена господства известных идеологических установок в советской исторической науке.

Труды, написанные в 1960-е — 1970-е годы, обращают на себя внимание привлечением обширного круга исторических источников. Из таковых можно назвать исследования К. Ф. Шацилло «Русский империализм и развитие флота» (М., 1968) и «Россия перед первой мировой войной»[51]. Обращаясь в этих работах к обороне Порт-Артура, Шацилло дает оценку ряду экономических и финансовых аспектов из истории крепости, привлекая многочисленные архивные документы. Этими же достоинствами обладает труд И. И. Ростунова «История русско-японской войны 1904–1905 гг.»[52], снабженный богатым справочным аппаратом. В исследованиях этого периода дань идеологическим установкам отдается уже без видимого ущерба изображению исторической действительности, мнения и выводы авторы делают после глубокого анализа проблем, пользуясь обширной источниковой базой. В то же время и в этих трудах история интендантского снабжения и военной повседневности представлена эпизодическими, разрозненными факторами, оказываясь, как и в предыдущих исследованиях, в подчиненном положении.

---

[50] Черменский Е. Д. Русско-японская война 1904–1905 гг. М., 1954.

[51] Шацилло К. Ф. Русский империализм и развитие флота. М., 1968., Россия перед первой мировой войной. М., 1974.

[52] Ростунов И. И. История русско-японской войны 1904–1905 гг. М., 1977.

Из исследований, выходивших в 1990-х годах, следует отметить работу С. В. Волкова «Русский офицерский корпус»[53], описывающую в том числе бытовые аспекты жизни русских офицеров в начале XX века.

Говоря о материалах периодической печати, следует отметить, прежде всего, Военный и Морской сборники. На страницах этих изданий в 1905–1910-е годы велись оживленные дискуссии по самым разнообразным вопросам, связанным с минувшей русско-японской войной. Большая часть морских и сухопутных офицеров, выпустивших свои исследования о войне отдельными изданиями (уже упоминавшиеся Кладо, Капнист, Вердевский и др.), помещали статьи в Военном и Морском сборниках. Кроме них можно назвать работы М. Бубнова («Морской сборник», 1906, № 10–12 и 1907, № 1–6) и Тимченко-Рубана («Военный сборник», 1905, № 3–6).

Особый интерес представляют публикации, помещенные в Военно-медицинском журнале. Из них следует отметить работы медиков М. Д. Иссерсона («Военно-медицинский журнал», 1906, № 3), И. И. Кияницына («Военно-медицинский журнал», 1906, № 1), А. В. Сибирского («Военно-медицинский журнал», 1906, № 4). Рассматривая различные заболевания на полях русско-японской войны и в осажденном Порт-Артуре, эти исследователи проанализировали состояние обмундирования, условия питания и проживания защитников крепости и в целом участников войны. Попытку выявить основные параметры для характеристики военного быта предприняли В. Ластовкин и Б. Никольский («Военно-экономический журнал», 1993, № 12), описавшие основные элементы материального обеспечения во второй половине XIX века.

Подчеркнем еще раз, что все перечисленные монографии и статьи не являются специальными исследованиями по истории интендантского снабжения во время русско-японской войны. В большинстве из этих работ интересующая нас тема затрагивается эпизодически и не является основным предметом исследования. Ближе всего к теме нашего исследования находится

---

[53] Волков С. В. Русский офицерский корпус. М., 1993.

кандидатская диссертации А. В. Лысева «Русский Порт-Артур в 1904 г. История военной повседневности»[54], однако в ней рассматриваются вопросы военного довольствия лишь на примере защитников крепости.

Признавая ценность немногочисленных трудов по истории повседневности русской армии в конце XIX – XX начале вв., а также исследований советского и постсоветского периода, отметим, однако, что ни в одном из них не дается анализа всего комплекса аспектов, входящих в понятие военного хозяйства.

Специального исследования по истории интендантства русской армии накануне и в годы первой мировой войны в отечественной историографии также не существует, хотя отдельные вопросы, связанные со структурой и деятельностью этого ведомства, так или иначе затрагивались в исследованиях, посвященных русской армии и истории Первой мировой войны.

Из общих работ по истории Первой мировой войны, конечно же, нельзя не отметить вклад исследователей советского периода и, в первую очередь, труды А. М. Зайончковского[55], блестяще воссоздавшего в своем двухтомнике общую картину периода Первой мировой войны, и И. И. Ростунова «Русский фронт Первой мировой войны»[56]. Однако общее количество трудов по истории этой войны столь велико, что целесообразно остановиться на исследованиях, касающихся общих вопросов военного довольствия в период войны. Среди них особенно хотелось бы выделить работы В. Н. Савашкевича «Тыл русской армии в первой мировой войне 1914–1918 гг.»[57], Т. Я. Иконникова «Дальневосточный

---

[54] Лысев А. В. Русский Порт-Артур в 1904 г. История военной повседневности. Дис. на соискание ученой степени к. ист. наук. СПб., 2001.

[55] Зайончковский А. М. Мировая война 1914–1918. М., 1938. Т. 1–2.

[56] Ростунов И. И. Русский фронт Первой мировой войны. М., 1976.

[57] Савашкевич В. Н. Тыл русской армии в первой мировой войне 1914–1918 гг. Л., 1948.

тыл России в годы Первой мировой войны»[58], позволяющие реконструировать общую картину функционирования тыловых служб и интендантства в частности.

Диссертационных исследований по данной теме на сегодняшний день не существует, но можно выделить ряд работ, которые в той или иной степени затрагивали предмет нашего исследования. Так, например, А. А. Майоров обращался к деятельности Земгора по оказанию помощи русской армии в годы Первой мировой войны[59]. Также деятельностью Земгора занималась и Г. С. Акимова[60]. Т. М. Китанина досконально исследовала вопрос истории военно-промышленных концернов в годы войны[61]. Вопросу офицерского корпуса в годы войны посвящена диссертационная работа А. А. Курдюка[62]. Особо хотелось бы выделить диссертационное исследование Н. А. Шубина[63] по проблеме снабжения русской армии в условиях Первой мировой войны и работу С. Л. Сергеева о деятельности военно-промышленных комитетов в годы Первой мировой войны[64].

---

[58] Иконников Т. Я. Дальневосточный тыл России в годы Первой мировой войны. Хабаровск, 1999.

[59] Майоров А. А. Деятельность Земгора по оказанию помощи Русской армии в годы Первой Мировой войны. Орел, 1997.

[60] Акимова Г. С. Главный по снабжению армии комитет (Земгор) 1915–1918 гг. М., 1972.

[61] Китанина Т. М. Военно-промышленные концерны в России в годы Первой Мировой войны. Л., 1964.

[62] Курдюк А. А. Комплектование и расстановка офицерского корпуса русской армии в годы Первой Мировой войны. М., 1998.

[63] Шубин Н. А. Проблемы снабжения русской армии в условиях Первой Мировой войны: опыт взаимодействия государства и общественных организаций. 1914–1917 гг. М., 1997.

[64] Сергеев С. Л. Деятельность военно-промышленных комитетов в годы Первой Мировой войны. М., 1996.

Безусловный интерес представляют и научно-публицистические работы по данной теме, как, например, монография Н. Н. Яковлева[65]. Существенную помощь в работе оказали общие исследования по русскому военному искусству начала XX века[66].

Перейдем от обзора общих исследований к анализу историографии по конкретным темам параграфов нашего исследования.

Обращаясь к изучению вопроса вещевого довольствия русской армии, мы обнаруживаем, что до 1917 г. исследования по данной теме еще не успели появиться, за исключением трудов полковника В. К. Шенка и издания подполковника Н. Г. Невского, являющихся скорее источниками, нежели историческими исследованиями. О них мы поговорим ниже.

Первым крупным исследованием по истории вещевого снабжения русской армии в означенный период стала книга «Военная одежда русской армии», выпущенная в военном издательстве в Москве в 1994 г. Она является коллективным трудом группы авторов: М. М. Хренова, Р. Т. Зубова, И. О. Коновалова, Г. Н. Нестерова-Комарова, М. А. Теровкина. Эта книга написана на основе материалов музея Главного интендантского управления, в ней помещены уникальные фотоматериалы и литографии, что придает ей определенную ценность в контексте нашего исследования.

В 1998 г. в Москве была издана книга О. Леонова и И. Ульянова «Регулярная пехота 1855–1918», которая, наряду с богатейшим иллюстративным материалом, содержит интереснейшие архивные разработки по теме исследования. Однако в ней авторы в основном обращают внимание непосредственно на принятые образцы обмундирования и снаряжения, не вдаваясь в подробности самой системы вещевого довольствия.

Среди изданной за рубежом литературы по исследуемой теме выделяется наиболее фундаментальный труд В. В. Звегинцова «Формы русской армии

---

[65] Яковлев Н. Н. Последняя война старой России. М., 1994.

[66] Строков А. А. История военного искусства. СПб. 1994. Т. 5. Павлович М. Итоги мировой войны. М., 1924.

1914 г. Описания, рисунки, схемы»[67]. Изданная ротапринтным способом на русском и французском языках с черно-белыми иллюстрациями, эта книга дошла и до российского читателя. К великому сожалению, в этом замечательном для любителя истории труде отсутствует какая-либо источниковедческая основа. Автор, описывая предметы форменной одежды и снаряжения, не ссылается на соответствующие приказы, вследствие которых они появились, не уточняет времени их создания, что придает данному исследованию исключительно иллюстративный характер.

Стоит указать издания, которые незаменимы как вспомогательный материал. Особо выделим альбом «Гвардия императорской России 1896–1914 гг.» (347 страниц, на французском языке), изданный в Париже в 1986 г. потомками гвардейских офицеров Патриком де Гмелин и Жераром Гороховым. В нем можно найти цветные фотографии разных предметов униформы, а также черно-белые фотографии генералов, офицеров и солдат русской гвардии в различных видах форменной одежды того времени, собранные в семейных архивах русской эмиграции.

Не слишком многочисленна и историография вопросов лазаретного и госпитального довольствия. В годы Первой мировой войны вопрос организации медицинской помощи в целом специально не исследовался, появлялись работы лишь по отдельным узким направлениям публицистического характера, посвященные актуальным на тот момент проблемам. Ряд авторов занимались, например, насущными вопросами организации эвакуации, размещения раненых, беженского движения и т. д.: Ю. Г. Малис, П. Б. Хавкин, В. Зембржицкий, В. А. Оппель[68].

---

[67] Звегинцов В. В. Формы русской армии 1914 г. Описания, рисунки, схемы. Париж, 1959.

[68] Малис Ю. Г. Принципы эвакуации раненых. Вестник Красного Креста. Пг., 1914: №10; Хавкин П. Б. Распределительные госпитали в деле эвакуации современной медицины. Пг., 1916; Зембржицкий В. Подача помощи раненым и их эвакуация.

В 20–30-е гг. в ряде статей продолжают исследоваться вопросы, связанные с эвакуацией[69], в частности, появляются труды статистического характера[70], интересные для нас подсчетами санитарных потерь, данными о количестве и стоимости медикаментов, числе санитарно-транспортных средств и т. д. Нужно отметить, что к данным цифрам следует относиться с некоторой осторожностью, поскольку они не подтверждены документально (нет ссылок на архивные материалы). В 1947 году выходит публикация Л. С. Каминского и С. А. Новосельского[71] «Потери в прошлых войнах», в которой содержатся сведения ведомственного характера на основе данных Генерального и Главного Штабов, Ставки Верховного Главнокомандующего, Главного военно-санитарного управления.

В конце 30-х и на протяжении 40-х гг. преимущественно в военно-медицинских журналах начинают появляться публикации об организации медицинской помощи в Первую мировую войну[72], авторы которых обращаются к опыту предыдущей войны по вопросам снабжения, эвакуации и госпитализации, на основе чего даются инструкции и рекомендации к действию в новой войне.

Военный сборник. М., 1917. №4; Оппель В. А. Организация хирургической помощи. Принципы этапного лечения. Пг., 1917.

[69] Военно-санитарный сборник. М., 1925. Вып.2.

[70] Павлович М. Итоги Мировой войны. М., 1924. Россия в Мировой войне 1914–1918 гг. (в цифрах). М., 1925; Мировая война в цифрах, М.; Л. 1934.

[71] Каминский Л. С., Новосельский С. А. Потери в прошлых войнах. М., 1947.

[72] Бурденко Н. Об организации госпитализации и эвакуации раненых в Лодзинской операции // ВМЖ. 1938. № 6; Трескунова Б. Некоторые данные об организации госпитализации и эвакуации раненых во внутренние районы России в период 1914–1915 гг. // ВМЖ. 1939. № 7; Поляков Н. Г. Снабжение русской армии медицинским имуществом в войне 1904–05 и 1914–18 гг. // ВМЖ. 1942. № 4–5; Абрамов П. В. Инструкция по организации хирургической помощи раненым на фронте // ВМЖ. 1947. № 2.

В 1940 году публикуется большой труд профессора-хирурга В. А. Оппеля[73], участника Первой мировой войны, подробно описывающего реальную ситуацию в армии, связанную с организацией военно-санитарной службы, которую он наблюдал изнутри, будучи хирургом на Юго-Западном фронте. Оппель приводит статистические расчеты по санитарным потерям в русской армии, подробно описывает принципы и преимущества этапного лечения и т. д.

В 1941 году появляется статья А. П. Погребинского, посвященная общественным организациям Всероссийского земского и Городского союзов во время войны[74], где на основе опубликованных источников и материалов периодической печати кратко описывается и анализируется деятельность общественных организаций как в военно-санитарной, так и в политической сфере.

В 60-х годах в связи с 50-летием с начала Первой мировой войны, преимущественно в военно-медицинских изданиях появляются статьи, критически описывающие организацию медицинской помощи в царской армии и ее положительным изменениям[75].

В 60–70-е годы выходит значительное количество работ о деятельности общественной медицины в годы Первой мировой войны в связи со столетием появления земской медицины в России (1864 г.)[76].

---

[73] Оппель В. А. Очерки хирургии войны. Л., 1940.

[74] Погребинский А. П. К истории союзов земств и городов в годы империалистической войны. Исторические записки. 1941. Т. 12.

[75] Георгиевский А. С. Под гнетом неразрешимых противоречий.// ВМЖ. 1964. № 8.

[76] Заблудовский П. Е., Жук А. П. Столетие общественной медицины в России. // Очерки истории русской общественной медицины. М., 1965; Страшун И. Д. Появление земской медицины // Там же; Земский союз и Союз городов в борьбе с эпидемиями в годы I Мировой войны // Там же; Левит М. М. Становление общественной медицины в России. М., 1974; Петров Б. Д. Очерки истории

В это же время продолжают публиковаться исследования, свидетельствующие об интересе к деятельности общественных организаций. В 80-е гг. выходит серия работ А. Д. Степанского, носящих справочно-теоретический характер[77]. Исследования Г. С. Акимовой направлены на изучение деятельности общественных организаций Всероссийского земского и городского союзов после объединения в 1915 году в Земгор[78].

В 1994 году к 80-летию начала Первой мировой войны выходит сборник статей «Россия в I Мировой войне»[79]. Ряд статей в нем посвящен деятельности общественных организаций в деле помощи больным и раненым воинам[80], где наряду с исследованием и анализом политической деятельности союзов на основе архивных источников проводится изучение их деятельности в качестве организаторов медицинской помощи армии и населению. В данном сборнике опубликована статья Р. А. Лиферова, которая рассматривает вопросы, имеющие непосредственное отношение к лазаретному и госпитальному довольствию[81], однако работа этого ученого основана только на опубликованных источниках. Вопросу продовольственного довольствия посвящена монография В. И. Попова

отечественной медицины. М., 1962; Карпов Л. Н. Земская санитарная организация в России. Л., 1964.

[77] Степанский А. Д. Самодержавие и общественные организации в России на рубеже XIX–XX. М., 1980; Он же. Общественные организации в России рубеже XIX–XX. М., 1982.

[78] Акимова Г. С. Из истории организации устройства Земгора // Труды МГИАИ. М., 1970. Т.28; Она же. Документальные материалы Земгора и их организация // Труды МГИАИ. М., 1972. Т.29.

[79] Россия в I Мировой войне. Рязань, 1994.

[80] Аркелова М. П., Костюченко И. Ю. Кадеты и Всероссийский земский союз помощи больным и раненым воинам в годы Первой мировой войны // Россия в I Мировой войне. Рязань. 1994; Галкин П. В. Земство и I Мировая война // Там же.

[81] Лиферов Р. А. Организация медицинской помощи в русской армии в Первую мировую войну // Россия в I Мировой войне. Рязань, 1994.

«Довольствие мясом русской армии в Первую мировую войну 1914–1918 гг.»[82].

Итак, на сегодняшний день наиболее полно изучены вопросы боевых действий в компаниях второй половины XIX — начала XX века и лишь отдельные аспекты интендантского снабжения русской армии подверглись частичному рассмотрению. В большей степени это вопросы санитарного и госпитального довольствия и продовольствия, по вопросам же денежного и квартирного довольствия таких работ не существует. Комплексное рассмотрение вопросов интендантского довольствия проходило лишь в рамках курса Интендантской академии, что явно не достаточно для формирования целостного и объективного представления о системе интендантского довольствия в означенный период. По нашему мнению, тема интендантского снабжения русской армии еще далека от полной разработки и требует дальнейшего тщательного исследования на основании существующих неиспользованных архивных материалов и иных источников.

При этом правильная постановка и частичное разрешение нашими предшественниками ряда важных вопросов создали предпосылки, необходимые и достаточные для того, чтобы приступить к всестороннему теоретическому и конкретно-историческому анализу вопроса интендантского довольствия во второй половине XIX — начале XX века.

---

[82] Попов В. И. Довольствие мясом русской армии в Первую мировую войну 1914–1918 гг. М., 1942.

1.2. Источники по истории интендантского снабжения русской армии

Для раскрытия темы диссертационного исследования использовались различные документы, опубликованные в сборниках[83] и вышедшие отдельными изданиями[84], привлекалась периодическая печать (коллекции периодических изданий, хранящиеся в Российской национальной библиотеке (РНБ), Библиотеке Академии наук (БАН), библиотеке Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи). Помощь в выявлении периодических изданий оказали различные указатели[85].

Использование газетных и журнальных материалов дает возможность описать различное отношение (в зависимости от направленности издания) к происходящему отдельных общественных партий и групп. Нами были использованы такие издания, как «Русский Инвалид» (правительственное издание), «Русское Чтение» (газета либерального толка), «Вестник Красного Креста», «Военный сборник», «Интендантский журнал», «Церковный Вестник», «Военно-исторический сборник» за изучаемый период.

Специальный журнал Российского общества Красного Креста «Вестник Красного Креста» предоставляет возможность статистической работы, так как в нем ежемесячно публиковались списки жертвователей и пожертвованных сумм.

Особую роль для раскрытия темы сыграли выявленные и изученные материалы документальных и рукописных фондов четырех архивохранилищ:

---

[83] См., напр.: Сборник материалов к вопросу об устройстве санитарно-врачебной части в военное время. СПб., 1879; Санитарная служба русской армии в годы Первой Мировой войны 1914–1918 г. Куйбышев. 1942.

[84] См., напр.: Временное положение о главном интендантском управлении. СПб., 1864.

[85] Каталог собрания Российской национальной библиотеки / Науч. ред. и рук. раб. Г. В. Михеева. Сост.: И. А. Снигирева (отв. сост.). СПб., 2003; Периодическая печать в России в 1917 году. Библиографический указатель. В 3-х ч. / Ред. кол.: Л. А. Шилов (пред.) и др. Сост.: Т.С. Григорьянц (рук. гр.) и др. Л., 1987.

Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), Российского государственного исторического архива (РГИА), Российского государственного архива военно-морского флота (РГА ВМФ), Исторического архива Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (ИА ВИМАИВ и ВС).

Большой интерес для нашего исследования представил Ф. 1623 (Оп. 1) Российского Государственного исторического архива (Фонд князей Вяземских). Кн. Дмитрий Леонидович Вяземский был гласным петербургской Городской Думы, а во время Первой мировой войны состоял в должности начальника 17-го передового отряда Красного Креста. Ряд дел из данного фонда позволил создать некоторое представление о работе земств, вошедших во Всероссийский земский союз, на примере Тамбовского земства. Также большой интерес для нас представляет Ф. 759 (Собственной Е. И. В. Канцелярии по учреждениям Императрицы Марии) и Ф. 1414, Оп. 1 (Журналы межведомственного совещания для рассмотрения проектов представлений гражданских ведомств в Совет Министров об ассигновании чрезвычайных сверхсметных кредитов на расходы военного времени (1915–1917)). Они позволили яснее представить систему финансирования деятельности различных организаций и ведомств в деле организации медицинской помощи больным и раненым в годы Первой мировой войны.

Для разработки вопроса лазаретного и госпитального довольствия из неопубликованных источников были изучены приказы и приказания по действующим армиям за 1914–1917 гг. Они помогали прослеживать общее состояние организации медицинской помощи по всем фронтам, учитывать санитарную специфику того или иного района в зависимости от территориального расположения, климатических условий и хода боевых действий.

Из хранилищ Российского государственного архива Военно-морского флота использованы материалы пяти фондов. Поиск в РГАВМФ велся в первую

очередь с целью изучения вопроса организации интендантских поставок в годы русско-японской войны, прежде всего в осажденный Порт-Артур.

В фонде 650 (Эскадра Тихого океана, 1898–1905) собраны все распоряжения флагманов и штабов 1-й Тихоокеанской эскадры, как подлинники (например, Оп. 1. Д. 615 «Журнал для записи циркуляров штаба временно исполняющего должность командующего эскадрой Тихого океана»), так и копии документов, связанных непосредственно с военным бытом (например, Оп. 1., Д. 606 «Циркулярные приказания начальника штаба эскадры Тихого океана».)

Фонды Военно-морского архива содержат также обширную информацию по бытовой жизни сухопутного гарнизона Порт-Артура. Наиболее полно эта информация представлена в Ф. 650. Оп. 1. Д. 517 («Приказы по гарнизону»). Содержащиеся в делах этого фонда ведомости и переписка заставляют по-новому взглянуть на уровень и источники питания чинов военного ведомства в блокированном Порт-Артуре.

Информацию о расквартировании, бытовых удобствах и строительстве в г. Порт-Артуре представляют материалы фонда 907 (Управление строителя Порт-Артура. 1900– 1904).

Еще одну группу материалов, хранящихся в РГАВМФ, составляют частные письма, записные книжки, воспоминания, оставленные участниками событий. Все они сосредоточены в фонде 763 (Русско-японская война 1904–1905 гг. Коллекция).

При написании докторской диссертации также использовались материалы музейных фондов. Богатейшая коллекция документальных материалов хранится в Военно-историческом музее артиллерии, инженерных войск и войск связи. Особый интерес представляют фонды Исторического архива этого музея. В них исследователю доступны систематические и хронологические сборники приказов, циркуляров, постановлений, объявленных по Военному ведомству

или Главному интендантскому управлению[86]. Подобные документы помогают выделить весь комплекс предметов вещевого и госпитального довольствия и проследить динамику изменений образцов, происходившую в недрах Технического комитета Главного интендантского управления.

Круг источников рассматриваемой нами темы весьма обширен: это опубликованные приказы и циркуляры по Военному ведомству, циркуляры Главного интендантского управления, приказы и циркуляры по действующей армии и отдельным управлениям, ведомственная переписка.

Классификация исторических источников представляется необходимым элементом исследовательской деятельности. Источники условно можно разделить на следующие виды (группы)[87]:

1. Законодательные акты.
2. Делопроизводственные документы.
3. Документы общественных организаций.
4. Периодическая печать.
5. Источники личного происхождения[88].

Наибольший массив документов по истории интендантского снабжения русской армии хранится в Российском государственном военно-историческом архиве г. Москва.

---

[86] Например: ИА ВИМАИВ и ВС Ф. 23. Оп. 88. Д.7. «Систематический и хронологический сборник всех постановлений, объявленных в приказах и циркулярах по Военному ведомству с 1855 по 1874 г. включительно, с подробным описанием всех перемен в обмундировании, вооружении и снаряжении войск».

[87] При анализе источниковой базы исследования автор опирался на следующие работы: Ганелин Р. Ш., Куликов С. В. Основные источники по истории России конца XIX–начала XX в. Учебное пособие. СПб., 2000; Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: Учеб. пособие / И. Н. Данилевский, В. В. Кабанов, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцева. М., 1998.

[88] Например: Неопубликованные воспоминания защитников Порт-Артура (РГАВМФ. Ф. 650. Оп. 1. Д. 517).

В первую очередь интерес представляют материалы фонда 499 данного архива (Главного интендантского управления), где отложились приказы по Главному интендантскому управлению, циркуляры Главного интендантского управления и управлений различных военных округов, личные дела чинов интендантских управлений, судебные дела, проходившие по Главному интендантскому управлению и окружным интендантским управлениям, ежегодные отчеты Главного интендантского управления и окружных управлений. Многие из этих документов впервые введены автором в научный оборот.

Так, например, при изучении вопроса вещевого снабжения русской армии было обращено особое внимание на приказы и циркуляры Главного интендантского управления, которые собственно и являются основным объектом нашего исследования. Данный тип источников относится к законодательным актам. Отыскать соответствующий приказ можно в Алфавитном указателе приказов по Военному Ведомству и Циркуляров Главного Штаба за интересующий нас год (Российская национальная библиотека, библиотека ВИМАИВ и ВС). Наша задача облегчается тем, что приказы до 1911 г. включительно можно найти при помощи справочника «Полный и подробный алфавитный указатель приказов по военному ведомству, циркуляров, предписаний и отзывов Главного Штаба и прочих Главных управлений и приказов, предписаний и циркуляров по всем военным округам. За 52 года, с 1859 по 1911 г.»[89].

Поскольку строгой методики работы с приказами по Военному ведомству на настоящий момент не существует, мы предлагаем свою методику обработки этих документов. Первоначальной посылкой при разработке данной методики

---

[89] Полный и подробный алфавитный указатель приказов по военному ведомству, циркуляров, предписаний и отзывов Главного Штаба и прочих Главных управлений и приказов, предписаний и циркуляров по всем военным округам. За 52 года, с 1859 по 1911 г. В двух книгах. Составитель К. Патин. Издание третье, дополненное, под редакцией Л. Васильева, СПб., 1911.

послужил тот факт, что все приказы, издаваемые в течение года, по его завершении публиковались в Алфавитном указателе (Сборнике приказов по В. В.), а Циркуляры Главного интендантского управления — отдельным сборником. Какова же структура Алфавитного указателя? Приказы в нем расположены по номерам в зависимости от хронологии издания (причем номер страницы не играет роли, хотя он и указывается мелким шрифтом внизу), основная нумерация идет по номеру приказа. В верхней части листа указывается, например, следующее: Приказ № 100 и т. п. Поиск приказа осуществляется при помощи алфавитного указателя. Имеется и хронологический указатель приказов по Военному ведомству. Следует заметить, что в приказы по Военному ведомству чаще всего в качестве пояснения включались рисунки-схемы и комментарии. Это обстоятельство превращает их в целые комплексы источников (например, приказ № 100 за 1909 г., занимающий вместе с описаниями и приложениями 20 листов; приказ № 289 за 1909 г., вместе с комментариями — 36 листов). Обращаясь, например все к тому же вопросу вещевого снабжения, мы, получив информацию о тех или иных изменениях в форменной одежде или снаряжении, пытаемся определить, в связи с чем произошли данные изменения (создание более удобного, дешевого образца или же совокупность этих признаков и т. п.). Сложность работы заключается в том, что не все предметы снаряжения и элементы униформы появились в конкретный рассматриваемый период. Например, шинель, используемая в Первую мировую войну, появилась задолго до начала царствования Николая II, а именно в 1881 г., согласно приказу № 313. Следовательно, для первоначального воссоздания картины по определенным образцам обмундирования и снаряжения мы сначала должны выявить тот перечень предметов, который составлял униформу. Ответить на этот, наиболее сложный для исследователя вопрос мы можем с помощью приказов, регламентирующих порядок надевания предметов снаряжения[90]. Выявить

[90] Приказ по Военному Ведомству № 142 от 1915 г.

РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА

номер приказа, согласно которому появился тот или иной предмет довольствия, можно по уже упомянутому «Полному и подробному алфавитному указателю приказов по В. В.... За 52 года с 1859 по 1911 г.». Этот подход позволяет изучать вопросы не только вещевого довольствия, аналогичную методику мы применяем и по отношению к другим видам интендантского довольствия.

При всей ценности изучения этого материала, для составления полной картины интендантского довольствия в означенный период его оказывается недостаточно. Для проведения анализа — сопоставления идеальной картины, которую перед нами рисуют приказы и циркуляры, и реально существовавшей, — мы обращаемся к вспомогательным источникам, позволяющим в комплексе с объектом нашего исследования выявить действительную картину. В этом вопросе существенную помощь оказывают материалы все того же фонда Главного интендантского управления (Ф. 499), сосредоточенные в Российском Государственном Военно-историческом архиве в городе Москве. Это прежде всего деловая переписка в рамках Военного ведомства, на основе которой можно представить развитие того или иного вида интендантских поставок. В частности, если рассматривать интендантские поставки на примере все того же вещевого довольствия, при изучении всего комплекса документов становятся ясны причины введения униформы или снаряжения того или иного образца. В них также содержится информация, никак не отраженная в официальных приказах по Военному ведомству[91].

В этом же фонде находятся материалы по финансированию создания новых образцов; цены на предметы интендантского довольствия (которых не найти больше нигде, а они подчас играют ключевую роль в выборе как поставщиков, так образцов снаряжения[92]), что также проясняет для нас

[91] Например: История попытки внедрения «щитов» капитана Смердова (РГВИА. Ф. 499. Оп. 2. Д. 732. Л. 74).

[92] РГВИА. Ф. 499. Оп. 2. Д. 866. Л. 60–61 («Расчет ежегодной стоимости обмундирования и снаряжения строевого и нестроевого нижнего чина армейской пехоты по ценам сметы 1914г.»).

причины тех или иных изменений. Отчеты по испытанию тех или иных предметов форменной одежды и снаряжения, представленные в Главное интендантское управление и находящиеся в этом фонде, позволяют выявить причины принятия или отклонения того или иного решения[93].

Но это все материалы описательного характера, который необходимо дополнить иллюстративным материалом, что особенно значимо при рассмотрении вопроса вещевого довольствия. Таким источником служат труды полковника В. К. Шенка[94]. Сам полковник пишет о том, что цель его издания — помочь наглядно разобраться во вновь введенных формах (после 1906 г.) и уяснить расцветку приборных сукон, т. к. описания их, помещенные в приказах по Военному ведомству, не имеют самого главного — наглядности. Справедливость требует сказать, что издание подобного рода не являлось новостью. На предыдущий период в нашем распоряжении имеются выпущенные в 1894 г. «Наглядные таблицы форм обмундирования Российской Императорской Армии»; составленные С. Соважем и опубликованные Интендантством в 1904 г. «Таблицы отличий и форм обмундирования Русской армии», а также «Иллюстрированное описание перемен в обмундировании» (1900). В издании полковника Шенка, где представлены главным образом парадная и походная форма офицеров и строевых нижних чинов, помимо наглядности преследовалась точность изображения форм обмундирования, которые сверены с описаниями, помещенными в приказах по Военному ведомству и циркулярах Главного Штаба, а равно и с образцами Технического комитета Главного интендантского управления.

---

[93] РГВИА. Ф.499. Оп. 2. Д. 701. Л. 10. («Об испытании в носке походного обмундирования»).

[94] Шенк В. К. Правила ношения формы одежды офицерами всех родов оружия и гражданскими чинами Военного Ведомства. СПб., 1911; Шенк В.К. Формы обмундирования русской армии. 32 наглядные таблицы новых форм, составленные на 1 апреля 1911 г. Спб., 1911.

Еще одним типом делопроизводственных документов являются судебно-следственные дела. Целый комплекс этих документов сосредоточен в РГВИА. Ярким примером такого вида источников выступает комплекс документов «О чиновниках и офицерах Интендантского ведомства, привлеченных к следствию и приданных суду. 22 января 1915 г. — 21 июля 1916 г.»[95].

Классификация судебно-следственных материалов составляет дополнительную проблему. В советском источниковедении судебно-следственные документы выделены из делопроизводственных документов и существовали как самостоятельный вид (разновидность) письменных источников, причем такое обособление проводилось для дореволюционного периода[96] истории нашей страны. Вместе с тем Р. Ш. Ганелин и С. В. Куликов такой разновидности источников в своем пособии не указывают. В советском и новейшем источниковедении существует также мнение о том, что судебно-следственные документы относятся к специальной системе судебно-следственного делопроизводства. В своей работе М. Ф. Румянцева объясняет это тем, что судебно-следственное делопроизводство имеет свою специфику. В качестве отличительных черт этого вида делопроизводства она указывает, во-первых, наличие следующих документов: протоколов допросов и собственноручные показания подследственных, а также доносов; во-вторых, «неординарность зафиксированных в них событий»; в-третьих, создание в ряде случаев для проведения следствия специальных органов следственных комиссий и комитетов[97]. Иначе говоря, судебно-следственные документы

---

[95] РГВИА Ф. 499. Оп. 8. Д. 385.

[96] Лаверычев В. Я. Судебно-следственные материалы и материалы карательных органов царизма как источник по истории России в период империализма // Источниковедение истории СССР XIX – XX в. Учебное пособие. Под ред. И. А. Федосова (отв. ред.). [М.,] 1970. С.208.

[97] Румянцева М. Ф. Исторические источники XVIII–начала XX века // Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: Учеб. пособие. М., 2004.

относятся к подвиду делопроизводству, но особому, отличному от обычного делопроизводства, применявшегося в государственных учреждениях. Принимая эту концепцию, мы включаем документы и материалы следственных комиссий в специальную систему судебно-следственного делопроизводства.

Для удобства работы все документы следует разделить в хронологическом порядке и прежде всего по военным компаниям. Тем более что по основным интересующим нас военным компаниям издавались отдельные сборники документов, включающие в себя дополнительный, не входящий в сборники приказов материал. Проблемно-хронологический метод позволяет воссоздать целостную картину происходивших событий, дать должную оценку эффективности деятельности интендантских служб русской армии.

Одним из первых опубликованных документов, без учета которого невозможен анализ интендантского снабжения русской армии в изучаемый период, является «Временное положение о Главном интендантском управлении»[98]. Обращение к этому документу позволяет смоделировать идеальную схему интендантского снабжения непосредственно от заготовок к поставкам в действующую армию и сравнить ее с реально функционирующей системой.

Из числа опубликованных источников по теме исследования, относящихся к законодательным актам, следует назвать прежде всего «Свод военных постановлений 1869». Это основной законодательный документ, затрагивающий все стороны армейской жизни в России второй половины XIX — начала XX века. Для нашего исследования непосредственный интерес представляют следующие книги «Свода...»: Книга XVIII. Заготовление и постройки по военному ведомству» (СПб., 1907); «Книга XIX. Довольствие войск» (СПб., 1911); «Книга XX. Внутреннее хозяйство частей войск» (СПб.,

[98] Временное положение о главном интендантском управлении. СПб., 1864.

1907), в которых представлена общая регламентация вопроса интендантского довольствия.

По истории русско-турецкой войны 1877–1878 гг. в нашем распоряжении имеется прекрасный «Сборник материалов», созданный военно-исторической комиссией, которая была образована 21 марта 1879 года при Главном штабе русской армии и сыграла видную роль в области оценки и обобщения опыта войны 1877–1878 гг. В самом деле, ни один из эпизодов военной истории России не получил столь подробного освещения в официальной литературе, в том числе и в аспекте интендантского снабжения действующей армии. Русско-турецкой войне в известном смысле слова «повезло» — ее история обеспечена многотомной публикацией документов и монументальным описанием. Не все из документальных публикаций по этой теме осуществлены Военно-исторической комиссией, однако наиболее основательный вклад в эту работу внесен именно ею.

«Сборник материалов» — многотомная публикация документов (97 выпусков, 112 книг), касающихся самых разных сторон войны на Балканском полуострове. Это самое большое издание документов по истории войн в дооктябрьский период («Сборник» содержит более полутора миллионов отдельных документов) и по сию пору представляет собой беспрецедентную публикацию по военным вопросам.

Совершенно очевидно, что источниковедческая значимость «Сборника материалов» во многом определяется объемом и характером документов, находившихся в распоряжении Военно-исторической комиссии и вошедших в него. В силу этого главной задачей является определение того места, которое занимает данная публикация во всем многообразии источников, относящихся к русско-турецкой войне.

Задача эта очень сложная. Ее порождает, и объем издания, и тот способ, которым оно было осуществлено. «Сборник» выходил в свет по мере готовности документов к публикации, между тем, как это явствует из самой структуры «Сборника», достаточно четкого плана, предшествующего этой

работе, не было. В силу этого содержательный критерий построения всего издания выдержан слабо, в нем нет отчетливых тематических группировок. Выпуски, содержащие документы боевых действий, перемежаются томами, касающимися инженерного дела либо интендантского обеспечения; в ряде случаев нарушен хронологический принцип подбора и публикации документов. Бесспорно, он является источником огромного фактического материала, использование которого позволяет воссоздать сложную и многогранную картину войны. Необходимо сказать, что война 1877–1878 годов была первой кампанией, когда широкое применение получил «боевой» документ, т. е. составляемые в ходе сражения и перед ним диспозиции, полевые записки, донесения и т. д. Это обстоятельство расширило возможности последующего исследовательского проникновения в существо событий войны. Однако значительная часть такого рода документов, особенно журналы боевых действий, фактически были восполнены уже после войны, ибо во время действий велись неполно и нерегулярно.

Все выпуски можно сгруппировать по тематическому признаку: во-первых, тома, относящиеся к предвоенному периоду и описывающие условия, в широком смысле слова, в которых начались военные действия; во-вторых, материалы, характеризующие состояние руководства и управления войсками; в-третьих, выпуски, относящиеся к боевым действиям и, наконец, в-четвертых, выпуски, раскрывающие различное обеспечение военных действий.

Среди опубликованных документов, не вошедших в «Сборник», хотелось бы выделить следующие публикации по основным вопросам интендантского снабжения и, прежде всего по продовольствию: «Материалы для составления отчета о продовольствии армии, в минувшую войну 1877–1878 гг., в Румынии и Европейской Турции. Систематическое изложение дел и сведений, собранных бывшею Комиссией для исследования действий, продовольствовавшего армию

товарищества Грегер, Горвиц и Коган»[99], «Особая комиссия для исследования действий полевого интендантства и бывшего товарищества по продовольствию действующей армии»[100]. Использование этих документов позволяет определить причины того или иного распределения подрядов на обеспечение действующей армии различными видами довольствия.

Целый ряд документов, доступных в опубликованном виде, посвящен отдельным вопросам интендантского снабжения и смежным с этой проблематикой вопросам. Так, по вопросу санитарного довольствия хотелось бы обратить внимание на «Сборник материалов к вопросу об устройстве санитарно-врачебной части в военное время»[101] и «Отчет по военно-медицинской части в Русско-Турецкую войну 1877–1878 гг., составленный по официальным данным под руководством и при непосредственном участии доктора медицины Н. Козлова, бывшего главного военно-медицинского инспектора»[102].

Для восстановления целостной картины системы интендантских поставок важны и документы, касающиеся транспортных вопросов. Среди них хотелось бы выделить следующие материалы: «Комитет по передвижению войск по железным дорогам и водным путем. Записка о порядке отправления с театра

---

[99] Материалы для составления отчета о продовольствии армии, в минувшую войну 1877–1878 гг., в Румынии и Европейской Турции. Систематическое изложение дел и сведений, собранных бывшею Комиссией для исследования действий, продовольствовавшего армию товарищества Грегер, Горвиц и Коган. СПб., 1881.

[100] Особая комиссия для исследования действий полевого интендантства и бывшего товарищества по продовольствию действующей армии. СПб., 1880.

[101] Сборник материалов к вопросу об устройстве санитарно-врачебной части в военное время. СПб., 1879.

[102] Отчет по военно-медицинской части в Русско-Турецкую войну 1877–1878 гг., составленный по официальным данным под руководством и при непосредственном участии доктора медицины Н. Козлова, бывшего главного военно-медицинского инспектора. СПб., 1885.

военных действий больных и раненых во внутрь страны»[103], «Объяснительная записка бывшего начальника интендантского транспорта действующей армии и коммисионера полковника А. О. Пиотровского»[104] и «Доклад Комиссии, командированной по распоряжению министров — военного и путей сообщения для исследования задержек воинских грузов, транспортируемых в действующую армию и выяснения вопроса о возможности производить перевозку раненых и больных небольшими отрядами»[105]. Эти документы воссоздают картину перевозок интендантских грузов и объемов таковых и позволяют проследить взаимодействие различных служб интендантского ведомства. Отдельно вопросы вольнонаемного транспорта представлены в сборнике «Вольнонаемный интендантский транспорт в Турецкую войну 1877–1878 гг.»[106].

Весьма обширно и мемуарное наследие русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Чрезвычайно интересны и важны воспоминания лучших представителей русской интеллигенции, среди которых мемуары

---

[103] Комитет по передвижению войск по железным дорогам и водным путем. Записка о порядке отправления с театра военных действий больных и раненых во внутрь страны. СПб., 1877.

[104] Пиотровский А.О. Объяснительная записка бывшего начальника интендантского транспорта действующей армии и коммисионера полковника А.О. Пиотровского. По отчету о расходах на вольнонаемный транспорт во время Турецкой войны. СПб., 1891.

[105] Доклад Комиссии, командированной по распоряжению министров — военного и путей сообщения для исследования задержек воинских грузов, транспортируемых в действующую армию и выяснения вопроса о возможности производить перевозку раненых и больных небольшими отрядами. СПб., 1878.

[106] Вольнонаемный интендантский транспорт в Турецкую войну 1877–1878 гг. Бухарест. 1878.

В. И. Немировича-Данченко[107], записки видного государственного деятеля Д. А. Милютина[108], а также мемуары офицеров, состоявших при штабе действующей армии М. А. Газенкампфа[109], П. Д. Паренсова[110], Д. А. Скалона[111]; мемуары участников, служивших непосредственно в войсках, — А. Куропаткина[112], А. К. Пузыревского[113].

По проблемам истории русско-турецкой войны издавались и научно-библиографические отчеты, которые серьезным образом облегчают наш поиск при разработке данной темы. Среди них особенно хотелось бы выделить работы В. А. Золотарева[114].

Военно-историческая комиссия была создана и после русско-японской войны 1904–1905 гг. Том VII материалов этой комиссии посвящен публикации документов, касающихся интендантского снабжения[115].

---

[107] Немирович-Данченко В. И. Год войны. Дневник русского корреспондента. 1877–1878 гг. Тт. I–III. 2 испр. и доп. изд. СПб., 1879. Тт. 1–3. СПб., 1903.

[108] Милютин Д. А. Дневник, 1–4. М., 1947–1950.

[109] Газенкампф М. А. Мой дневник 1877–1878 гг. СПб., 1908.

[110] Паренсов П. Д. Из прошлого. Воспоминания офицера Генерального штаба, ч. 1–5. СПб., 1901–1908.

[111] Скалон Д. А. Мои воспоминания 1877–1878 гг., ч. 1–2. СПб., 1913.

[112] Куропаткин А. Действия отрядов генерала Скобелева в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Ловча и Плевна, ч. I – II. СПб., 1885.

[113] Пузыревский А. К. Девять лет назад. Война 1877–1878 гг. Появление гвардии на театре войны — сражение под Горным, Дубняком и Телишен. Окончание блокады Плевны, СПб.

[114] Золотарев В. А. Некоторые проблемы отечественной историографии русско-турецкой войны 1877–1978 г. Л., 1976; Он же. Научно-библиографический обзор русско-турецкой войны 1877–1878 г. Л., 1975.

[115] Тыл действующей армии. Ч. 1. Организация и деятельность управлений действующей армии. СПб., 1910.

Также среди опубликованных по нашей теме документов особо хотелось бы выделить «Краткий обзор деятельности полевого интендантства в русско-японскую войну 1904–1905 гг.»[116] и «Отчет о деятельности управления интенданта 1-й Маньчжурской армии за период с 11 декабря 1904 г. по 1 сентября 1905 г.»[117].

Для объективной оценки деятельности интендантства русской армии не обойтись и без привлечения документа «Свод материалов к отчету по интендантской части за время войны с Японией 1904–1905 гг.»[118], представляющего официальную точку зрения на оценку деятельности интендантства в годы войны. Именно в процессе сопоставления ее с документами по поставкам и воссоздается действительная картина происходившего.

Особый комплекс опубликованных документов составляют материалы, отражающие вопросы транспорта и воинских перевозок и связанные с интендантским довольствием, а также документы по санитарному обеспечению. Среди опубликованных отчетов по транспорту и воинским перевозкам особо хотелось бы выделить: «Отчет управления начальника военных сообщений 1-й Маньчжурской армии»[119], а также «Отчет о деятельности управления начальника военных сообщений 3-й Маньчжурской армии за 1904–1905 гг.»[120].

---

[116] Краткий обзор деятельности полевого интендантства в русско-японскую войну 1904–1905 гг. Харбин, 1905.

[117] Отчет о деятельности управления интенданта 1-й Маньчжурской армии за период с 11 декабря 1904 г. по 1 сентября 1905 г. М., 1906.

[118] Свод материалов к отчету по интендантской части за время войны с Японией 1904–1905 гг. СПб., 1906.

[119] Отчет управления начальника военных сообщений 1-й Маньчжурской армии. М., 1906.

[120] Отчет о деятельности управления начальника военных сообщений 3-й Маньчжурской армии за 1904–1905 гг. СПб., 1907.

Несомненный интерес представляют и публикации документов, подготовленные генерал-майором генерального штаба Н. Ухач-Огоровичем[121]. Носящие субъективный характер, они тем не менее представляют мнение военного чиновника на происходившие события и проникнуты самооправданием.

По результатам войны Главное военно-санитарное управление и Российское общество Красного креста подготовило целый ряд интереснейших отчетов, в которых вопрос интендантского обеспечения военно-санитарных учреждений не остался в стороне. Так, например, «Санитарно-статистический очерк. Война с Японией 1904–1905 гг.»[122] и «Отчет о деятельности Российского общества Красного креста во время русско-японской войны»[123] —документы с богатым статистическим материалом, позволяющим оценить вклад общественных организаций в дело оказания медицинской помощи больным и раненым воинам.

Немало опубликовано материалов и по истории Первой мировой войны. Большой комплекс этих документов находится в Санкт-Петербурге в Российской национальной библиотеке. Серьезную сложность в работе с этими документами заключается в том, что у многих из них отсутствуют выходные

---

[121] Ухач-Огорович Н. Отчет по хозяйственной части управления транспортов штаба главнокомандующего всеми сухопутными и морскими вооруженными силами, действовавшими против Японии в 1904–1905 гг. Тт. I–III. СПб., 1906; Ухач-Огорович Н. К вопросу о транспорте Маньчжурских армий. По поводу работ Военно-исторической комиссии по описанию русско-японской войны. Киев, 1910.

[122] Война с Японией 1904–1905 гг. Санитарно-статистический очерк. Сост. Санитарно-статистической частью Главного военно-санитарного управления при непосредственном участии и под руководством Н. Козловского. Главное военно-санитарное управление, 1914.

[123] Отчет о деятельности Российского общества Красного креста во время русско-японской войны. Т. I. СПб., Главное управление Российского общества Красного креста, 1911.

данные, а указание библиотечного шифра в качестве ссылки не практикуется. В качестве примера можно привести следующие, использовавшиеся в нашем исследовании, документы: «Западный фронт. 1917 — Канцелярия Главного начальника снабжений. Приказы Главного начальника снабжений Западного фронта за 1917 г.», «Северный фронт 1915–1917 гг. Управление интенданта. Приказы Интенданта армий Северного фронта за 1916–1917 гг.», «Снабжение армии и флота. Сборник постановлений, определяющих участие гражданских властей, общественных учреждений и населения в обеспечении войск различными видами довольствия», «Юго-Западный фронт. 1914–11917 гг. Управление интенданта. Приказы Интенданта армий Юго-Западного фронта за 1915–1917 гг.», «Положение о полевых складах Российского общества Красного креста».

Однако все же большинство опубликованных документов имеют выходные данные, что существенно упрощает обращение к ним других исследователей. Важнейшие среди этих материалов — «Очерк деятельности Отдела снабжения армии за первый год. Июль 1915 – июль 1916 г.»[124], «Особое совещание для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства. Краткая программа снабжения армии на период до 1-го июня 1917 года»[125]. В качестве примера частного документа можно привести следующую публикацию: «Юго-Западный фронт 1914–1917. Управление интенданта. Копии приказов начальника Военно-окружного интендантского управления на театре военных действий относящихся к управлению гуртов за 1914–1916 гг.»[126].

---

[124] Очерк деятельности Отдела снабжения армии за первый год. Июль 1915 – июль 1916 г. М., 1917.

[125] Особое совещание для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства. Краткая программа снабжения армии на период до 1-го июня 1917 года. Пг., 1916.

[126] Юго-Западный фронт 1914–1917. Управление интенданта. Копии приказов начальника Военно-окружного интендантского управления на театре военных

Из инструкций, относящихся к вопросу продовольственного снабжения в годы Первой мировой войны, особенно хотелось бы выделить «Инструкцию смотрителям продовольственных магазинов интендантского ведомства по хранению продуктов и фуража в продовольственных магазинах»[127] и «Справочник для дивизионных интендантов»[128]. Эти документы на уровне делопроизводства формируют понимание специфики работы интендантских управлений на местном уровне.

Только используя весь комплекс вышеперечисленных документов можно воссоздать целостную картину истории интендантского снабжения русской армии во второй половине XIX – начале XX века, что чрезвычайно важно для понимания хода военных компаний указанного периода. К тому же систематизированный материал позволит использовать накопленный положительный опыт в решении современных военно-стратегических задач.

действий относящихся к управлению гуртов за 1914–1916 гг.. (Российская национальная библиотека. Выходные данные отсутствуют).

[127] Инструкция смотрителям продовольственных магазинов интендантского ведомства по хранению продуктов и фуража в продовольственных магазинах. Пг., 1916.

[128] Вакар Я. Я. Справочник для дивизионных интендантов. СПб., 1911.

1.3. Краткая история интендантства русской армии

История интендантства русской армии берет свое начало с указов Петра Великого от 18 февраля 1700 г. Одним из них была учреждена новая должность «генерал-провианта», на которую был назначен окольничий С. И. Языков. Ему было поручено «ведать все хлебные запасы на дачу ратным людям, а также сбором их и дачею на Москве и в городах». Так был учрежден новый приказ — «провиантский». В тот же день вторым указом боярину князю Я. Ф. Долгорукому повелевалось быть «генерал-комиссаром» и под его начальством учредить Особый приказ, которому повелевалось ведать делами по управлению и снабжению войск разных наименований, прежних и новых формирований разными видами довольствия, кроме провианта. Но Особый приказ не был исключительно органом управления довольствия или снабжения, так как ведал комплектованием и прохождением службы, военно-судебными делами и пр. На него было возложена обязанность довольствовать войска жалованьем и вообще деньгами, предметами обмундирования и снаряжения, обозом, лошадьми, ручным оружием и пр. В 1701 г. этот приказ получил название военного приказа, а Я. Ф. Долгоруков — звание генерал-пленипотещиар-кригс-комиссара. Вскоре и провиантский приказ был подчинен Я. Ф. Долгорукову. В 1711 г. из военного приказа были выделены дела по довольствию войск деньгами, обмундированием, снаряжением и ручным оружием, комплектованием и ремонтированием. Они были сосредоточены в Комиссариате (в Москве), которому подчинялся и провиантский приказ, военный же приказ стал называться Военной канцелярией. С образованием в 1718–1720 гг. Военной коллегии приказы были упразднены, вместо них появились канцелярии, конторы, экспедиции и пр. Начальник комиссариата стал именоваться генерал-кригс-комиссаром, а начальник провиантских учреждений — генерал-провиантмером. Последний подчинялся то генералу-кригс-комиссару, то непосредственно Военной коллегии. Так продолжалось в течение всего XVIII в. В начале XIX в. было образовано Военное министерство,

в составе которого находились два равноправных департамента — комиссариатский и провиантский. Первый ведал довольствием армии, деньгами, обмундированием, снаряжением, обозом, лошадьми и хозяйством госпиталей; директором его был генерал-кригс-комиссар. Второй занимался снабжением армии продовольствием (провиантом, фуражом); его директор имел звание генерал-провиантмера. В самое первое время (1801–1808 гг.) деятельность обоих департаментов подчинялась генерал-интенданту армии, но с 1808 г. должность эта была упразднена в составе управления мирного времени и сохранилась лишь в составе полевых управлений. Каждый из департаментов имел свои местные органы — Комиссариатские комиссии и Комиссионерства. Органы эти не состояли в войсковой организации (так как в составе Полевого управления армии находились полевое комиссариатское и провиантское управления, во главе которых стояли полевой генерал-кригс-комиссар и полевой генерал-провиант-комиссар), а подчинялись генерал-интенданту армии. В составе войсковых (строевых) управлений полевых армий имелись войсковые комиссариатские и провиантские органы: в состав корпусного штаба входил обер-кригс-комиссар и обер-провиант-комиссар, в состав штаба дивизии — только провиант-комиссар. Каждое из названных ведомств было обособлено, имело свои органы и личный состав. В таком виде комиссариатское и провиантское ведомства просуществовали до 60-х годов XIX в., когда при общем преобразовании военного управления были слиты в одно под названием Интендантства. В составе Военного министерства в августе 1864 г. было образовано Главное интендантское управление[129]. Оно находилось в непосредственном ведении главного интенданта и занималось вопросами заготовки, обеспечения и снабжения войск вещами, денежным, провиантским и фуражным довольствием.

[129] ПВМ. 1864. № 234.

По положению 1869 г. Главное интендантское управление состояло из 6 отделений, канцелярии, статистической части и архива[130], при нем находились Технический комитет, музей и два временных отделения, которые завершали дела Комиссариатского и Провиантского департаментов.

Первое отделение ведало заготовкой предметов обмундирования и снаряжения для войск и вещевого довольствия для военных госпиталей, а также перевозкой вещей и медикаментов и составлением отчетов по исполнению планов.

Второе отделение занималось отпуском предметов обмундирования и снаряжения в войска и вещевого довольствия в военные госпиталя, устройством неприкосновенных и чрезвычайных запасов для войск и госпиталей, распределением вещей для хранения по магазинам интендантских складов, учреждением новых и ликвидацией старых складов.

Третье отделение заготавливало и доставляло продовольствие и фураж для войск и военных госпиталей и составляло отчеты по исполнению планов.

Четвертое отделение ведало делами по военно-судной части о чинах интендантского ведомства, рассмотрением претензий частных лиц к казне и к частным лицам.

Пятое отделение — по распорядительной бухгалтерии — составляло годовые сметы интендантского ведомства, испрошения сверхсметных кредитов.

Шестое отделение — по отчетной бухгалтерии — распределяло сметные суммы по окружным интендантствам, составляло и рассматривало отчеты по состоянию вещевых и продовольственных капиталов — общего и по всем окружным интендантским управлениям.

В канцелярии сосредоточивались все дела по личному составу Интендантского ведомства, в ее ведении было также составление отчетов о деятельности Главного интендантского управления.

---

[130] Свод военных постановлений за 1869 г.: изд. 3-е. СПб., 1907. Кн. I. С. 202.

Статистическая часть занималась сбором всех статистических данных по предметам вещевого довольствия и по продовольственной части, составлением статистических карт военных округов с надлежащим к ним описаниям по интендантской части, назначением секретных цен к торгам на поставку предметов вещевого и продовольственного довольствия.

Технический комитет являлся совещательным органом при Главном интендантском управлении и ведал написанием и усовершенствованием правил приема и хранения вещей и продовольствия, описанием для технической оценки качества всех предметов интендантского довольствия.

В музее Главного интендантского управления хранились образцы всех предметов обмундирования и снаряжения войск. Музей состоял из трех отделов, канцелярии, рисовальной мастерской и литографии. Согласно Положению об интендантском историческом музее он должен был служить хранилищем форм военного обмундирования и снаряжения как русских войск, так и иностранных, оригиналов, послуживших при изданиях описаний форм, а также всех рисунков и чертежей. Он имел целью задачи культурно-художественно-педагогического характера[131]:

А) распространение сведений о формах военного обмундирования и снаряжения среди посетителей музея, а главное среди слушателей Военно-хозяйственной академии и военно-учебных заведений.

Б) Обогащение коллекции новыми фондами.

В) Составление исторических справок, требуемых военным ведомством и художественными учреждениями.

Г) Разработка фонда и архива соответственных изданий, хранящихся в музее.

Д) Издание исторических каталогов музейного фонда.

Благодаря работе музея систематически издавались хронологические сборники военных постановлений: например, «Систематический и

[131] ИА ВИМАИВ и ВС. Ф. 23. Оп. 88. Д. 6. Л. 45.

хронологический сборник всех постановлений, объявленных в приказах и циркулярах по Военному ведомству с 1855 по 1874 г. включительно, с подробным описанием всех перемен в обмундировании, вооружении и снаряжении войск»[132].

В январе 1874 г. в Главное интендантское управление из Главного штаба было передано все делопроизводство о денежных расчетах за перевозки войск по железным дорогам[133], и для заведования этими расчетами было образовано новое отделение — счетное, которое стало называться шестым, а бывшее шестое, по отчетной бухгалтерии, — седьмым[134]. Тогда же два временных отделения были объединены в одно.

В ноябре 1881 г. музей при Главном интендантском управлении был упразднен, а все делопроизводство и экспонаты были переданы в магазин образцов при техническом комитете.

В мае 1885 г. в Управлении было образовано восьмое, обозное, отделение, в которое были переданы все дела упраздненной Обозной комиссии[135].

В марте 1891 г. было учреждено Особое мобилизационное отделение[136].

В феврале–марте 1896 г. было упразднено Временное отделение, а Особое мобилизационное отделение переименовано в девятое[137].

В январе 1902 г. в структуру Главного интендантского управления были внесены существенные изменения[138]. Вместо Статистической части было образовано Статистическое отделение; второе отделение по вещевому

---

[132] ИА ВИМАИВ и ВС. Ф. 23. Оп. 88. Д. 7. Л.1.

[133] ПВВ. 1874. 30 января. № 47.

[134] Приказ Главного интенданта. 1875. 13 января. № 8.

[135] ПВВ. 1885. 24 июня. № 147.

[136] ПВВ. 1891. № 107.

[137] ПВВ. 1896. 15 марта. № 54.

[138] ПВВ. 1902. 12 января. № 10.

довольствию было переименовано в первое — по заготовлению и отпуску предметов обмундирования и снаряжения войск, управлений и заведений Военного ведомства; первое же отделение было переименовано во второе — госпитальное отделение, на которое возлагалось решение всех вопросов, относящихся к заготовлению и отпуску предметов для военно-врачебных заведений.

Мобилизационное отделение получило название мобилизационной части, а девятое отделение стало именоваться Отделением по продовольственным запасам и техническим заведениям.

В 1905 г. было образовано десятое временное отделение, а в 1909 г. — временное ликвидационное отделение для окончания дел и счетов, возникших по Интендантскому ведомству вследствие русско-японской войны.

В 1910 г. в связи с реорганизацией Военного министерства в структуре Главного интендантского управления произошли большие изменения.

1 сентября 1910 г. был объявлен новый штат Главного интендантского управления, согласно которому в состав управления вошли 9 отделений, мобилизационная часть, счетный отдел, канцелярия, архив и в качестве совещательного органа — Технический комитет. Функционально отделения были разделены следующим образом:

I — по заготовлению и отпуску предметов обмундирования и снаряжения;

II — по заготовлению и отпуску госпитальных, теплых годовых вещей и постельных принадлежностей;

III — по провиантскому (приварочному и фуражному довольствию);

IV — по части судной и по взысканиям;

V — по обозной части;

VI — квартирное;

VII — хозяйственное;

VIII — по продовольственным запасам и техническим заведениям;

IX — статистическое.

Счетный отдел состоял из двух отделений: одно — по распорядительной бухгалтерии, другое — по отчетной бухгалтерии. Технический комитет насчитывал четыре делопроизводства:

I — по формам обмундирования, снаряжения и регалиям войск;

II — вещевое;

III — продовольственное;

IV — механическое, состоявшее из механической, обозной и испытательной части и магазина образцов.

Приказом по Военному ведомству № 670 от 4 декабря 1910 г. были изменены и дополнены статьи Свода военных постановлений, которыми определялись новые обязанности и функции Главного интендантского управления. В ноябре 1914 г. Отделения ГИУ получили новые наименования: I, II и III — вещевые, IV — судное, V — обозное, VI — продовольственное, VII — хозяйственное, VIII — техническое.

В январе 1916 г. учреждено IX отделение — по заготовлению теплых вещей[139], а в марте 1917 г. — X, холодильное отделение[140], в составе двух отделений: 1-е — техническое, 2-е — хозяйственно-заготовительное и холодильного комитета.

Приказом по Главному интендантскому управлению № 158 от 4 июля 1917 г. был объявлен новый временный штат Управления[141]:

1-й отдел — административный; в его состав вошли канцелярия, VII и X отделения, делопроизводство по экономическим суммам, экзекуторская и журнальная часть и архив.

2-й — продовольственный и заготовки теплой обуви в составе II, VI и VIII отделений.

---

[139] ПВВ. 1916. 13 февраля. № 80.

[140] ПВВ. 1917. 27 июля. № 391.

[141] РГВИА. Ф. 499. Оп. 1. Д. 1646. Л. 41.

3-й — мобилизационный и судный в составе мобилизационной части и IV отделения.

4-й — вещевой и снаряжения в составе I, III и IX отделений.

5-й — холодильный в составе хозяйственно-заготовительного и технического отделений.

6-й — счетный в составе двух сметно-распорядительных отделений.

7-й — технический в составе V отделения и металлического делопроизводства.

Кроме того, в ведении Главного интендантского управления находились Комитет по заведованию имуществом, завещанным генерал-майором Терещенко, и Комитет по заведованию и управлению военно-подковным заводом в Петрограде.

9 сентября 1910 г. генерал-интендант сделал представление в Военный совет о Московской обозной мастерской, завещанной Главному интендантскому управлению генерал-майором Терещенко (в Москве Терещенко принадлежал завод под названием «Московские обозные мастерские»). 23 сентября 1910 г. Военный совет утвердил проект положения о Московских обозных мастерских.

19 июня 1914 г. Военным советом было утверждено положение об имуществе, завещанном генерал-майором Терещенко в полную собственность и ведение Главного интендантского управления. Для заведования имуществом при Главном интендантском управлении был создан особый комитет, действовавший под наблюдением главного интенданта. Комитет состоял из пяти лиц. На обязанности Комитета было возложено: 1) составление и рассмотрение годовых смет расходов; 2) разработка мероприятий для сохранности и развития имущества; 3) изыскание средств и способов наилучшего использования доходов и капиталов имущества; 4) наблюдение за успешным и правильным ведением всех операций по имуществу; 5) определение средств, выделенных на пособие и награждение служащих; 6)

составление отчета о своей деятельности. Все постановления Комитета излагались в журналах, утверждаемых главным интендантом[142].

В 1916 г. при Главном интендантском управлении был образован Комитет по заведованию и управлению Петроградским военно-подковным заводом.

2 января 1916 г. было утверждено временное положение о Комитете. Председателем комитета был назначен помощник главного интенданта. 1 февраля 1918 г. управление заводом было изъято из ведения интендантства[143].

В ноябре 1917 г. в Главном интендантском управлении был создан демобилизационный отдел, состоявший из канцелярии и четырех подотделов: административно-хозяйственного, общего, продовольственного и вещевого, а также комитета служащих[144].

В 1918 г. Главное интендантское управление было расформировано, а его функции перешли к органам военно-хозяйственного и военно-финансового управления.

Начав свой путь во время царствования императора Петра Великого, интендантство русской армии прошло путь совершенствования и реформирования, способствовавшего повышению эффективности его работы, и ко времени начала Первой мировой войны подошло вполне подготовленным к выполнению возложенных на него обязанностей.

---

[142] Там же. Оп. 17. Д. 12; Ф. 831. Оп. 1. Д. 989.

[143] Там же. Оп. 13. Д. 8.

[144] Там же. Оп. 19. Д. 3.

Глава 2. Интендантское снабжение русской армии во второй половине XIX века

2.1. Реформа системы интендантского снабжения в 1860-е – 1870-е годы

Восточная война (1853–1856 гг.) показала несостоятельность системы военного хозяйства. Она убедительно проиллюстрировала, что местные ресурсы не могли уже удовлетворить все потребности армии, а обеспечение подвоза провианта на должном уровне невозможно из-за плохого состояния или же полного отсутствия дорог и недостачи необходимого количества интендантского транспорта.

Эти обстоятельства вызвали военные реформы 1860-х гг. Они напрямую связаны с деятельностью Военного министра Д. А. Милютина. Его ближайшими помощниками в составлении общей программы преобразований стали редактор «Свода военных постановлений» действительный статский советник Ф. Г. Устрялов и профессор Николаевской академии по кафедре военной администрации полковник В. Аничков.

При проведении преобразований в Военном ведомстве Д. А. Милютин уделял особое внимание реформированию системы снабжения армии — провиантскому и комиссариатскому довольствию. Он полагал, что причина злоупотреблений, совершаемых в провиантском и комиссариатском департаментах, не только в низкой степени нравственных правил служивших там лиц.

Для устранения недостатков, по мнению Милютина, было необходимо осуществить следующие преобразования: реорганизовать хозяйственное управление полка таким образом, чтобы избежать всяческого произвола и при этом лишить войсковые подразделения права заключать торговые сделки, а приобретение всех видов довольствия производить не путем хозяйственных заготовок чиновниками, а сдавая подряд на поставку с торгов. При этом, по

мнению реформаторов, для избежания злоупотреблений при сдаче подрядов следовало создавать особые приемные комиссии смешанного состава: как из представителей снабженческих органов, так и из представителей войсковых частей.

Еще одной из важнейших задач, по мнению военного министра, наряду с реорганизацией органов снабжения, было создание неприкосновенных запасов материальных средств на всех уровнях снабжения войск, что в целом должно было сказаться на боеспособности наших вооруженных сил. Этот принцип, сформулированный великим реформатором еще в 60-е годы XIX в., сохраняется и сейчас во всех армиях мира.

Благодаря активной деятельности Д. А. Милютина был проведен целый комплекс реформ по интендантской части, направленных на усовершенствование системы интендантского довольствия войск; был поставлен вопрос об объединении провиантского и комиссариатского ведомств; учреждались комитет по передвижению войск, вводились должности офицеров, заведующих передвижением соединений и частей в управлениях железных дорог.

В 1862 г. начинается образование военных округов. Первым был образован Варшавский военный округ, затем в том же году Виленский, Киевский и Одесский. В 1864 г. — Рижский, Петербургский, Финляндский, Московский, Харьковский и Казанский; в 1865 г. — Кавказский, Оренбургский, Западно-Сибирский и Восточно-Сибирский, в 1867 г. — Туркестанский.

По сути своей управление округа представляло собой в миниатюре Военное министерство, которому непосредственно и подчинялось. Состояло это управление из окружного штаба, военно-окружного совета и отделов: интендантского (впоследствии управление), артиллерийского, инженерного, военно-медицинского и окружного инспектора военных госпиталей.

В течение 1862–1864 гг. при Военном министерстве был создан особый комитет под председательством генерал-адъютанта фон-дер-Лауница, разработавший проект нового положения управления полковым хозяйством.

Сущность этого проекта заключалась в том, что по нему ведение полкового хозяйства строилось на иных началах: расходование полковых хозяйственных сумм должно было производиться не безотчетно, а согласно разработанной смете. Непосредственное ведение хозяйства возлагалось на помощника командира полка по хозяйственной части, назначаемого начальником дивизии, квартирмейстера и казначея, избираемых обществом офицеров. Если новая система ведения полкового хозяйства, в виду объективных причин, не могла полностью ликвидировать казнокрадства, то все же положила этому злу определенный предел.

В 1864 г. были ликвидированы Провиантский и Комиссариатский департаменты, а вместо них создано Главное интендантское управление, которое было значительно меньше по численности двух департаментов.

Предмет ведения и состав Главного интендантского управления определялся во «Временном положении о Главном интендантском управлении», изданном в 1864 г.[145], следующим образом:

«I. Предметы ведения и состав:

1.) С учреждением Военно-окружных управлений, департаменты Военного министерства, Провиантский и Комиссариатский, соединяются в одно управление, под названием Главного интендантского управления.

2.) Ведению Главного интендантского управления подлежат те же предметы, которые во время учреждение Военного министерства подлежали Комиссариатскому Провиантскому департаментам.

3.) Оно вверяется непосредственному начальству генерал-интенданта Военного министерства.

4.) В Главное интендантское управление поступают три вице-директора, положенные по штатам департаментов Коммисариатского и Провиантского.

---

[145] Временное положение о Главном интендантском управлении. СПб., 1864.

5.) В состав этого Управления входят все отделения Комиссариатского и Провиантского департаментов в полном их составе.

По этому положению из канцелярий, казначейств и архивов этих департаментов образовывались канцелярия, казначейство и архив Главного управления.

6.) Для завершения дел прежнего времени по Камесариатской и Провиантской частям, возникшим до открытия Главного интендантского управления, утверждались, за подписью Военного министра, по мере сокращения состава Канцелярии и постоянных отделений, временные отделения, не более одного для каждого из означенных частей.

7.) Суммы, определенные по сметам 1864 года на содержание Комиссариатского и Провиантского департаментов, отпускаются Главному интендантскому управлению сполна.

8.) По мере уменьшения, с открытием Окружных интендантских управлений, дел в Главном интендантском управлении сокращается число самих Отделений по представлению генерал-интенданта, с утверждения военного министра.

9.) При Главном интендантском управлении образовывалось Общее присутствие для рассмотрения дел на основании учреждения Военного министерства: а) возникших до открытия действий Главного и Окружных интендантских управлений; б) поступающих от прежних Коммисариатских и Провиантских управлений, не вошедших еще в состав военных округов и в) для утверждения контрольной ревизии шнуровых книг, счетов расчетов, впредь до преобразования контрольной части».

Временное Общее Присутствие под председательством генерал-интенданта состояло из трех вице-директоров Главного интендантского управления и трех членов и заседающих в Общих Присутствиях

Коммисариатского и Провиантского департаментов, которые не получили назначения в управлениях Военных округов. В числе членов Общего присутствия состоял также член со стороны государственного контроля.

Пунктом вторым Положение определяло также обязанности и права:

«А.) Главного интендантского управления.

10.) На Главном интендантском управлении лежали обязанности Военного министерства, определенные статьями 551 — 648 ч. I кн. I Свода Военных Постановлений изд. 1859 г., с теми в них изменениями, которые были отмечены Высочайше утвержденным Положением о Военно-окружных управлениях.

Б.) Генерал-интенданта.

11.) В исполнении своих обязанностей генерал-интендант руководствовался статьями 839–843 той же части книги Свода.

12.) По делам административным, превышавшим его власть, он выходил с докладами к Военному министру, представляя также ему срочные донесения и отчеты о состоянии Интендантского Управления.

13.) Он составлял и предоставлял Военному Совету:

а.) Смету Главного интендантского управления и

б.) общие планы на постоянные заготовления.

14.) Он выходил с представлениями в Военный Совет непосредственно по делам законодательным и хозяйственным, возникавшим в Главном интендантском управлении, после введения в действие Положения о военно-окружных управлениях;

по делам же прежнего времени, а так же по делам Управлений, не вошедших в состав Военных округов, представления в Военный Совет вносились через состоявшее при Главном интендантском управлении временное Общее Присутствие.

15.) Он представлял свои соображения и мнение по интендантским делам, направляемым в Военный совет, через командующих войсками военных округов, из военно-окружных советов.

16.) Он требовал сам, или через своих непосредственных помощников, вице-директоров главного управления, от Окружных интендантских управлений сведения и объяснения по делам.

17.) По замеченным уклонениям и упущениям он направлял Окружных интендантов к точному исполнению законов и постановлений, и в важных случаях доводил о том до сведения Военного министра и командующих войсками Военных округов. Указания и распоряжения генерал-интенданта исполнялись окружными интендантами в точности.

18.) В случае надобности он устанавливал временные срочные донесения от Окружных Интендантских Управлений, но в то же время доводил о своих распоряжениях до сведения Военного министра.

19.) По управлению личным составом Главного интендантского управления генерал-интендант пользовался правами начальника дивизии, на основании положения об Управлении пехотной и кавалерийской дивизией, по делам части хозяйственной — правами директоров департаментов Военного министерства.

20.) Генерал-интендант в своих действиях непосредственно подчинялся Военному министру.

В положении также четко определялись и функции вице-директоров:

21.) Ближайшему надзору вице-директоров поручались Отделения Главного интендантского управления, как постоянные, так и временные. Распределение между ними отделений утверждалось Военным министром, по представлению генерал-интенданта.

22.) Обязанности и права вице-директоров Главного интендантского управления были такими же, как определенные статьями 882–892, 979 и 980 части I книги I Свода военных

постановлений издания 1859 г. для вице-директоров департаментов Военного министерства. Они подчинялись непосредственно генерал-интенданту.

23.) Сверх того, вице-директора заведовали личным составом вверенных каждому из них частей.

Кроме того, пунктом третьим данного документа определялась и ответственность указанных должностей, а в пункте четвертом описывалась система делопроизводства.

25.) Ответственность генерал-интенданта, вице-директоров, начальников отделений и прочих лиц Главного интендантского управления определялась общими постановлениями и военно-уголовными законами.

26.) Делопроизводство в Главном интендантском управлении устанавливалось на правилах, изданных для Департаментов Военного министерства с некоторыми дополнениями.

27.) Все отношения и представления Военному министру по интендантской части поступали через канцелярию Военного министерства в Главное интендантское управление.

28.) Представления Военно-окружных советов вносились генерал-интендантом в Военный Совет (согласно статьи 15) в подлиннике. Решения Военного Совета излагались или в предписаниях Военного министра, когда журнал Совета представлялся на Высочайшее разрешение, или в выписках из журналов Совета. И в том и в другом случаях подлинники представлений Военно-окружных советов возвращались в Главное интендантское управление.

30.) Сношения с командующими войсками Военных округов по делам, относящимся к Главному интендантскому управлению, за исключением дел, бывших в рассмотрении Военного совета, подписывались Военным министром.

31.) К переписке генерал-интенданта принадлежали: 1) представления высшему начальству; 2) сообщения Командующим войсками Военных округов положений Военного Совета; 3) сношения с Канцелярией, Главными управлениями и департаментами Военного министерства; 4) приказы по Интендантскому управлению; 5) открытие кредитов Окружным интендантским управлениям и их прекращение; 6) предписания окружным интендантам.

32.) К переписке вице-директоров, каждого по своей части, относились:

— сношения от Главного интендантского управления с местами и лицами равными и низшими по всем делам исполнительным, по которым имелись разрешения Военного министра и Военного Совета, а также резолюция генерал-интенданта;

— требование и сообщение сведений, пояснений и справок;

— все распоряжения по денежным выдачам, разрешаемым штатами и Положениями, а также резолюциями генерал-интенданта.

33.) Исходящие бумаги за подписью Военного министра скреплялись генерал-интендантом; за подписью генерал-интенданта — вице-директором (каждым по своей части) и начальником Отделения.

Согласно Высочайше утвержденных 6-го августа 1864 г. «Временных правил о переходе провиантской и комиссариатской частей от ныне существующего устройства к вновь установленному»[146] осуществлялось:

I. Распределение денежных сумм, ассигнованных по смете 1864 года и составление сметы на 1865 год.

1.) Ассигнованные по финансовым сметам 1864 года суммы распределялись Главным интендантским управлением: до 1-го октября 1864 г. по Комиссариатским и Провиантским

[146] Временные правила о переходе провиантской и комиссариатской частей от ныне существующего устройства к вновь установленному. СПб., 1864.

управлениям, а с 1-го октября по вновь учрежденным Окружным интендантским управлениям, в мере действительной надобности.

2.) Удовлетворение войск денежными окладами, снабжение суммами госпиталей, уплата денег за поставляемые продовольственные припасы и вещи и вообще все денежные выдачи до 1-го октября 1864 г. оставались на Комиссариатской и Провиантской администрации; новые же Окружные интендантские управления удовлетворяли войска, госпитали, подрядчиков и других лиц с 1-го октября 1864 г.

3.) Окружные интендантские управления вели счетоводство и представляли отчетность Главному интендантскому управлению в сметных суммах 1864 г. по правилам и формам, установленным для мест и лиц, подведомственных Департаментам Комиссариатскому и Провиантскому. Поэтому составление балансовых отчетов за 1864 г. для Военного совета и генеральных отчетов за тот же год для государственного контроля, если о последних не было особого распоряжения, относились к обязанности Главного интендантского управления.

4.) В обязанности этого же Управления входило составление финансовой сметы на 1865 г. — она составлялась на тех же основаниях, как и финансовые сметы Комиссариатского и Провиантского департаментов на 1864 г., а суммы по ней распределялись между Окружными интендантскими управлениями.

5.) Для составления финансовой сметы на 1866 г. сметные исчисления составлялись и представлялись в 1865 г. Окружными интендантскими управлениями.

II. Заготовление предметов Комиссариатского и Провиантского довольствия

6.) Распоряжение по заготовлению предметов Комиссариатского снабжения войск по сроку 1866 г., Провиантского довольствия и госпитальных вещей в потребность 1865 г. возлагалось на Главное интендантское управление.

7.) Наблюдение за ходом поставок 1864 г. предметов Провиантского и Комиссариатского довольствия возлагалось: до 1-го октября 1864 г. на существующую администрацию, а с 1-го октября на Главное интендантское управление.

III. О передаче дел, книг и счетов нынешними местными Комиссариатскими и Провиантскими управлениями Окружным интендантским управлениям.

8.) Срок передачи дел и заключения книг и счетов упраздненных Провиантских и Комиссариатских управлений назначался 1-го октября 1864 г.

9) Передача магазинов с вещами упраздняемых Комиссариатских комиссий производилась на основании приказа Военного министерства за № 232. Вместе с магазинами передавались главным смотрителям интендантских складов книги, счета и дела.

Реформа коснулась и непосредственно вопросов снабжения. Так, была пересмотрена норма солдатского пайка в сторону его улучшения, некоторые виды продовольствия и фуража начали поставляться централизованно, а в отдельные районы практически все поставлялось окружными интендантскими органами.

В 1868 г. было издано «Положение об управлении войсками в военное время», впоследствии, в 1876 г. оно было переиздано с небольшими коррективами. Согласно этому положению органом главнокомандующего по управлению армией являлось полевое управление армией, состоящее из штаба армии, интендантского, артиллерийского и инженерного управлений. Снабжением войск всеми видами материальных средств должно было заниматься непосредственно окружное интендантское управление. Если боевые

действия переносились за пределы государственной границы, то главнокомандующему армией предоставлялось право организации новых местных административных учреждений, которые должны были выполнять функции снабжения войск по указанию полевых органов действующей армии. Полевые управления армии являлись при этом распорядительными органами главнокомандующего и занимались снабжением непосредственно войск лишь в исключительных случаях. Однако при всем этом в Положении не оговаривались ни пути создания этих управлений, ни их подчиненности, ни способов осуществления их связи с военными округами и Военным министерством.

Корпусных и дивизионных интендантов в мирное время не было. Только на военное время предусматривались корпусные интендантские управления и должности дивизионных интендантов. Это означало, что в мирное время аппарат службы снабжения для войск не создавался и не готовился, что, конечно же, отрицательно отражалось на работе интендантства в военное время.

Главнокомандующему армией в отношении материального обеспечения войск было предоставлено право назначать общие и частные реквизиции, на территории противника налагать контрибуции, разрешать замены в суточной даче продовольствия, утверждать в занятых армией областях продовольственные тарифы, разрешать дополнительные отпуски на расходы в любой сумме в пределах средств, ассигнованных на войну, утверждать сравнительную ценность русских денег с деньгами занятых иностранных государств и прочее.

В Положении 1876 г. были разработаны теоретические основы по организации материального обеспечения действующей армии.

Главное интендантское управление выпускало соответствующие наставления по приему материалов для обмундирования армии[147]. Существовали особые способы и порядок заготовления предметов довольствия войск, определявшие цель всякого заготовления, которая состояла в том, чтобы при известном, точно определенном качестве предметов довольствия — купить их как можно дешевле.

Способы для достижения этой цели различались в зависимости от того, какого рода предметы, в каком качестве, на каком пространстве и в какой промежуток времени нужно было их заготовить.

В военно-хозяйственной практике различалось четыре главных и два второстепенных способа заготовления[148]:

Главные способы:

1) Торговый — подрядный или по контракту (договору) с частными лицами: производителями или купцами.

2) Агентский — когда заготовление производилось самими военно-хозяйственными управлениями через своих агентов (чиновников) путем прямых сношений с производителями (землевладельцами, фабрикантами и заводчиками).

3) Хозяйственный — когда заготовление предоставлялось частям войск;

4) Казенно-фабричный — когда казна сама брала на себя производство предметов довольствия и таким образом совсем устранялось от сношений как с торговцами, так и с производителями.

К вспомогательным способам заготовления относятся:

1) покупка за наличные деньги;

2) заказы на срок.

---

[147] ИА ВИМАИВ и ВС. Ф. 23. Оп. 88. Д. 31. Наставление по приему материалов для обмундирования армии (1878 г.).

[148] Военная администрация. Часть II. Военное хозяйство. Проф. Газенкампф. Вып. I. (Отделы I и II). СПб., 1875. С. 15.

Разберем наиболее распространенный и одновременно самый неоднозначный в плане выгоды и эффективности торговый способ.

Торговый, или подрядный, способ состоял в том, что частное лицо по взаимно свободному соглашению с правительством брало на себя обязанность поставить известные предметы определенного качества к назначенному сроку и в назначенный пункт по заранее определенной цене.

Главная трудность подрядного способа заключалась именно в заблаговременном определении цены. Интересы казны как покупателя и подрядчика как продавца были прямо противоположны: они согласовались лишь в том случае, если казна, не переплачивая ничего лишнего, получала предметы хорошего качества, а подрядчик, со своей стороны, имел выгоду от принятой им на себя поставки. Это уравновешивание интересов сторон было возможно лишь в том случае, если подрядная цена была соотносима с теми ценами, которые существовали на заподряженные предметы в то время и в той местности, где подрядчик производил закупки. А так как цены часто сильно колебались, то и определить заблаговременно выгодную для обеих сторон цену было весьма трудно. Во время производства и заготовления цены легко могли измениться, что влекло за собою неминуемый убыток для одной из сторон: или страдали интересы казны, или оставался в накладе подрядчик.

Трудность заблаговременного определения цены, устраивавшей обе стороны, неминуемо повышала стоимость предметов, заготовляемых подрядным способом: подрядчик, для ограждения себя, должен был выговорить себе кроме барыша особую страховую премию в обеспечении того риска, которому он подвергался.

Причины такого положения вещей кроются в разнице между обыкновенной торговой ценой, которая сама собой устанавливалась на рынке, и ценой подрядной.

Обыкновенная торговая цена слагалась в зависимости от первоначальной цены, или стоимости предмета, и от существовавшего на рынке отношения между спросом и предложением на этот предмет.

Первоначальная цена предмета слагалась из:

1) платы за труд работника,

2) процентов с капитала, участвовавшего в производстве,

3) платы за труд предпринимателя, т. е. землевладельца, фабриканта и т. д.,

4) платы за пользование землею.

Поэтому первоначальная цена предмета и называется его стоимостью.

Но предметы производства не всегда продавались по их действительной стоимости. Если, например, предложение какого либо товара превышало спрос на него, то конкуренция понижала его цену иногда ниже стоимости. Эта цена, устанавливавшаяся на рынке в зависимости от отношения между спросом и предложением, и есть торговая цена.

Но, несмотря все риски и сложности, торговый способ все-таки признавался оптимальным, потому что он лучше всех других обеспечивал казну[149]. Он представлял собою результат свободной конкуренции, и он давал возможность допускать к производству заготовлений только лиц, предоставляющих известные нравственные и материальные гарантии.

Нравственные гарантии заключались в безукоризненной коммерческой репутации, опытности и состоятельности подрядчика. Условия же приема оговаривались заранее[150].

Материальную гарантию составлял залог, размер которого равнялся той сумме, которую подрядчик должен был по условию заплатить казне, если не будет в состоянии выполнить подряд. Сумма эта называется неустойкой. Назначение неустойки давало казне возможность заготовить неудачно заподряженный товар посредством нового подряда или другим способом без всякой для себя потери. Размер неустойки, а, следовательно, и залога

---

[149] Военная администрация. Часть II. Военное хозяйство. Проф. Газенкампф. Вып. I. (Отделы I и II). СПб., 1875. С. 17.

[150] ИА ВИМАИВ и ВС. Ф. 23. Оп. 88. Д. 34. Материалы об условиях приема от поставщиков предметов обмундирования и снаряжения армии (1879).

определялся в зависимости от условий подряда, обыкновенно в размере от 10–25 % всей стоимости подряда.

Вещевые запасы, предназначенные для снабжения войск при приведении их на военное положение, могли быть двух родов[151].

1) Запасы, необходимые для обмундирования и снаряжения людей, призываемых на укомплектование уже существующих частей войск.

2) Запасы для обмундирования и снаряжения частей войск, формируемых заново при мобилизации.

Очевидно, что для ускорения самого процесса мобилизации запасы первого рода должны были храниться при частях войск постоянной армии, а запасы второго рода — в пунктах формирования новых частей войск, при этом как те, так и другие запасы должны были быть в совершенно готовом виде. Только в таком случае и возможно было немедленное обмундирование и снаряжение прибывающих людей.

Существовало три категории запасов: 1) неприкосновенный, 2) чрезвычайный и 3) пятипроцентный на пунктах сбора отпускных. Запасы каждой категории и способы их хранения были различны по своему назначению.

Неприкосновенный запас назначался на случай приведения частей войск постоянной армии из меньших составов в большие, до военного включительно. Он состоял из вещей всех видов, т. е. годовых, мундирных, амуничных и бессрочных. Вещи эти частью в готовом, частью в полугодовом виде, а некоторые даже в материалах хранились отчасти при войсках, а отчасти на интендантских вещевых складах.

Весь неприкосновенный запас, взятый в общей сложности, должен был покрывать всю разницу потребности между мирным и военным штатами,

---

[151] Военная администрация. Часть II. Военное хозяйство. Проф. Газенкампф. Вып. I. (Отделы I и II). СПб., 1875. С. 28.

которая составляла около 465000 человек и 4800 лошадей к 1-му января 1873 года. Запас этот состоял на лицо почти весь, а именно: на 438.389 человек и 3984 строевых лошади[152].

Неприкосновенный запас был распределен по местам хранения следующим образом:

А) Все войска, кроме гренадерских и армейских полков, расположенных в Европейской России, и кроме артиллерийских парков, весь неприкосновенный запас вещей для приведения их на военное положение содержали постоянно при себе в своих собственных цейхгаузах.

При этом вещи, необходимые для обмундирования и снаряжения тех 64-х нижних чинов, которые добавлялись в каждый кавалерийский полк при приведении его из мирного 14-ти рядного в военный 16-ти рядный состав, хранились не при полках, а при соответствующих резервных эскадронах, так как для ускорения мобилизации кавалерии было положено укомплектовывать кавалерийские полки из наличного состава резервных эскадронов, не ожидая сбора отпускных.

Б) Неприкосновенный запас для артиллерийских парков и для всех гренадерских и армейских полков, кроме входивших в состав Кавказской армии (которые также имели при себе весь неприкосновенный запас), был распределен между полками (парками) и интендантскими складами следующим образом: при полках хранился запас бессрочных и амуничных вещей на все число людей, недостающее до военного штата; а запас годовых и мундирных вещей — только на то число людей, которое составляло разницу между существовавшим и ближайшим высшим составом.

Как в войсках, так и в интендантских складах неприкосновенный запас содержался в следующем виде:

белье — в материалах;

---

[152] Там же С. 32.

сапоги — одна пара на каждого нижнего чина в готовом виде, другая в раскроенном товаре;

мундирные вещи: все те, которые содержались в войсках, — в совершенно готовом виде; все те, которые содержались в интендантских складах, — в полуготовом виде (т. е. раскроенные и сшитые лишь отчасти, с невшитыми воротниками и погонами);

амуничные и бессрочные вещи и предметы конского снаряжения — все без исключения в готовом виде.

Все вообще вещи неприкосновенного запаса (кроме бессрочных) освежались посредством выдачи их в употребление с заменою другими вещами или из числа ежегодно отпускаемых, или вещами, сшитыми из материалов, отпускаемых в срочную потребность. Расходование неприкосновенного запаса производилось по распоряжению Главного Интенданта и притом не иначе как по высочайшему повелению о приведении войск в высший состав. Заем вещей из неприкосновенного запаса для ускорения обмундирования и снаряжения, допускался лишь в известных, точно определенных законом случаях и не иначе как с разрешения Окружного Интенданта, Главного Интенданта или Военного Советав зависимости от того, по какому именно случаю представлялась необходимость в займе вещей.

Свидетельствование неприкосновенных запасов производилось: в полевых войсках — начальниками дивизий и равными им лицами; в местных войсках — губернскими воинскими начальниками; в интендантских складах — окружными интендантами.

Чрезвычайные запасы назначались: во-первых, для снабжения частей войск, вновь формируемых в военное время, всеми предметами вещевого довольствия и, во-вторых, для сверхсрочного снабжения войск шинелями и сапогами в военное время.

С переформированием в 1874 году местных войск и с выходом нового положения о резервных, запасных и крепостных войсках, появились

чрезвычайные запасы двух родов: а) в интендантских складах; б) в пунктах формирования резервных, запасных и крепостных пехотных частей войск.

Чрезвычайный запас первого рода распределялся по всем интендантским складам Европейской России и Кавказа, причем количество запасов в складах Кавказского округа было определено отдельно от прочих. В общей сложности во всех вещевых складах Европейской России содержалось запасов всех родов вещей на 100 000 человек пехоты, а в складах Кавказского военного округа — на 16 000 человек пехоты. Весь чрезвычайный запас содержался частью в полуготовом виде, частью в материалах. Сверх того, на случай сверхсрочной потребности войск в шинелях и сапогах в военное время содержался особый запас: в складах Европейской России — материалы на 50 000 шинелей и 130 000 пар головок к сапогам; в Кавказских складах — материалы на 3000 шинелей и 8 000 пар головок к сапогам[153].

Чрезвычайный запас расходовался не иначе, как по особым Высочайшим повелениям.

Неприкосновенный и чрезвычайные запасы, составляя одно из необходимых условий быстрой мобилизации войск, обходились, однако, крайне дорого. Так, например одно заготовление неприкосновенных и чрезвычайных запасов в вышеуказанном количестве обошлось казне в сумму около 17 миллионов рублей[154], не считая ежегодных, весьма значительных расходов на содержание этих запасов, и не считая также ежегодных потерь от их порчи. В связи с этим принятие мер к удешевлению запасов без ущерба качеству было весьма актуальны. С этой целью еще в 1872 году было Высочайше повелено не содержать ни в неприкосновенном, ни чрезвычайном запасе таких предметов обмундирования и снаряжения, которые составляли принадлежность парадной формы (как, например: лацканы, султаны, вальтрапы и т. д.).

---

[153] Военная администрация. Часть II. Военное хозяйство. Проф. Газенкампф. Вып. I. (Отделы I и II). СПб., 1875. С. 34.

[154] Там же С. 35.

Кроме того, в пунктах сбора отпускных создавался пятипроцентный запас. Этот запас был сформирован в 1872 году во всех округах Европейской России, в Оренбургском и Кавказском для того, чтобы снабжать одеждой и обовью тех призываемых на службу резервистов, у которых собственная одежда и обувь оказывалась совершенно не годною. Запас этот учреждался на сборных пунктах и состоял только из готовых шинелей, шаровар и сапог, в размере 5 % призываемых людей; общее количество этого запаса — 22 420 шинелей и столько же шаровар и сапог; количество вещей на каждом сборном пункте было определено особым расписанием.

Существовал также особый порядок заготовления вещевых запасов. Они заготавливались в материалах такими же способами, как и предметы срочного вещевого довольствия войск; приводились в готовом виде: те вещи, которые состояли в неприкосновенном запасе при частях войск — попечением самих войск; все вещи, подлежащие хранению в интендантских складах и на сборных пунктах отпускных, в обмундировальных мастерских.

Из всего вышеизложенного видно, что порядок хранения большей части наших вещевых запасов вполне соответствовал условию быстроты мобилизации. Однако допускались и отступления от этого нормального порядка. Отступление это неминуемо должно было отразиться на быстроте мобилизации гренадерских и армейских полков. Из-за малочисленности интендантских складов укомплектование полков должно было оканчиваться ранее, чем склады успевали бы разослать то количество мундирных и годовых вещей, которого в этих полках недоставало до военного штата. Нужно было распределить в каждом складе вещи по частям войск, затюковать их и отправить; затем, пока вещи доедут по назначению, пока полки их примут, сошьют (так как мундирные вещи хранились в интендантских складах в полуготовом виде) и пригонят на людей, должен был пройти, по крайней мере, месяц. А так как укомплектование полков по военному составу должно было заканчиваться в 14 дней, следовательно, готовность их к выступлению замедлялась, по крайней мере, на 2 недели, и только из-за того, что часть

вещевых запасов хранилась в мирное время в интендантских складах и притом не в совершенно готовом, а полуготовом виде.

Принятый порядок хранения части вещевых запасов для гренадерских и армейских полков отчасти объясняется условиями дислокации и службы этих полков. Большая часть этих полков была расквартирована казарменным порядком по наемным обывательским домам, часто совершала большие передвижения и вследствие этого была стеснена как недостатком удобных помещений для складов, так и затруднительностью хранения и перевозки вещевых запасов. Однако неудобства этого рода теряли всякое значение перед тем неудобством, которое давало себя чувствовать с приведением на военное положение. Их можно было избежать только в том случае, если все войска без исключения имели бы свои неприкосновенные запасы полностью при себе и притом в совершенно готовом виде.

Говоря о вещевом довольствии в военное время, прежде всего необходимо заметить, что к условиям военного времени была неприменима ни одна из существовавших систем довольствия мирного времени. В военное время не могло существовать никакой системы: люди должны получать новые вещи взамен изношенных или утерянных по мере действительной надобности.

Однако в русской армии подобный порядок был немыслим. По громадности нашей территории, по несовершенству и недостаточности путей сообщения вещевое довольствие войск было бы вовсе не обеспечено, если бы заготовление его лежало исключительно на резервных частях войск. В связи с этим в русской армии преобладал другой способ.

Прежде всего следует отметить, что в русской армии не было особого, систематически разработанного положения о вещевом довольствии войск в военное время, а только постановления по этому вопросу, разработанные в разных книгах и статьях Свода военных постановлений[155].

---

[155] Военная администрация. Часть II. Военное хозяйство. Проф. Газенкампф. Вып. I. (Отделы I и II). СПб., 1875. С. 40.

Постараемся свести эти постановления по возможности в одно целое.

Во первых, заботы о вещевом довольствии действующей армии лежали главным образом на центральном управлении, т. е. на Военном министерстве или, точнее говоря, на Главном интендантском управлении. Интендант армии только составлял план довольствия и требования вещей: заготовление их ложилось на его обязанности лишь в исключительных случаях, как, например, при невозможности доставлять вещи в армию, при истреблении или захвате неприятелем вещевых складов и транспортов и т. п.

Следовательно, Главное интендантское управление должно было заботиться о заготовлении вещей, о приведении их в готовый вид и об устройстве складов на базисе: отправка их с базиса к армии вменялась в обязанность военно-окружным управлениям тех округов, в пределах которых базис был устроен.

Порядок довольствия по букве закона оставался без изменений; т. е. новые вещи выдавались войскам по расчету сроков службы. Но так как закон предоставлял главнокомандующему право разрешать все вообще сверхсрочные отпуски, то на самом деле довольствие армии вещами производилось не по срочной смете, а по мере действительной надобности. Надобность эта, а равно и действительность утраты вещей в сражениях (на убитых, раненых, пленных, дезертирах) свидетельствовалась начальниками дивизий и равными им лицами.

Особого порядка требования вещей в военное время установлено не было. Следовательно, все требовательные ведомости должны были идти от полков через начальников дивизий к интенданту армии, а этот последний уже делал распоряжение об удовлетворении требований, препровождая их в Окружное Интендантское управление того округа, в котором находились вещевые склады, приписанные к базису действующей армии.

Приведение вещей в готовый вид производилось в военное время в обмундировальных мастерских, размеры производства которых расширялись настолько, насколько того требовали обстоятельства. Сверх того, положением о

запасных и резервных войсках был намечен еще и другой способ шитья одежды, обуви и снаряжения собственно для маршевых команд, отправляемых на пополнение убыли в рядах действующей армии, а именно: при запасных батальонах были учреждены швальни, сапожные и другие мастерские, частью из мастеровых обязательного срока, частью из вольнонаемных. Мастерским этим давались наряды на постройку одежды, обуви и амуниции для действующих войск, точно так же как и обмундировальным мастерским: маршевые команды обмундировывались и снаряжались исключительным распоряжением запасных батальонов; ответственное наблюдение за ходом работ лежало на губернских воинских начальниках.

Способы заготовления предметов вещевого довольствия в военное время были те же, что и в мирное. При существовании запасов и при хорошо организованной системе снабжения не возникало надобности ни в исключительных способах заготовления, ни в беспрерывном подвозе вещей в войска. Потребность армии в предметах вещевого довольствия не была такой непрерывной, как, например, потребность в продовольствии: вся задача обеспечения войск вещами в военное время сводилась только к устройству больших складов на базисе и малых на коммуникационных линиях, в таких пунктах, которые связаны с армией удобными сообщениями. Кроме того, вещевые склады должны были находиться в пунктах формирования новых частей войск и маршевых команд, отправляемых на пополнение действующей армии.

В заключении отметим одну из особенностей вещевого довольствия в военное время. К заготовлению предметов этого довольствия почти совершенно неприемлем реквизиционный способ, потому что большая часть предметов обмундирования и снаряжения войск не составляла предмета частного потребления. Реквизиционный способ был применим лишь для заготовления материалов, из которых шилось белье, одежда и обувь войск (холсты, полотна, сукна, кожа), да и то в таком только случае, если было разрешено не стесняться существующими образцами и описаниями предметов

обмундирования. Только при этом условии могли также быть употребляемы на довольствие армии вещи, захваченные в неприятельских складах.

К реквизиционному способу заготовления предметов вещевого довольствия прибегали, впрочем, лишь в крайнем случае, при совершенном истощении собственных запасов или при невозможности произвести заготовление в пределах собственной страны.

Разберем систему и размеры довольствия на примере вещевого и денежного довольствия наших войск.

В русской армии размер довольствия был основан на указном сроке, который должна была прослужить каждая вещь. По отношению к срокам службы предметы вещевого довольствия нашей армии могли быть разделены на следующие 4 категории[156]:

1) Годовые вещи и деньги, отпускаемые каждому солдату в определенном размере ежегодно. Вещи эти и деньги выдавались ему на руки и поступали в его полное распоряжение. Сюда относилось: белье, гимнастические рубашки, летние брюки, сапоги; галстук, деньги на шитье сапог и деньги на покупку разных мелочных предметов обмундирования (амуничные деньги). Размер ежегодного довольствия составлял: а) натурою: холст на две рубахи, на две пары подштанников и на одну пару летних панталон; сапоги в раскроенном товаре — одна пара длинных голенищ и две пары передов, подошв и подметок; сукно на один галстук; полотно на гимнастические рубахи выдавалось через год; б) деньгами: 25 коп. на покупку третьей рубахи; 55 коп. на шитье и чернение сапог; 45 коп. в армейских войсках пешего обмундирования и 30 коп. в остальных войсках и во всей гвардии — на покупку материалов для чистки и беления амуниции; 1 коп. в гвардии и ½ в армии на шитье галстука; 4 ¼ коп. на шитье летних брюк, кому таковые были положены. Итого деньгами выдавалось

---

[156] Военная администрация. Часть II. Военное хозяйство. Проф. Газенкампф. Вып. I. (Отделы I и II). СПб., 1875. С. 7.

в войсках пешего обмундирования: в гвардии 1 руб. 15 ¼ коп.; в армии 1 руб. 29 ¼ коп.; в остальных войсках 1 руб. 11 коп.

2) Вещи безусловно-срочные (мундирные), отпускаемые на известный срок, по истечении которого они должны были заменяться новыми. Сюда относились: мундир, в армии на 2 года, а в гвардии на 1 ½; зимние шаровары — на 2 года (в кавалерии рейтузы на 1 год); шинель — на 3 года; фуражка — на 2 года; башлык — на 6 лет. Довольствие мундирными вещами производилось в натуре, в виде материалов, а на шитье отпускались деньги: то и другое в размере, определенном для каждой вещи нормальною табелью.

3) Вещи условно-срочные (амуничные), т. е. такие, которые по выслуге указанного срока могли быть заменены новыми не иначе, как по засвидетельствованию начальников дивизий о действительной негодности их. К этой категории относились парадные головные уборы, предметы снаряжения и все кожаные вещи (например, каска, ранец, патронные сумки, пояс, большая часть предметов конского снаряжения и т. д.). Вещи эти отпускались войскам большею частью в готовом виде. Условные сроки были довольно продолжительными. Так, например, патронная сумка, ранцевые ремни выдавались на 12 лет; каска, ранец, армейский султан — на 10 лет; пояс — на 8 лет.

4) Бессрочные вещи, отличительный характер которых состоит в том, что они отпускались войскам в натуре только однажды: или при сформировании части, или при перемене образца, а затем на них производился ежегодный денежный ремонт в размере, определенном для каждой вещи нормальною табелью. На эти деньги полки были обязаны обзаводиться новыми вещами этой категории взамен пришедших в негодность.

Бессрочные вещи могли быть подразделены на два разряда: на вещи, составлявшие снаряжение отдельных людей и лошадей, и на вещи, составляющие снаряжение целых частей войск. К первому разряду вещей относились все металлические вещи, а ко второму разряду — обоз, упряжь для подъемных лошадей, музыкальный и шанцевый инструмент и т. п.

Итак, вещевое довольствие производилось отчасти в натуре, отчасти деньгами и притом некоторые из вещей, отпускаемых в натуре, — в готовом виде; большая же часть — в виде материалов с прибавкою денег на шитье.

Денежное довольствие отпускалось военнослужащим на удовлетворение тех нужд, на которые не полагалось натурального казенного отпуска[157].

Офицерам оно служило для удовлетворения всех материальных потребностей (продовольствие, обмундирование, вооружение, снаряжение и т. д.). Денежное же довольствие нижних чинов, обеспеченных во всех своих насущных нуждах натуральным отпуском от казны, оно служило только для удовлетворения различных мелочных потребностей.

При таком коренном различии в назначении денежного довольствия, очевидно, что и определение размеров для офицеров и для нижних чинов должно было сделано на различных основаниях.

По отношению к нижним чинам больший или меньший оклад денежного довольствия, очевидно, не мог влиять на их материальное благосостояние. Размер оклада определял лишь степень того комфорта, которым нижний чин мог пользоваться. Конечно, чем больше солдат получал, тем более он был доволен своим положением, но фактически реальный размер оклада мало на что влиял. Размер денежного оклада имел значение только в отношении к нижним чинам унтер-офицерских званий: во-первых, для того, чтобы достижение этого звания было как можно заманчивее, и, во-вторых — для удержания унтер-офицеров на сверхсрочной службе.

Иное значение имели размеры офицерских денежных окладов. Размеры этих окладов должны были быть, говоря теоретически, основаны на возможно точном исчислении потребностей каждого чина сообразно его служебному положению, служебным требованиям, смотря по роду оружия и по месту квартирования, сообразно среде, в которой каждый чин обязан вращаться и

---

[157] Газенкампф М. Военное хозяйство в нашей и иностранных армиях в мирное и военное время. С. 65.

наконец — соразмерно с ценами важнейших жизненных потребностей, т. е. согласно с действительной стоимостью жизни. Одним словом, оклады жалованья должны были быть таковы, чтобы каждый офицер имел возможность не только безбедно существовать, но чтобы при этом он дорожил службою.

Но, к сожалению, этот способ определения нормальных размеров офицерских денежных окладов был неприменим на практике по причине своей сложности и запутанности, поэтому оклады офицерского денежного довольствия и у нас, и во всех иностранных армиях почти не соизмерялись с действительной стоимостью жизни.

В русской армии, как известно, жалованье производилось соответственно разнице в значении чинов в различных родах войск, то есть, например, поручик гвардии получал такой же оклад, как и капитан армии; поручик генерального штаба, артиллерии, инженерных войск и стрелковых батальонов — наравне со штабс-капитаном армии. Сверх того гвардейские офицеры, состоявшие налицо в строю, получали жалование не по обыкновенному, а по усиленному окладу (на 50 % больше). Усиленный же оклад жалованья производился: а) офицерам всех войск, находящихся в исключительно тягостных условиях, как, например, во всех отдельных округах; и б) всем офицерам, находящимся в каком-либо особом положении, как, например слушателям военных академий, состоящим в учебных частях и т. д.

Годовые оклады жалованья были определены следующие, в рублях (на 1880 г.)[158]:

Таблица 1. Годовые оклады жалованья

	Обыкновенные	Усиленные
Полному генералу	1695	2544
Генерал-лейтенанту	1356	2034

[158] Газененкампф М. Военное хозяйство в нашей и иностранных армиях в мирное и военное время… С. 69.

Генерал-майору	1017	1524
Полковнику	687	1032
Подполковнику	531	795
Майору	441	660
Капитану	366	549
Штабс-капитану	339	507
Поручику	312	468
Подпоручику	294	441
Прапорщику	276	414 р. 80 к.

Начиная с подполковника оклады показаны армейские. Штаб и обер-офицеры прочих родов оружия получали оклады по соответствующим чинам.

Состоящим по запасным войскам или по роду оружия без должностей жалованье производилось по уменьшенному окладу, а именно: полному генералу 1394 руб. 25 коп.; генерал-лейтенанту 1116 руб. 30 коп; генерал-майору 838 руб. 50 коп.; полковнику 502 руб. 5 коп.; подполковнику 419 руб. 25 коп. Начиная с чина майора, смотря по правам и преимуществам родов войск, а именно: майору 336 руб. 30 коп; капитану 307 руб. 5 коп.; штабс-капитану 282 руб. 75 коп; поручику 238 руб. 80 коп.; подпоручику 224 руб. 25 коп. и прапорщику 209 руб. 55 коп[159].

Осуществлялись и вычеты из жалованья, которые можно разделить на постоянные (они, в свою очередь, подразделялись на обязательные и добровольные) и на единовременные (по преимуществу обязательные).

Два самых значительных вычета, впрочем, были совсем нечувствительными, так как штатное жалование было определено за их исключением: это были вычеты на медикаменты и госпиталь (2,5 %) и в эмеритальную кассу (6 %), которые производились постоянно. Остальные

[159] Там же. С.70.

постоянные вычеты все были добровольные и в каждой части войск разнообразны, по соглашению офицеров между собою.

К единовременным вычетам мы относим: 1) вычеты за повышение в чинах и должностях и вообще при всяком увеличении денежного содержания; и 2) вычеты за вновь пожалованные ордена.

На основании указа 7-го июля 1873 года с каждого генерала и офицера при всяком увеличении денежного содержания (т. е. не только жалованья, но и столовых, добавочных, квартирных денег и прочего), — удерживалась разница между старым и новым содержанием в продолжении первых 3-х месяцев со дня Высочайшего повеления или распоряжения начальства об увеличении содержания. Другими словами, военнослужащие начинали пользоваться увеличенным содержанием только через 3 месяца после того, как состоялось о том Высочайшее повеление или распоряжение начальства. Вычеты за ордена производились в определенном для каждого ордена размере (наименьший вычет — 10 рублей, за орден Св. Анны 4-й ст.; наибольший — 500 руб., за орден Св. Андрея Первозванного) при ближайшей выдаче жалованья. Итак, вычеты были не только весьма значительны по своим размерам, но и система производства их была такова, что в некоторых случаях офицеры могли быть поставлены в довольно тяжкое положение.

Жалованье выдавалось офицерам везде помесячно. Исключение составляли только гвардейские офицеры: обыкновенный оклад жалованья выдавался им помесячно, а половинный прибавочный оклад — единовременно, обыкновенно в начале апреля.

В русской армии существовало три главных вида добавочных окладов: 1) столовые деньги, выдававшиеся всем занимающим известного рода должности; 2) добавочное содержание высшим строевым начальникам до командиров полков и других отдельных частей включительно и 3) добавочное содержание всем строевым обер-офицерам, не получающим столовых денег. Оклады столовых денег были определены за вычетом 6 % в эмеритальную кассу и 2 % в инвалидный капитал.

Столовые деньги полагались по 18-ти различным разрядам[160], от 3 500 рублей — начальнику полевого штаба действующей армии (высший разряд) до 120 рублей — делопроизводителям из классных чиновников в войсках (низший разряд) и распределялись следующим образом:

3.000 — прочим начальникам главных отделов полевого управления армии и корпусным командирам;

2.400 — начальникам: дивизий; окружных штабов; артиллерии и местных войск в округах; саперных бригад и корпусной артиллерии;

2.100 — начальникам стрелковых и командирам запасных кавалерийских бригад;

1.800 — начальникам корпусных штабов; командирам пехотных и кавалерийских бригад; помощникам начальников штабов и артиллерии в округах; губернским воинским начальникам;

1.500 — командирам: артиллерийских бригад; полков; крепостной артиллерии в крепостях 1-го класса; начальникам штабов: дивизий и местных войск;

1.200 — командирам крепостной артиллерии в крепостях 2-го класса;

900 руб. — командирам: отдельных: батальонов, полубатальонов и эскадронов; батарей; парков; крепостной артиллерии 3-го класса; фортов и батарей в крепостях; уездным воинским начальникам в местностях 1-го класса;

600 — командирам батальонов и дивизионов; заведующим хозяйством в полках; старшим адъютантам окружных штабов и штаб-офицерам для поручений при этих штабах; полковым ремонтерам; уездным воинским начальникам в местностях 2-го класса;

540 — командирам казачьих батарей: Кубанских, Терских и Оренбургских;

---

[160] Не считая лиц, поставленных выше корпусного командира, а также служащих в главных управлениях Военного министерства, которым были определены особые оклады по должности.

500 — командиру Кавказского казачьего эскадрона Собственного его величества конвоя;

420 — уездным воинским начальникам в местностях 3-го класса; штаб и обер-офицерам для поручений при корпусных штабах; старшим адъютантам: корпусных и дивизионных штабов; штабов местных войск; управлений: саперных, стрелковых и запасных кавалерийских бригад; помощникам старших адъютантов Окружных штабов и обер-офицерам для поручений при этих штабах;

360 — командирам рот крепостной артиллерии; старшим адъютантам управлений пехотных и кавалерийских бригад;

300 — младшим штаб-офицерам; ротным и эскадронным командирам; заведующим хозяйством во всех отдельных частях, кроме полков;

280 — командиру л.-гв. Уральского казачьего эскадрона;

240 — причисленным к генеральному штабу; командирам полубатарей; заведующим полковыми и других отдельных частей учебными командами; полковым и отдельных батальонов: адъютантам, казначеям, квартирмейстерам, делопроизводителям из офицеров; заведующим оружием и лазаретами; помощникам ремонтеров;

180 — некоторым офицерам учебных, местных и инженерных войск;

120 — делопроизводителям из классных чиновников.

Добавочное содержание начальникам отдельных частей назначалось для удовлетворения расходов на представительность, сопряженную со служебным положением этих лиц.

Размеры этого содержания были различны; наибольший размер получали корпусные командиры — 2400 руб. в год; начальники: дивизий; окружных штабов и артиллерии в округах и корпусной артиллерии — по 1500 руб.; начальники и командиры всех вообще бригад, кроме артиллерийских; начальники корпусных штабов, помощники начальников штабов и артиллерии в округах и губернские воинские начальники, — получали по 900 руб.; а командирам всех вообще полков, артиллерийских бригад и крепостной

артиллерии 1-го класса было положено большее прибавочное содержание, а именно 1 200 руб., т. к. расходы их на представительность были гораздо больше. Наименьший оклад, 300 рублей, получали командиры батарей.

Добавочное содержание строевым обер-офицерам, не получавшим столовых денег, было назначено единственно с целью улучшения их материального положения. Его размер был один и тот же, без различия чинов: по 8 руб. в месяц или по 96 руб. в год.

Как и столовые деньги, так и прибавочное содержание выдавались помесячно, вместе с жалованьем. При этом столовые деньги выдавались только за время действительного исправления должности.

Существовали и второсрочные виды денежного довольствия[161]:

1) Денежные оклады на улучшение общественного быта офицеров.

В России отпускалось ежегодно от 100 до 1600 руб. на каждую армейскую отдельную часть в зависимости от штатного числа офицеров, а именно: каждой стрелковой бригаде — 1.600 руб.; каждому пехотному полку — 1.200 руб.; кавалерийскому полку — 600 руб.; каждому саперному и линейному батальону и парковой бригаде — по 400 руб.; каждому крепостному артиллерийскому батальону — 900 руб.; каждому резервному или кадровому резервному батальону — от 400 до 200 руб.в зависимости от числа офицеров; каждой батарее как пешей, так и конной, каждому запасному эскадрону и каждому парку — по 100 руб.

Суммы эти положено было употреблять: половину на устройство и содержание офицерских собраний и общих столовых; ¼ на офицерские библиотеки и последнюю ¼ на усиление офицерских заемных капиталов.

2) Денежные оклады, отпускаемые офицерам в особых служебных положениях.

---

[161] Газенкампф М. Военное хозяйство в нашей и иностранных армиях в мирное и военное время… С. 78.

В нашей армии существовали суточные, порционные, прогонные и разъездные деньги.

А) Суточные полагались:

— за время передвижения целых частей войск в мирное время, а также за время маневров, если передвижения или маневры продолжались более 3-х дней: генералам по 2 руб. 50 коп., штаб-офицерам по 1 руб. 50 коп., обер-офицерам по 75 коп. в день (выдача этих денег приостанавливалась, если войска во время передвижения останавливались больше чем на 3 дня);

— за время лагерных сборов, только штаб и обер-офицерам и в том лишь случае, если в лагерном сборе было сосредоточено не менее 6-ти батальонов, 6-ти дивизионов или 6-ти батарей. Штаб-офицерам полагалось по 60, а обер-офицерам по 30-ти коп. в день. Командиры отдельных частей этих денег не получали;

— за время нахождения в некоторых командировках. Размеры суточных денег были определены особыми положениями для каждого рода командировок.

Б) Порционные деньги полагались:

— в мирное время — за содержание караулов и больным офицерам;

— в военное время — походные и полевые порционы.

За содержание караулов деньги выдавались в различном размере в зависимости от того, на каких условиях войска содержали караулы. Офицерам тех частей, которые содержали караулы в местах своего постоянного квартирования, порционные деньги выдавались только за каждый день действительного пребывания в карауле. Офицерам же таких частей войск, которые были временно командированы в какой-либо город именно для содержания караулов, порционные деньги выдавались за все время командировки, т. е. не по числу дней нахождения в командировки, а по расчету числа дней или месяцев командировки. В обоих случаях размер порционных денег был один и тот же: 60 коп. в день штаб-офицеру и 30 коп. обер-офицеру.

Больным офицерам выдавались порционные по 28 коп. за каждый день болезни, но только в том случае, если они лечились на дому по недостатку мест в ближайшем военном госпитале.

В военное время взамен прежних отпусков полагались, кроме фуражных денег, порционные деньги двух размеров: низшего — походные порционы и высшего — полевые порционы; те и другие были 9-ти разрядов в зависимости от должностей и по каждому разряду полевые были вдвое больше соответствующих походным.

Распределение должностей по разрядам было определено особым расписанием.

Размер порционных I-ого разряда, присвоенного только Главнокомандующим, командирам отдельных корпусов и командующим войсками в округах, объявленных на военном положении, определялся каждый раз особым Высочайшим повелением.

На таких принципах была построена система распределения основных видов интендантского довольствия, сложившаяся в результате реформ 1860–1870-х гг.

В целом преобразования в русской армии явились частью проводимых реформ в России, осуществленных в 60—70-х гг. XIX века. Введение военно-окружной системы создавало относительное единство военного управления, ликвидировало излишнюю обособленность отдельных отраслей управления.

Реформы, проводимые при непосредственном активном участии Д. А. Милютина, заложили основу для организации системы интендантского довольствия. Это, в свою очередь, положительно сказалось во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

Военная реформа способствовала созданию массовой армии в России. Для обеспечения армии необходимо было всячески развивать военную промышленность, значительное количество продукции сельского хозяйства. Возросло значение запасов продовольствия и фуража, предметов обмундирования и снаряжения, госпитального и лазаретного довольствия,

накопленных в мирное время для обеспечения соединений и частей при их развертывании и в ходе войны; увеличилось значение подвоза разнообразных грузов для обеспечения массовой действующей армии и встал вопрос подбора частных компаний для заключения с ними долгосрочных контрактов на поставки предметов интендантского довольствия.

Проведенные реформы коснулись почти всех сторон организации и устройства вооруженных сил: комплектования, вооружения, управления, обучения и т. д., при этом серьезные изменения коснулись и интендантской службы, на которую в дальнейшем лег весь груз ответственности за обеспечение армии предметами интендантского довольствия.

2.2. Общая характеристика деятельности интендантства в Русско-Турецкую войну 1877—78 гг.

С точки зрения исследователя деятельности интендантства, русско-турецкая война 1877–1878 гг. может быть разделена на три основных периода: до перехода границы Румынии, в пределах Румынии и до переправы через Дунай и от переправы через Дунай и до конца войны. При этом представляется целесообразным ограничить исследование Балканским театром в силу того, что он являлся важнейшим периодом этой войны, и поэтому дает возможность оценить деятельность интендантства, не вдаваясь в изучение хода кампании на Кавказском театре как второстепенном, а, следовательно, и характеризующим лишь частности деятельности интендантства.

Война с турками, объявленная 12 апреля 1877 года, не явилась для царского правительства неожиданной, но, тем не менее, она застала Россию не в должной готовности.

Подтверждением сказанного может служить то обстоятельство, что руководящим законом для формирования и деятельности органов военного ведомства на время войны должно было служить утвержденное только перед самой мобилизацией «Положение о полевом управлении войск» 1876 г[162], причем некоторые его штаты были обнародованы только после объявления мобилизации[163]. В результате военные командиры не были заблаговременно ознакомлены с предстоявшей им деятельностью и не могли подготовить заблаговременно подчиненные им органы.

Во главе армии стоял главнокомандующий, которому подчинялись органы полевого управления.

Во главе интендантства русской армии на май 1877 г. находились следующие чины:

---

[162] Приказ по в.в. 1876 г., № 304.

[163] Приказ по в. в. 1876 г., № 317, 323.

Таблица 2. Список чинов Главного интендантского управления[164]

Генерал-лейтенанты		
1866 октября 28	Генерал, военный инженер Михаил Петрович фон-Кауфман	Главный интендант с 30-ого марта 1867 года. Налицо.
Состоящие по армейской пехоте		
1869 августа 30	Барон Вячеслав Владимирович Штейнель	Управляющий
1870 июня 20	Петр Михайлович Хоментовский	Помощник главного интенданта
1870 августа 30	Состоящий по инженерному корпусу и при главном интендантском управлении Петр Сергеевич Шестаков	Член, состоящий при главном интендантском управлении особой комиссии по обувной части и заведующий канцелярией этой комиссии с августа 1872 года

На высшую инстанцию интендантского ведомства при главнокомандующем была возложена обязанность выполнять общие распоряжения по продовольствию армии и удовлетворению их денежными и вещевыми окладами. Полевое интендантство состояло из: а) помощника интенданта армии, б) канцелярии интенданта армии (отделения которой ведали соответственно продовольственной, денежной, вещевой и госпитальной

[164] РГВИА. Ф. 499. Оп. 1. Д. 294. Л.130.

частями), в) чинов для поручения, г) корпусных, отрядных и дивизионных интендантов, д) начальника интендантского транспорта[165].

Так как полевое интендантское управление являлось лишь ближайшим распорядительным органом главнокомандующего, то вся исполнительная часть возлагалась на окружное интендантское управление театра войны (тыловое) или на местные заграничные интендантские управления, учреждаемые по мере надобности и удаления армии от границ Империи. Само полевое интендантство могло принимать участие в исполнительных операциях только тогда, когда признал бы это нужным главнокомандующий. В таком случае приобретение необходимых запасов должно было производиться посредством состоящих при полевом интенданте чинов для поручения или войсковых интендантов (корпусных, отрядных и дивизионных).

Интендант армии подчинялся непосредственно главнокомандующему, но все письменные представления ему он должен был делать не иначе, как через начальника штаба армии, а личные, в случае надобности, доклады — в присутствии последнего.

Лично интендант армии управлял военно-окружным советом и обладал правом окончательно утверждать хозяйственные операции на всякую сумму в пределах сметных цен. Вместе с тем на него возлагалась полная ответственность за расходы, произведенные хотя бы по приказанию главнокомандующего, если последний руководствовался справками или фактами, доложенными интендантом армии. Насколько такое требование было неестественно, понятно само собою. Очевидно, интендант все время должен был находиться под угрозой последующей, послевоенной проверки его деятельности, когда она будет оцениваться не с точки зрения сиюминутной необходимости совершения той или иной хозяйственной операции, а в свете уже совершившихся фактов и на основании тщательно проверенных справочных и иных цен.

---

[165] Описание Русско-турецкой войны. СПб., 1901. Т. 1, гл. XI, С. 331 – 374.

Где бы война ни велась: внутри Империи, в стране союзной или неприятельской, — интендант армии должен был всемерно охранять казенные средства от истощения, а потому прибегать к ним только при невозможности, неуспехе или чрезвычайной дороговизне удовлетворения потребностей армии средствами казенных заготовлений[166].

Наконец, необходимо отметить, что войсковые интенданты были обособлены от строевого управления, а корпусные командиры и начальники дивизий не отвечали по закону за продовольствие вверенных им войск[167].

Интендантский транспорт, подчиненный полевому интенданту, назначался для подвоза к армии предметов довольствия войск, для перемещения запасов из одного магазина в другой или же для перевозки разного рода армейских грузов и раненых, по соглашению интенданта армии с начальником штаба и начальником полевого управления военными сообщениями.

Нужно иметь в виду, что война 1870—1871 г. г. показала, какую важную роль играло устройство тыла при усовершенствованных путях сообщения и дала весьма много ценных практических указаний. Наша война с турками была первым для нас серьезным экзаменом пользования новейшим фактором — железными дорогами. Результатом этого экзамена явилось образование вместо второстепенного управления инспектора военных сообщений образовывалось «управление военными сообщениями», начальник которого был подчинен непосредственно главнокомандующему на одинаковых основаниях с прочими начальниками главных отделов полевого управления армии (положение 1876 года[168]). Целью такой реформы было, между прочим, достижение

---

[166] Описание Русско-турецкой войны 1877 – 78 гг. СПб., 1901. Т. 1, С. 333.

[167] ИА ВИМАИВ и ВС. Ф. 23. Оп. 88. Д. 33.

[168] Приказ по в.в. 1876 г. № 304.

правильности и связности в действиях, касающихся подвоза к армии всего необходимого и отвоза людей и запасов[169].

Перед тем, как перейти к постепенному изложению деятельности интендантства на Дунайском театре, необходимо обратить внимание на особенности данного театра войны.

После Крымской кампании Россия, не владея Черным морем, могла направить свою армию в Турцию только через вассальное княжество Румынию. В то время как в прежние войны флот мог оказывать деятельную помощь сухопутной армии при овладении прибрежными крепостями и сильно облегчать задачу подвоза, в эту войну наши войска должны были держаться вдали от морского берега и подвозить все грузы исключительно сухим путем. Балканский полуостров представлял неблагоприятные условия для базирования. Во время наступления к Константинополю оба фланга армии не были обеспечены ни слева — так как Дунай и Черное море находились в руках противника, ни справа — ввиду неопределенности политических отношений с Австрией.

Двумя естественными преградами — Дунаем и Балканами, пересекавшими весь пути из России к Константинополю, — Европейский театр войны делился на три части, во многом отличающиеся друг от друга по климату, населению, богатству страны, естественными и политическими условиями, а именно на Румынию, Придунайскую Болгарию и страну за Балканами.

Главнейшими путями от пределов Империи к Дунаю были следующие: а) железная дорога Унгены — Яссы — Паскон — Текуч — Галац — Плоешти — Бухарест — Журжево — длиною в 610 вер., б) грунтовая дорога Скуляны — Яссы — Фокшаны — Плоешти —Бухарест — Журжево — 440 вер., в) шоссе — Унгены (мимо Ясс) — вдоль р. Бырлат на Текуч — к Галацу — 230 вер.

---

[169] Описание Русско-Турецкой войны 1877 – 78 гг. на Балканском полуострове, СПб., 1901. Т. I, С. 277.

Галац имел значение узла важнейших путей. Сюда же подходила Бендеро-Галацкая железная дорога, окончательно построенная после объявления войны.

Железные дороги не отличались прочностью конструкции, давали не более 4 — 5 пар поездов в сутки и имели в сравнении с русскими дорогами более узкую колею. Шоссейные дороги не выдерживали усиленного движения войск и обозов. Грунтовые дороги пролегали по черноземно-глинистой почве и легко портились после дождя. Телеграфная сеть связывала все румынские города.

Сама Румыния, хотя по преимуществу страна и землевладельческая, не могла вполне обеспечить русскую армию привычными для нее продуктами. Рожь и овес собирались в недостаточном количестве, а гречихи и проса совсем не было. Вот наиболее характерные свойства того района, который должен был стать для русской армии базой по достижению правого берега Дуная.

Ближайшим театром военных действий должна была стать Придунайская Болгария. Главнейшими путями от Дуная к Балканскому хребту служили дороги: а) от Рущука на Разград — Осман-Базар — Котел протяженностью 110 верст, б) от Рущука на Белу — Тырново и Елену к Твардицкому перевалу — 130 верст, от Систово к Шипке — 120 верст, от Никополя на Плевну — Ловчу — Троян — 100 верст и от Никополя на Орхание — 125 верст.

Главное занятие жителей средней и западной части Придунайской Болгарии составляло землевладение, дававшее обильные урожаи кукурузы, пшеницы, ячменя; овса же и ржи было немного.

Ближайший театр, как уже было указано, отделялся от главного предмета действий — Константинополя — Балканским хребтом. Последний имел, однако, свыше 30 перевалов, из которых важнейшими являлись: Орханийский, Шипкинский, Хаинкиойский, Твардицкий и Котельский. Все они выходили на одну продольную дорогу София — Сливно — Бургас, причем южный скат хребта был значительно круче северного.

Значение Балканского хребта как оборонительной линии было значительно преувеличено. Наконец, ближайшим к предмету действий частным театром военных действий являлся Забалканский, носивший преимущественно гористый характер. Район этот отличался богатством местных средств, обеспечивающих довольствие хлебом, фуражом и скотом. Главнейшими путями были: 1) София — Златица — Казанлык — Сливно — Бургас (350 верст) и 2) Белград — Константинопольское шоссе (560 верст).

Железнодорожная линия от Белово — на Филиппополь, Адрианополь к Константинополю (450 верст) пересекала район с запада на восток.

Таким образом, оказывается[170], что Балканский театр войны обладал следующими характерными условиями: 1) очень короткая база, угрожаемая с обоих флангов и тыла, 2) длинная операционная линия (600 верст от Бухареста до Константинополя), отвлекавшая большой расход войск для охранения, 3) необходимость подвоза многих запасов из России при весьма слабо развитой и плохо оборудованной коммуникационной линии, 4) наличие серьезных естественных преград, облегчающих задачу турок и затрудняющих быстроту нашего наступления и 5) неполнота и даже неточность сведений о местности.

План наш сводился к тому, чтобы занять Румынию, переправиться через Дунай где-либо между устьями рек Янтры и Осмы и, выставив заслон против четырехугольника крепостей и к стороне Виддина, наступать через Тырнов к Шипкинскому перевалу и далее через Адрианополь к Константинополю. Районом сосредоточения армии до перехода границы служила Бесарабия, входившая в состав Одесского военного округа.

Относительно интендантской подготовке к войне необходимо отметить, что, ввиду продолжительности переговоров с Портой об облегчении участи славян, некоторые хозяйственные распоряжения значительно предшествовали объявлению мобилизации, а именно: мобилизация армии была объявлена 1-го ноября 1876 года, а первые распоряжения были отданы 23 сентября.

---

[170] Описание Русско-Турецкой войны 1877–78 гг., СПб., 1901. Т. 1, С. 24–24.

О том, как проходила мобилизация и интендантская подготовка, мы можем судить по материалам Военно-исторической комиссии Главного штаба, составившей подробный отчет относительно снабжения армии предметами интендантского довольствия за период с начала мобилизации 2 ноября 1876 г. до сражения под Плевной 18 июля 1877 г.[171] Материалы, вошедшие в этот сборник, были извлечены из Военно-ученого архива Главного Штаба и Архива главного интендантского управления, куда поступили на хранение дела интендантских управлений и учреждений действующей армии.

Особое значение для понимания порядка довольствия войск армии в приделах Империи играет Приказание по войскам действующей армии от 28 ноября 1876 г. за № 1[172].

В нем объявлялся по всем частям, входившим в состав действующей армии, для руководства и исполнения устанавливаемый порядок довольствия войск армии в пределах Империи. Он был подписан начальником штаба действующей армии генерал-адъютантом Непокойчицким.

Согласно приложения к этому приказанию устанавливался следующий порядок относительно разных видов довольствия.

1. Продовольствие людей и лошадей.

1) По этому распоряжению, провиант войска должны были получать в пунктах их расположения или ближайших к ним продовольственных магазинах, а также учрежденных для этого центральных складах. Провиант следовало подвозить на указанном от них расстоянии собственными средствами, а на большие расстояния — требовать подвозки такового от смотрителей или заведующих складами за счет казны.

---

[171] Сборник материалов по Русско-Турецкой войне 1877–1878 гг. на Балканском полуострове. Выпуск 18. Снабжение предметами интендантского довольствия за время с мобилизации 1876 г. по 18 июля 1877 г. Издание Военно-исторической комиссии Главного штаба. СПб., 1900.

[172] Там же. С. 1.

2) Фуражное довольствие, с разрешения его императорского высочества главнокомандующего, предоставлялось собственному попечению войск в тех пунктах, на которые имелись утвержденные военно-окружными советами цены; в тех местах, на которые утвержденных цен не было — приказывалось покупать фураж по цене, существующей в продаже.

2. Вещевое довольствие[173].

3) Войска действующей армии, не получившие срочного вещевого довольствия 1877 года или получившие его с недопусками, должны были обращаться с требованиями по этим предметам в окружные интендантства. Оттуда они и должны были получать это довольствие до окончательного удовлетворения по требованиям.

Однако для нужд армии требовалось и довольствие, не включенное в обычный перечень обмундирования. Так, например, во время войны потребовались для нижних чинов шерстяные вязаные фуфайки, а так как они не входили в нормальное довольствие войск, то для них не было установлено и техническое описание[174].

2. Довольствие больных.

Расход денег для довольствия больных в дивизионных, подвижных и войсковых лазаретах должен был производиться в размере, установленном для каждого больного посуточно.

3. Денежное довольствие.

Центральные полевые управления армии получали от полевого интендантского управления, по своим требованиям, кредиты на все виды денежного довольствия, в том числе и на прогоны, кроме единовременных

[173] Там же. С. 2.

[174] ИА ВИМАИВ и ВС. Ф. 23. Оп. 88. Д. 31. Л. 17.

пособий по военному времени, которые выдавались по ассигновкам полевого интенданта.

Все же войска, военно-временные и подвижные госпитали, дивизионные лазареты действующей армии требовали денежное довольствие из окружных интендантских управлений, в том числе и пособия по военному времени. Причем для облегчения и ускорения получения денег сами войска в своих требованиях должны были указывать ближайшую кассу, из которой им удобнее всего было получать деньги.

Отдельного рассмотрения требует вопрос о потребности в продовольственных припасах и вещах для войск армии, местах их сосредоточения и сроках доставки[175].

А) О продовольственных припасах для людей и лошадей.

За 40 дней до объявления мобилизации войск главный интендант Военного министерства предписанием от 23 сентября 1876 г. за № 1212 сообщил Одесскому окружному интенданту о последовавшем Высочайшем повелении обеспечить походным довольствием, на случай движения к Дунаю, войска Одесского и Харьковского военных округов в составе двух корпусов с приданными к ним другими, по военному времени, частями и 5 казачьими полками. Для этого необходимо было заготовить провиант, фураж и винные порции (по две чарки в день на человека) на четыре месяца, порционный скот на десять дней и, кроме того, приготовить сухарей в размере месячной порции. Затем последующим предписанием, от 27 сентября за № 1, указал заготовить чай и сахар, по численности полевых и крепостных войск, сосредотачиваемых в Одесском округе, по расчету 1/3 фунта чая и 1 фунта сахара на 100 человек в день, всего на первый раз по 10 порций на человека.

Численность армии по указаниям, определялась в 99.619 нижних чинов и 24.812 лошадей.

Для них было назначено заготовить:

---

[175] Там же. С. 11.

На четыре месяца:

Муки .....93.392 четверти

Крупы 12.451

Овса и ячменя 134.165

Сена .....917.220 пудов

Вина .....38.858 ведер

На десять дней:

Порционного скота .....1.661 голова

Чаю .....112 пудов

Сахару 336

На один месяц:

Сухарей.....20.000 четвертей

Дров для приготовления сухарей .....1.500 саженей

Все эти операции, ввиду их экстренности и секретности дела, Одесский военно-окружной совет решением от 5 октября 1876 г. за № 379 указал выполнить, согласно Высочайшему повелению, коммисионерским способом; заготовленные припасы сложить в Кишиневе, Бендерах и Тирасполе, и закончить их поставку в течение 6 недель.

Для выполнения этой задачи было принято решение о распределении обязанностей по довольствию войск между всеми подведомственными управлениями[176].

По статьям 9 и 128 Высочайше утвержденного 16 октября 1876 г. положения о полевом управлении войск в военное время, полевое управление в делах хозяйственных действовало через окружные управления театра войны или местные учреждения за границей. Кроме того, по ст. 186 и 187 того же положения, полевое интендантское управление действовало через корпусных, дивизионных и отрядных интендантов как непосредственных исполнителей

[176] Там же. С. 40.

распоряжений интенданта армии относительно тех частей, при которых они состояли.

Особо решался вопрос по продовольствию людей и лошадей и окладному денежному довольствию.

На полевое интендантское управление возлагались общие распоряжения и мероприятия по довольствию войск и расчеты с подрядчиками за поставляемые за границею припасы, а также непосредственное удовлетворение войск всеми предметами довольствия в случаях экстренных, не терпящих отлагательств.

На заведующего интендантской частью главной квартиры возлагалось ее снабжение и удовлетворение прикомандированных к ней частей войск всем положенным по закону довольствием.

На корпусных и отрядных интендантов, кроме обязанностей, указанных в законе, возлагалось денежное довольствие войск, входивших в состав корпуса и отряда.

На дивизионных интендантов, сверх обязанностей, определенных законом, — поверка войсковых требований и выполнение распоряжений и поручений корпусных интендантов.

На обязанности окружных интендантов оставалось снабжение всеми родами довольствие войск армии, расположенных в ее тылу, в пределах Империи, а также заготовление и доставка к армии тех предметов, которые, по военным обстоятельствам, признано было бы необходимым приобрести в Империи и привезти к армии.

Отдельно решался вопрос по довольствию больных.

На полевое интендантство возлагались и в этом случае общие распоряжения и мероприятия по довольствию больных в армии, а также снабжение военно-временных госпиталей кредитами и авансами на удовлетворение подрядчиков и другие надобности.

На госпитальные комитеты — производство, по уполномочию полевого интендантства, торгов на поставку продовольствия больным и содержание

госпиталя, заключение контрактов, уплату подрядчикам денег и ведение с ними расчетов.

На корпусных и отрядных интендантов — снабжение войск деньгами на довольствие больных в дивизионных и войсковых лазаретах.

Также отдельного рассмотрения требует вопрос о способах заготовления и доставки припасов и вещей.

Заготовление предметов довольствия войск в военное время, на основании 139–145 статей Высочайше утвержденного 26 апреля 1875 г. положения о заготовлениях по военному ведомству, предполагалось производить : а) порядком с торгов; б) коммерческим способом; в) коммисионерским способом; г) наличными покупками; д) реквизициями; е) контрибуциями; ж) теми в союзных государствах способами, которые будут определены конвенцией, и з) военною добычей.

Между тем Начальник Штаба армии, в отзыве от 5 января за № 3, уведомлял, что в Румынии гласное заготовление провианта по пути следования войск невозможно, а также невозможна своевременная подвозка провианта из России. Поэтому было разрешено заготовлять путевое довольствие через вполне благонадежных частных коммерсантов. Причем к отзыву Начальника Штаба армии за № 3, в котором было изложено такое указание, было приложено пять вызовов лиц, предлагающих довольствовать армию на комиссионном основании.

Более значительные вызовы были поданы следующими лицами: действительным статским советником Поляковым в компании с помещиком Грегером; Санкт-Петербургскими купцами: Иосифом Лазаревым и Тунцельманом с К; Одесским купцом Миною Пашовым; поверенным отставного гвардии штабс-капитана Допельмаера, землевладельцем Гудим-Левковичем, вызвавшимися довольствовать армию на коммерческих началах. В предложениях Полякова, Грегера, Лазарева и Пашова замечается некоторая аналогия в системе довольствия и в то же время видно и различие в средствах

приобретения для войск продовольственных припасов и по обеспечению исправности принимаемых ими на себя обязанностей[177].

Поляков и Грегер вызывались ставить провиант, мясо и вино и устраивать пути сообщения в сроки, по ценам и на условиях, устанавливаемым на каждый данный случай, или по справочным ценам, устанавливаемым на каждую неделю вперед; производить все закупки и работы на свои средства; отчитываться в них и получать уплаты за все поставленное и сделанное в течение недели каждую субботу; представить в обеспечение исправности 500.000 рублей денежными бумагами, получать 10 % вознаграждения за труды.

Лазарев желал поставлять хлеб, скот и спирт по действительным закупочным ценам, обязываясь не закупать упомянутых предметов исключительно в районе театра военных действий, чтобы не истощать его средств, и отчитываться в стоимости покупок купеческими книгами и документами; все расходы производить на свой капитал; получать уплату по квитанциям в сдаче продуктов; представлять соответствующей операции залог; иметь право на 10 % с рубля комиссионной премии.

Тунцельман делал предложение снабжать армию за границею предметами провиантского и комиссариатского довольствия на свои капиталы и, ссылаясь на известность свою начальнику Главного штаба, графу Гейдену, и обязываясь представить надлежащие залоги, не объяснял подробно своих дальнейших условий, но просил вызвать его для соглашения таковых.

Наконец Пашов, собиравший в Румынии и Болгарии за свой счет сведения о средствах довольствия там армии, соглашался на сделанное ему начальником штаба предложение принять на себя довольствование, но не иначе, как без залога и притом на средства казны, с купеческим отчетом в расходах и вознаграждением по соглашению; причем был готов взять на себя и

---

[177] Сборник материалов по Русско-Турецкой войне 1877–1878 гг. на Балканском полуострове. Выпуск 18. Снабжение предметами интендантского довольствия за время с мобилизации 1876 г. по 18 июля 1877 г. Издание Военно-исторической комиссии Главного штаба. СПб., 1900. С. 30.

приобретение золота. Вне же этих главных условий отказывался от принятия на себя довольствия войск, выражая при этом готовность служить армии, чем в состоянии будет, в качестве бескорыстного волонтера.

Вызов Гудим-Левковича, поверенного Допельмаера, имел несколько отличный характер от всех предыдущих предложений. Он состоял в желании с переходом войсками границы доставлять предметы продовольствия в заранее определенных количествах и по условленным ценам с представлением в залоге 100.000 рублей и предоставлением увеличить его до 500.000 рублей вычетами из платы, которая будет следовать за продукты, или дополнительным взносом денег. Причем он выговаривал себе условие быть освобожденным от платежа всяких таможенных и внутренних пошлин при совершении поставок и, оговаривая свою готовность сделать понижение в ценах, назначал их на некоторые продукты, по-видимому, в преувеличенном виде, а именно: за четверть муки пшеничной 18 руб., ржаной 11 руб. 55 коп., кукурузной 10 руб. 50 коп., круп гречневых 13 руб. 20 коп., ячневых 12 руб., кукурузных 10 руб., за пуд говядины 3 руб. 70 коп., градус спирта 9 коп., ведро уксуса 90 коп., за четверть овса и ячменя 7 руб. 97 ½ коп. и, наконец, за пуд сена 1 руб.

Относительно вопроса о поставщиках в нашем распоряжении имеется крайне любопытный документ, а именно «Доклад о плане довольствия Полевого Интенданта действующей армии Великому Князю Главнокомандующему, 29 января 1877 года, № 1972, г. Кишинев»[178]. В нем, в частности, даются характеристики предполагаемых поставщиков:

«Поляков мне не известен; известно только, что он предприимчив и располагает капиталами. О Грегере начальник Штаба армии отзывается, как о человеке, заслуживающем доверия и обладающим средствами. Тунцельман, Допельмаер и Гудим-Левкович вовсе мне не известны ни с хорошей, ни с дурной стороны; равно не известно и их состояние. Зато Пашов близко знаком

[178] Доклад о плане довольствия Полевого Интенданта действующей армии Великому Князю Главнокомандующему, 29 января 1877 года, № 1972. Кишинев. 1877. С. 31.

мне, как негоциант и как казенный подрядчик по Интендантству Одесского военного округа.

При сравнении всех этих вызовов оказывается, что на стороне Полякова и Грегера положительно, а Лазорева, Тунцельмана и Допельмаера, — условно, сила капитала, соразмерная предстоящей задаче довольствия войск; на стороне же Пашова знание, умение, энергия, испытанная добросовестность, и, наконец, патриотические побуждения к хорошему исходу дела, как болгарина по происхождению и чувствам, не упоминая о небольшом капитале, которым, впрочем, он не признает работать для казны.

Кроме вышеупомянутых лиц и массы здешних и иностранных предпринимателей на частные поставки различных предметов для армии, сделаны мне еще в общих чертах предложения на довольствие вообще войск заграницею: Одесским городским головою тайным советником Новосельским, через посредство Одесского купечества, при покровительстве лично знающего его владетельного князя Румынии принца Карла и содействии президента министерства Брашиано, с условием получать оплату за продукты кредитными бумагами, и Одесским потомственным гражданином Адольфом Коганом, в компании с бывшим Астраханским губернатором действительным статским советником Струве, без выяснения условий. Новосельский был известен своею предприимчивостью и служебною деятельностью. Струве вместе с Коганом взяли последнюю поставку муки и круп, а Коган с Новосельским производят поставку и прессовку 1.400.000 пудов сена, каковым делом управляет Струве, впервые теперь появившийся на поприще подобного рода деятельности. Средства Новосельского (личные) и Струве не известны мне; а Коган имеет много домов в Одессе, обширные имения и капитал, хотя и значительно уменьшившийся последними потерями по пшеничной торговле. Коган пользуется в Одессе высоким уважением за свою честность и благотворительность.

Обращаясь затем к обсуждению способов довольствия войск заграницею, я нахожу, что при настоящих обстоятельствах ни один из указанных в законе не

может быть применен к делу, потому что: а) подрядной, комиссариатский, коммерческий и даже наличной покупки — потребуют предварительно назначенных цен, которые в данном случаи не могут быт определены с желаемою точностью; б) при каждом из этих способов, в большей или меньшей мере, гласность неизбежна; между тем, при настоящих наших отношениях к Румынии, на успешность обеспечения можно было рассчитывать только при негласных закупках; в) при торгах на общих основаниях каждый владеющий залогом имеет право участвовать в них, и подряд остается за тем, кто объявит низшие цены; между тем, при обеспечении войск в военное время, независимо выгодности цен, необходимо полное убеждение, что лицо, принимающее подряд, дорожа своим общественным положением, выполнит подряд исправно, а для этого необходимо право выбора лиц».

Ввиду этого, и принимая во внимание, что на остальные указанные в законе способы, то есть довольствие через союзных комисаров и реквизицию, рассчитывать было нельзя, мы переходим к рассмотрению остающегося, последнего способа поставки — на комиссионных началах.

Способ этот при тех обстоятельствах был единственным, на котором можно было остановиться для успешного и своевременного обеспечения армии по следующим соображениям:

А) для условия продовольствия войск могли быть избраны лица, более или менее известные, знакомые с делом, владеющие достаточными средствами для ведения операции и по своему общественному положению представляющие нравственные гарантии в исправном выполнении обязательств;

Б) лица эти, в качестве частных людей, должны были иметь возможность негласно, своевременно и с вернейшим успехом произвести закупки через своих агентов;

в) при этом способе все-таки сами покупки должны были производится по действительно существовавшим ценам.

Неизбежность избрания этого способа обуславливалась еще и тем, что независимо от энергичности дела и невозможности распорядиться о гласной закупке, не имелось и времени устроить путевое довольствие на иных началах.

Разобрав способы заготовления, целесообразно перейти к перечислению самих предметов довольствия и объяснению предполагаемого порядка снабжения ими войск.

Для путевого довольствия войск, как и для местного, требовались: мука, или печеный хлеб, либо сухари, крупа, овес, сено, вино, говядина, чай, сахар; дрова для варки пищи. Некоторые из этих припасов выступали как подспорье, а в крайних обстоятельствах — как выручка, в случае, если подрядчик не найдет возможности поставить своевременно ко дню прихода войск на ночлег нужных предметов довольствия, могли быть отправлены за первыми эшелонами, частью по железной дороге, а частью в интендантском транспорте.

К числу таких предметов, которые необходимо было отправить за армией, относились: сухари, крупа и зерновой фураж, поскольку в них предвиделась особенная надобность.

Прессованное сено и вино предполагалось подвозить только по железной дороге из-за затруднительности везти эти громоздкие предметы вслед за армией и ввиду возможности беспрепятственного приобретения их в княжествах.

Чай и сахар признавалось полезным раздать войскам, поскольку эти предметы, как полагал Главный интендант, могли быть без затруднения размещены в войсковых обозах.

Также предполагалось раздать войскам и мясные консервы, которых было выслано из Петербурга: мясного порошка 108 т. фунтов и консервов Азибера 300 т. порций.

Интендантом будущей армии был намечен окружной интендант Одесского военного округа действительный статский советник Аренс. Последний был предупрежден об этом, и ему было сообщено, что личный состав полевого интендантства будет пополнен за счет главного и окружных

интендантских управлений, кадром же должно было служить Одесское окружное интендантское управление.

По-видимому, такое решение являлось оптимальным, но фактически дело обстояло иначе. Во-первых, будущему полевому интенданту не были известны тогда ни новое «Положение о полевом управлении войск», ни штаты подведомственных ему интендантских органов. Кадровой основой для формируемого интендантства должны были служить чины Одесского округа, но они были завалены непосильною работою по заготовке запасов. Формирование полевых интендантских органов, начатое 2-го ноября, было фактически закончено лишь к весне 1877 г. Состав их был в общем случайный, что особенно резко было заметно в интендантском транспорте, где до 65 % персонала раньше не служили в интендантстве и большинство из них были определены из отставки[179].

Таким образом, комплектование и подготовка личного состава интендантских органов получили характер импровизации, что, естественно, не могло способствовать успешной деятельности ведомства. К тому же этот состав оказался недостаточным, и уже в начале 1877 г. он был усилен на 17 классных и 22 нижних чина[180]. Впоследствии выяснилось, что для нужд Дунайской армии потребовалось назначить до 800 человек интендантских чинов, распределенных между управлениями полевого и войсковых интендантов, управлениями местных интендантов тыла армии и назначенных в магазины.

Для обеспечения мобилизации армии содержались чрезвычайные запасы в 11 различных пунктах Европейской России, причем в пределах Одесского округа таковых не имелось вовсе.

Положение о полевом управлении войск 1876 года не предусматривало вопроса о продовольствии в военное время, и поэтому приходилось руководствоваться нормами мирного времени.

---

[179] Описание Русско-Турецкой войны 1877 – 78 г. СПб., 1901. Т. 1. С. 347.

[180] Приказ по в.в. 1877 г. №. 137.

В нашем распоряжении имеются данные, представленные полевым военно-медицинским инспектором Действующей армии относительно санитарного взгляда на мобилизацию войск 1876 г.[181]:

«Казалось бы, что хотя неожиданность и поспешность мобилизации и помешала Интендантству своевременно обеспечить все части войск теплой одеждой, но при всем том при новом способе передвижения войск по железной дороге в вагонах, долженствующих защищать людей от внешних вредных влияний, как холод, сырость и прочие, казалось бы, говорю, военная администрация, могла и должна была быть совершенно покойна насчет санитарного состояния имевшей мобилизоваться армии по отношению к одежде и обуви. Но на деле вышло не везде так: вся организация, порядок и вообще передвижение по железной дороге, при изложенных выше упущениях дорожной администрации, набросили на новую систему передвижения в некоторых отдельных случаях такую тень и подарили ее такими темными свойствами, которые могут составлять принадлежность только грунтовых дорог, и то плохих. Таким образом, и в отношении согревания тела, а особенно ног, железные дороги не вполне оправдали надежд, возложенных на них военным ведомством»[182].

Оказалось, что нижних чинов, передвигающихся по железной дороге, нужно было одеть ничуть не менее, чем для похода по грунтовому пути, не возлагая надежд на защиту их от холода вагонами.

Однако полушубками и теплыми фуфайками, по недостатку времени, были снабжены далеко не все части войска. Очень многим частям они розданы были уже по окончании похода, и это обстоятельство значительно усилило вредное влияние холода и сырости, господствовавших в вагонах. Еще чувствительнее было неудовлетворительное состояние обуви во многих частях. Многие нижние чины имели по одной паре сапог, которая оказывалась в походе

---

[181] РГВИА. Ф. 499. Оп. 1. Д. 282 Л. 283.

[182] Там же. Л. 284.

недостаточною: находясь иногда целый день в грязи или снегу и промочивши ноги, солдат не имел возможности заменять эту обувь эту сухой и даже не успевал просушивать ее в случае ночлега для следующего маршрута. Кроме того, часто сапоги до того были тесны, что не было возможности надевать на ногу больше одной тонкой холщовой портянки[183].

На основании положения о провиантском, приварочном и фуражном довольствии войск 1871 года[184] войска при выступлении в поход обязаны были брать с собою: 1) провианта (сухарей и крупы) полный восьмидневный запас и 2) овса: пехота, артиллерия и парки — четырехдневный, кавалерия — двухдневный запас.

Войсковой обоз перед мобилизацией находился в переходном состоянии, т. е. было намечено, но лишь начато осуществление замены старых повозок другими — нового образца. При этом войска, мобилизованные в 1876 г., выступили с обозом старой организации. Вообще в казенном обозе ощущался большой недостаток. Были части (например, казачьи) без всякого обоза. Поэтому собственно войсковой обоз приходилось собирать из разнокалиберных повозок различных образцов, причем в результате он отличался столь значительною громоздкостью, что часть его пришлось впоследствии оставить еще при движении через Румынию.

Продовольствие перевозилось в повозках полкового и дивизионного обозов, считая по одной продовольственной повозке на роту и эскадрон в составе полкового обоза. Корпусного обоза для войск не полагалось, вследствие чего общеармейский отличался значительным размером[185].

Довольствие войск вещами по сроку 1877 года совпадало с приведением войск на военное положение. Срочное довольствие войск Округа началось в указанный законом срок 1-го сентября 1876 года, но 2 ноября того же года

---

[183] Там же.

[184] Приказ по военному ведомству № 256.

[185] Описание Русско-Турецкой войны 1877 –78 г., СПб., 1901. Т. 1, С. 136 – 138.

объявлено было Высочайшее повеление о приведении некоторых полевых войск на военное положение[186].

Мы можем изучить систему довольствия войск на примере Московского интендантства, что показательно и для механизмов работы интендантства других округов.

Фактически нормальный порядок срочного довольствия войск был изменен: те войска, которым предстоял поход, Интендантство озаботилось сперва удовлетворить всеми предметами, которые нужны были войскам для похода, а вещей срочного довольствия, которые было не удобно брать с собою войскам в поход, Московское Интендантство не отпускало в 1876 г., и уже впоследствии, в начале 1877 г., когда полевые войска Московского Округа передвинулись в Киевский Округ, Интендантство отправило для них вещи срочного довольствия по месту их нового расположения в Киевском Округе, а следующие для них ремонтные деньги и на шитье вещей были уже выданы от Киевского интендантства; только 3-я пехотная Дивизия и войска 1-й Гренадерской Дивизии, выступившие в поход позднее других полевых войск, Московское Интендантство успело удовлетворить всеми срочными вещами и деньгами в своем Округе[187]. Местные войска, приводимые и неприводимые на военное положение, как не передвигавшиеся с мест своего расположения, были удовлетворены срочными вещами обыкновенным порядком, к определенному законом сроку — 1-го марта.

Однако некоторые войска были удовлетворены вещами раньше срока. Материалы на срочное довольствие для них были отпущены из интендантских складов — частью из поставленных туда подрядчиками ранее контрактных сроков, а частью из оборотных запасов.

За удовлетворением войск наличными вещами к 1 марта 1877 года остались недопуски вещей, образовавшиеся частью от просрочки подрядчиками

---

[186] РГВИА. Ф. 499. Оп. 1. Д. 1711. Л. 17.

[187] РГВИА. Ф.499. Оп. 1 Д. 1711.Л. 18.

поставки вещей, а большею частью оттого, что для внезапного в 1877 г. формирования войск потребовалось вещей несравненно в больших количествах, чем в обыкновенное мирное время; но все оставшиеся недопуски после 1-го марта 1877 г. были пополнены для войск, находящихся в Киевском округе, через Киевское Интендантство, а в Московском округе — через Московский вещевой склад[188].

При этом существовал и пятипроцентный запас вещей на сборных пунктах[189], о чем можно судить на основании журналов Военного Совета 12-го апреля и 12-го июля 1872 года (приказ по Военному ведомству 3-го июля и 15-го августа 1872 г. за №№ 163 и 250), который содержался для снабжения в случае надобности призывных временно и бессрочно отпускных нижних чинов на службу, по совершенному недостатку у них или негодности собственной одежды (в запас входили готовые шинели, шаровары и сапоги (по одной паре на человека) в количестве, необходимом для обеспечения 5 % призывных людей).

Этот запас, сформированный первоначально в 1872-м году в Московском Военном округе, состоял к 1-му января 1877 года пропорционально Высочайше утвержденному 16-го апреля 1874 года расписанию Главного Штаба о призыве бессрочно и временно отпускных нижних чинов, из 7186 комплектов на сумму 75.021 руб. 84 коп[190].

На основании Высочайше утвержденного 23 июня 1877 года расписания о призыве бессрочно и временно отпускных нижних чинов к 7186 комплектам было добавлено еще 343 комплекта, что составило к 1-му января 1878 года 7529 комплектов на сумму 78.602 руб. 76 коп[191].

---

[188] Там же.

[189] РГВИА. Ф.499. Оп. 1 Д. 1711.Л. 26.

[190] Там же.

[191] Там же.

В течение 1877 г. в Московской Обмундировальной мастерской было построено для войск мундирной одежды в готовом виде[192]:

мундиров 100 000,

шинелей 121 069,

шаровар 112 000,

летних панталон 100 000,

шапок 101 069,

галстуков 100 000,

башлыков 110 000,

сапог .....110 000.

Кроме того, в течение 1877 года тремя Московскими арестантскими мастерскими было построено 27 200 полных комплектов обмундирования.

Означенная мундирная одежда поступила большею частью для обмундирования новобранцев и в неприкосновенный запас Московского вещевого Склада, а частью и в срочное довольствие полевым войскам, находящимся в Действующей армии[193].

Активную роль в решении вопросов интендантского довольствия играл и Технический комитет Главного интендантского управления. Так, в течение 1877 г. было проведено 74 заседания комитета, в которых рассматривались разнообразные вопросы по довольствию войск и госпиталей, важнейшие из которых были следующие[194]:

I. По снабжению войск различного рода тканями.

1. Составлено описание серого шинельного сукна, обработанного непромокаемым составом по способу проф. Швартовского, и указаны способы для испытания такого сукна на непромокаемость при приеме его в вещевые

---

[192] Так же.

[193] Ф.499. Оп. 1 Д. 1711.Л. 27.

[194] Там же. Л. 610.

склады, ввиду состоявшегося на пять лет заготовления этого сукна в количестве 700 000 аршин ежегодно.

2. Начато исследование неворсованных сукон разных фабрик, а также материалов, употребляемых на изготовление этих сукон, для составления указаний Приемным Комиссиям при вещевых Интендантских складах относительно способа распознавания могущих быть в этих сукнах вредных для их качества материалов.

3. Рассмотрено предложение о замене фабричных льняных тканей (рубашечной и подкладочной) соответствующими хлопчатобумажными тканями, получившими обширное применение в быту русского солдата. Из предложенных для этого хлопчатобумажных тканей выбрана одна ткань, оказавшаяся по цене и по качеству наиболее соответствовавшей такому назначению, и в текущем 1878 г. было произведено в виде опыта заготовление этой хлопчатобумажной ткани на белье для войск.

II. По амуничным и седельным вещам[195].

1. Рассмотрены и исследованы образцы водоносных сосудов, как употребляемых в иностранных армиях, так и предложенных для введения в наших войсках. Из них были признаны наиболее отвечающими своему назначению деревянные баклаги итальянского образца, которые, как равно и фляги из закаленного стекла, удостоились Высочайшего одобрения для испытаний в войсках. Они были заготовлены и отпущены с этою целью.

2. Рассмотрен подробно вопрос о карманных водоочистительных фильтрах для войск и исследованы различные образцы таких фильтров русского и иностранного изготовления.

3. Составлены подробные технические описания различных предметов снаряжения войск.

III. По довольствию войск и госпиталей госпитальными вещами.

---

[195] Ф.499. Оп. 1 Д. 1711. Л. 611.

1. С целью устранения неудобств при заготовлении железных госпитальных кроватей, выражающихся в затруднительности их перевозки без порчи, были рассмотрены различные железные «складные» кровати и из них выбраны образцы, которые по системе своего устройства значительно превосходили кровати существующего образца в отношении легкости, опрятности, прочности, удобства в перевозке и экономичности в заготовлении. По одному из этих образцов (самому дешевому) произведено заготовление таких кроватей.

2. Рассмотрены различные механизмы для стирки белья, которые были предложены для применения в наших госпиталях и признаны, на основании результатов опытов, уступающими таким же механизмам системы Бульона-Мюллера, употребляемым уже в виде опыта в одном из наших военных госпиталей.

3. Составлены подробные технические описания различного мастерского инструмента для подвижных дивизионных лазаретов.

По снабжению войск шитым обмундированием и обувью:

1. Составлены табели мер и описание обмундирования для гренадер в руководство интендантским обмундировальным мастерским при изготовлении этих предметов; составлены правила изготовления сапог в войсках.

2. Составлено соображение на основании благоприятных результатов опыта применения к обуви, изготовляемой в наших обмундировальных мастерских, деревянных каблуков с железными подковами системы Буковского. Каблуки эти применены на практике.

3. Составлены соображения о снабжении обмундировальных мастерских интендантского ведомства, ввиду усиления их деятельности, некоторыми дополнительными машинами и новыми паровыми машинами.

IV. По продовольствию войск.

1. На основании произведенных опытов приготовления хлеба прямо из зерна и употребления его в пищу людьми и животными составлено заключение о степени соответствия своему назначению способа зернового

хлебопечения и о необходимости улучшения зернодавильных приборов для получения прямо из зерна хлеба вполне надлежащего качества.

2. Составлены подробные указания относительно укупорки ранцевых и обозных консервов, заготовляемых у общества «Народного Продовольствия».

V. Произведен прием огнегасителей Дика-Липмана, заготовленных для учреждений Интендантского ведомства, и даны указания к хранению и применению этих аппаратов.

Первоначально намечалось, что в состав будущей Дунайской армии из войск Киевского, Харьковского и Одесского военных округов будут входить четыре корпуса (8, 9, 11 и 12-й) с приданными к ним казачьими и другими частями; собственно же для наступательных операций предназначались только два корпуса с приданными к ним частями. Для них-то и было признано неотложным скорейшее заготовление необходимых запасов провианта, мяса, винных порций и фуража.

Ввиду экстренности и секретного характера дела заготовки военно-окружным советом было указано произвести ее комиссионерским способом, при этом было определено заготовить собственно для действующей армии: месячную пропорцию сухарей и нужных для их перепечения дров, а также запасы провианта, винных порций, овса и сена на 4 месяца. Заготовка такого количества фуража объясняется отсутствием сведений о средствах района сосредоточения и ближайшего к нему театра войны. Кроме того, предполагалось образовать десятидневный порционный гурт скота[196] и на такое же число дней иметь чай и сахар.

Заготовленные запасы указано было сложить в шестинедельный срок в трех открытых для этой цели складах: в Кишиневе, Бендерах и Тирасполе.

---

[196] По расчету 0,5 фунтов мяса в день на человека. В действительности заготовка мяса была отложена до времени выступления.

Из-за недостатка в указанных пунктах казенных строений муку и зерновой фураж складывали в бунты, покрытые брезентами и камышовыми матами.

Заготовка была поручена пяти особо выбранным лицам интендантского ведомства, руководствовавшимся предельными ценами предельными ценами, которые были специально определены военно-окружным советом. Операция была выполнена своевременно и с выгодою для казны.

Одновременно возникла и другая задача: необходимо было безотлагательно сформировать интендантский транспорт путем покупки лошадей, повозок и сбруи или найма подвод с погонщиками. Подъемная сила транспорта определялась 10-ти дневной пропорцией запасов довольствия. Но, в виду состоявшегося вслед затем объявления положения о военно-конской повинности, большая часть лошадей была поставлена населением, а из повозок до 2/3 (троечные) были поставлены населением, а 1/3 (колонистские фургоны), — распоряжением местных губернаторов. Таким образом, в состав интендантского транспорта с подъемною силой в 185 т. пудов вошли: 12 440 лошадей, 3 т. простых повозок и 1758 колонистских фургонов [197].

24 июля 1877 г. было сделано распоряжение о формировании вольнонаемного транспорта в 1000 подвод для Рущукского отряда[198] и утвержден доклад интенданта армии об устройстве в Болгарии правильно организованной реквизиции, которая давала бы возможность обращать на нужды войск имущество, принадлежащее турецкому населению.

Пока приводились в исполнение эти первоначальные распоряжения, а полевое интендантство открыло свои действия в качестве распорядительного органа, обнаружилась необходимость в увеличении хозяйственных операций.

---

[197] Пузыревский А.К. Девять лет назад. Война 1877–1878 гг. Появление гвардии на театре войны – сражение под Горным, Дубняком и Телишен. Окончание блокады Плевны, СПб. С. 32.

[198] Ф. 499. Оп. 1. Д. 282 Л. 315.

Дело в том, что уже к 1 ноября состав действующей армии был признан недостаточным, и решено было усилить ее еще двумя корпусами.

В связи с этим подлежали увеличению до указанных выше норм и продовольственные запасы. Так как первая заготовка обеспечивала армию нового (усиленного) состава на 2 месяца, то это побудило обратиться к нормальному порядку заготовлений, т. е. к торгам, которые и состоялись 12-го и 25-го ноября при ограниченной конкуренции и с обязательством закончить поставку в 6-ти недельный срок[199].

Пунктами поставок, кроме ранее указанных (Кишинев, Бендеры, Тирасполь), были назначены еще Одесса, Раздельная и Перлица.

Все эти пункты, получившие значение базисных магазинов, находились на единственной железной дороге, связывавшей Россию с будущим театром войны, кроме Перлицы, расположенной почти у самой Румынской границы. При этом в Кишиневе, Бендерах и Тирасполе производилась выпечка сухарей. Из-за недостатка крытых помещений для всех продуктов в этих местах мука и зерновой фураж складывались в бунты и прикрывались брезентами и камышовыми матами.

К тому времени, когда Великий Князь прибыл 28-го ноября в Кишинев и вступил в командование армией, в склады и магазины квартирного района армии была доставлена значительная часть запасов. Это были запасы, заготовленные комиссионерским способом чинами интендантства. Однако эта заготовка была произведена не вполне равномерно, о чем свидетельствует нехватка некоторых запасов; так, сухарей имелось лишь 1/10, вина около 1/5, а сена до 1/3 потребности[200].

Провиант доставлялся в склады периодически в 10-ти дневной пропорции, по указаниям начальника штаба армии, или приобретался на

---

[199] Приказ по военному ведомству 1877 № 34.

[200] Приказом по армии, № 12 (15-го февраля 1877 года) был указан порядок освежения фуража из складов.

месте[201]. Последняя операция производилась преимущественно через подрядчиков или комиссионеров и весьма редко — через корпусных интендантов.

Приготовление сухарей в печах, устроенных и приспособленных инженерным ведомством в Кишиневе, Бендерах и Тирасполе, производилось не с таким успехом, как предполагалось вначале по соображениям, основанным на вычислениях инженерного ведомства. Хлебопекарных печей в этот период имелось 257. Работу свою они начали в разное время. При правильной и непрерывной работе все печи могли выпекать ежедневно 500 четвертей сухарей, т. е. выполнить первоначальный наряд в 20 т. четвертей в 40 дней. Действительность же не оправдала этих расчетов, что объясняется отчасти неудовлетворительностью подвоза, а также и частою порчею хлебопекарных печей. Все это побудило начальника полевого штаба обратиться за содействием к главному интенданту военного министерства. Он же приступил к заготовлению во внутренних округах сначала 80 тыс., а затем еще 55 тыс. четвертей, с назначенным пунктом сдачи запасов — ст. Бирзула. Исполнение этого наряда началось только в январе 1877 года.

Так как закупка гуртов порционного скота была отложена до выяснения времени вступления в пределы Румынии, то во избежание затруднений в мясном довольствии были заказаны консервы: обществу «Народное продовольствие» была поручена заготовка консервированного сухого мяса, а фабрике «Азиберг» — мясные консервы специально для довольствия больных и раненых. Каждая порция консервов по питательности соответствовала 1/2 ф. мяса. 3 дачи предназначались для укладки в ранцы.

Приварочные продукты, в том числе и мясо, приобретались войсками на основаниях мирного времени, но по ценам, постепенно возвышавшимся, сообразно вздорожанию припасов[202].

---

[201] Описание Русско-Турецкой войны. СПб., 1901. Т. 1, С. 319.

[202] Приказом по армии от 30-го марта 1877 г., № 22, было объявлено, что в случае движения за границу, главнокомандующий возлагает на войска заготовление

Чайное довольствие было установлено властью главнокомандующего 30-го ноября 1876 года, с отпуском 1/2 копейки в день на человека[203].

Для обеспечения войск горячей пищей во время перевозки по железным дорогам были устроены продовольственные пункты, а заботами общества Красного Креста были организованы особые пункты для раздачи чая, булок с мясом или сыром.

При самой посадке на железную дорогу войска снабжались хлебом (частью сухарями) на все время переезда по день высадки, а при продолжительных переездах хлеб выдавался из попутных продовольственных пунктов.

Фураж приобретался частями самостоятельно по пути на отпущенные деньги, примерно в 2–3-х дневной пропорции, но на случай затруднений распоряжением гласного интенданта военного министерства при железнодорожных станциях были устроены склады фуража для частной продажи.

Что касается фуражного довольствия, то по распоряжению главнокомандующего оно производилось собственным попечением войск за деньги, отпускавшиеся распоряжением окружных интендантов, несмотря на наличие значительных запасов. Последние расходовались до февраля 1877 г. крайне осторожно и то лишь тогда, когда войска совершенно не могли самостоятельно приобретать фураж. Такое решение замедляло освежение и способствовало порче запасов в бунтах. Кроме того, в начале 1877 г. было заказано до 4120 тыс. рационов фуражных консервов, полученных армией лишь в сентябре того же года. Консервы эти, в виде лепешек, давались в корм немного измельченными и охотно съедались лошадьми, будучи, в общем,

---

собственным попечением порционного скота. К приказу была приложена особая инструкция (Сборник приказов и приказаний по войскам действующей армии. СПб., 1877).

[203] История л.-гв. 2-й арт. бригады во время Турецкой кампании 1877–78 гг. СПб., 1901 . С. 135.

лучше людских консервов. Мало того, отмечены случаи употребления их людьми при недостатке сухарей[204].

Цены на фуражное довольствие были утверждены с 1 июня 1877 г.[205] и составляли:

за четверть зернового фуража .....6 руб.,

пуд сена .....50 к.,

пуд соломы .....35 к.

Сено на складах базы положено было держать в прессованном виде для облегчения доставок его в армию. С этою целью военное министерство приобрело 146 сеносжимательных прессов для производства работ в Кишиневе и Бендерах. Сначала дело шло не особенно успешно, потом оно наладилось.

На случай недостатка сена войскам предписано было заготовить соломорезки, причем солома должна была сдабриваться солью[206].

Порядок вещевого довольствия в военное время определялся положением 1875 г.[207], согласно которому вещевое довольствие войск в военное время производилось по табелям мирного времени, но на штатное число чинов военного времени. Сверх довольствия, определенного этими табелями, войска могли получать только шинели и сапоги из чрезвычайных запасов, но не иначе, как с особого каждый раз Высочайшего соизволения.

По соглашению с главным интендантом военного министерства было решено, что чины запаса получают новое — первосрочное — обмундирование и снаряжение, а личный состав мирного времени должен был получить, в зависимости от места нахождения, все вещи, причитавшиеся на срочное довольствие 1877 г., на своих постоянных квартирах или в пунктах сосредоточения. При этом, однако, часть обмундирования была отправлена не в

---

[204] История л.-гв. 2-й артиллерийской бригады... С. 137.

[205] РГВИА. Ф. 499. Оп. 1. Д. 282 Л.300.

[206] Описание Русско-Турецкой войны, т. 1, С. 357 – 359.

[207] Приказ по военному ведомству 1875 № 200.

готовом виде, а в материалах. Войска обязаны были тотчас же приступить к пошиву сначала шинелей и сапог, а потом и других предметов в особо указанной последовательности[208].

Мобилизация армии в холодное время года вызвала необходимость обеспечить войска теплыми вещами, т. е. полушубками, фуфайками и набрюшниками, что и было возложено на главное интендантство[209].

В ноябре 1876 года в Бендерах был открыт склад теплых вещей, функционировавший до 1-го мая 1877 года.

Кроме того, серьезной заботой военного министерства явилась необходимость сформировать огромные неприкосновенные вещевые запасы, которых не доставало до полного развертывания наших вооруженных сил по новой организации армии, установленной в 1874 году.

В период мобилизации и сосредоточения армии в пределах Бесарабии и Херсонской губернии политическая обстановка не имела непосредственного воздействия на деятельность интендантства. С переходом в пределы Румынии этот фактор приобрел серьезное значение; приходилось считаться и с провозоспособностью румынских железных дорог, мобилизация которых началась очень поздно. К тому же армия зачастую была стеснена в финансовом отношении, в силу чего в распоряжении главнокомандующего имелись крайне незначительные запасы материальных средств: например, в середине декабря 1876 г. в распоряжении главнокомандующего было лишь 50 т. руб. золотом и 200 т. руб. серебряной монетой[210].

Естественно, что тщательное составление продовольственного плана предстоявшей кампании было весьма важно. Для этого нужно было располагать данными о средствах района предстоявшего сосредоточения и ближайшего театра войны. Политические условия требовали соблюдения известной

---

[208] Описание Русско-Турецкой войны 1877 – 78 гг., СПб., 1904. Т. III, ч. II, С. 222.

[209] Филимонов Н.Г. Постепенное развитие мероприятий по мобилизации русской кадровой армии в XIX столетии. СПб., 1908. С. 89–90.

[210] Описание Русско-Турецкой войны 1877–78 г. т. 1. С. 366–368.

осторожности, так как конвенция с правительством княжества Румынии еще не была заключена.

Приходилось поручать эту работу особо избранному лицу. Выбор пал на уже упомянутого выше купца Пашова, болгарина по происхождению, которому были даны подробные указания[211].

Из разведки этого агента-дилетанта, завершенной в декабре 1876 г., выяснилась полная невозможность добыть в Румынии нужные продовольственные и фуражные припасы, за исключением крупы и капусты, а также необходимость считаться с трудностью перемола зерна.

Сведения о средствах Придунайской Болгарии были, по донесению Пашова, не вполне благоприятны.

Задача полевого интенданта была сильно затруднена тем, что в стратегических предположениях главной квартиры происходили довольно резкие и частые перемены. Так 5-го января 1877 г. д. с. с. Аренсу стало известно, что ближайшей целью становится сосредоточение армии в пределах Румынии для форсирования Дуная. Это считалось возможным осуществить примерно в 33 дня со времени перехода границы головными частями нашей армии.

Сосредоточение предполагалось производить под прикрытием двух отрядов: северного — у Галаца и Браилова и южного у Будешти. Под их прикрытием главные силы в двух колоннах должны были следовать походным порядком: правая — через Яссы к Бухаресту, а левая — через Галац к Бухаресту. Наконец, часть войск предполагалось направить позже по железной дороге Унгены — Яссы — Галац — Бухарест — Слатина. Всё это должно было закончиться сосредоточением главной массы войск в окрестностях Бухареста — Слатина — Александрии[212].

---

[211] Описание Русско-Турецкой войны 1877 – 78 г.. т. III. С. 153 – 231.

[212] Описание Русско-Турецкой войны 1877 – 78 г. т. III. ч. II. С. 155.

Во время совершения этой операции в пределах Румынии не признавалось возможным ни своевременно доставить довольствие из России, ни свободно заготовить провиант в районе движения. Главнокомандующий полагал, что эксплуатация местных средств возможна лишь при условии наличной оплаты закупаемых припасов. С другой стороны, немыслимо было основывать продовольствие исключительно на подвозе[213]. Единственная железная дорога, связывавшая продовольственную базу с Дунаем (Унгены — Яссы — Галац — Бухарест — Куржево), принадлежала Румынии. Эта дорога была слабо обеспечена подвижным составом, а усилить ее за счет русских дорог не было возможности из-за различия колей. Поэтому главнокомандующий разрешил поручить заготовку продовольствия частным лицам, имея в виду необходимость обеспечения войск в конечных пунктах предстоявшего марша месячной пропорцией.

Между тем, вскоре после объявления первоначальных намерений в них были внесены существенные поправки относительно состава частей, подлежавших перевозке по железным дорогам. Имея в виду порядок совершения сосредоточения действующей армии к Дунаю, полевой интендант считал неотложным обеспечить колонны необходимым количеством запасов в пути, т. е. месячной пропорцией на время сосредоточения и такой же пропорцией на время начальных операций после переправы через Дунай.

Если, в конце концов, исчисление потребности армии могло быть исполнено с достаточной точностью, то разрешение вопроса о способе заготовления запасов оказалось задачей далеко не легкой.

Главными причинами затруднений служили указанные выше политические условия и финансовые сложности.

Этим объясняется последовавшее решение главнокомандующего признать естественным выходом из этого положения передачу заготовления на комиссионном начале особому товариществу из коммерсантов Грегера,

---

[213] Там же. С. 162.

Горвица, Когана и Пашова[214]. Эти лица были выделены из множества других, предложивших свои услуги главной квартире. От них был потребован залог в 500 тыс. руб. 29-го марта состоялось решение Великого князя[215], а уже 2-го апреля товарищество приступило к своей деятельности, не дожидаясь подписания контракта.

С этого момента началась, так сказать, новая эра в вопросе продовольствия армии, перешедшего из рук интендантства в руки еврейской коммерческой компании. Товарищество обязывалось поставлять войскам потребные продукты заблаговременно (не менее как за 7 дней) доставляемым интендантством нарядам и в указанные заранее пункты.

Если войска находились в движении, то товарищество должно было поставлять им продукты непосредственно, под квитанцию; при расположении армии на месте припасы доставлялись в интендантские магазины или склады или непосредственно войскам, но в пропорции не свыше 10-ти дней.

Товарищество обязывалось поставлять продовольствие по действительным местным ценам, удостоверенным торговыми документами, получая вознаграждение в размере 10 % комиссионной платы.

Интендантство должно было содействовать беспрепятственному и безостановочному провозу грузов товарищества по железным и грунтовым дорогам на тех же основаниях, что и казенных грузов.

В случае совершенной недоставкой припасов, просрочки доставки или недоброкачественности доставляемого товарищество признавалось неисправным, за что была установлена неустойка в размере 20 % с покупной суммы.

Нарушение условия с товариществом допускалось лишь в случае общей его неисправности, с удержанием с него неустойки в размере 25 % стоимости не поставленных продуктов.

---

[214] Там же. С. 165.

[215] Приказ по армии № 24 последовал 7-го апреля 1877 г.

Вот те главнейшие основания, которые были включены в контракт с товариществом, подписанный 16-го апреля, т. е. спустя 4 дня после объявления войны с Турцией. При этом контракт был заключен не только на первое время по вступлении нашей армии в пределы Румынии, как это имелось в виду раньше, а и на дальнейшее время.

Передача продовольствия товариществу вызвала распоряжение о прекращении Одесским интендантством с 15-го апреля развозки провианта в места расположения войск, а Киевскому интенданту было предписано прекратить все заготовления для армии на май месяц.

Единственная часть продовольствия, оставшаяся на попечении армии или, вернее, войсковых частей, — это продовольствие мясом. Этот вопрос предполагалось решать следующим образом: войскам предоставлялось с переходом границы приобретать порционный скот по расчету от 2-х пар волов на батарею до 8-ми пар на пехотный полк. Такое решение, с одной стороны, обеспечивало части мясом на 3-4 дня, а с другой — усиливало их перевозочные средства. На приобретение волов были ассигнованы денежные авансы и предоставлено право зачислять их на фуражное довольствие[216].

Управлениям, штабам и частям, которым не разрешено было содержать порционный скот, был назначен соответствующий денежный оклад.

Офицерам предоставлялось довольствоваться собственным попечением, а на покупку фуража для офицерских лошадей должны были отпускаться фуражные деньги в соответствии с утвержденными ценами.

Таким образом, столь важная в военное время забота, как продовольствие армии, была поставлена в зависимость от добросовестности и успешной деятельности почти безответственного товарищества. Единственным объяснением такого рискованного решения, как было уже указано, следует признать стеснительные финансовые условия и неопределенность

[216] Приказ по армии от 30 марта № 22.

политического отношения к Румынии, долго не соглашавшейся предоставить нашим войскам свободный проход через свою территорию.

Головные части русской армии перешли Румынскую границу 12-го апреля 1877 г. — в день объявления войны Турции. С первых же дней обстановка сложилась неблагоприятно: сильные дожди не только испортили колонные пути, но даже размыли железнодорожный путь, что, вместе с обнаружившейся мобилизационной неподготовленностью румынской сети, нарушило все маршрутные расчеты. Сосредоточение армии было выполнено на 6 дней позднее определенных сроков.

26-го апреля действующая армия была усилена еще тремя корпусами (IV, XIII и XIV), их головные части, ввиду отдаленности их квартирования, должны были прибывать в разные сроки, начиная с 6-го июня. По мере движения войск была организована этапная служба от Ясс через Текуч и Галац к Бухаресту.

Порядок продовольствия войск заграницей был определен особой инструкцией[217], которая предписывала войскам иметь при себе 8-ми дневный запас провианта (сухари, хлеб, крупа) и 2–4-х дневный запас фуража.

В пределах Империи расход этих запасов следовало пополнять из попутных интендантских складов. В пределах Румынии, до перехода через Дунай, войска обязаны были получать печеный хлеб, крупу, фураж и вино от агентов товарищества.

Что же касается, мяса, чайного довольствия, соломы и топлива, то приобретение их было возложено на попечение самих войск за счет отпущенных им авансов.

Сообразно намеченным маршрутам, признавалось необходимым заготовить припасы в целом ряде пунктов, по расчету 5-ти дневной потребности соответствующих колонн и — месячную на конечных пунктах сосредоточения (в Галац, Александрии, Слатине и Бухаресте).

---

[217] Описание Русско-Турецкой войны 1877 – 78 г. т. III. ч. II. С. 170.

На случай неисправности товарищества, которому, однако, было предоставлено широкое право замены продуктов, — войскам предписывалось пополнять ежедневные расходы из интендантского транспорта. Только в крайности, в случае исчерпания этих запасов, разрешалась наличная покупка продуктов за счет отпущенных авансов.

При этом невольно обращает на себя внимание следующее обстоятельство: в то время как в подтверждение правильности исчисления покупных цен на продукты от товарищества требовалось лишь удостоверение таковых торговыми счетами или сделками, от войск требовались более серьезные гарантии. Войска обязаны были предъявлять удостоверения местных властей о рыночных ценах, расписки продавцов в получении денег и, кроме того, самая крайность покупки должна была быть оправдана письменным приговором наличных офицеров части.

Прием и расход продуктов были подчинены особой отчетности (отчетные листы, требования, квитанции, денежный ассигновки и т. п.).

С начала движения армии, как уже было указано выше, в пределах Румынии были нарушены первоначальные маршруты. Последствием этого явилось несовпадение ночлегов войск с магазинами товарищества или несоответствие средств этих складов с действительной численностью прибывавших войсковых эшелонов. В то же время начавшаяся мобилизация румынской армии вызвала затруднения для товарищества в найме подвод для спешной передачи грузов в пункты действительных ночлегов. Были даже случаи захвата румынскими властями выпеченного товариществом хлеба.

Между тем продовольственная потребность наших войск могла быть вполне удовлетворена местными средствами; особенно это справедливо в отношении фуражного довольствия, заготовка которого напрасно отвлекала наличные силы административного состава товарищества.

В результате очень быстро сказались, с одной стороны, несостоятельность товарищества в удовлетворении продовольственных нужд армии, а с другой — неудовольствие войск избранным порядком снабжения,

который не обеспечивал их ни своевременными, ни доброкачественными продовольственными поставками[218].

Отмечались даже случаи открытого столкновения войск с агентами товарищества, что явилось отчасти следствием отсутствия при войсках чинов интендантства. Дивизионные интенданты, эти ближайшие к войскам представители ведомства, были назначены очень поздно. Они нагоняли чужые им части уже на походе. К этому нужно еще добавить, что большинство назначений было случайное, и лица эти, за редкими исключениями, не обладали практическим опытом и не могли пользоваться доверием в порученных на их попечение войсках.

Не в лучших условиях в смысле довольствия совершилось передвижение тех частей войск, которые были направлены по железной дороге. Эти части должны были получать печеный хлеб, крупу, фураж и вино от товарищества, а горячую пищу — на продовольственных пунктах, устраиваемых распоряжением комендантов и этапных начальников. В течение суток каждая воинская часть должна была получать горячую пищу один раз. Продовольствие же мелких команд и одиночных людей не было урегулировано, и таковые должны были продовольствоваться собственным попечением на кормовые деньги, что было неудобно и из-за трудности получения пищи, и из-за незнания местного языка. С наступлением жаркого времени при постоянном опоздании подъездов бывало очень часто, что обед, приготовленный вовремя, портился, и тогда эшелоны или получали плохую пищу, или отправлялись далее совсем без обеда.

Неудовлетворительное состояние румынских железных дорог, малая их провозоспособность и неразвитость железнодорожного телеграфа сильно тормозили благоприятное решение всех вопросов подвоза. В силу этого доставка самых необходимых для армии грузов зачастую оказывалась трудно разрешимой задачей.

---

[218] Описание Русско-Турецкой войны 1877 – 78 г. т. III. ч. II. С. 177 – 181.

Таким образом, наряду с проблемой сбора необходимых запасов возникала и приобретала серьезное значение и проблема их доставки войскам.

Очевидно, что интендантский транспорт, сформированный еще в 1876 г. для поднятия 10-ти дневного запаса продовольствия армии из 2-х корпусов, не мог соответствовать потребностям армии в 7 корпусов.

Эта новая задача была разрешена за счет привлечения подрядчика, который обязался сформировать постепенно в пределах Бесарабии в 8-ми недельный срок два вольнонаемных транспорта по 3500 парных повозок с грузоподъемностью по 115 тыс. пудов. Содержание погонщиков лежало на обязанности подрядчика. Кадр обоих транспортов был назначен от войск, причем большинство офицеров было определено из отставки.

Между тем переправа через Дунай, предварительно намеченная на конец мая, была отложена до середины июня. Армия постепенно увеличилась в своем составе. Необходимо было наладить приток запасов в магазины, заложенные в конечных пунктах движения наших войск к Дунаю. Склады в Галаце, Александрии, Слатине и Бухаресте начали истощаться. Решено было передать туда остатки запасов казенного интендантского транспорта, запасы крупы и зернового фуража из неиспользованных интендантских складов в Бесарабии и, наконец, доставить из внутренних интендантских магазинов Империи запасы сухарей, крупы, лимонной кислоты и капусты.

Эта важная задача могла бы быть своевременно исполнена при соответствующей провозоспособности железных дорог. Но при том беспорядке, который царил на них в действительности и при закупорке их войсковыми эшелонами, осуществление намеченного плана оказалось крайне затруднительным. Так, в первых числах июня месяца в Бухаресте скопилось до 450 вагонов с сухарями, которые оставались там без разгрузки 10 дней. Консервы для армии, доставленные в Бухарест и сложенные у железнодорожной станции прямо на землю, испортились от сырости и стали издавать зловоние, в связи с чем и были уничтожены.

Не помогло при этом ни движение сухарных запасов в обход по австрийской железнодорожной сети (пропускавшей их как частные грузы), ни повеление главнокомандующего о прицепке к каждому воинскому поезду нескольких вагонов сухарей.

Первым шагом к упорядочению интендантского дела в тылу было учреждение интендантских органов тыла. Во второй половине мая для ведения и распоряжения интендантскими запасами, сосредоточенными в Румынии, было назначено особое лицо с правами местного заграничного интенданта. На тех же основаниях было установлено ведение всеми запасами для войск Нижне-Дунайскаго отряда. Это решение избавило полевое интендантство от массы мелочных распоряжений по различным вопросам вплоть до довольствия отдельных рот, разбросанных по этапам.

Как и перед переходом Румынской границы, перед форсированием Дуная была выработана и объявлена 31-го мая продовольственная инструкция для войск, предназначенная для руководства в пределах Болгарии. В основание расчетов этого документа было положено пополнение войсковых припасов из интендантских транспортов, а они в свою очередь должны были пополняться попечением отрядных или дивизионных интендантств из магазинов и складов, которые предполагалось открывать в тылу товариществом по мере движения войск вперед.

Заготовка фуража, топлива и приварочных припасов возлагалась на войска. Особенно это было важно в отношении фуража, поскольку огромные его запасы, неиспользованные во время пребывания войск в Бесарабии, подвергались порче; при следовании по богатой фуражом Румынии, войска вынуждены были принимать недоброкачественный фураж от товарищества, а в Болгарии средства страны были более скудны и при том использованы уже турками. Забота о фураже была снята с интендантства и товарищества и возложена на войска.

Расходование порционного скота на мясо и пополнение его должно было происходить на прежних основаниях. Чай и сахар следовало расходовать из

взятого с собой месячного запаса, пополняя таковой попечением товарищества, которому давались впоследствии значительные наряды (1628 пудов чаю и 4884 пудов сахара). Вино полагалось получать от интендантского транспорта или из Задунайских магазинов. Топливо войска должны были заготовлять собственным попечением за счет специально отпущенных авансов.

Удачно совершенная в ночь с 14-го на 15-е июня в тактическом отношении переправа у Зимницы не обошлась без недоразумений с точки зрения интендантского довольствия. Так, головная бригада 14-й дивизии переправилась не только без всяких обозов, но даже без ранцев, которые были оставлены на левом берегу Дуная. Хотя людей снабдили при этом двумя фунтами вареного мяса, но говядина от жары почти у всех испортилась, и большая часть людей вынуждена была питаться фруктами. Лишь на следующий день (16-го июня), с принятием в свое ведение турецких складов, дивизия получила большие запасы зерна и других продуктов, но пищу пришлось готовить в котелках. 18-го июня началось движение по наведенному мосту обозов, и восстановился нормальный порядок. Почти в одинаковых условиях оказалось продовольствие и 4-й стрелковой бригады, переправившейся через Дунай вслед за 14-й пехотной дивизией.

Скопление войск на переправе через Дунай и на дороге из Систова к Тырнову причинило немало хлопот. Интендантский транспорт естественно отстал от войск и вышеупомянутая 14-я дивизия, после расходования 1/2 имевшихся при ней запасов сухарей и крупы, была вынуждена перейти к уменьшенной даче. Недостаток сухарей распоряжением строевого начальства был отчасти возмещен увеличением дачи мяса. На сбережение сухарей было обращено особое внимание[219]. Этот недостаток прекратился лишь с достижением Тырнова.

После блестящей переправы действующей армии у Зимницы войска были направлены веерообразно: прямо — к северному подножию Балкан

---

[219] Описание Русско-Турецкой войны 1877 – 78 г. т. III. ч. II. С. 204.

(Передовой отряд генерала Гурко), вправо — к крепости Никополю, а затем к Плевне (Западный) и, наконец, влево — к крепости Рущуку и на р. Лом (Рущукский отряд Цесаревича).

В то время как отряд генерала Гурко имел задачу овладеть Шипкинским и Хаинкиойским перевалами, Рущукский и Западный отряды должны были обеспечить операционное направление на Тырново от ударов с востока (Махмеда-Али паши) и с запада (Османа паши). По мере вступления наших войск в Болгарию их продовольствие обеспечивалось запасами отделений казенного интендантского транспорта, который должен был пополняться из заложенных в Румынии магазинов впредь до учреждения таковых на территории Болгарии. Обозначенные магазины предполагалось пополнить одновременно припасами, поставленными товариществом и приобретенными интендантством в России.

Значительное скопление войск на пути к Систово и к югу от него требовало особой заботливости об их продовольствии. Поскольку грузы из Румынии и России доставлялись очень медленно, было принято решение широко использовать оставленные турками запасы. Само полевое интендантское управление расположилось в Систово, откуда удобнее было распоряжаться и отслеживать нужды войск, проходивших по территории Румынии, что возложено было, как упоминалось выше, на особых местных интендантов. Наконец, было выделено довольствие Рущукского отряда с предоставлением ведавшему этим вопросом лицу прав заграничного интенданта.

Но перечисленные меры могли бы оказаться действительными при условии своевременности подвоза запасов в болгарские магазины и выдачи их войскам на интендантском транспорте. Между тем доставка необходимых запасов из Румынии происходила крайне медленно и ставила иногда войска и полевое интендантство в затруднительное положение.

Первые транспорты запасов из Румынии начали прибывать, например, в Тырновские магазины лишь в конце июля. Только благодаря наличию турецких

запасов и готовности болгарского населения поставлять войскам разного рода продукты армия смогла пережить тяжелые дни интендантской неурядицы. В то время как за далеко не всегда доброкачественные припасы, поставленные пресловутым товариществом, казне приходилось платить огромные деньги, — значительная часть неиспользованных запасов, заготовленных еще в 1876 г. интендантством в Бесарабии, приходила в негодность. В результате главнокомандующему пришлось 1-го августа повелеть весь вышеупомянутый остаток Бессарабских запасов продать с аукциона, конечно, за бесценок.

Яркой иллюстрацией неудовлетворительности продовольственного дела может служить положение вещей в Западном отряде, которому была поставлена задача овладеть Плевною[220].

Способом выполнения этой задачи была избрана блокада, в расчете на истощение имевшихся у Османа паши запасов. Между тем сведений о продовольственных средствах противника не было, а положение Западного отряда оставляло желать многого. Так, например, войска 4-го корпуса не были правильно снабжены не только хлебом, но даже сухарями. Выдача сухарей уменьшена была с 2-х фунтов до 1 1/2 и даже временами до I фунта. Доктора жаловались, что постоянное питание сухарями расстраивает организм солдат. Отдельные начальники уже по собственной инициативе увеличивали дачу мяса, скупали у жителей лепешки, предлагая нижним чинам есть кукурузу и виноград. Были даже замечены случаи, когда сами солдаты покупали хлеб у жителей, платя за 3/4 фунтовую пресную лепешку по 10 коп.

Несомненно, что все это отчасти и вызвало 26-го августа решение овладеть Плевною атакой, открытой силой, так неудачно завершившеюся боями 30-го и 31-го августа 1877 года.

Нелегка была сначала и задача обеспечения продовольствием Передового отряда генерала Гурко, начавшего переход через Балканы 30-го июня. По пути

---

[220]. Куропаткин А.Н . Ловча, Плевна и Шейново. СПб., 1881. С. 591.

к Балканам сам он озаботился о будущих нуждах армии, взяв под отчет найденные им в Тырнове, Габрово и Присове турецкие запасы.

Но довольствие собственно Передового отряда страдало отчасти от бездеятельности отрядного интенданта, на которого генерал Гурко и жаловался главнокомандующему[221], а отчасти из-за невозможности совершения горного похода с форменным обозом, который и был заменен вьюками с 5-ти дневным запасом сухарей и 3-х дневным запасом фуража.

Сам генерал Гурко положил в основание своего плана «жить за счет страны», т. е. пользуясь запасами жителей и запасами, которые были захвачены в турецких лагерях.

Попав в долину р. Тунджи, Передовой отряд не терпел нужды, так как жители, болгары, радушно предлагали воинам все виды запасов. Недостаток ощущался лишь в пополнении расхода сухарей, что удалось осуществить 15-го июля из интендантского транспорта.

Наступившие затем неудачи, вызвавшие изменения в стратегической обстановке, потребовали значительного усиления армии. К 3-му ноября она состояла из: а) Западного отряда генерал-адъютанта Гурко, б) отряда обложения Плевны (князя Карла Румынского), в) Ловче-Сельвинского отряда генерал-лейтенанта Карцева, г) Рущукского отряда Наследника Цесаревича и д) Южного отряда генерал-лейтенанта Радецкого.

Очевидно, что для довольствия такой многочисленной армии нужно было заготовить огромные запасы. Между тем из определенной в таком количестве 4-х месячной потребности в магазинах Болгарии и Румынии имелось в наличии менее 20 % необходимых запасов.

Одновременно с возрастанием армии увеличивалась потребность и в перевозочных средствах, причем для поднятия дневного запаса нужно было добавить почти 8000 пароконных повозок. Но сверх продовольствия армия нуждалась и в пополнении запасов обмундирования и снаряжения, что еще

---

[221] Описание Русско-Турецкой войны 1877 – 78 г. т. III. ч. II. С. 211.

более увеличило потребность в подводах. С разрешения главнокомандующего интендант армии заключил с этой целью контракт с двумя Петербургскими купцами, обязавшимися поставить подводы в Бухарест.

Продовольственные грузы, идущие из России непосредственно в Румынию или через Австрию, не только, как было уже сказано, приходили с огромным опозданием, но даже достигнув пунктов назначения на Румынской границе, выбрасывались из вагонов. Делалось это с целью освобождения подвижного состава, но при этом припасы подвергались порче и хищению. Так, например, еще в начале июля в Бухаресте скопилось 450 вагонов с сухарями, а на станции Роман были свалены на землю 130 вагонов сухарей, прибывших из Австрии. Был и такой случай, когда 210 вагонов сухарей в течение четырех дней стояли без перегрузки в австрийских вагонах из-за недостатка подвижного состава[222].

Наряду с этим в службе вольнонаемного интендантского транспорта обнаружился неблагоприятный оборот в смысле внутреннего порядка. Бездорожье и недостаток довольствия изнуряли обозных лошадей и волов, начался падеж скота и заболевания среди погонщиков. Последние стали покидать транспорт[223]. Затруднения в доставке запасов и особенно необходимых армии сухарей еще более увеличивались. Вместо установленной главным интендантом военного министерства минимальной суточной нормы в 66 вагонов сухарей, железные дороги пропускали лишь 15, да и те при описанных выше условиях грунтовых сообщений не могли дойти до войск своевременно.

Естественно, что в силу этого отдельные части действующей армии, как, например войска Западного отряда, удовлетворялись сухарями и прочими предметами довольствия чуть ли не со дня на день, а армия в целом утрачивала свободу стратегического маневрирования. Вообще, порядки в тылу армии

---

[222] Там же. С. 190.

[223] Интендантский журнал. 1908. № 9. С. 32 – 39.

становились изо дня в день все хуже и хуже, что грозило серьезными последствиями.

Что же касается фуража, то, хотя наступление на юг совершалось после жатвы, и жителями были собраны запасы на целый год, все равно главные силы вынуждены были при своем движении посылать фуражиров на 8–10 верст в сторону и перевозить добытый таким путем фураж на вьюках. Лошади вынуждены были, таким образом, кроме дневного перехода, делать еще до 20 лишних верст, сильно утомляясь и набивая себе спины.

Перейдя Балканы, войска вступили в плодородную и почти не опустошенную турками равнину. За г. Филиппополем фуража встречалось по пути меньше, но самым трудным отрезком пути в этом отношении был участок от г. Адрианополя до Константинополя, где многим частям пришлось довольствовать лошадей соломой и половинными дачами ячменя. Конских консервов не было или, вернее, в них ощущался большой недостаток.

Войска, выступив в поход, как было указано выше, в первосрочном обмундировании, получили разрешение завести без расходов от казни гимнастические рубашки и, на особые денежные отпуска, I) сухарные мешки для хранения 3-х дневного запаса сухарей, 2) белье, холщовые чехлы с назатыльником на шапки и фуражки.

Затем признано было необходимым еще в 1877 г. сформировать чрезвычайный запас вещей в Киеве[224]. Вещи, составлявшие неприкосновенный запас в Киеве, хотя и могли расходоваться лишь с разрешения главнокомандующего, но уже к концу 1877 г. шинели, шаровары и сапоги оттуда были израсходованы почти без остатка. На довольствие по сроку 1878 года войскам действующей армии вещи отпускались преимущественно в готовом виде. Эти вещи были свезены в склады, открытые в Бургасе, Рущуке и Варне.

---

[224] Газенкампф М.А. Военное хозяйство. СПб., 1890. Т. 1. С. 258.

Еще до устройства этих складов многие войсковые части отправили своих приемщиков в Россию и получили вещи из внутренних складов, а другие, как, например XIV корпус и некоторые кавалерийские части, успели даже пошить вещи заграницей, вытребовав от интендантства материалы и деньги. Конечно, такое решение вопроса в военное время следует признать ненормальным и рискованным. Неожиданное возложение какой либо серьезной задачи на эту конницу привело бы к тому, что, не успев построить себе все необходимое, эти части не получили бы вещей и от интендантства, а следовательно, неопределенное время могли бы испытывать в них необходимость.

Вещи, доставленные интендантством в 1878 г., в значительной мере остались неизрасходованными из-за медленности самой доставки запасов, хотя армия и нуждалась в них в начале года.

Такое положение вещей указывало, что с дальнейшим удлинением операционной линии полевое управление военных сообщений, безусловно, не будет в силах заведовать всеми дорогами Румынии и Болгарии. Уже в конце августа была осознана необходимость подчинить тыл действующей армии особому лицу, облеченному достаточными полномочиями. Выбор пал на командовавшего войсками Киевского военного округа, генерал-адъютанта Дрентельна. В ноябре 1877 г. он вступил в управление военными сообщениями действующей армии и войсками, находившимся в тылу. В помощь ему было учреждено особое управление по образцу военно-окружных[225].

Таким образом, возникло интендантство тыла армии в составе канцелярии, денежного, вещевого и продовольственного отделений, заменившее временное управление, заведовавшее интендантскою частью в Румынии.

Осязательные результаты приведенной выше меры могли, очевидно, последовать лишь после восстановления порядка в той хаотической

[225] Богданович. Исторический очерк деятельности военного управления в России 1855 – 1880 гг., т. VI, С. 22.

организации перевозки военных грузов, которая обнаружилась на Румынской сети железных дорог. Последняя задача потребовала, однако, при всей энергичности со стороны генерал-адъютанта Дрентельна значительного промежутка времени. Наступившая до того осень принесла новые затруднения для армии и в частности для интендантства: огромное движение грузов в дождливое время привело грунтовые дороги в ужасное состояние.

Интендант армии в своем докладе главнокомандующему выражал мнение, что обеспечение армии продовольствием может быть достигнуто лишь при условии устройства на территории Болгарии конно-железной дороги в нескольких направлениях.

Взамен этого последовало распоряжение о поддержании грунтовых дорог Болгарии в должной исправности. Задача эта была поручена особому лицу, в распоряжение которого была передана рота саперов, а также предоставлено право найма за плату рабочих из местных жителей. Такое решение не могло дать серьезных и быстрых результатов.

С падением Плевны и с занятием Шипки энергичное движение русской армии по ту сторону Балкан к Константинополю[226] привело, в частности, к тому, что турки не успели увезти или уничтожить свои огромные запасы. Это было очень кстати, так как подвоз продовольствия попечением интендантства совершенно прекратился[227].

Кроме турецких запасов, пришло на помощь действующей армии и само богатство страны южнее Балкан, вполне обеспечивавшее довольствие войск. Таким образом, эта важнейшая задача интендантства разрешилась благоприятно для армии помимо ее забот.

2.3. Оценка деятельности интендантства в войну русско-турецкую войну 1877—78 гг.

---

[226] Завершилось 19-го февраля 1878 г. Сан-Стефанским перемирием.

[227] Газенкампф М.А. Военное хозяйство. СПб., 1890. т. 1, С. 143.

Суммируя приведенные сведения о деятельности полевого интендантства в войну 1877—78 гг., приходится отметить следующее.

Эта война началась четверть века спустя после печальной по результатам Крымской кампании, которой предшествовали операции русской армии в Придунайских княжествах.

Несмотря на нововведения во внутренний механизме военного управления, на готовность к вооруженному столкновению даже с исконным противником — турками обращено было слишком мало внимания.

Если содержание, еще в мирное время, кадров вооруженной силы представляет для государства тяжелое бремя, составляя 1/5—1/3 всех государственных расходов, то в военное время расходы выходят из всяких рамок государственного хозяйства.

Раз жребий был брошен и война объявлена, то для благополучного ее исхода была нужна хорошая армия, решительный полководец и масса денег. Именно денег, как уже указывалось, к началу войны 1877 — 78 гг. совсем не было, т. к. нельзя же серьезно считаться с первоначально ассигнованным авансом в 50 т. руб. золотом и 200 т. руб. серебром.

Возможность войны с Турцией стала очевидной еще в сентябре 1876 г.; фактически же война была объявлена 12-го апреля 1877 г. Казалось бы, что такой полугодовой срок мог быть использован в смысле финансовой и политической подготовки. В действительности же почти до самого дня объявления войны политическое положение Румынии и Австрии не было выяснено, а денежные средства изысканы не были. При этом совершенно было забыто о новом могучем факторе войны — о железных дорогах, хотя пример франко-прусской войны 1870–71 гг. должен был остаться в памяти[228]. Между тем, не только не было попыток выяснить и обеспечить каким-нибудь способом

[228] Записки о продовольствии войск в военное время. СПб., 1860 .ч. II, С. 320 – 323.

провозоспособность румынских железных дорог, но дело это не было взято военным ведомством в свои руки даже в отношении русских дорог.

Хотя, как было подчеркнуто, мы сами объявили войну Турции, но даже основные законоположения об управлении и организации армии на театре войны не были известны исполнителям ко времени объявления мобилизации. Высочайшее повеление о мобилизации было объявлено 2-го ноября 1876 г., а новое положение о полевом управлении войск в военное время было утверждено 22-го октября[229], однако штаты всего полевого управления действующей армии стали известны лишь в день мобилизации. Интендантство же было еще в худших условиях, так как штат интендантского транспорта был объявлен еще на четыре дня позднее, а штаты корпусных интендантов только через пять недель после мобилизации.

Правда, окружный интендант Одесского военного округа, действительный статский советник Аренс был в конце сентября, т. е. за месяц до мобилизации, предупрежден о предстоящем его назначении интендантом армии. Но отсутствие штатов и положения о полевом управлении, усиленная работе, которая одновременно выпала на вверенное ему окружное интендантство по заготовкам, превратили выполнение его обязанностей непосильной задачей. Совершенно естественно в такой ситуации, что полевое интендантское управление получило характер импровизации, а деятели его в большинстве не только не обладали опытом, но даже по нравственным своим качествам не соответствовали занимаемым должностям. Кроме того, отсутствовали всякие статистические данные о средствах как района предстоящего сосредоточения армии (Румыния), так и ближайшего к нему театра войны (Болгария). Полевому интенданту приходилось составлять свой продовольственный план наугад, а периодическое, но для него почти неожиданное усиление армии немало нарушало его расчеты. Вместе с тем, нельзя не поставить в упрек и то, что даже естественный базис в нашей борьбе

[229] Приказ по в.в. 1876 г. № 304.

с турками, — Бесарабия — не был подготовлен ни в смысле наличия чрезвычайных запасов, ни в смысле оборудования интендантских заведений (мукомолен, пекарен и пр.), ни, наконец, в смысле устройства удобных искусственных путей. В этом отношении опыт предшествующей войны прошел даром. Сделав первоначально, под давлением обстановки, ошибку — заключив продовольственный договор с частным товариществом, эту ошибку повторили и впоследствии, когда недостатки этого решения стали очевидными.

Таким образом, интендантство, отказавшись от своей прямой задачи, вверило важную заботу о продовольствии армии случайному товариществу, явно преследовавшему только свои коммерческие цели. Сам состав товарищества не давал гарантий, что интересы армии будут поставлены выше всего. Да, наконец, будь эта организация самая патриотическая по замыслу, все же она, как случайная и неподготовленная к деятельности в условиях боевой обстановки, обращала предприятие в риск, за который должна была расплачиваться сама армия.

В результате уже после окончания войны было проведено следствие по делу «о поставках Товарищества по продовольствию бывшей Действующей армии недоброкачественных продуктов в продовольственные склады, которые были учреждены Полевым Интендантством в различных местностях на Европейском театре минувшей войны 1877–78 годов с Турциею»[230].

Показателем качества питания армии служит большая или меньшая заболеваемость желудочными болезнями. До июля, т. е. приблизительно до перехода через Дунай, состояние здоровья войск было вполне удовлетворительно. В августе появилась дизентерия, постепенно усиливавшаяся до конца этого года, а в сентябре появился и другой бич — брюшной тиф. Эти болезни были главными причинами смертности среди больных в лечебных заведениях[231]. Как на одну из причин такого санитарного

---

[230] РГВИА Ф. 499. Оп. 8. Д. 25. Л. 797.

[231] Всеподданнейший отчет военного министра. СПб., 1877. С. 78 – 81.

состояния армии следует указать на продолжительное употребление сухарей, да еще не всегда доброкачественных, а интендантство далеко не всегда стремилось сухари печеным хлебом.

В силу избранного полевым управлением способа довольствия армии, роль главного интендантского управления была чисто пассивной и ограничивалась в первое время выполнением требований полевого интенданта по доставке таких предметов, заготовка которых была невозможна на театре войны. Лишь с сентября 1877 г. военное министерство, по собственной инициативе, признало необходимым принять энергичные меры для заготовления запасов продовольствия для войск действующей армии. Богатство района сосредоточения и театра войны могли бы позволить полевому интендантству предоставить войскам определенные районы для эксплуатации местных средств и прибегать к товариществу лишь в крайности. Без сомнения, эта задача была под силу войскам ввиду их привычки к хозяйственным операциям. Примером удачного разрешения вопроса путем войсковой эксплуатации местных средств может служить Ловче-Сельвинский отряд. Настойчивые ходатайства начальника отряда вызвали ассигнование небольшого денежного аванса (8 т. руб.), и с того времени в отряде не знали затруднений даже в сухарном довольствии.

Наравне с нижними чинами терпели нужду не только офицеры, но иногда и высшие начальники, находившиеся в отношении пищи и помещений в тех же условиях, что и нижние чины. Ни полевое, ни главное интендантство никаких забот в отношении офицерского состава не проявляло. Самостоятельное же разрешение этого вопроса в виде товариществ или экономических обществ тогда совершенно отсутствовала.

Нельзя не отметить, что если в эту войну, несмотря на все дефекты продовольственной части, армия и вышла благополучно из тяжелого испытания, то, конечно, в большой степени благодаря тому, что настроение главной массы населения театра войны было вполне для нас благоприятное и сочувственное.

Данные по обеспечению нашей армии на театре военных действий мы можем обнаружить в отчетах интенданта Действующей армии и его помощников. Так, в докладе помощника Интенданта Действующей армии за 21 января 1877 г. приводятся сведения о поставках по интендантской части с 14 по 21 января 1877 г.[232], в которых фиксируются наиболее важные распоряжения и изменения. Так, по повелению его императорского высочества, главнокомандующего армией, войскам было поставлено (данные по вещевому довольствию, поступившему в Бендерский склад):

суконных набрюшников ... 21 000.

Отправлено в войска:

полушубков 1570,

фуфаек 2267,

полотнищ к офицерским походным палаткам 948,

к солдатским .....11 684.

Были отпущены деньги на заведение не форменного Интендантского обоза и лошадей к нему для вновь формируемого артиллерийского парка и штаба Кавказской казачьей дивизии; ассигнованы деньги на заведение артиллерийского обоза для чиновников Главного полевого казначейства, а также представлен на разрешение Его Высочества доклад об отпуске полушубков.

Окончательно было сформировано 13 отделений Интендантского транспорта, в последнем же, 14-ом, недоставало 320 лошадей, которые были отправлены из числа излишне поступивших в другие отделения[233].

Сведения о поставках доступны через отчеты интендантских управлений округов. В нашем распоряжении имеются отчеты по всем военным округам за 1877 г., но наиболее показательным является отчет по Московскому военному

---

[232] РГВИА. Ф. 499. Оп. 1. Д. 282. Л. 103.

[233] Ф. 499. Оп. 1. Д. 282 Л. 104.

округу, на примере раздела по заготовлению вещей и снаряжения которого мы и рассмотрим структуру данных отчетов[234].

Так, согласно отчету, по утвержденному Военным советом 1-го декабря 1876 года плану заготовления вещей для отпуска войскам на 1878 год исчислено было вещей, сукон и материалов на 13 911 213 р. 88 к.

Закупка всех этих вещей и материалов, как и постройка госпитальных вещей, были произведены с торгов. Кроме этого, по распоряжению Главного Интендантского Управления, для экстренных надобностей заподряжено было для госпиталя и войсковых вновь формируемых лазаретов госпитальных вещей на 17 620 р.81 к. и на постройку вещей употреблено 2 063 р. 44 к[235].

Для сформирования, на основании положения Военного Совета, трети госпитальных обозных запасов, было заготовлено госпитальных вещей и материалов на 752 611 р. 31 к. и на постройку вещей из казенных материалов было израсходовано 81 877 р. 33 к.

Из этого количества материалов и вещей было заготовлено с торгов на 49 767 р. 53 к. и построено с торгов на 26 444 р. 8 к.

На остальную же сумму заготовление и постройка вещей производилась подрядчиками на основании положения Военного Совета без торгов, частично по последним заготовительным ценам, частью же по новым выгодным для казны ценам, утвержденным положениями Военного и Военно-окружного советов и властью Интенданта.

Вследствие постоянного колебания в заготовительных ценах при случайных заготовлениях госпитальных вещей не представляется возможным сделать точный сравнительный вывод с ценами предшествовавших заготовлений, но приблизительно можно определить, что цены на случайные заготовления были выше последних подрядовых на 10–12 %[236].

---

[234] Ф.499. Оп. 1 Д. 1711. Л. 8.

[235] Там же. Л. 16.

[236] РГВИА. Ф.499. Оп. 1 Д. 1711. Л. 17.

Однако не всегда такие отчеты составлялись вовремя. Это было связано прежде всего с нехваткой кадров в интендантских управлениях. Подтверждение этому мы находим и в рапортах на имя главного интенданта Военного министерства[237]. Так, в рапорте от 6 февраля 1879 г. за № 3175 интендант Действующей армии на имя главного интенданта Военного министерства докладывает: «Вследствие предписания Вашего Высокопревосходительства за № 247, имею честь донести, что в настоящее время, при множестве текущих дел и в особенности при громадной переписке, возникшей по прежним делам, полевое Интендантское Управление не имеет никакой возможности приступить к составлению отчетов о своих действиях за 1876–1878 годы: я, мой помощник и делопроизводители, положительно завалены текущею работаю, днем и ночью не исключая праздников…

К сему считаю долгом присовокупить, что, сколько мне известно, ни одно из Полевых Управлений Действующей Армии не представило еще отчетов за 1876–1878 гг., хотя отчеты других Управлений далеко не могут быть так сложны и объемны, как отчеты Полевого Интендантского Управления; притом же и служебные занятия прочих Полевых Управлений во время войны и в особенности по окончании военных действий… Вследствие такой непосильной работы все чины управления крайне утомлены и многие чиновники и писаря часто заболевают»[238].

Организационная неподготовленность, слепота вместо осведомленности и боязнь ответственности за все распоряжения главнокомандующего, основанные на докладах полевого интенданта, — вот с чем выступило интендантство армии в начале своей деятельности.

Кроме того, нельзя не подчеркнуть и еще одну отрицательную сторону положения 1876 г. — это отсутствие ответственности строевых начальников (командиров корпусов и начальников дивизий) за деятельность почти

---

[237] Там же. Л. 752–753.

[238] Там же.

независимых корпусных и дивизионных интендантов при крайней ограниченности лично присвоенных этим начальникам хозяйственных прав.

Почти полная невозможность участвовать в разрешении вопросов подвоза делало интендантство совершенно зависимым от этого важнейшего фактора успеха деятельности, и даже наличие специально интендантского транспорта не развязывало ему руки.

Итак, в войну 1877—78 гг. главная задача интендантства — продовольствие — фактически не была им решена, а вторая по важности забота, т. е. снабжение армии предметами вещевого довольствия, была выполнена интендантством без системы.

По окончании войны 1877—78 гг. военное министерство, сознавая необходимость переработки «Положения о полевом управлении войск», уже в 1881 г. приступило к этой задаче[239].

Результатом совокупных работ военного и гражданского ведомств явилось положение 1890 г. (приказ № 62). Одной из главнейших причин своих неудач в русско-турецкую войну интендантство признало неудовлетворительное разрешение вопроса о личном составе ведомства.

Как на естественное разрешение поставленной задачи интендантство указало на необходимость:

1) определения нормального штатного состава интендантских чинов для всех полевых учреждений интендантского ведомства;

2) образования в мирное время специального запаса чиновников интендантского ведомства (подобно офицерскому составу), из которого можно было бы пополнять потребности военного времени;

3) образования в мирное время интендантских управлений при корпусных и дивизионных управлениях;

4) специальной подготовки (теоретической и практической) чинов для службы в интендантском ведомстве.

---

[239] Обзор деятельности военного министерства в Царствование императора Александра III, 1881 – 1894 гг. СПб., 1903. С. 60 и 62.

Сразу после окончания военных действий и предоставлении отчета Главного интендантского управления за 1877 г. высказывались следующие важнейшие замечания по этому отчету[240]:

I. Заготовление мундирных и амуничных вещей.

«Заготовления, исполненные по военному времени, разбиты на 22 пункта; удобнее было бы соединить между собою однородные предметы, ограничиться меньшим числом отдельных пунктов; затем самые заготовления правильнее было бы расположить, руководствуясь не хронологическим порядком их разрешения, а цифрою произведенного расхода, или же характером заготовлений. Наконец самую статью отчета (1-ю) казалось, было бы правильнее озаглавить: Заготовление предметов вещевого довольствия, или же просто — заготовление вещей, ибо в ней говорится не исключительно только об обмундировальных и амуничных вещах»[241].

II. Заготовление продовольственных продуктов.

«В главе Провиантская операция в отдаленных округах, между прочим, излагается провиантская операция по Кавказскому округу, при чем заготовление провианта представлено совершившимся как бы без всякого отношения к военным обстоятельствам отчетного года; там же, где говорится о заготовлении фуража, этот прием изложения не выдержан, приведены различные военные соображения и вследствие этого в этой статье повторяется, подчас слово в слово, многое из того, что помещено в конце отчета в главе о провиантских заготовлениях по военному времени»[242].

III. Продовольствие военно-врачебных заведений[243].

---

[240] Ф. 499. Оп. 1. Д. 1713. Л.3.

[241] Там же.

[242] Там же.

[243] Ф. 499. Оп. 1. Д. 1713.Л. 4.

«Очень мало сказано о продовольствии военно-врачебных заведений Кавказского округа, в особенности по сравнению с тем, что изложено по этому вопросу относительно Восточно-Сибирского округа».

IV. Довольствие войск.

При изложении деятельности Интендантства по снабжению вещами, упомянуто о снабжении предметами обмундирования пленных турок, а также эвакуированных из обеих армий больных и раненых нижних чинов; нужно в обоих случаях показать, на какое число людей было выдано обмундирование.

Статья о провиантском довольствии войск очень растянута и мало обработана.

В статье о приварочном довольствии расход на этот предмет по внутренним округам показан цифрою 4.835.544 р. 51 к. — но сюда не вошли Округа: Варшавский, Виленский и Одесский; не видно также, во что обошлось приварочное довольствие каждому из четырех отдельных округов; затем о приварочном довольствии войск Восточно-Сибирского округа сказано непропорционально мало, а многое из того, что сказано о Кавказском округе, повторяется в конце отчета. Необходимо было включить недостающие цифровые данные для того, чтобы можно было судить о расходах на приварочное довольствие в отчетном году[244].

V. Постройка обоза[245].

«Необходимо в начале этой статьи было изложить главные основания новой организации обозной части в войсках, т. к. о ней несколько раз упоминалось в отчете, сущность же ее не была объяснена ни в этом отчете, ни в отчетах за предшествовавший год.

Сказано, что в отчетном году были снабжены обозом все части и управления первых 8-ми резервных пехотных дивизий и 7-ми резервных артиллерийских бригад. Т. к. в 1877 г. было сформировано только 4 резервные

---

[244] Там же.

[245] Ф. 499. Оп. 1. Д. 1713. Л. 6.

пехотные дивизии и 3 резервные артиллерийские, то обоз на отдельные резервные части составлял запас на случай дальнейшего формирования резервных войск; в таком смысле полезно было бы изменить редакцию этого пункта и цифровые данные о числе повозок»[246].

В статье приведены цифры заказа в 1877 г. различного рода повозок, как обозным мастерским, так и частным заводчикам. Необходимо показать, сколько было построено обоза в течение отчетного года. Кроме того, желательно было бы, чтобы рассматриваемая статья, не ограничиваясь сведеньями о постройке обоза и снабжении им войск и учреждений, давала возможность судить о современном положении обозной части в войсках.

Говоря об обозе военно-временных госпиталей, необходимо было указать, сколько именно из этого обоза осталось в отчетном году без употребления и сколько пошло его на мобилизационные военно-временные госпитали.

VI. Запасы.

Расход неприкосновенных запасов приведен излишне подробно, в 34 пунктах. Число их можно было значительно сократить соответственною группировкою. В этой же статье сказано, что сверх состоявших наличью к 1-му января 1878 г. неприкосновенных запасов на 386.812 чел. и 24.617 строевые лошади, состояло вещей в запасных частях различного рода оружия на 92.711 чел, сколько же состояло в запасных частях вещей на строевых лошадей, не объяснено. Затем, было бы правильнее, для суждения о количестве неприкосновенных запасов, оставшихся нетронутыми к 1878 г., вещи, отпущенные в запасные части, показать в расходе, еще более необходимо показать расходом вещи на 81.692 нижних чина и на 6.585 лошадей, отпущенные из интендантства в запасные части на пополнение тех вещей, которые убывали с нижними чинами, отправляемых в маршевых командах на театр военных действий. Только при этих поправках увеличится первоначально

[246] Там же.

приведенная в отчете цифра расхода неприкосновенных запасов всего на 195.585 нижних чинов, 865 строевых лошадей, каковая цифра расхода, очевидно, не соответствует тому значительному развитию вооруженных сил, какое было выполнено в отчетном году.

В отчете сказано, что к началу 1877 г. госпитального запаса состояло на 3.248.090 руб., в приложенной же к отчету ведомости показано на 3.318.630 руб. Затем из этого запаса показан расход вещей для 56-ти военно-временных госпиталей Действующей армии на 1.344.020 р.[247]

«Следовало бы, не ограничиваясь этим, привести расход вещей госпитального запаса на все 64 мобилизованные военно-временные госпитали, а также для военно-временных госпиталей Кавказской армии и для подвижных дивизионных лазаретов»[248].

Критикуя этот отчет, чиновники военного министерства приходят к выводу[249]:

«Вследствие обстоятельств отчетного года наша армия, по отношению к вопросу о довольствии войск, может быть разбита на три группы, именно: 1) войска, оставшиеся в пределах Империи, 2) войска, входившие в часть армии, действовавшей на Балканском полуострове и 3) войска, действовавшие в Азиатской Турции. Было бы весьма желательно встретить в отчете Главного Интендантского Управления, за период военных действий против Турции, отчетливое изложение состояния Интендантской части и довольствия войск по каждой из приведенной ниже групп отдельно. В статье сказано, что войсками Кавказской Армии в течение года было израсходовано до 450 тыс. порций различных сортов консервов, из числа доставленных на Кавказ, по распоряжению Главного Интендантского Управления из внутренних округов;

---

[247] Ф. 499. Оп. 1. Д. 1713. Л. 6.

[248] Там же. Л. 7.

[249] Там же.

из предыдущих глав отчета не видно, чтобы такое количество консервов было отправлено на Кавказ»[250].

Серьезной критике подвергается и глава VIII, посвященная стоимости содержания Главного интендантского управления[251].

В тексте этой главы сказано, что на содержание Главного Управления в течение 1877 года израсходовано по смете 292.984 руб. 84 коп., в приложенной же к отчету ведомости обо всех вообще расходах по смете Главного Интендантского Управления расход на содержание Управления показан цифрою — 338.780 р.; по мнению проверяющих, необходимо было либо согласовать эти цифры, либо в тексте отчета объяснить причину их несходства.

Даже Военный министр при рассмотрении годовых за 1877 г. отчетов Главных Управлений обратил внимание на неполноту и недостаточную обработку некоторых из них и в числе и отчета по Главному Интендантскому Управлению[252], о чем свидетельствует рапорт от 24 марта 1879 г. № 2187.

Однако, справедливости ради, следует отметить, что подобные замечания относились и к отчетам других интендантских управлений[253], таких как Московское[254] за 1878 г., отчет Интендантского Управления Казанского военного округа за 1878 г.[255], отчет Окружного Интендантского Управления Финляндского военного округа за 1878 г.[256], отчет о деятельности Окружного Интендантского Управления Восточно-Сибирского военного округа за 1878 г[257].

---

[250] РГВИА. Ф. 499. Оп. 1. Д. 1713. Л. 7.

[251] Там же. Л. 10.

[252] Там же. Л. 1.

[253] Там же. Л. 43.

[254] Там же. Л. 54–63.

[255] Ф. 499. Оп. 1. Д. 1713. Л. 95–109.

[256] Ф. 499. Оп. 1. Д. 1713. Л. 248.

[257] Ф. 499. Оп. 1. Д. 1713. Л. 521.

Относительно качества и сроков предоставления отчетов неоднократно возникали разногласия между различными управлениями военного ведомства. Об этом, в частности, свидетельствует приказание по Главному интендантскому управлению, датируемое 15 мая 1879 г. за № 102[258] за подписью Главного интенданта Генерал-адъютанта Фон-Кауфмана:

«По существующему порядку, годовой отчет о действиях Главного Интендантского Управления за текущий 1878 г. должен быть представлен Господину Военному Министру к 1 июля текущего 1879 г. по той же форме, по которой был представлен отчет за 1877 г.

Необходимые для этого отчета сведения предлагаю составить, по принадлежности, в отделениях и других частях Управления, под непосредственным наблюдением начальников их, отдельными статьями, с обозначением отделов общего годового отчета, к которым они относятся, а также в том самом виде и в таком порядке, в котором они должны войти в вышеупомянутый общий годовой отчет за 1878 г.

Ответственность за полноту и изложение правильность доставленных сведений должна была лежать на соответствующих отделениях, которые в виду сего, по предметам имеющим связь с делами других частей Управления, обязываются составить требуемые от них данные не иначе, как по соглашению с сими последними частями, дабы тем самым избежать могущих встретиться, при несоблюдении сего условия, противоречий в разных отделах отчета.

Окончательно составленные таким образом о действиях Управления сведения в виде отдельных статей, по каждому отделению и части начальники их обязываются представить Главному Интенданту не позже первых чисел будущего июня месяца.

Затем сведения всех отдельных отчетов в один общий, по примеру прошлых лет, возлагается на чиновника особых поручений полковника Шубинского, который в этих видах прикомандировывается к Канцелярии

---

[258] Ф. 499. Оп. 1. Д. 1713. Л. 144.

Управления, а в помощь ему назначается состоящий по Интендантскому ведомству сверх штата при Управлении Коллежский Асессор Тихомиров».

Однако официальные отчеты меркнут на фоне вопиющих фактов хищений на всех уровнях машины интендантского управления.

Сразу после завершения военных действий и в течение еще нескольких лет было опубликовано большое количество мемуарных источников и аналитических исследований непосредственных участников той войны. В них, в частности, приводятся интереснейшие примеры злоупотреблений в интендантском ведомстве. Одним из таких авторов выступает бывший полевой обер-контролер Дунайской армии С. Штерн[259].

Вот один из приводимых им примеров: «Возьмем, для примера, одно из разбиравшихся интендантских дел[260]. Возникло оно не вследствие обнаруженных ревизию злоупотреблений, и также не вследствие бешеной роскоши в жизненной обстановке незначительного поручика, а благодаря лишь счастливой случайности, или, лучше сказать, неловкости подрядчика, подавшего не вовремя жалобу на этой случайности, и поручик Хвощинский так же легко ускользнул бы от смотрителя, с которым он до того, по-видимому превосходно ладил. Не будь всякой ответственности…

В Бухаресте постоянно жили: интендант тыла армии, его помощник, начальник продовольственного отделения, командующий войсками тыла армии и начальник его штаба, с целым штатом генералов и штаб-офицеров для особых поручений. Был ли кто-нибудь из этих господ на складе, в котором хранилось пятимиллионное казенное имущество? Что было сделано этими, щедро вознаграждавшимися за свою несложную службу, лицами для устранения царившего в складе хаоса? Или, может быть, тогда уже зародился в чьей-нибудь голове знаменитый план ликвидации обширных продовольственных

---

[259] С. Штерн (бывший полевой обер-контролер бывшей Дунайской армии). Из недавнего прошлого. Очерки некоторых хозяйственных и санитарных распорядков в последнюю Русско-Турецкую войну. Иркутск. 1886.

[260] Там же. С. 2.

складов, с гуртовою продажею наличия, без предварительной поверки его в количественном и качественном отношениях? Для ликвидации концов в воду это столь же удобный способ, как и массовая перевозка заведомо испорченных продуктов из румынских складов в Бургаст».

Вообще, в этом отношении господствовало полнейшее раздолье — чего не успели продать гуртом без счета, подносили в виде подарка местным жителям — «братушкам» или сжигали в видах санитарных. Как тут было удержаться от соблазна легкой наживы? «Братушкам» дарили и десятки тысяч пудов сухарей, и транспортных лошадей, и повозки, и госпитальные мягкие вещи. «Но, в особенности хороши были те аутодафе, на которых, из опасения занесения заразы, предавались сожжению вещи совершенно новые, не бывшие вовсе в употреблении. Многие возжигатели в своем рвении уничтожить заразу заходили так далеко, что истреблению огнем подвергали даже предметы металлические и каменные, как-то: бритвы, оселки и тому подобные, которые до того едва ли кем-либо считались носителями заразного начала. Впрочем и сами ассенизаторы мало верили в распространение заразы этим путем, так как к уничтожению вещей приступали нередко лишь спустя несколько месяцев после ввоза их в новую местность (где они раньше истребления успели бы распространить десять эпидемий), и так как нередко, как это показал один из одесских процессов, ограничивались сожжением вещей лишь на бумаге»[261].

Не менее любопытные сведения по злоупотреблениям в интендантском ведомстве можно обнаружить в газете «Голос» и в «Одесский Вестник»[262]. К их расследованию непосредственное отношение имел все тот же обер-контролер Дунайской армии С. Штерн, и благодаря его инициативе они были решены в пользу обвинения.

---

[261] С. Штерн (бывший полевой обер-контролер бывшей Дунайской армии). Из недавнего прошлого. Очерки некоторых хозяйственных и санитарных распорядков в последнюю Русско-Турецкую войну. Иркутск. 1886. С.3.

[262] «Голос» от 2 мая 1882 г. № 115. «Одесский Вестник» от 28 апреля 1882 г. № 92.

Первое из этих дел рассматривалось в Одесском, а второе в Виленском военно-окружном суде.

22-го и 24-го апреля 1882 г. проходили заседания по делу о бывшем смотрителе габровского продовольственного № 6 склада, коллежском регистраторе Якове Викторовиче Попеле, обвиняемом в растрате казенного имущества и злоупотреблениях в службе.

Против коллежского регистратора Попеля были представлены следующие обвинения:

1) превышение власти, выразившееся в принятии от товарищества по продовольствию армии 13 133 ведер лишнего спирта;

2) несвоевременное, вопреки 250 ст. XII книги свода военных постановлений 1869 г., донесение начальству о несоблюдении товариществом срока поставки;

3) самовольная перегрузка 3 отделений интендантского транспорта и отправление их за Балканы;

4) непринятие законом установленных мер для сохранения вверенных ему продуктов от порчи;

5) отпуск войскам недоброкачественных продуктов;

6) смешение, при сдабривании, годных сухарей с негодными.

В результате прокурор представил Поппеля несоответствующим своему назначению: «Человек, не получивший никакого воспитания, занимавший небольшую должность в полиции, не имевший понятия об интендантском деле, Поппель получил в заведование огромный склад. Неужели не нашлось людей более способных? Воля ваша, гг. судьи, а я должен заподозрить такое назначение, я должен думать, что Поппель нужен был такому начальству. Вспомните показание Штерна о складе Пеппеля. Его поразила с первого раза та кипучая деятельность, которую он увидел в габровском складе, деятельность тем более странная, что войска были за Балканами. Его поразила небрежность ведения книг и документов; его поразило полное нерадение смотрителя Поппеля о сохранении казенного имущества».

После представления обвинений суд удалился в отдельную комнату и после четырех часов совещания вынес резолюцию, по которой подсудимый был признан виновным в бездействии власти, в нерадении по хранению продуктов, отчего произошла значительная их порча и в других преступлениях. Суд постановил лишить коллежского регистратора Поппеля всех особенных, лично и по состоянию ему присвоенных прав и преимуществ и сослать на житье в Томскую губернию, а убытки, причиненные казне, взыскать с имущества Пеппеля, если таковое у него окажется.

О втором деле сохранилась лишь небольшая корреспонденция из Вильны, помещенная в «Новом Времени»[263]: «Еще одно интендантское хищение получило заслуженное возмездие. В нашем военно-окружном суде окончилось 16-го февраля, в 12 часов ночи, разбирательством дело бывшего командира 4-го отделения 1-го эшелона вольнонаемного интендантского транспорта, подполковника Петровского, обвинявшегося в подлогах по службе с корыстною целью, неповиновении, превышении и бездействии власти.

Истинным героем процесса стал прибывший специально из Петербурга, в качестве свидетеля, обер-контролер бывшей Дунайской армии, действительный статский советник Штерн. Живая, сжатая и полная содержания речь свидетеля, нарисовавшая яркую картину интендантских хищений и злоупотреблений в минувшую компанию, произвела глубокое впечатление как на суд, так и на публику. С этой минуты для всех стало ясно, что доблестному подполковнику не ускользнуть из рук правосудия. Так оно и случилось. После трехчасового совещания суд вынес свое постановление, которым подполковник Петровский был приговорен к ссылке на житье в Тобольскую губернию, с лишением орденов, чина и всех особенных прав и преимуществ лично и по состоянию присвоенных и службою приобретенных».

[263] «Новое Время». 7 марта 1888 г. № 2522.

Мы также располагаем общими статистическими сведеньями Военно-судной части на период войны 1877–1878 гг.[264], по которым следует, что во все полевые суды поступило, со дня открытия их до октября 1878 г., 1507 дел по обвинительным актам, из них 249 дел передано в другие полевые суды, а следовательно считались поступившими два раза, 58 дел передано в военно-окружные суды в России и местные суды Болгарии. Поэтому основанием для всех выводов в этом очерке служили остальные 1200 дел, которые и вносились в опись. Хотя из них несколько дел оставались нерешенными к октябрю 1878 г., но и они учитывались в выводах, ибо из них выбирались сведения о движении дел.

Так, из статистических данных следует[265], что нижних чинов, принадлежащих к интендантскому ведомству (госпитальных, разных складов и управлений), было привлечено лишь 6 % (72 чел) от общего числа привлеченных нижних чинов. При этом, к сожалению, не всегда можно быть уверенными в точности этих цифр, т. к. в отчете не уточняется перечень управлений. Однако по контексту речь идет именно об интендантстве.

Наиболее острым вопросом той компании, безусловно, являлся продовольственный вопрос. Он оставался актуальным и по завершении русско-турецкой войны. Наибольшая дискуссия в этом вопросе разыгралась по проблеме привлечения к решению этой стратегической задачи товарищества Гререр, Горвиц и Коган[266].

Систематическое изложение дел и сведений, собранных бывшей Комиссией для исследования действий продовольствовавшего Армию Товарищества Грегер, Горвиц и Коган, было опубликовано после войны. Оно

---

[264] Максимов Н. Статистический очерк Военно-судной части во время войны 1877–1878 гг. На Балканском полуострове. 1-я часть. СПб., 1879. С. 5.

[265] Там же. С. 54.

[266] Материалы для составления отчета о продовольствии Армии, в минувшую войну 1877–1878 гг., в Румынии и Европейской Турции.

поможет нам попытаться разобраться, как же на самом деле развивались взаимоотношения между интендантством и Товариществом.

В главе второй отчета о продовольствии армии приводятся сведения о

«Заключении контракта на заграничное довольствие войск с Товариществом Грегер, Горвиц и Коган; ходе операций его за все время войны и денежные расчеты с Товариществом по средствам авансов»[267]. Также благодаря этому отчету мы можем восстановить всю цепочку взаимоотношений между Товариществом и Интендантским ведомством.

Согласно документам, 9-го марта 1877 г. в Кишинев вызываются избранные Великим князем Коган из Одессы, Грегер из Петербурга и Горвиц из Москвы. Все они собираются к 28 марта. Тогда же, за № 5022, к ним препровождается проект контрактных условий на заграничное довольствие Армии, каковые товарищество изъявляет желание принять, но с некоторыми поправками, среди которых оговаривается, что интендантские чиновники должны быть устранены от удостоверения закупочных цен продуктов. 30 марта от Товарищества берется подписка, что оно немедленно приступает к распоряжениям о заготовлении продуктов по заграничному довольствию войск до заключения на этот предмет формального контракта, и примет тот расчет, который будет установлен впоследствии Великим князем главнокомандующим. Вместе с этим Товариществу выдается на месте три тысячи полуимпериалов, с пополнением этих денег через Государственный Банк в Петербурге. При этом оно просит, «в виду необходимости и внезапности объявления о предстоящем походе», командировать чиновника с кредитом в 500 тыс. рублей для выплаты этих денег за продукты, которые будут предъявлены к сдаче в местах их заготовления.

2-го апреля Полевой интендант представляет доклад за № 5320 с подробными соображениями относительно контрактных условий с

---

[267] Там же С. 5.

Товариществом. В ответ 4-го апреля получается отзыв за № 3099 от Начальника Штаба Действующей армии о том, что Великий князь Главнокомандующий, одобрив эти условия, «изволили признать необходимым предоставить Товариществу поставку продуктов, на комиссионном начале, не только во время путевого довольствия и первых двух недель по прибытии войск на места назначения, но и во все время компании. Также передать этому же Товариществу довольствие военно-временных госпиталей заграницею, с заключением на этот период особого контракта»[268].

16-го апреля подписывается окончательный контракт с Товариществом по заграничному довольствию войск на следующих, наиболее существенных основаниях:

1) Товарищество обязуется поставлять продукты определенного контрактом качества, но заграницею, с тем исключением в отношении сорта и качества продуктов, которые будут вызываться условиями местного урожая и способов приготовления.

2) Продукты поставляются в мере действительной надобности по нарядам Интендантства, которые должны быть даваемы заблаговременно, не позже как за неделю до начала поставки, с обозначением времени и ее пунктов.

3) Поставка продуктов производится во время передвижения армии, непосредственно в сами войска, под квитанции, а при расположении на месте в интендантские магазины, или склады, или также прямо в войска, по непосредственным требованиям командиров частей, в пропорции не более 10-ти дневной.

4) Товарищество обязуется производить поставку всех продуктов для Армии на комиссионном начале, по действительно существующим на местах следования и стоянки войск ценам, как на продукты, так и на доставку их в места назначения, удостоверенным контрактами с торговыми домами, банками

---

[268] Там же. С. 6.

и частными лицами, или счетами всех их, или другими документами, как-то: торговыми и биржевыми бюллетенями, свидетельствами маклеров и т. п. Документы эти предоставляются при квитанциях в сдаче продуктов.

5) К покупным ценам продуктов и за провоз их присоединяется 10 % комиссионных, в качестве вознаграждения за принятый на себя Товариществом труд и на устройство и содержание его администрации. Все же прочие расходы, сопряженные с поставкою продуктов в интендантские склады, или войска, как-то: перемерка, перевеска, починка мешков, укладка, таможенные пошлины, премии смотрителям — относятся на счет казны, и комиссионные проценты на них не исчисляются.

6) Товарищество должно на свой счет организовать администрацию для ведения дел по принятой им на себя операции и сообщить Полевому Интендантству о месте нахождения своих контор, отделений и агентов. Главный же агент должен быть всегда при Интендантстве.

7) Интендантство, со своей стороны, должно оказывать содействие тому, чтобы все заподряженные товариществом предметы провозились по железным дорогам, как в пределах империи, так и заграницею, беспрепятственно и безостановочно, наравне с казенными грузами; равным образом содействовать, через местные военные, гражданские и полицейские власти, также при доставке продуктов Товариществом по грунтовым дорогам.

8) Доставленные Товариществом продукты должны быть принимаемы от него в тот же день или, по крайней мере, на другой день. Причем Товарищество обязуется свидетельствовать своею, или своих поверенных подписью приходную статью принятых от него продуктов в магазинной книге, или по войсковому отчетному листу и затем получать квитанции не раньше, как по исполнении этого засвидетельствования.

9) Товарищество обязуется ставить все продукты натурою и потому не рассчитываться ни с кем, ни за какую часть продуктов, деньгами, под опасением взыскания за это по всей строгости законов.

10) По предъявлении каждой квитанции на сданное в срок количество продуктов, Полевое интендантство делает расчет причитающихся по ней денег и на получение их выдает талон в течение двух недель. Выдача талона считается за уплату денег.

11) Собственно же на время путевого довольствия войск, с переходом их заграницу, для выплаты Товариществу денег, в случаи его просьбы, за заготовленные продукты, в размере 75 % стоимости их на местах покупок, т. е., до получения за эти продукты квитанций, должны быть командированы особые чиновники, которые и обязаны производить эту выплату, но не иначе, как по удостоверении в наличности продуктов и стоимости их по документам.

12) Неисправность Товарищества считается, когда оно не доставит следующего количества припасов вовсе, или в определенный срок, или же когда доставленные продукты не будут приняты по недоброкачественности. Во всех этих случаях взыскивается с Товарищества неустойка в размере двадцати процентов по расчету из действительно закупочных цен, по которым не поставленные продукты будут приобретены казною.

13) Отсрочек в поставке продуктов ни под каким видом Товариществу даваемо не будет но неисправность его по какому либо пункту и на какой-либо срок не влечет еще за собою возможности отказать Товариществу вообще от поставок. Таковой отказ может последовать лишь в случае общей неисправности Товарищества, причем с него взыскивается неустойка уже в размере 25 % стоимости не поставленного количества продуктов.

14) В обеспечении исправного исполнения принятых Товариществом на себя обязательств им представлен залог, стоимостью в 500,040 рублей 50 коп.

15) По окончании операций Товарищество в Полевом Интендантстве составляет окончательный расчет, и копия с него выдается Товариществу с обязательством возвратить его, с надписью о согласии или о причинах не согласия на расчет, в течение шести недель. Расчет этот, по окончании компании, должен быть составлен не позже одного месяца со дня представления Товариществом последних квитанций; если же компания

продолжится более года, то окончательный расчет должен быть составлен за каждый год особо.

Не менее значим для понимания того, как складывались взаимоотношения Интендантского ведомства и Товарищества, является Доклад интенданта армии тайного советника Россицкого от 6-го апреля 1878 г.[269]: «Предшественник мой, Действительный статский советник Аренс, получив от вашего императорского высочества приказание войти в соглашение с продовольствующим армию Товариществом, об определении цен на поставляемые последним, в войска и госпитали, продовольственные припасы…

С такими моими убеждениями, приняв пост Полевого Интенданта Действующей армии, я встретил в ней и в газетах, русских и иностранных, другие еще убеждения: о нерациональности текущей системы довольствия посредством Товарищества, о больших неисправностях Товарищества и недобросовестности — громадности его цены.

Программу для проверки действий и цен Товарищества я задал себе следующую: проверить его конторские отчеты и счеты; взвесить все затруднения, какие оно встречало, при выполнении контракта, со стороны местных администраций, войск, непредвиденных условий войны и природы; проверить взаимные Товарищества и казны неустойки против контракта; взвесить убытки Товарищества вообще, от него не зависевшие, стоимость и неизбежность громадной его администрации; сравнить цены Товарищества с ценами заготовлений попечением войск, госпиталей, Красного Креста, румынской администрации и соседних округов».

Вслед за этим вопросом встают другие вопросы, задаваемые многими: «почему исключительно Товарищество было допущено к участию в деле продовольствия Армии, тогда как многие пожелали бы, даже с понижением цен Товарищества, принять участие в пользу столь важного дела и почему евреи преимущественно являются деятелями Товарищества. На вопрос первый отвечу

---

[269] Там же. С. 33.

двумя вопросами: неужели можно было начать такую, широкую и быструю компанию, не устроив довольствия окончательно в ожидании более выгодных предложений, и можно ли, заключив раз контракт, при каждом более выгодном предложении, нарушать его. К этим моим вопросам присовокуплю три мои мнения: 1) глядя на продовольствие Армии правильно, мы должны заботу нашу о нем вести в следующей последовательности: сперва думать лишь о том, чтобы продовольствие было, затем чтобы оно было возможно лучшего качества, и, наконец, чтобы оно обошлось как можно выгоднее для казны; если же мы изменим этой постепенности, то дойдем до неблагоприятного результата.

...Вопрос о евреях я начну с объяснения, что товарищество состоит из 3-х гласных и одного негласного членов: Горвица, Грегера, Когана и Пашова. Трое из них христиане, а четвертый, Коган, еврей, воспитанный в Лондане, получивший от отца громадное наследство, женатый на племяннице известного всему миру Ротшильда, давшей ему такое громадное приданое, но сильно расстроивший свои дела на разные полезные для России общественные учреждения и особенно с поступлением в состав Товарищества. Пашова и Когана я, с детства их, хорошо знаю и отвечаю за их честнейшие правила; ... Позволю себе присовокупить, что не мотает и не проигрывает в карты, а оскорбления, которыми осыпались агенты Товарищества на каждом шагу, даже побои, переносит с беспримерным терпением.

...Перехожу к суждению о том, что сделало для армии Товарищество и начинаю доклад об этом с представляемой ведомости Товарищества о поставленных им разных продовольственных припасов, в верности которой нет оснований сомневаться. Ведомость эта доказывает, что припасов поставлена масса, даже относительно полной потребности армии, обеспечивавшейся еще подвозами в громадном количестве из России сухарей, не говоря уже о людских и конских консервах, остающихся доселе неизрасходованными по не зависевшим от интендантства причинам, и таким образом обманувших расчеты

интендантства и Товарищества в потребностях фуража и мясных порций. Если бы войска брали эти консервы, не затруднялись бы они далеко так ....»[270].

«Цены, по которым Товарищество просит расчета за поставки до Балкан, я нахожу выгодными для обеих сторон и полагал бы: 1) рассчитать Товарищество по этим ценам, до 1-го мая 1878 г., с присовокуплением стоимости перевозки от Дуная до Балкан, кроме госпитального продовольствия и печеного хлеба вообще, с 15 сентября 1877 г., по низшим ценам нашего вольнонаемного транспорта; 2) за поставки по эту сторону Балкан рассчитывать Товарищество, как я с ним и условился, по ценам, в Болгарии одабриваемым учрежденными нами городскими советами и нашими губернбаторами... Не смею сказать, чтобы выпрашиваемые Товариществом цены не были несколько натянуты недобросовестностью тысячи их агентов и приказчиков; но какие же операции свободны от такой натяжки, если не по добросовестности, то от неопытности действующих лиц; даже полагаю, что неопытность, особенно в чужих краях, чиновников-коммисионеров, в связи с не добросовестностью разных мелких спекулянтов, ввела бы казну несравненно в большие расходы, породив вместе с тем нескончаемые дела по разным претензиям об убытках, которые Товарищество несло, несомненно и с просимым расчетом прекращает».

Не менее важным вопросом для нормального ведения боевых действий является вопрос устройства санитарно-врачебной части[271].

Главным основанием устройства санитарной части действующей армии должна была служить возможность постепенной эвакуации больных и раненных из операционного района в пределы отечества[272].

---

[270] Там же. С. 35–36.

[271] Сборник материалов к вопросу об устройстве санитарно-врачебной части армии в военное время. СПб., 1879.

[272] Там же. С. 5.

Эвакуация была необходима в целях поддержания нравственного духа как самой армии, так и раненых и больных, а также во избежание слишком большого накопления больных, неминуемым последствием коего являются истощение занятого края и проявления в нем, а стало быть, и в действующей армии, эпидемических болезней.

Результатом использования боевого опыта войны 1877–78 гг., стало действующее положение о полевом управлении войск в военное время, изданное в 1890 г., в котором, в частности, сказался и опыт деятельности полевого интендантства.

Основным действующим законоположением на то время служило «Положение о полевом управлении войск в военное время», приложенное к приказу по в. в. 1890 г. № 62, с последовавшими к нему дополнениями. Из них главнейшие:

1. «Положение о продовольствии войск в военное время»[273];
2. «Наказание войскам о продовольствии во время военных действий»[274];
3. «Положение о полевых хлебопекарнях»[275].

Вероятность столкновений в будущем на одном театре еще более значительных масс, чем это было в войну 1877—78 гг., вызвала создание двух высших инстанций для управления войсками: главнокомандующего армиями и непосредственно подчиненных ему командующих частными армиями. Это не было, однако, для нашей армии новостью, а лишь возвращением к тому порядку, который предусматривался более ранними законоположениями, начиная с учреждения большой действующей армии в 1812 г.

Печальные результаты организационной импровизации в 1877—78 гг. в деле создания полевых управлений указали на необходимость

---

[273] Приказ по в. в. 1899 г. № 346 и 1904 г. № 123.

[274] Приказ по в. в. 1899 г. № 346.

[275] Приказ по в. в. 1899 г. № 381.

заблаговременного создания еще в мирное время прочных кадров. Слишком очевидно было, что нельзя сохранить тот порядок, когда незнакомые между собой войска собираются под предводительством не всегда их знающего начальника, который вынужден к тому же распоряжаться через неизвестный ему штаб. Польза дела требовала, чтобы существовало неразрывное единение главных боевых начальников с войсками. В силу этого, командующий войсками пограничного округа по положению 1890 г. вступал в командование армией, сформированной вверенными ему войсками; начальник окружного штаба и другие начальники отделов окружного управления вступали в управление соответствующими отделами полевого управления, передавая свои обязанности по кругу своим постоянным помощникам мирного времени. При этом уже в мирное время должны были быть составлены все необходимые соображения о порядке довольствия армии и снабжения всеми предметами, об устройстве коммуникационных линий и т. д.

На военно-окружное управление, во главе которого становился помощник командующего войсками округа, переходила вся исполнительная деятельность в тылу расположения армии. За полевым управлением сохранялся исключительно распорядительный характер.

Имея в виду вышеприведенную главную идею действующего положения о полевом управлении войск в военное время, перейдем к более подробному его исследованию.

Поставленный во главе группы вполне самостоятельных в тыловом и хозяйственном отношении частных армий, главнокомандующий, являясь представителем лица Его императорского величества[276], каковым он был всегда и раньше, ответствует за свои распоряжения перед одним Государем.

Ближайшим сотрудником и единственным докладчиком при главнокомандующем являлся начальник его штаба, который в случае болезни

---

[276] В случае прибытия государя императора к армиям, главнокомандующий вступал в должность начальника штаба его величества, если только в высочайшем приказе не будет объявлено, что он остается в должности.

или смерти главнокомандующего заступал на его место впредь до назначения нового главнокомандующего.

Главнокомандующий, по этому положению, давал командующим частными армиями общие указания относительно ведения военных действий для направления усилий всех армий к общей цели. Все хозяйственные распоряжения по довольствию отдельных армий и по устройству их коммуникационных линий были возложены положением на командующих этими армиями и на подчиненные им органы. Было сделано исключение лишь в отношении эксплуатации железных дорог для объединения в руках одного лица распоряжений по руководству деятельностью всех железных дорог театра войны[277].

При главнокомандующем был положен небольшой штаб, в котором, между прочим, сосредоточивались сведения лишь о степени обеспечения армий разными видами довольствия. Таким образом, интендантская часть не имела своего представителя в составе высшего органа полевого управления.

Командующий частной армией, непосредственно подчиненный главнокомандующему, начальствовал над армией и, вместе с тем, руководил деятельностью всех органов, ведающих ее довольствием и устройством путей сообщения. Он снабжен был почти неограниченною властью в делах хозяйственных, что значительно облегчало распоряжения по постоянному удовлетворению всех нужд армии. В достижении поставленных целей он руководствовался исключительно указаниями главнокомандующего, не подпадая ни под чей контроль.

При командующих армиями должны были состоять так называемые «полевые управления армий», более полного состава, с органами для ведения всеми отраслями администрации, причем для обеспечения быстрой мобилизации этих полевых управлений они формировались из состава военно-окружных управлений. Этим, несомненно, устранялась столь вредная в это

---

[277] «Положение о полевом управлении войск» (приказ по в. в. 1890 г., №62).

горячее время импровизация распорядительных органов, которые, будучи вполне осведомлены о нуждах армии и средствах округа, должны были предъявлять исполнителям целесообразные требования.

Полевое управление армии должно было состоять из главных и второстепенных отделов. Ближайшим сотрудником командующего армией по всем предметам его ведения, а также и единственным в принципе докладчиком, являлся начальник штаба армии, на которого в качестве прямой обязанности возлагалось объединение деятельности всех лиц и частей, входящих в состав полевого управления армии.

К главным отделам полевого управления, по преимуществу ведающим снабжением войск различными видами довольствия, эвакуацией и устройством тыла, относились управления: 1) начальника военных сообщений, 2) интенданта армии, 3) инспектора артиллерии и 4) инспектора инженеров.

Затем, в составе управления дежурного генерала армии предполагалось ввести еще два второстепенных органа, тоже ведающих вопросами снабжения: а) полевое военно-госпитальное управление и б) полевое военно-медицинское управление. На попечении первого должно было находиться снабжение всех военно-врачебных заведений предметами госпитального довольствия[278] и прочими материальными потребностями. На второе возлагалось снабжение войск военно-врачебных заведений предметами медицинского довольствия.

В управлении интенданта армии сосредоточивались общие распоряжения по продовольствию армии, обмундированию и снабжению ее предметами интендантского ведомства и удовлетворению денежными отпусками. Производство хозяйственных операций или работ непосредственно управлением интенданта армии допускалось положением только в исключительных случаях[279] и при том лишь с разрешения командующего

---

[278] Ст. 474 «положения о полевом управлении». Заготовления предметов материального каталога военно-врачебными заведениями мирного времени возложено на интендантское управление (См. св. в. п. 1869 г. кн. 1, ст. 197 и 203).

[279] Ст. 166 «положения о полевом управлении войск».

армией. Поэтому в состав полевого интендантского управления входила канцелярия, чины для поручений и резерв чинов интендантского ведомства для назначения на открывающиеся должности[280]. Отделений, ведающих какими либо специальными отраслями довольствия, как-то: провиантской, вещевой, денежной и прочие — в управлении интенданта не было.

Исполнителями распоряжений полевого интенданта являлись подведомственные ему: и. д. окружного интенданта того округа, из которого сформирована армия, корпусные, дивизионные и отрядные интенданты.

По положению о полевом управлении, интендант армии, как один из начальников главных отделов, подчиняясь непосредственно командующему армией, получает, однако, от начальника штаба армии общие указания для согласования своей деятельности с общим ходом военных операций. Все письменные представления командующему армией он делает на его имя, но не иначе, как через начальника штаба армии, а личные доклады в присутствии последнего[281].

В пределах предоставленного ему круга деятельности интендант армии пользовался обширной властью, обращаясь за решением к командующему армией только в случаях невозможности произвести те или иные операции по предельным ценам, утвержденным командующим армией. Но и здесь закон обязывал интенданта армии получать предварительные разрешения лишь в том случае, если операция будет простираться на сумму свыше 200 т. руб. В обстоятельствах же чрезвычайных, когда разрешение не могло быть отложено без явного вреда для армии, интендант обязан был принять все нужные меры, лишь доводя впоследствии об этом сведения до командующего армией с объяснением причин настоятельности принятого им решения.

Такое определение закона, несомненно, обеспечивало интересы армии в достаточной степени и требовало со стороны исполнительной власти

---

[280] 15 офицеров и чиновников, 12 писарей и 1 счетчик (Общ. состав пол. управл. Армии, пр. по в. в. № 62).

[281] Ст. 161 «положения о полевом управлении войск».

проявления разумной инициативы и должной самостоятельности в самые серьезные минуты.

Интендант армии обязан был составлять окончательный план довольствия армии[282], представляемый на утверждение командующего армией. В этом плане должно было быть указано:

1) сколько и каких припасов и вещей, в каких местах и к каким срокам необходимо для армии, сколько из них находится уже на местах, сколько ожидается и сколько нужно еще заготовить и перевезти;

2) сколько и каких именно предметов может быть приобретено в районе театра войны;

3) способы и порядок заготовления и доставки припасов и вещей;

4) исчисление размера необходимых перевозочных средств для перевозки собственно интендантских грузов.

Руководствуясь этим планом, интендант армии обязан поддерживать тесную связь как с подведомственными ему интендантскими органами театра войны, так и с главным интендантом военного министерства, дабы держать их постоянно в курсе о количестве имеющихся запасах предметов интендантского довольствия и предстоящих к удовлетворению нужд армии.

Он давал руководящие указания в случаях назначения командующим армией общих реквизиций, а при назначении полного продовольствия войск на квартирах от обывателей — интендант армии распоряжался, согласно Положения, составлением особых продовольственных тарифов, подлежащих утверждению командующим армией.

Наконец, когда по ходу военных действий представится необходимость в уничтожении каких-либо запасов интендантского ведомства, то к этой крайней мере интендант армии должен был прибегать не иначе, как с разрешения командующего армией, сообщая о том полевому главному контролеру.

---

[282] Ст. 163 и 371 «положения о полевом управлении войск».

Этим исчерпывались по положению главнейшие права и обязанности высшего руководителя интендантской службы на театре войны.

Обращаясь к подведомственным полевому интенданту органам, обнаруживаем, что, согласно ст. 701 положения о полевом управлении войск, отделы военно-окружного управления, а в том числе и окружное интендантское управление продолжали действовать как местные исполнительные органы командующего армией и полевого управления армии[283].

В тех случаях, когда требование полевого управления не могло быть удовлетворено распоряжением и. д. окружного интенданта и для удовлетворения этого требования нужно было обратиться к средствам внутренних областей государства или к содействию военного министерства, то представление о том делалось начальнику военно-окружных управлений.

При всех заготовлениях и хозяйственных операциях и. д. окружного интенданта руководствовался предельными ценами, утверждаемыми начальником военно-окружных управлений. Последний, помимо власти, присвоенной вообще главному начальнику округа, пользовался еще по части хозяйственной обширными правами военного совета и мог по своему усмотрению обращать на покрытие какого-либо расхода все свободные, имеющиеся в его распоряжении суммы, а также назначать общие или частные реквизиции. Очевидно, что столь обширная власть начальника военно-окружных управлений должна была вполне обеспечивать успешную деятельность окружного интенданта.

Следующей инстанцией подчиненных полевому интенданту исполнителей его предначертаний в деле обеспечения армии являлись корпусные интенданты.

Эти старшие представители войскового интендантства, подобно дивизионным и отрядным, находились в несколько иных условиях.

---

[283] Ст. 717 «положения о полевом управлении войск».

Будучи в полном подчинении командиру корпуса, корпусные интенданты исполняли все поручения интенданта армии по довольствию войск, по производству заготовления и иных хозяйственных операций, пользуясь, в общем, правами окружного интенданта. Главнейшей же заботой корпусного интенданта являлось своевременное доставление войскам продовольствия. С этой целью в его распоряжении находились чины вверенного ему управления, а также дивизионные интенданты.

Корпусный интендант лично наблюдал за доброкачественностью отпускаемых войскам предметов довольствия и принимал меры, чтобы при передовых частях войск корпуса всегда были интендантские чины. Последние предназначались для сбора сведений о средствах страны, для принятия в свое ведение средств и запасов, оставленные неприятелем, а также для производства в нужных случаях заготовлений. Ставя во главе всех требований обеспечение войск необходимыми предметами довольствия, положение о полевом управлении предусматривало случаи, когда обстоятельства войны не позволят корпусному интенданту получить указания от интенданта армии. В таких случаях, а равно если на то последует категорическое приказание командира корпуса, для обеспечения содержания в постоянной наличности при войсках и в дивизионном и корпусном обозах двенадцати дневного запаса продовольствия корпусный интендант должен был собственной властью распоряжаться производством даже таких хозяйственных операций, которые простираются или свыше 25 тыс. рублей, или по ценам превышающим предельные.

Ближайшим к войскам представителем интендантского ведомства являлся дивизионный интендант, должность которого до этого не существовала в мирное время[284].

При дивизионном интенданте положен был по штату 1 чиновник и 3 писаря. Подобно корпусному интенданту, находясь в полном подчинении начальнику дивизии, он состоял в ведении первого, исполняя все его поручения

---

[284] Приказ по в. в. 1907 г. № 347.

по производству заготовлений и иных хозяйственных операций. Главнейшая же забота дивизионного интенданта заключалась в своевременном доставлении войскам дивизии продовольствия. Он наблюдал за состоянием запасов провианта и фуража в войсках, как на людях, так и в обозе, и, по мере расходования таковых запасов, распоряжался о безотлагательном пополнении их в мере потребности.

При движении дивизии, дивизионный интендант должен был находиться при его передовых частях для сбора сведений о средствах района, для принятия в свое ведение захваченной добычи и для производства заготовлений. В случаях экстренных, когда дивизии угрожал недостаток продовольствия, дивизионный интендант, с разрешения начальника дивизии, должен был приступать к заготовлению продовольствия на срок, им определенный, донося о том корпусному интенданту.

Войска должны были получать все необходимое распоряжением вышеперечисленных интендантских органов, черпая продовольственные и иные запасы или из войсковых обозов (полевых, дивизионных и корпусных), или из подвижных и неподвижных интендантских заведений.

Действующим положением о продовольствии войск в военное время[285] подвижные запасы распределялись на носимые и возимые.

Первую категорию составлял ранцевый запас. Он делился в отношении порядка его расходования на две части: расходную и неприкосновенную.

Неприкосновенная часть ранцевого запаса (2-х дневного) назначалась для обеспечения людей продовольствием в исключительных случаях, как, например, в дни крайнего сосредоточения войск, непосредственно перед боем, в дни боя и проч. Расходная часть (однодневная) могла потребляться ежедневно без особого разрешения, при условии обязательного пополнения на ночлеге. При этом рекомендовалось, в случае возможности, дачу эту не трогать, а черпать запасы на месте или из обозов. Состав суточной указной дачи был

[285] Приказ по в. в. 1899 г. № 346.

неизменен по размеру и зависел от напряжения сил людей, но он разнился по продуктам, т. е. наряду с хлебом, мясом и свежими овощами — присущими расходной даче — полагались сухари, консервы и сушеные овощи, характеризующие неприкосновенную дачу.

Закон вместе с тем допускал широкую замену одних продуктов другими, имея в виду разнообразие местных условий на различных театрах войны. В общей сложности войска были обеспечены подвижными запасами продовольствия на 12-ть дней, считая на 3 дня в ранце, на 2 дня в полковом, на 4 дня в дивизионном обозах и, наконец, на 3 дня в корпусном продовольственном транспорте.

Все эти обозы являлись учреждениями войсковыми, но не подчиненными интендантству.

В затруднительных обстоятельствах закон допускал платный отпуск указных продовольственных дач и офицерским чинам, предоставляя командующему армией разрешение бесплатного отпуска продуктов. Этим, собственно, и исчерпывается забота об этих лицах, обязанных в принципе продовольствоваться собственным попечением.

Что же касается фуражной дачи, то она была установлена в обыкновенном и уменьшенном размере, причем последний обыкновенно полагался на время переездов по железным дорогам. Как замена продуктов фуражного довольствия, так и уменьшение указной дачи допускалось на аналогичных основаниях с продовольствием. Количество ввозимых запасов фуража в виду его громоздкости было значительно меньше, соответствуя по назначению людскому ранцевому запасу. Верховая лошадь в кавалерии несла на себе суточный запас овса; артиллерийская лошадь обеспечивалась 1 1/2 дневным возимым ею запасом овса, а обозная везла для себя овса на 3 дня и сена на 2 дня. Сверх того, в корпусном продовольственном транспорте возился 3-х дневный запас овса по расчету на 8000 лошадей.

Действующее законоположение рекомендовало продовольствовать войска за счет местных средств. При этом горячая пища могла приготовляться

или самими войсками, или попечением местных властей и населения. Полное продовольствие войск на квартирах от жителей производилось на основаниях, указанных в продовольственных тарифах, в которых обозначалось, сколько и каких припасов должно быть отпущено жителями на ежедневное довольствие каждого чина, за какое именно вознаграждение и каким порядком будет произведена уплата. При сборе продовольственных средств таковые могли добываться покупкою или реквизицией. Последнее предпочтительно рекомендовалось производить через посредство местных властей и лишь в случаях крайних — самими войсками (фуражировки)[286].

Вместе с тем на корпусных, отрядных и дивизионных интендантов возлагалось тщательное изучение театра войны в продовольственном отношении и сообщение добытых сведений войскам.

К числу подвижных заведений относились: полевые хлебопекарни, гурты порционного скота, мукомольни и сенопрессовальни; к неподвижным заведениям военного времени — базисные, промежуточные и расходные, а также этапные магазины.

Из подвижных интендантских заведений военного времени наибольшее значение имели полевые хлебопекарни. Их назначением было довольствовать войска печеным хлебом при невозможности удовлетворять текущую потребность войск в хлебе из постоянных хлебопекарен.

Полевые хлебопекарни имели: а) подвижные — личный состав, материальную часть и обоз; б) этапные — личный состав и материальную часть без обоза.

Полевая хлебопекарня состояла из 22 печей, разделялась на 11 самостоятельных отделений и обеспечивала суточную выделку до 15,8 тыс. 2 1/2 фунтовых порций, что почти соответствовало дневной потребности дивизий с артиллерией. Установка таких печей требовала менее 1/2 суток.

---

[286] Наказ войскам о продовольствии во время полевых военных действий, параграфы 13, 16, 18, 23 и 26 (приказ по в. в. 1899 г. № 346).

Впрочем, в военное время необходимые хлебопекарни должны были придаваться собственно армиям, имея общую нумерацию и состоя в распоряжении интендантов армий, отдельных корпусов или отрядов.

Припасы для хлебопечения — мука, соль и топливо должны были отпускаться из продовольственных магазинов по назначению интенданта армии, корпусного или иного интенданта по принадлежности. Эти же лица определяли интенсивность и размер выпечки, причем подвоз к войскам хлеба должен был производиться обозом хлебопекарни лишь в случае продолжительных остановок, когда существовала полная уверенность в своевременном возвращении обоза обратно[287].

Что же касается гуртов порционного скота, то они назначались для обеспечения довольствия войск мясом в тех случаях, когда мясо не могло быть приобретено войсками в местах их нахождения[288]. Порядок образования гуртов порционного скота, находящихся в ведении интендантства, распределение их по войскам, убой и проч. определялись особым положением.

Независимо от того, применяется ли способ эксплуатации местных средств или все довольствие основано на подвозе, обойтись без неподвижных продовольственных магазинов не представлялось возможным. Между тем, вопрос о них был обойден положением о продовольствии в военное время. Крайне скудные указания имеются лишь в XI главе кн. XII св. в. п. 1869 г. Согласно этому закону, магазины военного времени могли находиться в ведении полевого управления армии, военно-окружного управления или, наконец, корпусного управления. Указания о размере запасов, о порядке их передачи и т. д. отсутствовали.

Относительно личного состава интендантского ведомства необходимо заметить следующее. Чины интендантского ведомства не разделялись на специальности, т. е., другими словами, не было разницы в порядке и

---

[287] Ст. 312 кн. XII св. в. п. 1869 г.

[288] Параграфы 45 46 положения о продовольствии войск в военное время (приказ 1899 г. № 346).

источниках комплектования чинов интендантства, служащих в канцеляриях или в технических интендантских заведениях.

В интендантстве безразлично служили и достигали высших должностей и лица, служившие ранее в рядах армии, и элементы, ей совершенно чуждые. Офицеры, переводясь из строя, сохраняли офицерский мундир и чины или по желанию могли быть переименованы в гражданские чины. Не было строгих требований и в отношении образовательного ценза, так как наряду с гражданскими лицами, получившими высшее образование, были чиновники из бывших писарей интендантского ведомства, выдержавшие испытание по крайне легкой программе. Словом, комплектование личного состава интендантского ведомства носило совершенно случайный характер.

Лишь с 1901 г. с учреждением особого интендантского курса произошло некоторое улучшение в этом вопросе. Необходимо учитывать, что этот курс служил для высшего специального образования, соответствующего требованиям интендантской службы, для чиновников, уже состоящих на службе в интендантстве[289]. А между тем эта категория интендантских чинов и отличалась наибольшим разнообразием образовательного уровня.

Тем не менее и этот шаг к улучшению личного состава интендантского ведомства не вызвал пока на очередь вопрос о специализации. Поэтому переход из управлений в технические заведения, склады и проч. и обратно совершался совершенно беспрепятственно. Такое игнорирование необходимости специализации в подготовке интендантских чинов, конечно, не создавало желательных для войск знатоков дела.

Сопоставляя итоги войны 1877—78 гг. с принципами, положенными в основание действующего положения о полевом управлении войск в военное время, необходимо отметить следующее.

---

[289] Св. в. п. 1869 г., кн. XV, ст. 460, 467, 471.

Для уменьшения числа чинов, подчиненных командующему армией, из непосредственного ему подчинения было исключено 5 лиц[290], чем дана ему возможность сосредоточить большее внимание на главнейших вопросах. С той же целью были изъяты из прямого ведения начальника штаба армии 4 второстепенных отдела[291]. Но при этом начальник военных сообщений из непосредственного подчинения командующему армией перешел в подчинение начальнику штаба. Бывшие интендантские транспорты и управление ими были подчинены теперь вместо интенданта армии — начальнику военных сообщений. Такое решение было вызвано тем соображением, «что начальник военных сообщений имеет все средства для наблюдения за службой транспортов на подведомственных ему дорогах и может ему оказывать необходимое содействие — к чему интендант армии не имеет никаких средств»[292].

Та же неурядица, которая существовала в войну 1877—78 гг. в тылу армии и так печально отразилась на подвозе довольствия из внутренних губерний, вызвала необходимость полной переработки положения о начальнике военных сообщений, причем теперь ему были подчинены не только все перевозочные средства, но и заведование гражданской частью в занятой неприятельской территории.

По части хозяйственной командующему армией были целиком присвоены прежние обширные (почти неограниченные) полномочия главнокомандующего, но необходимо при этом иметь в виду следующее. Весьма важным нововведением, внесенным в положение 1890 г., была передача командующему армией права окончательного решения всех вопросов,

---

[290] А именно: а) начальник военных сообщений, б) главноуполномоченный красного креста, в) заведующий военно-судебной частью, г) заведующий гражданской частью, д) походный атаман (совсем упразднен).

[291] Полевые управления: военно-госпитальное, военно-медицинское, почтовое и комендантское.

[292] Приказ по в. в. 1890 г. № 62, стр. 8.

возникавших из соображений и замечаний полевого контроля относительно хозяйственных операций, производимых подчиненными ему органами. Такая постановка вопроса снимала с исполнителей боязнь «случайной» ответственности, которая, несомненно, тяготела над интендантством в русско-турецкую войну. При этом контроль должен был давать заключение на основании тех данных, которые имелись у него на момент совершения операции, а не потом. Но что особенно достойно внимания с точки зрения настоящего исследования — это установление личной ответственности командиров корпусов и начальников дивизий на случай, если бы, вследствие каких либо неблагоприятных или непредвиденных обстоятельств, довольствие корпуса или дивизии оказалось недостаточно обеспеченным распоряжением интенданта армии. Этим двум строевым инстанциям с этою целью были присвоены обширнейшие полномочия по производству хозяйственных операций, в силу чего войска не должны были голодать, если была хоть малейшая возможность добыть довольствие на месте.

Итак, к несомненным преимуществам положения о полевом управлении войск в военное время 1890 г. следует отнести:

а) возможность заблаговременной подготовки планов довольствия и введение деятелей пограничного округа мирного времени в состав распорядительных органов полевого управления;

б) значительное расширение прав начальников хозяйственных отделов полевого управления при производстве различных операций для довольствия и снабжения войск всем необходимым;

в) тесная связь высших строевых начальников с деятельностью подчиненных им представителей интендантства при обширности полномочий, устраняющих возможность голодовки войск;

г) постановка органов контроля в более приемлемое положение по отношению к производству хозяйственных операций распоряжениями чинов полевого управления.

К числу крупнейших недочетов, обнаруженных в войну 1877—78 гг. и почти не затронутых последовавшими реформами до войны 1904—05 гг., следует отнести вопрос о комплектовании и подготовке личного состава интендантства, на необходимость изменения которых было указано выше.

Хотя незадолго до войны с Японией и был учрежден особый интендантский курс для желающих получить научную подготовку, но он успел дать интендантству лишь небольшое количество лиц со специальным образованием. Вопросы же о комплектовании интендантского ведомства, о распределении чинов его по специальностям и пр. остались в том же неудовлетворительном состоянии, как и раньше, нисколько не устраняя импровизации в подборе деятелей многочисленных интендантских учреждений военного времени.

Глава 3. Деятельность Интендантского управления по снабжению войск, воевавших против Японии в войну 1904–1905 гг.

3.1. Общее состояние интендантской подготовки к войне. Мероприятия подготовительного периода

После турецкой компании 1877–1878 гг. была осознана настоятельная необходимость заблаговременной подготовки интендантской части к войне. Но, вследствие разнообразных затруднений, главным образом, финансового характера, разрешение этой задачи мало продвинулось за двадцать шесть лет, отделяющих турецкую войну от японской.

Стратегическое положение России было таково, что выдвигало на первый план необходимость выигрыша времени для успешного сосредоточения разбросанных сил и необходимых подкреплений из Европейской России. В связи с этим было признано необходимым распределить мобилизованные наличные силы[293] к 4-му февраля на три группы: а) Квантунскую — для обеспечения Порт-Артура, б) Уссурийскую — для обеспечения операционной линии с левого фланга, т. е. от моря и в) Маньчжурскую, сосредоточенную у важнейшего узла местных путей — Ляояна, с авангардами на р. Ялу и у Дашичао.

Всего имелось к 4 февраля 141 ½ батальона, 69 сотен, 380 орудий, 8 пулеметов, 21 инженерная рота и 6 ¼ крепостных артиллерийских батальона. Они распределялись следующим образом: а) на Квантун — 29 батальонов, 1 сотня, 62 полевых орудия, 2 инженерные роты, 3 крепостных артиллерийских батальона; б) в Уссурийском районе (считая и Владивосток) 23 батальона, 6 сотен, 56 полевых орудий, 5 инженерных рот и 3 крепостных артиллерийских

---

[293] «Русско-Японская война в сообщениях Николаевой академии генерального штаба», ч. 1, С. 15–22.

батальона; в) у Ляояна — 28 батальонов, 26 сотен, 108 орудий и 8 инженерных рот, на Ялу — 18 батальонов, 18 сотен, 56 орудий, 8 пулемета, 1 саперная рота и у Дашичао — 24 батальона, 6 эскадронов, 68 орудий и 1 саперная рота; у Косоговского, Мадритова и от пограничной стражи — 14 батальонов, 62 сотни и 46 орудий.

Все это не избавляло, однако, от необходимости наблюдения за обоими флангами, т. е. за Монголией, Китаем и Кореей, что и было возложено на отдельные отряды генерала Косоговского и полковника Мадритова и на пограничную стражу. От японцев можно было ожидать повторения компании по образцу 1894–95 гг. с наступлением на Ялу и Мукден.

В силу географических свойств района, сосредоточения главных сил русской армии (в Манчжурии) и наличия одной железной дороги, соединявшей армию с ее главной базой — центром России, какие бы силы ни были назначены для борьбы, тыл мог быть лишь один, общий для всех войск. Общность же тыла, очевидно, вызывала необходимость объединения его управления под главенством самого главнокомандующего, лишенного по действующему положению о полевом управлении всяких распорядительных органов по этой части, что и произошло в действительности. Для управления тылом армии были учреждены военно-окружные управления Манчжурской армии[294]. Во главе них был поставлен особый начальник (сначала генерал Волков, а затем генерал Надаров) с помощником. Органами управления этого начальника тылового района служили созданные одновременно: а) штаб, по образцу окружных штабов, б) окружное интендантское управление, в) окружное артиллерийское управление, г) окружное инженерное управление, е) окружное управление военных сообщений и ж) управление окружного контролера. Во главе окружного интендантского управления находился окружной интендант. Управление состояло из помощника окружного интенданта, чинов для поручений и нескольких отделений. Состав управления

[294] Пр. по в.в. 1904 г. № 4340.

определялся в 30 офицерских и классных чинов и 46 нижних чинов. На обязанности тылового интенданта лежала забота о довольствии войск и учреждений тыла, по организации базисных интендантских складов и по передаче запасов на юг в магазины и склады района расположения армии[295].

Кроме того, в положении 1890 г. ясно оговаривался статус органов полевого управления как органов исключительно распорядительных, вся исполнительная часть делегировалась инстанциям, им подчиненным (в тылу и при войсках). При этом довольствие армии должно было, главным образом, основываться не на эксплуатации местных средств, а на подвозе из районов, соседних с театром войны, и даже из внутренних местностей Империи.

Перед войной с Японией круг деятельности интендантства в мирное время по-прежнему не соответствовал тем требованиям, которые, как ожидалось по указаниям боевого опыта, война предъявит интендантскому ведомству. Обязанности по обеспечению армии предметами интендантского довольствия распределились между ведомством и войсками настолько нерационально, что войска исполняли значительную часть работы, относительно которой можно было с уверенностью сказать, что она в военное время перейдет к интендантству, однако оно было мало подготовлено к такому расширению сферы своей деятельности.

К началу войны численность личного состава интендантского ведомства определялась, в общем, штатами 60-х годов XIX столетия. Лишь в некоторых управлениях и заведениях были образованы новые должности и были учреждены корпусные и крепостные интендантства. Между тем с тех пор наша армия значительно возросла как в численности (с 768 000 чел в 1866 г. до 1 180 000 человек в 1903 г.)[296], так и в числе отдельных частей, а финансовая смета не увеличилась.

---

[295] Янушкевич. Н.И. Организация и роль интендантства в современных армиях на войне. СПб., 1910. С. 58.

[296] РГВИА Ф. 499. Оп. 1. Д. 1836 Л. 5.

Вместе с тем сравнительно малочисленный интендантский персонал не обладал той широкой и разнообразной подготовкой, которая становилась все необходимее по мере усовершенствования интендантского довольствия и повышения требований от интендантства в мирное и в военное время. Интендантское ведомство оставалось ведомством не специальным; не существовало и специальностей в самом ведомстве. Укомплектование интендантским персоналом производилось на общих основаниях, и никаких особых качеств от желавших поступить в ведомство не требовалось. Служебная практика была единственной школой для специальной подготовки огромного большинства интендантского персонала.

В 1900 г. был учрежден Интендантский курс, но до войны он не успел оказать заметного влияния на поднятие общего уровня подготовки личного состава ведомства. Перед самой войной, в 1903 г., был прекращен прием на службу и перевод на все должности по интендантству лиц, не получивших законного среднего образования, а из числа чинов, уже состоявших на службе в ведомстве, право на занятие должностей начальников отделений предоставлялось лишь лицам с образованием не ниже среднего. Мера эта, принятая в административном порядке, разумеется, лишь по прошествии определенного времени могла оказать воздействие на поднятие общеобразовательного уровня интендантского персонала. Наконец, слабой стороной устройства личного состава ведомства было отсутствие запаса чинов интендантства для пополнения учреждений и заведений военного времени.

Наибольшее внимание после турецкой войны было обращено на устройство продовольственной части. Готовности к войне было решено достигнуть устройством в мирное время прочных продовольственных баз на тех фронтах Империи, где могла вспыхнуть война. Принятый по этому предмету план предусматривал образование базисных магазинов с запасами провианта и фуража в количествах, необходимых на весь период мобилизации и сосредоточения войск, назначенных для действий на том или ином фронте; устройство на каждой базе сухарных заводов, мукомолен, хлебопекарен, и

вообще технических продовольственных заведений; образование запасов мясных и овощных консервов; разработку планов снабжения войск продовольствием по окончании периода мобилизации и сосредоточения и принятия мер к выполнению этих планов. Вместе с тем войска должны были прибывать в область сосредоточения с определенным подвижным продовольственным запасом, с подвижными хлебопекарнями и с походными кухнями. Наконец, было положено организовать как войсковые, так и общеармейские перевязочные средства.

Главные результаты работы, проводимой по этому плану, состояли в то, что продовольственные базы были устроены в западном пограничном пространстве, на Кавказе, в Туркестанском и Приамурском военных округах. Законченность устройства была, однако, не везде одинакова, вследствие недостатка отпускаемых на это дело денежных средств. После других были снабжены базы западного пограничного пространства.

Планы снабжения продовольствием по окончании периода мобилизации и сосредоточения были лишь намечены.

Войска были снабжены восьмидневным подвижным продовольственным запасом. Походные кухни, заводимые войсками на свой счет, имели не все части. Были заготовлены подвижные хлебопекарни, но громоздкие, в недостаточном количестве и без обоза. Войсковой обоз состоял из полкового обоза и расходных транспортов дивизионного обоза за исключением, однако, восточносибирских дивизий, не имевших дивизионного обоза; запасные транспорты заведены не были. Для формирования транспортов армии назначались обозные батальоны, кадровые, но они не могли выставить всего потребного числа транспортов.

Устройство продовольственной базы в Приамурье шло особенно медленно из-за того, что не было ассигновано достаточных денежных средств. Работа повелась более энергично лишь после того, как китайские события 1900 г. показали, что положение дела на Дальнем Востоке чревато серьезными и неожиданными последствиями. Перед войной с Японией в Приамурском

округе находилось 3 военных мукомольни и 24 продовольственных магазина; в магазинах хранились неприкосновенные и крепостные продовольственные запасы военного времени в количестве 1 159 000 пудов муки, 108 000 пудов сухарей, 243 000 пуда крупы, 653 842 порций мясных консервов, 4 000 пудов сахару, 54 000 пудов овса, бывших, преимущественно, остатками от заготовлений, производившихся во время Китайских событий 1900 г. Здесь же хранилась и материальная часть 8 полевых подвижных хлебопекарен[297]. В Квантунской области продовольственная подготовка сосредотачивалась в Порт-Артуре. Крепость эту, как и Владивостокскую, полагалось обеспечить продовольствием на 16 месяцев. Крепостной продовольственный запас состоял из 345 000 пудов муки, 55 000 пудов сухарей, 44 000 пудов крупы, 336 480 порций мясных консервов и 310 000 пудов овса. Для нужд хлебопечения в области содержалось две полевых подвижных хлебопекарни. Продовольственных магазинов было пять в Порт-Артуре и один в Талиенване. В Маньчжурии лучше других пунктов был снабжен Харбин, где находился продовольственный магазин и сухаросушильное заведение производительностью до 650 пудов в сутки. Кроме Харбинского, в Манчжурии имелось еще пять продовольственных магазинов[298].

Вот как характеризует сам бывший главный полевой интендант в своем кратком обзоре деятельности полевого интендантства в русско-японскую войну неподготовленность этого ведомства в первый период компании: «Сразу же обнаружился крайний недостаток в потребных для продовольствия армии припасах; оказалось отсутствие не только соответственно оборудованных, но и хотя бы наскоро устроенных магазинов и других заведений и учреждений; обнаружилось незнание района боевых и продовольственных операций, но что

[297] РГВИА Ф. 499. Оп. 1. Д. 1836 Л. 7.

[298] Там же.

печальнее всего — не оказалось не только заранее подготовленного, но и вообще достаточного в простом численном отношении личного состава»[299].

В 1890 г. было издано новое положение о полевом управлении войск в военное время, установившее продовольственную организацию на театре войны по армиям. Органами ее служили: управление полевого интенданта, управление корпусных интендантов, дивизионные интенданты и военно-окружное интендантское управление. Доставкой продовольствия в магазины и войска ведали особые, независимые от интендантства, органы полевого управления.

В 1899 г. было издано Положение о продовольствии войск в военное время. Его основная мысль заключалась в сохранении существующего в мирное время разделения продовольственных забот между интендантством и войсками, но с обязательством для интендантства приходить на помощь войскам во всех случаях, когда они будут не в состоянии обеспечить приварочное довольствие собственным попечением.

Подготовка к обеспечению вещевого довольствия в военное время не была закончена. Обмундирование, снаряжение и обувь положено было содержать только в неприкосновенных войсковых запасах, по числу чинов, призываемых при мобилизации. Однако в некоторых резервных и запасных пехотных частях и в артиллерийских частях, ввиду изменения их штатов или вследствие того, что они были вновь сформированы, вещевые запасы были недостаточны или даже их не было вовсе. Нужно было пополнить их или образовать вновь, для чего требовались особые ассигнования. В начале 1903 г. Главное Интендантское Управление ходатайствовало в установленном порядке об ассигновании на эти цели до 8 миллионов рублей, но на все пятилетие

---

[299] Янушкевич. Н.И. Организация и роль интендантства в современных армиях на войне. СПб., 1910. С. 59.

действия предельного бюджета 1904–1908 г. было назначено к отпуску только 820 000 руб., причем и эта сумма впоследствии была сокращена[300].

Даже на первое время войны не существовало чрезвычайного запаса вещей и материалов для пополнения утраты и порчи в походе и на полях сражений. Такой запас содержался до последней турецкой войны, но был израсходован в 1877–1878 гг. и с тех пор не возобновлялся. Лишь в Приамурском округе в 1901 г. был образован из оставшихся после эвакуации вещей небольшой чрезвычайный войсковой запас в количестве 20 000 комплектов обмундирования и 50 000 пар сапог. Главное интендантское управление задолго до Японской войны ходатайствовало об отпуске кредита в размере 9 200 000 руб. на образование чрезвычайного запаса на армию в 500 000 человек, но ходатайство это, вследствие финансовых затруднений, не было удовлетворено[301].

Запаса белья ни в вещах, ни в материалах вовсе не было. Теплых вещей для зимней компании не заготовлялось и не содержалось; даже не возбуждался вопрос о них, равно как и о летних непромокаемых вещах.

Единственным источником, находившимся в распоряжении интендантства для удовлетворения требований военного времени относительно вещевого довольствия, являлись оборотные запасы, состоящие из предметов, заготовленных для срочного довольствия войск, но еще им не отпущенных.

Источник этот по сравнению с потребностью был совершенно недостаточным.

Снабжение госпитальным имуществом было подготовлено значительно лучше, чем обеспечение вещевым довольствием. Перед войной в неприкосновенных госпитальных войсковых и интендантских запасах состояло в Европейской России, кроме Туркестана, имущество по числу следующих военно-врачебных заведений военного времени: бригадных лазаретов — 18,

---

[300] РГВИА Ф. 499. Оп. 1. Д. 1836 Л. 8.

[301] Там же. Л. 9.

дивизионных лазаретов 91, подвижных госпиталей — 368; военно-санитарных транспортов — 27; военно-санитарных полутранспортов — 5; военно-санитарных поездов — 30; крепостных временных госпиталей — 33[302]. Имущество бригадных и дивизионных госпиталей и приданных дивизиям подвижных госпиталей, как составлявшее войсковые неприкосновенные запасы, находилось при соответствующих частях войск, а имущество остальных военно-врачебных заведений хранилось в интендантских вещевых складах или при постоянных госпиталях соответствующих крепостей и других учреждениях.

Война с Японией застала войсковые обозы частей Европейской России и Кавказа с организацией и материальной частью, установленными приказами по военному ведомству 1885 г. № 186, 1886 г. № 66 и 1892 г. №№ 274 и 229. Войсковые обозы делились на три разряда и состояли преимущественно из парных и троечных повозок и четверочных лазаретных линеек. Устройство обоза признавалось неудовлетворительным уже задолго до войны, в связи с чем был выработан проект коренной реорганизации обозной части на началах, более отвечающих условиям ведения военных операций, причем решено было заменить все троечные и четверочные повозки парными. Японская война задержала осуществление этого проекта, который был объявлен к руководству лишь в 1907 году, и к ее началу хапаса повозок, упряжи и принадлежности не содержалось.

Крайняя недостаточность интендантской подготовки к войне на Дальнем Востоке замечалась прежде всего относительно личного состава. Согласно принятой у нас системе военно-окружного управления, при возникновении войны на Дальнем Востоке ближайшим источником укомплектования личного состава интендантских управлений и заведений действующих войск должен был служить интендантский персонал Квантунской области, Приамурского округа и до некоторой степени Сибирского округа. Перед войной с Японией

[302] РГВИА Ф. 499. Оп. 1. Д. 1836 Л. 9.

источник этот был слишком малочислен, чтобы позволить успешно разрешить предстоящую задачу. В Квантунском областном интендантском управлении и подведомственных ему заведениях содержались по штату 18 классных и 97 нижних чинов; в Приамурском интендантском управлении и подчиненных ему учреждениях находилось 104 классных и 673 нижних чинов, и в Сибирском окружном интендантском управлении и подчиненных ему учреждениях — 50 классных и 207 нижних чинов. Недостаточность этого состава даже для службы мирного времени сказалась еще задолго до войны, но Главное Интендантское управление не могло настаивать на его увеличении, и вынуждено было ограничиться командированием в 1903 г. на Дальний Восток 16 классных и 181 нижних чина[303]. В военное время, как можно было предвидеть, потребность действующих войск в личном составе возросла. Кадры Сибирского округа нельзя было задействовать для пополнения интендантства с полной уверенностью, т. к. и этот округ мог быть приведен на военное положение для формирования новых войсковых частей разных наименований, не говоря уже о развитии в округе заготовлений для Дальнего Востока. Равным образом предусматривалось, что и Приамурскому округу мог понадобиться весь его интендантский персонал, так что для полевых и тыловых интендантских учреждений войск, сосредотачиваемых в Манчжурии, оставался лишь личный состав Квантунского интендантства, который, разумеется, не мог покрыть всех требований полевого и тылового интендантства.

Продовольственной подготовке к войне на Дальнем Востоке недоставало систематичности и законченности, и все потому, что в ближайшем будущем войны не ожидали. Манчжурия была почти не исследована в военно-хозяйственном отношении, и точными сведениями о ее продовольственных средствах интендантство не располагало; устройство продовольственной базы в вероятной области сосредоточения не было подготовлено; большинство запасов хранилось в Приамурье. В составе продовольственных запасов

[303] РГВИА Ф. 499. Оп. 1. Д. 1836 Л. 11.

военного времени не находилось продуктов, которых нельзя было найти на месте в требуемом количестве, а именно сахара, сушеных овощей, спирта и т. д. Заготовление этих припасов требовало значительных расходов, а хранение и освежение были сопряжены с большими затруднениями. Трудности подвоза из Европейской России и Западной Сибири не были оценены в надлежащей мере, т. к. для этого у интендантства не было необходимых данных.

Между тем с дальнего тыла пришлось подвозить: провиант, фураж, консервы, сахар, мясо, масло, сало, сухари, пропаренную крупу, сушеные овощи, макароны, вермишель, спирт. Наконец, число технических продовольственных заведений на Дальнем Востоке было недостаточно.

В плане вещевого довольствия особенности театра войны и общей обстановки снабжения требовали подвоза всего нужного войскам из Европейской России, поскольку на месте можно было найти лишь суррогаты предметов вещевого довольствия. Кроме того, не было подготовлено снабжение действующих войск непромокаемыми плащами и накидками. К тому же, хотя и было известно, что климат и топографический характер Маньчжурского театра войны содействует быстрому изнашиванию вещей и поэтому вопрос о сроках службы разных предметов вещевого довольствия получил особо важное значение, решен этот вопрос не был.

Не было предусмотрено и то, что обмундирование войск придется резко менять с переменой времен года, принимать специальные меры для предохранения войск и от летней жары, и от зимней стужи, и от проливных, продолжавшихся целые месяцы, дождей, что одежда войск должна будет служить им до известной степени и защитой от неприятельского огня.

В отношении обозного довольствия особенности топографического характера театра войны требовали снабжения войск преимущественно двуколочным и вьючным обозом. Между тем армия была снабжена, главным образом, парными и троечными повозками и даже четверочными линейками. Необходимость специального обоза для действий в Манчжурии хотя и была известна заранее, т. к. восточносибирские дивизии положено было снабдить

именно таким обозом, но меры в этом направлении заблаговременно не предпринимались.

Неготовность к войне именно с Японией была, следовательно, значительно большей, чем общая неготовность к войне. Для военных действий на западной границе наша армия в отношении интендантского довольствия была подготовлена несравненно сильнее, чем для боевых операций на Дальнем Востоке. Нельзя, однако, не заметить, что резкое различия в характере стран, которые могли стать для нас театром больших войн, придает интендантской подготовке к ним чрезвычайную сложность. Для войны с Германией и Австрией требовалась, несомненно, иная интендантская подготовка, чем для войны с Японией или для войны в Средней Азии и даже на Кавказской границе. Между тем на всех театрах приходилось готовиться к военным действиям весьма больших войсковых масс, поэтому требовалось выработать несколько типов интендантского снабжения и обеспечить довольствие по этим типам широкой заблаговременной подготовкой. Насколько это сложное дело, и с какими огромными расходами оно сопряжено, понятно само собою.

Изложенное состояние интендантской подготовки к войне вообще и с Японией в частности послужило причиной для принятия Главным интендантским управлением мер к обеспечению интендантского довольствия войск на Дальнем Востоке в войну 1904–1905 гг.

Разработка плана снабжения продовольствием войск на случай открытия военных действий Японией началась в Главном интендантском управлении по приказанию Военного министра еще в сентябре 1903 г.

8-го октября Военному министру была представлена мобилизационная записка. В ней докладывалось о необходимости, вытекающей из сравнения потребности в продовольствии с наличием запасов в Сибирском и Приамурском округах и в Квантунской области, заготовить до объявления мобилизации:

1) для войск Сибирского военного округа — двухмесячную пропорцию провианта и фуража на период мобилизации и сосредоточения;

2) для 10-го и 17-го армейских корпусов, предположенных в то время к отправке на Дальний Восток, — месячную пропорцию на время перевозки их по железным дорогам;

3) для всех названных выше войск — двухмесячную пропорцию в Забайкальской области.

Т. к. на заготовление обозначенного количества провианта и фуража и доставку его на станции железных дорог ушло бы не менее двух месяцев, то чтобы перевезти продукты в места назначения до начала перевозок войск, предполагалось немедленно выслать из магазинов Казанского и Московского округов 110 000 пуд. муки и 16 000 пуд. крупы, а заготовление остальных количеств поручить частью Сибирскому и Приамурскому окружным интендантам, частью интендантам внутренних округов[304].

Ознакомившись с этой запиской, Военный министр приказывал обсудить совместно с Главным штабом общий план мобилизации, сосредоточения и снабжения до прибытия в Приамурский военный округ всех войск Сибирского, Казанского и Московского округов, предназначенных для отправки на Дальний Восток, а также просить Наместника составить на месте план устройства продовольственной части на случай войны с Японией.

6-го января 1904 г. временно Командовавший войсками Квантунской области сообщил, что по подсчетам комиссии, образованной распоряжением Наместника, для войск Дальнего Востока с их укомплектованием, включая войска Заамурского округа пограничной стражи, сибирские подкрепления, 10-й и 17-й армейские корпуса и Казанские дивизии, при обеспечении их довольствием на 9 месяцев, а крепостей на 16 месяцев, необходимо выслать: 1 120 000 пуд. муки, 190 000 пуд. крупы и 1 180 000 пудов овса. Остальная потребность будет покрыта запасами, имевшимися в Наместничестве к 1-му января 1904 года, и заподряженными продуктами и припасами, которые можно

[304] РГВИА Ф. 499. Оп. 1. Д. 1836 Л. 25.

купить на месте. Необходимые продукты генерал-лейтенант Волков просил доставить в Харбин до начала войсковых перевозок[305].

В целом для удовлетворения предъявленных к Главному интендантскому управлению в подготовительный к войне период требований провианта и фуража, включая и потребность на путевое довольствие, необходимо было заготовить: 1 340 899 пудов муки, 12 500 пудов крупы, 1 489 375 пудов овса и 210 000 пудов сена[306].

С целью возможно подробного и обстоятельного рассмотрения и разрешения вопросов о наивыгоднейшем для казны осуществлении заготовки продовольственных продуктов для Дальнего Востока было образовано, с разрешения Военного министра, Особое совещание под председательством Главного интенданта, куда вошли начальник канцелярии Военного министерства и представители от Управления военных сообщений, от министерств Финансов и Внутренних дел и от Государственного контроля. В совещании участвовали также начальники соответствующих отделений Главного интендантского управления. Совещание это функционировало в течение всей войны[307].

Всесторонне обсудив предстоящую задачу, 8-го января 1904 года Совещание испросило разрешение Военного совета на принятие следующих мер:

1) Провиант и фураж, необходимый для путевого довольствия следующих на Дальний Восток войск, заготовить в Сибирском округе распоряжением окружного интенданта, возложив на него и дальнейшее снабжение продовольственных пунктов данными припасами.

2) Отправить немедленно в Харбин половину заявленного комиссией генерал-лейтенанта Волкова количества провианта и фуража,

---

[305] РГВИА Ф. 499. Оп. 1. Д. 1836 Л. 26.

[306] Там же.

[307] РГВИА Ф. 499. Оп. 1. Д. 1836 Л. 27.

а именно: 560 000 пудов муки, 95 000 пудов крупы и 590 000 пудов овса, причем муки и крупы взять заимообразно из запасов или свободного наличия внутренних военных округов, а овес заготовить вновь в Казанском округе. Заготовление же второй половины заявленного к доставке количества продуктов произвести, по возможности, на месте. Ввиду того, что стоимость перевозки почти равняется стоимости самого продукта, перевозка вызовет загромождение интендантскими грузами Сибирской и Забайкальских железных дорог в то время, когда каждый поезд необходим для перевозки войск, а отправка продуктов морем представлялась опасной, ввиду возможности войны на Дальнем Востоке.

3) Предоставить Казанскому окружному интенданту право при заготовлении овса для Дальнего Востока руководствоваться для ускорения покупки не справочными и биржевыми ценами, а ценами периодическими, утвержденными местным Окружным советом для закупок овса распоряжением войск, а также ценами, утвержденными Военным советом в качестве предельных для покупок овса от землевладельцев в зависимости от того, какая из этих двух цен окажется выгоднее для казны.

4) Пополнить отправленное из запасов или свободного наличия внутренних военных округов количество муки и крупы соответственным заготовлением тех же продуктов на основании общих законоположений.

5) Предложить военно-окружным советам при рассмотрении вопросов о заготовках продовольственных и фуражных продуктов для Дальнего Востока в виду срочности их отправки принимать экстренные меры, руководствуясь ст. 70 кн. II С. В. П. 1869 г[308].

В исполнении сделанных Главным интендантским управлением распоряжений чинами Сибирского интендантства, командированными на продовольственные пункты: Челябинск, Омск, Красноярск и Инокентьевский

[308] РГВИА Ф. 499. Оп. 1. Д. 1836 Л. 27–28.

было заготовлено наличной покупкою: зерна 36 816 пудов, муки 165 673 пуда, крупы 29 698 пуда, овса 309 369 пуда и сена 108 929 пуда[309]. Для освидетельствования этих продуктов были образованы воинские комиссии с участием врачей, и весь заготовленный провиант и фураж проходил через данные комиссии. Кроме того, для снабжения продовольственных пунктов с разрешения Военного совета 14-го февраля 1904 года было заподряжено 51 750 пуд. пшеницы, доставленной для перемола в Обское интендантское заведение[310].

Отправка провианта на довольствие войск в области сосредоточения была произведена из Московского, Петербургского и Виленского округов в течение января и февраля 1904 года. Муки было отправлено 461 838 пуд., а крупы 60 068 пудов[311].

Для выяснения вопроса о продовольственных средствах Манчжурии были запрошены местные начальствующие лица и командирован в Харбин Приамурский окружной интендант, который донес о возможности приобрести немедленно на месте значительного количества муки, крупы и ячменя. Военный совет положением от 15-го января 1904 г. разрешил заготовить в Харбине 400 000 пудов муки, 130 000 пудов крупы, 200 000 пудов ячменя и 200 000 пудов сена. Вместе с тем, разрешив замену сена чумизной соломой, имевшейся на месте в громадном количестве, Военный совет предоставил довольствие войск сеном попечению начальства Дальнего Востока[312].

Обилие продовольственных средств в Северной Манчжурии делало излишней отправку второй половины потребованного комиссией генерал-лейтенанта Волкова количества провианта и фуража. Совещание даже признало возможным уменьшить в первой половине количество крупы на 35 000 пудов, а

---

[309] Там же. 28.

[310] Там же.

[311] Там же.

[312] Там же.

овса на 200 000 пудов, как это усматривается из приведенных выше цифр количества провианта и фуража, подлежавших отправлению и действительно отправленных на Дальний Восток по требованиям в подготовительный к войне период[313].

В этот же период сухарный запас на Дальнем Востоке был увеличен с разрешения Военного совета, последовавшего 7-го января 1904 г., на 50 000 пудов, отправленных по требованию Квантунского областного начальства в Харбин[314].

В январе 1904 г. Главным интендантским управлением был запрошен Квантунский областной интендант о возможной необходимости в высылке соли. Областной интендант ответил, что затруднений в приобретении соли не ожидается, поскольку она может быть приобретена на месте.

Мясных консервов в январе 1904 г. было выслано: в Порт-Артур 860 200 порций, в Харбин 2 250 000 порций, во Владивосток 647 000 порций и в Иркутск для нужд войск, передвигаемых по Сибирской железной дороге — 500 000 порций; всего 4 284 200 порций[315].

В подготовительный к войне период было потребовано с Дальнего Востока 68 600 пудов сушеных овощей, из которых 65 000 пудов составляли 9-месячную потребность полевых войск, сосредотачиваемых в Манчжурии и 16-месячную потребность Порт-артурского гарнизона, а 3 600 пудов предназначались в запас для крепости Владивосток.

Ближайшим источником на покрытие указанной потребности послужили овощи, заготовляемые на военно-сухарных заводах из урожая 1903 г. и не разосланные еще по назначению. Согласно положению Военного совета 8-го января 1904 г. было отправлено в Порт-Артур и Харбин 10 600 пудов овощей.

---

[313] РГВИА Ф. 499. Оп. 1. Д. 1836 Л. 29.

[314] Там же.

[315] Там же.

Таким образом, в подготовительный период было выслано 12 700 пудов сушеных овощей[316].

13-го января 1904 г. Главное интендантское управление запросило временно Командовавшего войсками Квантунской области о потребности в полевых военных хлебопекарнях. 26-го января генерал-лейтенант Волков заявил о высылке из Европейской России, в добавление к имевшимся хлебопекарням, еще четырех, которые и были отправлены из Виленского военного округа.

Передвигаемые на Дальний Восток войска должны были получать продовольствие в готовом виде на продовольственных пунктах. Поскольку путь следования был продолжителен и тяжел, надлежало особенно озаботиться питанием людей. Поэтому Высочайше утвержденным 19-го января 1904 г. положением Военного совета было постановлено, что довольствие в пути следовавших на Дальний Восток штатных и нештатных команд должно было производится: 1) до гор. Самары на общем основании, т. е. согласно ст. ст. 48 и 49 положения о провиантском, приварочном, фуражном и путевом довольствии войск и 2) от гор. Самары до пунктов назначения по продовольственной даче следующего состава: ¾ фунта мяса, 4 коп. на постоянную часть приварочного оклада, 3 фунта хлеба, 32 золотника крупы, 0.96 золотника чаю и 2.88 золотников сахару. Денежный эквивалент этой дачи, вместе с хлебом и стоимостью дров на варку пищи и хлебопечение, был определен в 21 коп., но мог быть увеличен в зависимости от цен на мясо[317].

Не меньшее значение для интендантского обеспечения играла и госпитальная часть.

---

[316] РГВИА Ф. 499. Оп. 1. Д. 1836 Л. 30.

[317] Там же.

Перед войной с Японией на Дальнем Востоке состояло госпитальное имущество по числу следующих военно-врачебных заведений военного времени[318]:

Т а б л и ц а 3. Имущество военно-врачебных заведений перед войной с Японией

	В Квантунской области	В Приамурском округе
Дивизионных лазаретов	-	1
Бригадных лазаретов	2	7
Подвижных госпиталей	1	15
Запасных госпиталей	3	19
Военно-санитарных транспортов	-	6
Военно-санитарных полутранспортов	-	2
Крепостных временных госпиталей	-	3

В подготовительный к войне период, в виду происходившего переформирования и усиления войск Дальнего Востока, было решено выслать туда 1 бригадный лазарет, 14 подвижных и 49 запасных госпиталей[319].

В распоряжении интендантства находилось в это время в Европейской России имущество 172 подвижных и 331 запасных госпиталей, не приданных войскам[320].

Поэтому тотчас же по утверждении Военным министром постановления Мобилизационного комитета об отправке имущества названных выше

[318] РГВИА Ф. 499. Оп. 1. Д. 1836 Л. 91.

[319] РГВИА Ф. 499. Оп. 1. Д. 1836 Л. 92.

[320] Там же.

заведений, оно было выслано на Дальний Восток из Хорошевского вещевого склада неприкосновенных госпитальных запасов.

С объявлением войны, прежде всего, обнаружилась необходимость снабдить военно-врачебными заведениями 4-й Сибирский корпус. В это время в Сибирском округе содержалось имущество 2 дивизионных лазаретов и 4 полевых госпиталей, без обоза[321]. Для снабжения 4-го Сибирского корпуса нужно было выслать обоз названных выше заведений и полное имущество с обозом для остальных положенных по штату подвижных и запасных госпиталей. Имущество это было выслано из запасов Казанского, Двинского, Кременчугского и Воронежского складов.

С апреля 1904 года были начаты распоряжения по высылке на Дальний Восток имущества полевых подвижных и запасных госпиталей для обеспечения дивизий и бригад, отправляемых на усиление действовавших войск.

Из 24 пехотных дивизий 18 получили как придаваемые, так и не придаваемые войскам врачебные заведения; 6 дивизий были обеспечены лишь придаваемыми дивизиям врачебными заведениями. Все пять стрелковых бригад были снабжены полным количеством врачебных заведений. 2-я Кубанская пластунская бригада, которой по штату не было положено врачебных заведений, была снабжена, согласно постановлению мобилизационного комитета 17-го сентября 1904 г., врачебными заведениями наравне со стрелковыми бригадами Европейской России[322].

Участие интендантства в обеспечении перечисленных войсковых частей приданными им врачебными заведениями выразилось в отпуске не заведенных верхних предохранительных рубах, летних ревентучных халатов и малых госпитальных палаток.

Для обеспечения войск непридаваемыми им врачебными заведениями было выслано на Дальний Восток из неприкосновенных интендантских запасов

---

[321] Там же.

[322] РГВИА Ф. 499. Оп. 1. Д. 1836 Л. 92.

госпитальное имущество: ½ подвижных и 4 запасных госпиталей на каждую из 22 пехотных дивизий, 2 подвижных и 2 запасных госпиталей для каждого из 5 стрелковых и пластунских бригад, согласно постановлению Мобилизационного комитета 17-го сентября 1904 года[323].

В виду невозможности, по недостатку личного состава и лошадей, формировать госпитали в Манчжурии, все отправленные из Европейской России непридаваемые войскам госпитали, за исключением высланных первоначально, на основании постановления Мобилизационного комитета 29-го января 1904 года, были высланы на Дальний восток вполне мобилизованными, т. е. снабженные имуществом и укомплектованные чинами хозяйственного и медицинского разрядов. Для всех непридаваемых войскам госпиталей были отпущены верхние предохранительные рубахи, часть из которых была заменена летними ревентучными халатами[324].

Всего за время войны было отправлено на Дальний Восток интендантское имущество приданных и неприданных войскам военно-врачебных заведений военного времени 7 бригадных, 24 дивизионных лазаретов, 114 подвижных и 141 запасных госпиталей[325]. Имущество было взято из интендантских складов и из войсковых запасов (см. табл. 4).

Таблица 4. Источники формирования имущества военно-врачебных заведений

	Из интендантских складов	Из войсковых запасов
Бригадных лазаретов	1	6
Дивизионных	-	24
Подвижных госпиталей	66	48
Запасных	141	-

[323] Там же.

[324] РГВИА Ф. 499. Оп. 1. Д. 1836 Л. 93.

[325] Там же.

Имущество госпиталей особенно было необходимо в связи антисанитарными условиями на полях войны.

Не менее важным вопросом является и состояние обозов. Запаса обоза на Дальнем Востоке к началу войны не было. Сама организация обоза носила переходный характер: в полковом обозе частей войск Приамурского военного округа ввозилось то, что для полков Европейской России ввозилось в полковом и дивизионном обозах вместе с надбавкою еще патронов и продовольствия. Весь обоз был двуколочный. Корпуса Европейской России, отправленные на театр войны, получили двуколочный обоз, сохранив имущество полкового обоза по табелям 1886 года. С объявлением войны и переформированием Восточно-Сибирских стрелковых бригад в дивизии им был придан двуколочный дивизионный обоз, содержавший все то, что в частях Европейской России входило в продовольственный и общий отделы дивизионного обоза.

Серьезным нововведением явилось учреждение корпусных продовольственных транспортов, т. е. специального интендантского обоза для доставки продовольствия, доведенного благодаря этому до 12-ти дневной порции подвижного войскового запаса. Количество ввозимого запаса овса тоже было усилено на лишних три дня по расчету на 8 тыс. лошадей.

При местных топографических и климатических условиях порча обоза была неминуема, а между тем средства для его исправления или замены отсутствовали. Большим подспорьем для войск послужили походные кухни, входившие в состав полкового обоза 1-го разряда.

Войска, отправляемые на Дальний Восток и подготовленные к отправлению, снабжались обозом: а) из наличия складов, б) из общего количества предметов обозного довольствия, заготовленного за время войны, и в) посредством заимствования у войсковых частей, оставшихся внутри Империи. Распоряжения по отпуску обоза из первых двух источников делались Главным интендантским управлением, а заимствование производилось по

ближайшим указаниям местного начальства. Обоз во всех случаях отпускался с упряжью, принадлежностями и запасными вещами.

В подготовительный к войне период распоряжением Главного интендантского управления происходило снабжение предметами обозного довольствия 7-й, 8-й и 9-й Восточно-Сибирских стрелковых бригад и третьих батальонов в семи Восточно-Сибирских стрелковых бригадах.

7-я и 8-я бригады получили по 311 двуколок из наличествуюших на складах Приамурского и Московского военных округов. Походные кухни были взяты у войск, из которых формировались бригады. Оба дивизионных лазарета, 4 подвижных и 4 запасных госпиталя бригады были снабжены из свободного запаса Хабаровского вещевого склада. Для управлений и полков 9-й Восточно-Сибирской бригады было выслано из Европейской России 735 двуколок, 33 кухни 114 вьючных приспособлений. Третьи батальоны семи Восточно-Сибирских бригад получили из внутренних округов 936 двуколок и 28 походных кухонь, образовавших их полковой обоз. Тем же порядком Восточно-Сибирские дивизии были снабжены и двуколками для дивизионного обоза, по 26 на батальон, и 42 двуколки для штаба дивизии. Всего было выслано на Дальний Восток из Москвы и Вильны для сформирования дивизионного обоза Восточно-Сибирских дивизий 770 хозяйственных двуколок и 192 походных кухни[326].

В течение войны были снабжены обозом[327]:

1) Штаб Главнокомандующего, получивший из склада Приамурского округа 45 парных повозок и 1 лазаретную линейку из числа отправленных войскам в 1900 г. Кроме того, канцелярии полевого штаба, формировавшейся в Петербурге, было отпущено из Петербургского вещевого склада 18 двуколок и 2 походные кухни.

---

[326] РГВИА Ф. 499. Оп. 1. Д. 1836 Л. 68–69.

[327] РГВИА Ф. 499. Оп. 1. Д. 1836 Л. 69–73.

2) Управление 2-й Маньчжурской армии, получившее 207 двуколок, 63 повозок, 4 кухни 20 вьючных приспособлений.

3) Управление 3-й Маньчжурской армии, получившее 225 двуколок, 65 повозок, 4 походных кухни, 20 вьючных приспособлений и 4 приспособления для перевозки раненных.

4) Управление начальника военных сообщений, получившее 26 двуколок и 9 повозок.

5) Управление 3-го Сибирского корпуса, получившее 20 двуколок.

6) 10-й армейский корпус, которому для дивизионного обоза 2-й бригады 31-й пехотной дивизии, отправленной на Дальний Восток в 1903 г., для замены парных повозок и для корпусного продовольственного транспорта было отпущено 497 двуколок и 1.190 повозок.

7) 17-й армейский корпус, получивший 432 двуколки, 1.178 повозок, 2 походные кухни и 50 приспособлений для перевозки раненных.

8) 4-й и 16-й армейские корпуса, получившие 2 276 двуколок, 1 380 повозок, 206 кухонь, 1 258 вьюков и 456 приспособлений для перевозки раненых.

9) 5-й Сибирский корпус, получивший 1 312 двуколок, 1 214 повозок, 4 лазаретных линейки, 316 походных кухни, 524 вьючных приспособления и 208 приспособлений для перевозки раненых.

10) 6-й Сибирский корпус, получивший 783 двуколки, 332 парных повозки, 4 лазаретных линейки, 171 походную кухню, 4 вьючных приспособления и 1 167 приспособлений для перевозки раненных.

11) 8-й армейский корпус и 61-я пехотная дивизия, получившие 1 261 двуколку, 660 повозок и 145 кухонь.

12) 1-й армейский корпус, получивший 786 двуколок, 809 повозок, 4 лазаретных линейки, 166 походных кухонь, 146 вьючных приспособления и 156 приспособления для перевозки раненых.

13) 1–5-я стрелковые бригады, получившие 987 двуколок, 192 походные кухни, 1 419 вьючных приспособления и 250 приспособления для перевозки раненых.

14) 9-й армейский корпус, при снабжении обозом которого было решено отпускать каждой войсковой части на известную долю исключительно вьючный обоз, без двуколок, допустив изъятие лишь для походных кухонь. Вместе с тем было постановлено продовольственных транспортов впредь корпусам не придавать. Согласно этому, 9-му корпусу было отпущено 915 двуколок, 238 повозок, 183 походных кухни, 660 вьючных приспособлений и 228 приспособлений для перевозки раненых.

15) 19-й армейский корпус, снабжавшийся обозом на тех же основаниях, как и 9-й, и получивший 903 двуколки, 242 повозки, 183 походных кухни, 631 вьючное приспособление и 228 приспособлений для перевозки раненых.

16) 13-й армейский корпус, снабжавшийся на тех же основаниях и по тем же расчетам, как 9-й и 19-й корпуса, и получивший 875двуколок, 208 повозок, 183 походных кухни, 660 вьючных приспособлений и 228 приспособлений для перевозки раненых.

17) 21-й армейский корпус, получивший 971 двуколку, 214 повозок, 183 походных кухни, 563 вьючных приспособления и 228 приспособлений для перевозки раненых.

18) 53-я пехотная дивизия, получившая 497 двуколок, 102 повозки, 89 походных кухонь, 300 вьючных приспособлений и 112 приспособлений для перевозки раненых.

19) Полевые жандармские полуэскадроны: Восточно-Сибирскому и полуэскадронам 1-й, 2-й и 3-й Маньчжурских армий было отпущено 28 двуколок и 1 походная кухня.

20) 98 пулеметных рот и 37 пулеметных команд, снабжение которых происходило согласно штатам, объявленным в приказе по в. в. 1904 г. № 552. Всего им было отпущено 707 двуколок, 98 походных кухонь и 96 вьючных приспособлений. Казачьи части получили: 1-я Оренбургская казачья дивизия — 3 двуколки и 46 походных кухонь; 4-я Донская казачья дивизия — 26 походных кухонь; Сводная Кавказская казачья дивизия, 2-я Пластунская пешая бригада, 2-я Кубанская и 2-я Терская казачьи батареи — 50 двуколок, 1 походную кухню и 60 приспособлений для перевозки раненых.

21) Артиллерийским частям было отпущено: а) Восточно-Сибирскому артиллерийскому полку, кадровой резервной скорострельной батарее и двум Сибирским летучим скорострельным артиллерийским паркам, сформированным согласно Высочайшего повеления от 5-го и 27-го декабря 1903 г. — 347 двуколок и 5 походных кухонь; б) вновь сформированным батареям Восточно-Сибирских артиллерийских бригад — 349 двуколок и 9 походных кухонь; в) 10-му конно-артиллерийскому дивизиону — 3 повозки и 2 походные кухни; г) 5-му Мортирному полку и 5-й мортирной парковой артиллерийской бригаде — 2 повозки и 8 походных кухонь; д) 4-му мортирному полку — 9 двуколок, 16 повозок, 8 походных кухонь и 8 приспособлений для перевозки раненнх; е) 3-му мортирному полку и 3-й мортирной парковой артиллерийской бригаде — 68 двуколок, 1 повозка, 8 походных кухонь и 20 приспособлений для перевозки раненых; ж) 71-й артиллерийской бригаде и первым дивизионам 25-й, 29-й и 30-й артиллерийских бригад — 57 двуколок, 11 повозок, 10 походных кухонь, 52 вьючных приспособления и 8 приспособлений для перевозки раненых; з) 3-му и 4-му мортирным артиллерийским дивизионам и 1-му и 2-му мортирным

парковым артиллерийским дивизионам — 109 двуколок, 2 повозки, 8 походных кухонь и 19 приспособлений для перевозки раненых; и) первым дивизионам 2-й, 15-й, 18-й, 19-й, 23-й, 36-й и 37-й артиллерийских бригад и 3-му дивизиону 1-й гренадерской артиллерийской бригады — 19 походных кухонь; к) частям, переформированным в 5-й мортирный артиллерийский дивизион — 39 двуколок и 4 походные кухни; л) 15 паркам стрелковых дивизий и их артиллерийских бригад — по 45 двуколок, повозок и походных кухонь и 15 приспособлений; м) 6-му и 8-му мортирным артиллерийским дивизионам и 6-му, 7-му и 8-му мортирным парковым дивизионам — 159 двуколок, 12 повозок, 12 походных кухонь и 24 приспособления для перевозки раненых; н) 2 щитовым батареям — 54 двуколки, 4 походных кухни и 6 приспособлений для перевозки раненных.

22) Инженерные части, которым было отпущено: а) Квантунскому саперному батальону — 161 двуколка; б) 1-му Восточно-Сибирскому полевому инженерному парку — 69 двуколок; в) Восточно-Сибирскому военно-телеграфному батальону — 20 двуколок, 61 повозка и 4 походных кухни; г) Восточно-Сибирским воздухоплавательным батальонам — 139 двуколок, 5 походных кухонь и 12 приспособлений для перевозки раненых; д) 2-му Восточно-Сибирскому военно-телеграфному батальону и 2-му и 3-му Восточно-Сибирским понтонным батальонам — 160 двуколок, 13 повозок, 7 походных кухонь и 12 приспособлений для перевозки раненых; е) Восточно-Сибирскому осадному инженерному парку — 35 двуколок, 2 походные кухни и 4 приспособления для перевозки раненых; ж) 3 отдельным телеграфным ротам — 198 двуколок и 6 приспособлений для перевозки раненых; з) 16-му и 17-му саперным батальонам — 24 двуколки; и) 2-му действующему и 3-му резервному железнодорожным батальонам — 118 двуколок, 10 походных кухонь и 8 приспособлений для перевозки раненых; I) 5-му саперному батальону с отделением 3-го полевого инженерного парка и 9-

му саперному батальону с отделением 4-го инженерного парка — 122 двуколки, 16 походных кухонь, 56 вьючных приспособлений и 8 приспособлений для перевозки раненых; к) 1-му понтонному батальону — 68 двуколок, 5 кухонь и 4 приспособления для перевозки раненых; л) 2-му, 6-му и 8-му понтонным батальонам — 60 двуколок, 13 походных кухонь и 12 приспособлений для перевозки раненых; м) третьим ротам 3-го, 4-го, 5-го и 7-го понтонных батальонов — 76 двуколок; н) 4-му резервному железнодорожному батальону — 72 двуколки, 5 походных кухонь и 4 приспособления для перевозки раненых; о) 8-му, 13-му и гренадерскому саперным батальонам — 204 двуколки, 21 походная кухня, 105 вьючных приспособлений и 12 приспособлений для перевозки раненых; и п) Владивостокской крепостной воздухоплавательной роте — 44 двуколки.

23) Четыре транспорта 6-го Сибирского корпуса, получившие 1 653 комплекта одноконной упряжи и отдельные упряжные предметы на запасных лошадей.

24) Кроме походных кухонь, выданных мобилизованным и вновь сформированным частям при отправлении на Дальний Восток, разновременно отпускались кухни и другим частям, штабам и управлениям, уже находившимся на театре войны; всего было отпущено 403 походных кухни.

25) Пяти вьючным транспортам, придаваемым летучим отрядам, оперировавшим в горных районах, было отпущено 1 700 вьючных приспособлений.

В подготовительный к войне период были приняты следующие меры для обеспечения вещевого довольствия войск, уже находившихся на Дальнем Востоке и вновь туда посылаемых.

В конце декабря 1903 г. Главное интендантское управление вошло в Военный совет с представлением об образовании запаса для Квантунской области в количестве, согласно указаний Наместника, 23 780 комплектов

обмундирования и обуви, стольких же комплектов снаряжения и полотняных рубах, 577 460 аршин подкладочного и рубашечного холста, 39 561 пары передов и стольких же пар подошв и 55 342 пар подметок. Образование этого запаса было разрешено Военным советом 29-го января 1904 г., и означенные вещи были отправлены из складов Европейской России без замедления[328].

Осенью 1903 г. в виду все более выяснившейся возможности столкновения с Японией Главным интендантским управлением был поднят вопрос о необходимости обеспечить теплыми вещами войска Приамурского и Сибирского округов и Квантунской области, а равно предназначить к отправлению на Дальний Восток 10-го и 17-го армейских корпусов и дивизий Казанского округа, формируемых из 54-й 61-й пехотных резервных брига. Но представления названного управления по этому делу, как равно и по возбужденному одновременно с ним вопросу о необходимости заблаговременного заготовления для перечисленных войск готового обмундирования и обуви, не получили осуществления, а был лишь установлен добавочный отпуск сапожного товара и денег на шитье в 1904 г., а в случаи надобности и в 1905 г. для войск Манчжурии и Николаевского и Владивостокского гарнизонов[329].

Кроме 7-й и 8-й Восточно-Сибирских стрелковых бригад, в течение предшествовавшего войне периода по Высочайшим повелениям, последовавшим 16-го ноября и 5-го декабря 1903 г., 7-го января, 17-го января и 22-го января 1904 г. были сформированы 3-й батальон Квантунской крепостной артиллерии; 9-я Восточно-Сибирская стрелковая бригада с управлением, Восточно-Сибирский артиллерийский полк, 3-й Восточно-Сибирский саперный батальон, Порт-Артурская крепостная минная рота и крепостной военный телеграф; доведены до штатов военного времени дивизионы 31-й и 35-й артиллерийских бригад, добавлены к 6 батареям, имевшимся в 1-й Восточно-

[328] РГВИА Ф. 499. Оп. 1. Д. 1836 Л. 123.

[329] Там же.

Сибирской стрелковой бригаде, еще 3 скорострельных батареи; сформированы 3 управления дивизионов, одна кадровая резервная скорострельная батарея, и 3-й и 4-й летучие Восточно-Сибирские артиллерийские парки; доведены полки второй бригады 31-й пехотной дивизии до 84-х рядного состава; сформированы три батальона Владивостокской крепостной артиллерии; переформированы полки 8-й Восточно-Сибирской стрелковой бригады из двухбатальонного в трехбатальонный состав посредством выделения рот из состава войсковых частей Европейской России; сформированы таким же порядком 28 батальонов для приведения в трехбатальонный состав полков первых семи Восточно-Сибирских бригад; усилена артиллерия Дальнего Востока и присвоена ей новая организация на следующих основаниях: а) каждая из стрелковых и пехотных дивизий Дальнего Востока, переформировываемых из стрелковых бригад (за исключением 7-й и 8-й), были обеспечены артиллерийскою бригадою скорострельной артиллерии четырехбатарейного состава, а 7-я и 8-я Восточно-Сибирские стрелковые дивизии — обеспечены каждая трехбатарейным дивизионом скорострельной артиллерии; и б) сформированы еще 3 Восточно-Сибирских летучих артиллерийских парка и две запасных батареи[330].

Взамен выделяемых на сформирование некоторых из перечисленных частей батарей (в полном составе), как равно и взамен рот, выделяемых на сформирование и переформирование Восточно-Сибирских стрелковых бригад, надлежало сформировать новые батареи и роты.

Снабжение вещевым довольствием вышеупомянутых войсковых частей было решено произвести следующим порядком: нижних чинов, выделявшихся на сформирование 3-го батальона Квантунской крепостной артиллерии, снабдить от своих частей второсрочным обмундированием двух комплектов (полагая в двух комплектах: по два мундира, шаровар и шинелей, и по одной фуражке, галстуку и полотняной рубахе), а первосрочным обмундированием и снаряжением — из неприкосновенных запасов войсковых частей; на

[330] РГВИА Ф. 499. Оп. 1. Д. 1836 Л. 25–26.

изготовление папах отпускать деньги и материалы от интендантства, равно же попечением интендантства снабдить батальон теплой одеждой, если выступление его в поход последует до 1-го февраля. Относительно снабжения артиллерийских частей были приняты общие руководящие указания:

1) нижних чинов, выделявшихся из состава артиллерийских бригад в составе целых батарей, надлежало снабдить полностью всем обмундированием и годовыми вещами, отпущенными по сроку 1904 г.;

2) одиночных нижних чинов, выделявшихся на доведение батарей до полных штатов — снабдить от выделявших частей второсрочным обмундированием двух комплектов, а снаряжением и годовыми вещами удовлетворить из неприкосновенных запасов отправляемых батарей, с отпуском последним недостающего в неприкосновенных запасах холста и сапожного товара из наличия Двинского вещевого склада;

3) нижних чинов, выделявшихся на сформирование батарей, взамен отправляемых на Дальний Восток, снабдить от своих частей обмундированием 2-го срока двух комплектов, а первосрочным обмундированием, снаряжением и годовыми вещами — из наличия того же Двинского склада; 4) отпустить деньги, а равно и материалы из того же склада на заготовление папах уходившим на Дальний Восток частям, а также отпустить деньги тем же частям на заготовление собственным попечением теплых вещей, если поступление последует не позже марта месяца[331].

Аналогичные распоряжения были сделаны и по снабжению вновь формировавшихся 3-го Восточно-Сибирского саперного батальона и Порт-артурских минных рот, а также крепостного военного телеграфа; таким же порядком были удовлетворены вещевым довольствием части, сформированные по Высочайшем повелением 7-го и 22-го января 1904 г., причем согласно приказанию Военного министра было сделано распоряжение о принятии мер к тому, чтобы все нижние чины этих частей попечением самих частей были

[331] РГВИА Ф. 499. Оп. 1. Д. 1836 Л. 126–127.

снабжены теплою одеждою, хотя бы и не форменного образца, и чтобы лошади были снабжены суконными попонами[332].

Что касается батальонов, формируемых в Европейской России для доведения Восточно-Сибирских стрелковых бригад, то распоряжение о снабжении их вещевым довольствием было, в общем, подобным вышеизложенному; а именно приказано было на каждого нижнего чина выдать первосрочную и второсрочную мундирную одежду, по две пары сапог (одна из находившихся на людях, другая из неприкосновенного запаса взамен отпуска сапожного товара в счет дачи 1904 г.), годовые вещи по сроку 1904 г. полностью, за исключением товара на вышеуказанную пару сапог, и снаряжение из неприкосновенного запаса. Ротам, следующим в 84-х рядном составе, надлежало выдать сверх того 25 % годовых вещей на прибывавших впоследствии 32 запасных[333].

От интендантства же следовало отпустить материалы на изготовление папах, деньги на полушубки и валенки, а равно и материалы на переделку второсрочного обмундирования на стрелковую форму.

Наконец, при развертывании по Высочайшему повелению от 30-го декабря 1903 г. полков 2-й бригады 31-й пехотной дивизии нижних чинов, выделявшихся для этой надобности, надлежало снабдить обмундированием и снаряжением из неприкосновенных запасов полков означенной дивизии, а теплыми вещами (полушубками и валенками) — распоряжением округа, соответственно чему окружным интендантам и были даны надлежащие указания[334].

К 1903 г. интендантский персонал Квантунской области, Приамурского и Сибирского округов состоял из 172 классных и 977 нижних чинов[335].

---

[332] РГВИА Ф. 499. Оп. 1. Д. 1836 Л. 127.

[333] Там же.

[334] РГВИА Ф. 499. Оп. 1. Д. 1836 Л. 128.

[335] РГВИА Ф. 499. Оп. 1. Д. 1836 Л. 13.

Недостаточность этого состава даже для службы мирного времени заставила местное начальство неоднократно ходатайствовать об увеличении штатов, но ходатайства эти не могли быть удовлетворены, поскольку необходимые для этого средства не были ассигнованы. Поэтому пришлось ограничиться командированием на Дальний Восток 8 классных и 181 нижних чинов. Перед войною снова было командировано 8 интендантских классных чинов на линию Сибирской железной дороги и в Харбин для наблюдения за выгрузкой, нагрузкой и безостановочным следованием пересылаемых грузов, для приема и сдачи вещей и припасов, прибывающих из Европейской России, и для заготовления провианта и фуража[336].

С открытием военных действий и последовавшем объявлении на военном положении Сибирского и Приамурского военных округов и Квантунской области местные командующие войсками просили о безотлагательном командировании в их распоряжение, на первое время, не менее 56 интендантских чинов. Так как деятельность интендантства значительно увеличилась, предстояло формировать полевое и окружное интендантские управления Манчжурской армии; довести до военного состава управления корпусных интендантств и укомплектовать полевые военные хлебопекарни, находившиеся на Дальнем Востоке[337]. Для этого требовалось испросить Высочайшее соизволение на производство ускоренного, по экзамену, выпуска слушателей старшего класса Интендантского курса и, распорядившись командированием интендантских чинов из европейских округов и Кавказского, Главное интендантское управление отправило к началу 1904 года в Сибирь и Дальний Восток 64 офицера и классных чина[338].

Пополнение увеличенных штатов и подведомственных им учреждений и заведений и укомплектование мобилизованных корпусов, отправляемых из

---

[336] РГВИА Ф. 499. Оп. 1. Д. 1836 Л. 14.

[337] Там же.

[338] Там же.

Европейской России на театр военных действий, заставили командировать на Дальний Восток в течение лета 1904 г. еще 102 офицеров и чиновников[339].

Образование управлений Главного полевого интенданта, его помощника и управлений интендантов трех действующих армий, а также переформирование военно-окружного управления в интендантство тыла этих армий вызвали новые требования с театра войн о присылке интендантского персонала. Для удовлетворения этих требований было командировано до 40 человек[340].

Наконец, вследствие ходатайства Главного полевого интенданта о дальнейшем усилении состава интендантства на театре войны, в 1905 г. был снова произведен ускоренный выпуск офицеров старшего класса Интендантского курса, и часть новоиспеченных офицеров вместе с чинами, командированными из округов, была отправлена на Дальний Восток.

Всего в течение войны с Японией было командировано на театр военных действий для укомплектования интендантства 234 офицерских и классных чина, в том числе 14 чинов из Главного интендантского управления, 47 — выпущенных с Интендантского курса в 1904 и 1905 гг. и 173 — из окружных интендантских управлений[341].

В мае 1904 г. с театра войны были получены требования Командующего армией и ходатайство окружного и Приамурского интендантств о присылке на театр войны опытного личного состава 35 продовольственных магазинов с необходимым инвентарем: весами, брезентами, мерами и т. д.[342] Вместе с тем Начальник военно-окружных управлений ходатайствовал о командировании в Харбин в распоряжение интендантства чинов, знакомых со скотопромышленностью и сенопресовальным делом.

---

[339] Там же.

[340] Там же.

[341] РГВИА Ф. 499. Оп. 1. Д. 1836 Л. 15.

[342] Там же.

В июне 1904 г. на Дальний Восток был отправлен личный состав 20 продовольственных магазинов[343].

На должности смотрителей было указано назначить лиц наиболее знающих и опытных. Каждому смотрителю было придано два благонадежных грамотных вахтера.

Смотрители были снабжены каждый двумя двуколками, в которые были уложены необходимые для ведения отчетности книги, печать пакетов, печать гербовая, весы с разновесом и имущество по штату нижних чинов.

Перед отправлением на театр войны смотрители были ознакомлены с засолом мяса по способу Моргана и с действием ручных мельниц, высланных на театр войны. Вместе с личным составом было отправлено на театр войны имущество магазинов и принадлежности, необходимые для убоя скота и засолки мяса[344].

Одновременно с этим окружными интендантами были выбраны вахтеры, знакомые со скотопромышленностью и мясною торговлею, для назначения в помощь чинам, заведующим гуртами убойного скота. Всего было отправлено в Харбин 45 таких вахтеров. Затем из Жлобинской сенопресовльни были посланы в Харбин 20 нижних чинов, знающих сенопрессовальное дело[345].

Таким же порядком формировались в августе 1904 г. остальные 15 продовольственных магазинов. Однако, в виду невозможности командировать с этими магазинами полного штата смотрителей, четверо из них были заменены хорошо знающими свое дело старшими вахтерами[346].

Мероприятия этой категории были вызваны значительно увеличившимся во время войны объемом работ интендантских управлений и заведений внутри Империи и ослаблением их личного состава из-за командирования штатного

---

[343] Там же.

[344] РГВИА Ф. 499. Оп. 1. Д. 1836 Л. 15.

[345] Там же.

[346] РГВИА Ф. 499. Оп. 1. Д. 1836 Л. 16.

персонала на театр войны, в связи с чем, соответственно, необходимо было срочное увеличение штатов.

Для объединения распоряжений по испрошению, распределению и ассигнованию чрезвычайных кредитов на военные надобности, в Главном интендантском управлении было учреждено с 1-го января 1905 г. впредь до ликвидации дел и счетов за войну с Японией временное, 10-е, отделение. На него было возложено делопроизводство по военным расходам, переписка, счетоводство и учет чрезвычайных кредитов. В состав отделения входили 7 классных и 10 нижних чинов и 2 сторожа[347].

Из числа окружных интендантских управлений были в особенности обременены работой по военным обстоятельствам управления Московского, Казанского и Сибирского округов. В первом округе как центре торговли и промышленности и в двух других, как ближайших к театру военных действий, производились обширные заготовления продовольственных припасов и предметов вещевого довольствия. Поэтому в течение 1904–1905 гг. последовало увеличение штатов Московского интендантства на 8 классных и 112 нижних чинов[348], Казанского — на 8 классных и 71 нижних чина[349] и Сибирского — на 23 классных и 100 нижних чинов[350].

Кроме того, приказом по В. В. 1905 г. № 344 было разрешено сформировать в городе Сызрани на время войны с Японией команду интендантских проводников для сопровождения интендантских грузов, перевозимых по железным дорогам на театр войны, в состав команды вошли 1 начальник, 2 его помощника и 167 нижних чина[351].

---

[347] Пр. по военному ведомству 6-го мая 1905 года № 313.

[348] Пр. по в.в. 1904 г. № 582 и 1905 г. № 60.

[349] Пр. по в.в. 1904 г. №№ 439 и 582 и 1905 г. № 14.

[350] Пр. по в.в. 1904 г. № 582 и 1905 г. № 60.

[351] РГВИА Ф. 499. Оп. 1. Д. 1836 Л. 16.

Высочайше утвержденными 16-го апреля и 16-го мая 1904 г. положениями Военного Совета было разрешено для временного усиления интендантских управлений в не мобилизованных округах приглашать на службу благонадежных лиц по вольному найму[352]. Вольнонаемными лицами положено было замещать должности не выше помощника столоначальника и притом в не мобилизационных отделениях управлений и не в отделениях, близко с ними соприкасающихся. В Главном интендантском управлении вольнонаемных лиц решено было не приглашать, т. к. работы в этом управлении представляли почти сплошь распоряжения, не подлежащие оглашению, а иногда и весьма секретные.

К 1-му января 1906 г. в восьми окружных интендантствах состояло 103 человека[353]. Поскольку было невозможно определить срок возвращения всех командированных на Дальний Восток чинов, а также по причине нахождения многих чинов в эвакуационных комиссиях и желания возвращавшихся воспользоваться законным отпуском, то было разрешено оставить вольнонаемных на службе до 1-го января 1907 г.

Вместе с тем было испрошено разрешение на выдачу денежного вознаграждения из особо ассигнованного для этой цели кредита за сверхсрочную работу чинам Главного и окружных интендантских управлений по трудам и заслугам каждого[354].

Согласно последовавшим разрешениям и сделанным сношениям с Главным штабом, к Главному интендантскому управлению были последовательно прикомандированы из призванных на действительную службу 20 прапорщиков запаса, преимущественно из окончивших курс в высших учебных заведениях, и к Московскому интендантству 5 прапорщиков запаса[355].

---

[352] Там же. 17.

[353] Там же.

[354] Там же.

[355] РГВИА Ф. 499. Оп. 1. Д. 1836 Л. 17.

В Главном интендантском управлении прапорщики запаса были прикомандированы к отделениям и частям, где занимались ведением настольного реестра и журналов входящих и исходящих бумаг, составляли справки, отчеты и разные бумаги под руководством столоначальников и вообще вели текущую переписку на правах помощников столоначальников и бухгалтеров. Некоторые из прапорщиков запаса посылались в командировки в зависимости от специальности, полученной ими при обучении или на месте прежней службы. В Московском окружном интендантском управлении прапорщики запаса, помимо занятий в управлении и командировок, временно исполняли должности смотрителей продовольственных магазинов[356].

Приказом по в. в. 1904 г. № 424 было разрешено вольноопределяющимся, окончившим курс высших учебных заведений, отбывать воинскую повинность в интендантском ведомстве. В каждом округе разрешалось принимать не более 10 человек. Для приведения этой меры в исполнение Военным Советом были одобрены и введены в действие выработанные в Главном интендантском управлении правила. Они объявлялись приказом по военному ведомству № 589[357] за 1904 г. На основании этих правил вольноопределяющиеся, по определении их на службу в интендантское ведомство, должны были пройти курс учебных команд, обучиться гимнастике и строю, а также обращаться с револьвером и стрельбе из него, а затем они допускались к занятиям в окружных интендантских управлениях и подведомственных им учреждениях.

В конце сентября 1904 г. вольноопределяющиеся, принятые в интендантское ведомство, были собраны в Петербурге и в течение двух месяцев обучались строю в Лейб-гвардии Финляндском полку, а предметы по интендантской части преподавались им на Интендантском курсе, после чего они были откомандированы к местам постоянного служения в окружные управления, где по ознакомлении с порядком делопроизводства и счетоводства

---

[356] РГВИА Ф. 499. Оп. 1. Д. 1836 Л. 18.

[357] Там же.

по интендантской части исполняли различного рода служебные обязанности по усмотрению окружных интендантов. Из 72 вольноопределяющихся первого приема 29 человек (или 40 %) занимались почти исключительно канцелярской работой, а остальные 43 человека (или 60 %), кроме того, находясь в командировках по приему предметов вещевого довольствия и закупок землевладельческих продуктов, знакомились и с хозяйственной интендантской деятельностью[358].

В виду последовавшего 26-го марта 1904 г. Высочайшего повеления об оставлении на службе до общей демобилизации всех нижних чинов, вольноопределяющимся интендантского ведомства было представлено сдать установленное для зауряд-военных чиновников испытание, после чего они могли быть командируемы на театр войны для занятия соответствующих должностей. Экзамен этот был произведен по более обширной программе, чем установленная в приказе по Военному ведомству 1902 г. № 210, т. к. экзаменовались лица, окончившие курс высших учебных заведений, в то время как названная программа была составлена специально для испытания нестроевых старшего разряда из писарей[359].

После заключения мира уволенные в запас вольноопределяющиеся интендантского ведомства были зачислены на учет зауряд-военными чиновниками.

В 1905 г. прием в интендантство вольноопределяющихся был произведен на тех же основаниях, что и в 1904 г. Но принято было всего 36 человек, т. к. вследствие беспорядков в высших учебных заведениях, которые были закрыты на продолжительное время, число окончивших в них курс было невелико[360]. Относительно подготовки вольноопределяющихся Главным интендантским управлением было указано на нецелесообразность разделения

---

[358] РГВИА Ф. 499. Оп. 1. Д. 1836 Л. 18.

[359] РГВИА Ф. 499. Оп. 1. Д. 1836 Л. 19.

[360] Там же.

их на две группы, из которых одна занималась исключительно канцелярскими делами, а другая — практической хозяйственной деятельностью, и на необходимость поставить дело так, чтобы все вольноопределяющиеся могли получить одинаково широкую подготовку.

В ходе войны была сделана первая попытка создать систему тылового обеспечения, в том числе и предметами интендантского довольствия, применительно к условиям дальневосточного театра военных действий. Новая структура позволила в известной мере улучшить работу органов интендантского снабжения, однако она не обрела завершенной формы, не получила дальнейшего развития, оказалась весьма громоздкой и использовалась не полностью, а в ряде случаев просто не работала.

3.2. Указанные войной недостатки в устройстве интендантской части и принятые меры к их устранению

Для выяснения недостатков по интендантской части, обнаружившихся в войну с Японией, необходимо остановиться на деятельности интендантских управлений и заведений не только внутри империи, но и на театре войны, т. к. лишь при рассмотрении этих обстоятельств становится возможным исследование данного вопроса во всей его полноте.

Общий обзор службы интендантства за время войны показывает, что оно не могло ограничиться исполнением обычных в мирное время обязанностей. Обстоятельствами военного времени интендантство было вынуждено принять на себя и заботы о снабжении действовавших войск в том числе теми предметами довольствия, которые войска обычно заготовляли сами, и предметами, в которых не было необходимости в мирное время. Значение этого факта усугублялось тем, что интендантское снабжение собранных на Дальнем Востоке войск отличалось разнообразием и полнотой, не наблюдавшимися ни в одну из войн, веденных Россией. Категории предметов интендантского довольствия увеличились весьма значительно, и некоторые из них войска узнали впервые. Вместе с тем требовалось, чтобы интендантство удовлетворяло войсковые нужды выдачею большинства продуктов и вещей в готовом виде.

Вследствие этого интендантство заготовляло и изготовляло муку, крупу, хлеб, фураж, консервы, сахар, чай, соль, мясо, рыбу, масло, сало, сухари, сушеные овощи, макароны, вермишель, спирт, мешки и брезенты, мыло, табак, различные предметы обмундирования и снаряжения, обувь, теплые вещи, непромокаемые плащи и накидки, летнюю одежду, различные предметы госпитального имущества. Оно учреждало полевые хлебопекарни, снабжало переносными мукомольнями, ручными мельницами, зернодробилками, веялками и зерносушилками, сушилками овощей, сенными прессами, прачечными машинами, пожарным инструментом, походными кухнями и разнообразными предметами обозного довольствия; устраивало различные

новые технические заведения и развило до предельных нагрузок работу ранее существовавших. Таким образом, круг деятельности интендантства весьма расширился и получил иной характер, чем в мирное время.

Интендантство не было подготовлено в надлежащей степени к такому расширению круга деятельности, а состояние интендантской части перед войной не позволяло интендантству входить в дело исподволь и исполнять его не спеша.

Отсюда вытекала необходимость основной реформы в устройстве интендантства: организация его в мирное время на одинаковых основаниях с военным и сосредоточения в его руках всего военного хозяйства.

В организационном отношении существенное значение имели три пункта:

1) специализация интендантского ведомства,

2) распределение его личного состава по специальностям службы,

3) увеличение численности личного состава в мирное время.

За сорок пять лет до начала войны, когда провиантский департамент был слит с комиссариатским, и новое ведомство получило название интендантского, оно не было признано ведомством специальным; не существовало специализаций и внутри самого ведомства. Такое положение сохранилось до настоящего времени.

По закону, офицеры и чиновники принимались в интендантство без каких-либо особых условий и могли занимать должности то по продовольственной части, то по вещевой или обозной, работать поочередно то в технической области, то в счетной, переходить от чисто практической деятельности ко вполне канцелярской. Слабые стороны такого порядка сказались уже задолго до начала русско-японской войны, что заставило принять меры к специальной подготовке личного состава интендантства и к поднятию уровня его общего образования. Так, в 1900 г. был учрежден Интендантский курс, в 1903 г. административным порядком прекращен прием на службу и перевод на все должности по интендантству лиц, не получивших законченного среднего образования, а из числа чинов, уже состоящих на службе в ведомстве,

право на занятие должностей начальников отделений предоставлялось лишь лицам с образованием не ниже среднего[361].

Меры эти оказали полезное влияние на укомплектование ведомства личным составом, но по разным обстоятельствам им нельзя было дать достаточно широкого применения, чтобы они привели к достижению ими преследуемой цели. В ведомстве все еще было свыше 61 % лиц с первоначальным образованием ниже среднего; не все офицеры, поступающие в ведомство, проходили через Интендантский курс; чиновники в большинстве имели низкий образовательный уровень; большинство личного состава приобретало специальные знания исключительно служебной практикой. Кроме того, порядок прохождения службы оставался прежним, не признающим специализации по видам довольствия, точно не определенный, не устраняющий влияния разных случайностей[362]. Начатые преобразования, несомненно, должны были быть продолжены.

Внешняя и внутренняя специализация интендантства, рассматриваемая во всех ее подробностях, была крайне затруднена успевшими сложиться в ведомстве порядками, обычаями, традициями. Но схема предстоящей в этом отношении работы указывалась существом обязанностей ведомства. На интендантство возлагалась обязанность удовлетворении армии продовольствием, вещами и денежным довольствием, а также интендантским обозом. Если бы с интендантства была снята, в сущности, чуждая ему обязанность заготовителя войсковых обозов, то круг его деятельности свелся бы к обеспечению армии пищей, одеждами и разными видами денежного довольствия, то есть получилось бы, таким образом, три интендантских специальности, на которые и должен был быть разделен личный состав ведомства. Руководство работами специальных частей ведомства и

---

[361] РГВИА Ф. 499. Оп. 1. Д. 1836 Л. 214.

[362] Там же.

объединения их деятельности возлагалось на корпус интендантов, формируемый на основании особых правил.

Увеличение личного состава интендантства в мирное время вызывалось преимущественно расширением войскового интендантства. Кроме корпусных интендантств, в войсках должны были находиться дивизионные и полковые интендантства, к которым должна была перейти хозяйственная работа войск. Вместе с тем планировалось удовлетворить многолетние требования об изменении системы отпусков войскового довольствия в мирное время посредством установления норм отпусков на все виды довольствия.

Сосредоточение в мирное время в руках интендантства всего военного хозяйства было в интересах обеих сторон: для войск важно было освободиться от хозяйственных забот, чтобы всецело отдаться строевой подготовке, для интендантства — взять в свои руки уже в мирное время то дело, которое переходило ему раньше только во время войны. Эта проблема решалась за счет установления отпуска предметов интендантского довольствия в готовом виде.

Начало этому делу было положено тотчас после войны установлением отпуска обмундирования, обуви и белья в готовом виде. С этой целью были организованы районные и центральные обмундировальные мастерские и начат процесс передачи интендантству работ по обновлению и починке обмундирования. Успешному осуществлению начатых преобразований способствовало влияние производителей предметов интендантского довольствия.

Кроме указанного основного недостатка, война с Японией выяснила и другие существенные недостатки по интендантской части как общего, так и частного характера.

Из действовавших в японскую войну законоположений об интендантском довольствии только положение о продовольствии войск отвечало, хотя и не вполне, действительным потребностям войск. Относительно продовольствия интендантство заранее и достаточно четко представляло, что от него потребуется и по каким нормам, но по вещевой, а отчасти госпитальной и

обозной частям многие требования были совершенно неожиданны. Обстоятельство это, естественно, крайне затрудняло выполнение требований. Отсюда являлась необходимость в выработке общего положения об интендантском довольствии войск в военное время.

При составлении названного положения надлежало иметь в виду, что потребности войск, кажущиеся постоянными, тем не менее меняются в зависимости от свойств театра войны, от воспитания солдата, его домашнего быта, жизни народа, степени его культурности. В японскую войну вполне ясно определились изменения в интендантском снабжении войск в военное время, пришедшие в последнюю четверть века. В войнах XIX века для продовольствия войск требовался сухарь, изредка хлеб, не всегда каша и, когда было возможно, кусок мяса. Варка производилась в котлах, и пища приготовлялась спустя долгое время после прибытия войск на биваки или ночлеги. Так было даже в турецкую компанию 1877–78 гг. Но в начале XX века происходят коренные изменения: теперь люди по общему правилу, должны были получать хлеб, а отпуск сухарей составлял исключение; поэтому на театре войны появились передвижные хлебопекарные печи; вместо отпуска мяса, по возможности, требовалась ежедневная мясная пища; сушеные овощи, сало, масло, крупа стали обязательными продуктами; сахар и чай, составлявшие прежде случайные предметы довольствия в походе, теперь сделались необходимыми продовольственными припасами в военное время. Заставлять людей по прибытии на ночлег часами ждать, пока приготовится пища в котлах, считалось уже недопустимым: требовалось накормить их немедленно. Поэтому пищеварные котлы были заменены походными кухнями, готовящими пищу на ходу[363]. В прежних войнах войсковые части получали вещевое довольствие по нормам мирного времени; теперь же все нормы и все сроки довольствия отпадали, и готовые вещи отпускались в таком количестве, какое было необходимо. Все более насущной проблемой становится уменьшение груза,

[363] РГВИА Ф. 499. Оп. 1. Д. 1836 Л. 216.

носимого солдатом. О непромокаемости одежды, о защитном цвете прежде и речи не было, а в русско-японскую войну интендантство было обязано заботится об удовлетворении и этих требований.

Изменения в интендантском снабжении войск, разумеется, будут продолжаться и впредь. Пройдет еще некоторое время, и снова явятся новые требования для интендантства.

Своевременность удовлетворения потребностей войск в военное время зависит от многих причин, но одна из них имеет первенствующее значение. Как известно, большинство предметов нельзя приобрести непосредственно на рынке; сначала нужно закупить материал и из него приготовить необходимое, на что требуется продолжительное время, в течение которого действующие войска будут терпеть нужду. Поэтому в России, как и в других европейских государствах, было признано обязательным условием своевременного, не суетливого и вполне обеспеченного удовлетворения потребностей войск в военное время существование чрезвычайных запасов, образуемых заблаговременно и в определенной норме, изменяющейся с увеличением численности армии. Однако до русско-японской войны у нас содержались лишь продовольственные и госпитальные запасы, да и то, как показала война, в недостаточном количестве. Соответственно образование новых вещевых чрезвычайных запасов и развитие существующих продовольственных госпитальных являлось настоятельно необходимым.

Чрезвычайные вещевые запасы должны были состоять частью из готовых вещей, частью из материалов, и нормы их должны были быть соотнесены с большей или меньшей изнашиваемостью предметов во время войны, удобством и безопасностью от порчи при хранении, возможностью освежения и т. п. Запасы эти должны были быть расположены в центральной России, но возможно ближе к вероятным театрам военных действий.

Так как образование больших вещевых запасов было сопряжено со значительными единовременными расходами, то надлежало всесторонне исследовать вопрос возможного уменьшения их размеров с помощью более

рациональной системы заготовки предметов фабричного и заводского производств.

Обширные заготовления различного рода предметов интендантского довольствия в японскую войну обеспечили большой практический опыт в этом отношении, высветивший некоторые недостатки, которые было необходимо устранить.

По закону, нормальным способом заготовления был подряд с торгов, со всеми установленными формальностями, как по производству торгов и утверждению, так и по соблюдению известных сроков. В военное время заготовления всегда производились в больших количествах и требовали больших расходов, а следовательно, должны были представляться на утверждение Военного Совета. Насколько медленно происходили в японскую войну заготовительные операции внутри России можно видеть из следующего примера: 29-го августа 1904 г. был спрошен главный полевой интендант о количестве продовольственных продуктов, которые нужно было доставить из Европейской России для посылаемых подкреплений, 2-го и 5-го сентября получены ответы на запрос; 16-го сентября Военный Совет утвердил представление Главного интендантского управления по этому предмету; 20-го октября состоялись торги на заготовление припасов, и 11-го ноября Военным Советом была утверждена поставка продуктов[364]. Следовательно, почти 2,5 месяца потрачено на подготовительные к заготовлению действия. Еще медленнее шло дело при заготовлениях по вещевой части. С другой стороны, некоторые заготовки, произведенные без торгов, прошли гораздо скорее. Имея в виду, что скорость заготовлений играла первенствую роль в снабжении действующих войск, надо признать, что указанное выше обстоятельство имело существенное значение. Что касается сбережения в расходах при подрядном способе, то это достигалось не всегда, тем более что цены, дающие право утверждать торги (секретные), представляли гадательные цифры чисто

[364] РГВИА Ф. 499. Оп. 1. Д. 1836 Л. 219.

формального характера, т. к. они определялись на основании данных, постоянно изменяющихся, особенно в военное время. Все эти соображения дают основания для возбуждения вопроса о непризнании подряда с торгов оптимальным способом заготовления в военное время.

Заготовительная практика в японскую войну показала также необходимость развития статистических работ по интендантской части. Не только Манчжурия, но и Сибирь были мало известны в отношении средств, которыми они располагали для удовлетворения требований интендантского довольствия. Некоторые пробелы по этой части замечались и относительно знания интендантством производительных сил Европейской России.

Естественно, что работа по заготовлению предметов довольствия вызывала соблазн у недобросовестных чиновников. В нашем распоряжении имеются уголовные дела по подобным фактам. Так[365], по указу Его Императорского Величества, 30 июня 1905 года Петербургский Военно-окружной Суд под председательством генерал-майора Томашевича в открытом судебном заседании признал писаря Безпалова виновным в том, что, состоя писарем в I отделении Главного интендантского Управления, он в течение 1904 года, вопреки своим служебным обязанностям и без соответствующего распоряжения начальства, сообщал поставщикам Интендантства, заинтересованным в поставке вещей, сведения относительно времени, способа, места и того окружного управления, на которое будет возложено заготовление потребных Интендантству предметов, причем таковые сведения сообщал поставщикам за денежное с их стороны вознаграждение и таким образом получил с «завода А. И. Осипова, Амирагова, Фофанова, Вахрушева и Немировского» не менее 500 рублей. «Обстоятельствами, уменьшающими вину, суд признал: долговременную беспорочную службу (2 п. 153 ст. Уложения о наказаниях) и хороший отзыв начальства о поведении и службе подсудимого. Обвинение же подсудимого в том, что он будучи обязан по роду своих занятий и по распоряжению начальства переписывать на печатной

[365] Ф. 499. Оп. 8. Д. 230. Л. 49.

машинке доклады в Военный совет по заготовлению вещевого довольствия войск, разновременно в течение 1904 года утаивал копии с этих докладов и эти копии, также как и копии других документов, относящихся до довольствия войск, каковые документы он похищал из столов того же Управления и вообще из числа хранившихся в помещении присутствия Управления, передавал за денежное вознаграждение поставщикам интендантства, заинтересованным в получении предварительных сведений».

Деяние подсудимого составляет лихоимство, за которое, согласно 373 ст. Уложения о наказаниях, он подлежал отдаче в исправительные арестантские отделения по 3 и 4 п. п. 31 ст. Уложения о наказаниях от 1 ½ до 3 лет; суд избрал полтора года, но в виду уменьшающих вину обстоятельств (135 ст. Уложения о наказаниях), признал справедливым понизить это наказание до одного года. На основании изложенного и в силу 77 ст. Уложения о наказаниях и 1 и 3 п. 910 ст. XXIV кн. С. В. П. 1869 года изд. 3-е, суд постановил: «писаря Главного Интендантского Управления Павла Захарова Безпалова, за лихоимство по лишении воинского звания и всех особенных лично и по состоянии присвоенных и службою приобретенных прав и преимуществ, исключить из военной службы и отдать в исправительные арестантские отделения на один год с указанием в 43, 45, 46, 58-1 и 58-2 ст. Уложения о наказаниях последствиями, а при отдаленности арестантских отделений или не имения в них места подвергнуть его, Безпалова, заключения в тюрьме на тот же срок с теми же праволишениями и последствиями, но с употреблением на самые тяжкие из установленных в сих местах заключения работы; полученные в дар пятьсот рублей взыскать с Безпалова и препроводить в Александровский Комитет о раненых для присовокупления к его капиталам; ..... по обвинению в служебном подлоге считать его, Безпалова, по суду оправданным, по недосказанности сего обвинения»[366].

[366] Ф.499.Оп.8.Д.230.Л. 50.

Интересные сведения по этому вопросу мы находим в Газете «Русь» (№ 26 1905 года) в заметке под названием «Не замолчали бы» (о хищениях в Тыловом Интендантстве Маньчжурской армии)[367], которая вызвала обширную переписку между военным ведомством и интендантом тыла Маньчжурской армии.

Так, в письме от 24 ноября 1905 г. поднимается этот вопрос[368]:

«24 ноября 1905 г.

Харбин.

Интенданту тыла Манчжурской армии.

В номере 26 газеты «Русь» от 26 ноября помещена заметка Василия Климкова о хищениях в Тыловом Интендантстве. В заметке передается эпизод предложения со стороны какого-то лица генералу Надарову доставить покупкою казенные вещи и затем указывается, что по получении, с разрешения Главного Начальника тыла, аванса на таковую покупку — через два дня была доставлена ген. Надарову целая партия казенных шинелей, сапог и прочего…

Прошу ваше Превосходительство сообщить мне надлежащие сведения по содержанию этой заметки и Ваше заключение для доклада Военному министру».

Хотя сведения, указанные в этой статье, и не подтвердились[369], но при всем при этом такие статьи появлялись не на пустом месте.

И главному начальнику тыла, и главному полевому интенданту, и, вероятно, главнокомандующему было известно, что можно купить некоторое количество обмундирования с казенными клеймами, но интендантство тыла в этом деле решительно считало себя неповинным.

В результате расследования выяснилось, что на самом деле не «какое-то лицо» предлагало генералу Надарову доставить покупкою казенные вещи, но

---

[367] Ф.499.Оп.8.Д. 246. Л. 3.

[368] Там же.

[369] Ф.499.Оп.8.Д. 246. Л. 10.

при помощи разведывательного отделения штаба в августе выяснилось злоупотребление в сапожном магазине вещевого склада, о чем и было сообщено. Генерал Надаров предоставил этому отделению средства для немедленного раскрытия преступления и обнаружения виновных, что было исполнено, дело передано военному следователю. Смотритель магазина зауряд-чиновник Седов арестован следователем по обвинению в продаже 3700 пар сапог, двух тысяч шаровар»[370].

Однако, прежде чем говорить о деятельности чинов интендантства, необходимо коснуться немаловажного для последующих событий факта, имевшего место в Харбине в мае 1904 года[371] и описанный Ф. Купчинским в его книге «Герои тыла»[372], представляющей особый интерес с точки зрения анализа деятельности чинов интендантского ведомства во время русско-японской войны. В нее вошли статьи Ф. Купчинского, печатавшиеся им в «Руси», по возможности проверенные и дополненные. В целом крайне негативно оценивая работу интендантства в годы русско-японской войны («...но мы не знали, что под шум тяжких боев в тылу армии, посланной «спасать родину» в чуждые дальние земли, малые и большие начальники, призванные кормить, вооружать и одевать полумиллионную армию, беззастенчиво обогащались на счет русского солдата и русского мужика»[373]), автор приводит следующие документальные примеры. В частности, он повествует о прибытии в Харбин нового интенданта. Приведем этот эмоциональный фрагмент, весьма наглядно представляющий, каким был образ интендантства в русской армии:

«В большом зале окружного интендантства маньчжурских армий в городе Харбине были выстроены все чины управления для представления только что

---

[370] Ф.499.Оп.8.Д. 246. Л. 9.

[371] Там же. С. 13.

[372] Купчинский Ф. «Герои» тыла. СПб., 1908.

[373] Там же. С. 5.

прибывшему из Петербурга новому интенданту, полковнику, а затем генерал-майору Лангу.

Полковник Ланг сказал чинам интендантства следующую речь, памятную всем. Ее нельзя не вспомнить перед тем, как говорить о деятельности интендантства в армии:

«Господа! Перед отъездом из Петербурга я представлялся главному интенданту генералу Ростковскому, и он просил меня ради Бога принять все меры к тому, чтобы у нас в интендантстве не повторилось таких безобразий, какие творились во время турецкой войны 1877–1878 годов и легли вечным пятном на интендантское ведомство».

Речь была, казалось всем, искренна; сердечные ноты подкупили слышавших; все обрадовались, что во главе интендантства будет стоять человек, так говоривший, все надеялись, то при нем, конечно, не будет никаких злоупотреблений и хищений. Однако судьба решила иначе.

В конце 1904 года генерал Ланг оставил Харбин, уехав полевым интендантом во 2-ю маньчжурскую армию. Вместо него прибыл в Харбин вновь назначенный (из г. Читы) бывший начальник штаба Забайкальской области генерал-майор Парчевский.

При нем забыты были благородные слова генерала Ланга, и если кто и вспоминал их, то не иначе, как иронически.

Примером может служить «выгодная операция» генерала Парчевского с прививкой скота (75.000 рублей чистого дохода).

Соблюдение интересов казны во всех хозяйственных операциях ясно предписывается военными и иными законами, указывающими применять всегда наивыгоднейшие способы приобретения продуктов. Генерал Парчевский совершенно иначе толковал смысл этого закона, указывая личными поступками и своим подчиненным, что собственная выгода, конечно, стоит на первом плане»[374].

---

[374] Там же. С. 14.

Приведем также несколько слишком красноречивых примеров, на которых заостряет свое внимание Ф. Купчинский:

«В Харбин прибыл из Читы (где прежде служил Прачевский) некий торговец или подрядчик Синицын и предложил ему прививку противочумной или иной сыворотки скоту, закупаемому в Монголии для нужд действующей армии, причем требовал за каждую голову скота по 1 рублю.

Генералом Парчевским предложение это было принято, и им было поручено чиновнику Квасницкому составить на этот предмет доклад главному начальнику тыла.

При составлении доклада чиновник Квасницкий, пораженный высотою платы, «осмелился доложить» генералу Парчевскому, что считает своим долгом привести справки, что в других местах платят гораздо меньше, например, в Троицко-Савске платят вместо одного рубля — 25 коп. за прививку, т. е. в четыре раза меньше.

«Вы все путаете, — возразил чиновнику недовольный генерал Парчевский, —ничего не понимаете; делайте, как приказывают!»[375]

Тогда Квасницкий, видя невозможность повлиять на генерала и затрудняясь принять на свою ответственность подозрительное дело, еще раз показал Парчевскому черновик доклада для Надарова, прося указания относительно цен и заявив, что необходимо мотивировать, почему принимается цена в 1 руб.. когда возможна цена в четыре раза меньше. Тогда Парчевский, выхватив у Квасницкого черновую доклада, написал на нем сбоку собственноручно поистине историческую для этого факта резолюцию:

«Переписать доклад без справок».

Доклад был переписан «без справок», был подписан Парчевским, чиновником Квасницким и утвержден Надаровым.

Генерал Надаров, может, и не знал, что прививку можно было сделать гораздо дешевле, только выгода от этой операции ясна. Так как означенных

---

[375] Там же.

операций было две общей численностью на 100 000 порций (по 50 000 каждая), то казна переплатила чистых 75 000 руб., каковые деньги, видимо, и поступили тем, кому удалось провести такую высокую цену.

Может быть, тут нажился Синицын, но ясно ведь, что не ради же прекрасных глаз подрядчика Синицына, Парчевский так даже неосторожно для себя самого провел рублевую цену!

Сколько было всего прививок за войну? Это вопрос очень интересный, и мы его разрешить точно не беремся.

Что же касается до черновика вышеупомянутого доклада с подписью генерала Парчевского в защиту рублевой оценки, то она должна была фигурировать на суде, что так и не произошло.

Равно как на суде могла быть доказана и чрезмерность расценки.

Подрядчик Синицын вообще во многом помогал Парчевскому, а может быть Парчевский Синицыну? — Вероятно, что здесь услуги были обоюдны, и это очевидно.

Синицыным же в 1905 г. поставлено в Харбин в интендантство мороженое мясо тогда, когда это мясо уже имелось, купленное по более дешевой цене, и было вполне возможно вновь его иметь за прежнюю меньшую цену!» [376].

Повествует Купчинский и о поразительной истории, связанной с таинственным исчезновением поездов:

«Один поезд, отправленный спешно в Харбин с госпитальными вещами, очень нужными в армии, где огромное количество раненых требовало быстрых доставок госпитальных и медицинских принадлежностей, и еще кроме госпитальных вещей груженый бунтовыми и вьючными брезентами — исчез.

О поезде после Омска сведенья вдруг терялись. Тщетно посылались телеграммы за телеграммами по станциям. Не удавалось нигде обнаружить существование поезда.

---

[376] Там же. С. 47.

В окружном интендантском управлении по этому вопросу скопилась любопытная и немалая переписка, состоящая из телеграмм, донесений, докладов, запросов и прочего.

И эта куча бумаг — все, что осталось от таинственно исчезнувшего поезда!

Управление запрашивало генерала Парчевского, требуя оправдательных документов по делу пропажи поезда или сведений о его местонахождении. Парчевский отвечал, что ничего не может дать и сведений о поезде не имеет. Не имел сведений о поезде также и генерал Надаров. Поезда так и не нашли, а дело о его пропаже «замяли».

Но один поезд — это еще не так много! В апреле месяце 1906 года действительному статскому советнику Калтановскому было поручено совместно с агентом дороги разыскать ни более, ни менее как 6000 пропавших вагонов! Вагоны не прибыли в Харбин, куда были отправлены.

Найдены были только 5000 вагонов, но, говорят, без товара. Шестую тысячу вагонов разыскивал генерал Губер еще зимою 1906–1907 года, но безрезультатно»[377].

Вот что пишет по этому поводу все тот же Ф. Купчинский: «Я не знаю также, известно ли начальнику тыла, куда собственно исчезли вагоны и поезда? Мне говорят, что были особые тупики, куда загонялись вагоны, перекрашивались (ставили другую дорогу, другой номер, другое клеймо) и отправлялись дальше, где содержимое и продавалось частными лицами «за не нахождением владельцев»... Ревизор станционного счетоводства при управлении Забайкальской железной дороги г. Цехановский передает, что на след подобных проделок он напал между прочим на станции Манчжурия. Еще такие же тупики находились на станции Иннокентьевская.

[377] Там же. С. 48.

Мне передавали, что иногда вагоны просто-напросто перегружались, и товары меняли владельцев, из коих один оставался конечно очень недоволен, другой же весьма выигрывал.

Мне передавали, наконец, что вследствие соглашения известных лиц, прикосновенных к движению поездов и заинтересованных в их исчезновении, удерживалась аккуратно известная часть вагонов для надобностей частных предпринимателей, удерживалась и распродавалась.

Может быть, генералам Надарову и Парчевскому известно, какая из этих версий вернее? Любопытно, что выяснит суд?»

«Герои тыла» Ф. Купчинского, как и следовало ожидать, вызвали необходимость расследовать миллионные растраты и хищения, произведенные в тылу армии за русско-японскую войну. В Иркутск для этого был отправлен генерал Ростковский, главный интендант.

Однако очень странно, что расследование поручено было лицу, которое состояло во главе того ведомства, где происходили хищения; которое само было ответственно за то, что эти деяния оставались нераскрытыми.

При заготовлениях в войну испытывались серьезные затруднения относительно приема предметов вещевого довольствия. Работа приемных комиссий зачастую становилась непосильной, что неизбежно отражалось на тщательности осмотра предъявленных к сдаче вещей и требовало увеличения числа комиссий. Т. к. главные предметы вещевого довольствия войск — сукна, холст и кожи — производились на известных фабриках, приспособленных специально к выработке казенных образцов, то было бы проще и удобнее установить наблюдение за изготовлением этих предметов на каждой фабрике, причем гарантией доброкачественности вещей служили бы личные клейма наблюдавшего. При таком порядке вещи можно было бы отправлять с фабрик прямо в склады и обмундировальные мастерские. Порядок этот практиковался в русско-японскую войну относительно обоза; прежде повозки принимались в готовом виде особыми комиссиями, и было много недоразумений, т. к. готовую вещь труднее осмотреть и исправить; изготовление под наблюдением

упростило дело и ускорило прием. Такого же результата можно было бы ожидать и от применения этого порядка к приему других предметов интендантского довольствия. Это могло повлиять и на цену, т. к. фабриканту не пришлось бы возить в склад для сдачи и брать обратно бракуемое для замены.

Надо иметь, однако, в виду, что указанный порядок заставил бы значительно увеличить численность интендантского персонала, но все-таки не настолько, чтобы ему не потребовался в военное время запас чинов, знакомых с интендантской работой. Поэтому образование запаса интендантских офицеров, классных чиновников и нижних чинов составляло настоятельную необходимость. При специализации ведомства и отдельных его частей цель эта могла бы достигаться попутно, естественным путем зачисления в запас лиц, покидающих службу в интендантстве до выслуги сроков воинской повинности.

В тесной связи с укомплектованием личного состава интендантства в военное время находится обеспечение мобилизации ведомства и в других отношениях. Необходимо было установить такое положение, чтобы каждое интендантское управление, учреждение и заведение вырабатывало свой мобилизационный план, указывая точно средства для выполнения этих планов.

Опыт войны указал на необходимость переработать правила счетоводства и отчетности как материальных, так и денежных капиталов, в мирное и военное время.

В японскую войну встречались недоразумения при назначении вещей из складов по сведениям, имеющимся в Главном интендантском управлении[378], которые зачастую, даже при самом исправном ведении дела, не согласовывались с действительным наличием вещей, что немало затрудняло распоряжения.

Кроме того, сама номенклатура предметов не всегда была удачна. Вообще, правила, которыми руководствовались при отчетности склады, не отвечали условиям времени, т. к. они не изменились с 60-х годов XIX столетия.

---

[378] РГВИА Ф. 499. Оп. 1. Д. 1836 Л. 221.

Не менее необходимым было устранение недостатков, обнаруженных войною относительно отпуска денежных средств. Правила 1-го марта 1894 г. о производстве расходов в период мобилизации и 26-го февраля 1890 г. о порядке испрошения и ассигнования денежных средств на расходы, вызванные войною, оказались не отвечающими действительным условиям военного времени. Исчисленные на основании их денежные средства были недостаточны, и, кроме того, названными законоположениями не были предусмотрены случаи частных мобилизаций, которые были характерны для японской войны. Поэтому каждой войсковой части, имеющей только один бланк мобилизационного требования, приходилось получать по этому бланку деньги из казначейства по несколько раз и часто не на те надобности, которые предусматривалось ранее[379]. Вследствие этого правила 1-го марта 1894 г. надлежало заменить новыми, составленными так, чтобы исчисленные по ним суммы вполне обеспечивали расходы по мобилизации и чтобы они не только давали определенные указания о подготовительных работах мирного времени, но и указывали бы, как поступать во всех возможных при мобилизации ситуациях. При пересмотре правил 26-го февраля 1890 г. должна была быть установлена вполне согласованная с формами отчетных книг отчетность по военным расходам, потому что отсутствие рациональной и выработанной еще в мирное время системы счетоводства во время войны до крайности усложняло порядок испрошения и расходования чрезвычайных кредитов, особенно при таком способе ассигнования военному министерству кредитов, какой практиковался в японскую войну, когда кредиты отпускались не заблаговременно и не в полном объеме предстоявших расходов, а по мере наступления сроков платежей.

Наконец, по настоятельным указаниям войны необходимо было в видах упрощения и ускорения делопроизводства по делам военно-хозяйственным снять с обремененного работой Главного интендантского управления часть лежащих на нем обязанностей. С этой целью надлежало расширить права

[379] РГВИА Ф. 499. Оп. 1. Д. 1836 Л. 222.

окружных интендантских управлений, предоставить им право заготовлять все необходимые потребности в своих округах в пределах отпускаемых им на это кредитов. В связи с этим были необходимы изменения и расширения некоторых прав военно-окружных советов.

Обращаясь к недочетам частного характера, рассмотрим главнейшие из них по отдельным видам интендантского довольствия.

Установленная действующим положением о полевом управлении войск в военное время организация продовольственной части на театре войны применялась в первый раз и, хотя это происходило при условиях, во многих отношениях исключительных, но все-таки успела обозначить необходимость некоторых дополнений в названной организации. Образование управления Главного полевого интенданта при Главнокомандующем принесло несомненную пользу. Напротив, управление помощника Главного полевого интенданта понадобилось лишь вследствие того, что не было признано надобности учредить в Манчжурии генерал-губернаторств. Корпусные и дивизионные интендантства должны были получить уже в мирное время ту организацию и тот состав, которые установлены для них были в военное время.

Война показала, что войска, в общем, не умели пользоваться продовольственным обозом, главным образом дивизионным. На эту категорию обоза они смотрели только как на подвижной продовольственный магазин, расходуемый лишь в крайних обстоятельствах, и поэтому к подвозу из магазинов в войска дивизионный обоз обычно не привлекался. Взгляд этот установился, несомненно, под давлением прежней организации обозов, по которой средством подвоза должны были служить запасные транспорты, оставшиеся несформированными. Надлежало тщательно определить и донести до войск, в чем именно состоит служба продовольственных обозов (полкового, дивизионного и корпусного) в зависимости от положений, в которых находятся войска.

Введение кухонь в состав обоза 1-го разряда вполне оправдалось опытом войны. Но с заготовлением кухонь интендантство испытало много хлопот,

т. к. кухни Бруна, признанные лучшими, находились под охраной привилегии. Кухонь требовалось большое число, а завод Бруна не мог приготовить их всех к назначенному сроку; пришлось входить в соглашение и с ним и с другими заводами[380]. Необходимо было поэтому выработать казенный образец кухонь.

В японскую войну только некоторые полевые хлебопекарни имели обоз и были поэтому подвижными; большинство же, не имевшее обоза, работало в качестве этапных хлебопекарен. Расчеты на местные средства для заведения обозов хлебопекарен не оправдались. Способность полевых хлебопекарен поспевать за войсками при наступлении не была испытана и сомнения по этому пункту не рассеялись. Конструкция наших полевых хлебопекарен оказалась слишком грузной для полевой войны[381].

Хотя довольствие сухарями производилось в японскую войну лишь в виде исключения, но все-таки подтвердилась ранее сознаваемая необходимость замены их более соответствовавшими хлебными консервами. Что касается мясных консервов, то напротив, принятый тип (тушеное мясо) заслужил полное одобрение войск, а солонина, хотя и приготовлялась под наблюдением и с участием врачей, но как продукт непрочный, не оправдала возлагаемых на нее ожиданий[382].

Интендантские запасы, собранные в Маньчжурии к началу войны, были ограничены. Для обслуживания войск в районе сосредоточения существовало всего 3 магазина: Ляоянский, Хайченский и Фынхуанченский, в которых имелось примерно сухарей на 4 дня, муки на 10 дней, зернового фуража на 8 дней и сена на 5 дней[383]. Такое положение вещей побудило интендантство немедленно позаботиться о создании достаточно надежной продовольственной базы. Выбор пал на Харбин, как на торговый город, стоящий на судоходной

---

[380] РГВИА Ф. 499. Оп. 1. Д. 1836 Л. 224.

[381] Там же.

[382] Там же.

[383] Янушкевич. Н.И. Организация и роль интендантства в современных армиях на войне. СПб., 1910. С.63.

реке Сунгари, и как на важный железнодорожный пункт с технически приспособленной станцией. Сюда с этой целью были направлены свободные запасы Приамурья, Забайкалья, Сибири и даже из Владивостока и Порт-Артура[384].

Однако значительное удаление Харбина от войск (около 520 верст) требовало обеспечения их более близким складом запасов, чему более всего отвечал Ляоян[385] как пункт сосредоточения Маньчжурской армии и место пребывания главной квартиры. Для ближайшего же обеспечения двух передовых групп войск — Восточного и Южного отряда — было оборудовано от Ляояна две военные дороги: а) Фынхуанчен — Шахедзы (170 верст) и б) на Хайчен — Дагушан (200 верст). Южный отряд, благодаря близости от ст. Дашичао богатого торгового пункта — Инкоу, находился в благоприятных условиях. Что же касается Восточного отряда (на Ялу), то положение было значительно хуже[386].

Мясо входило в состав продуктов приварочного довольствия, и заготовка его составляла в мирное время одну из отраслей войскового (артельного) хозяйства. В русско-турецкую войну снабжение войск мясом в силу местных условий подвергалось, однако, заметной эволюции.

Маньчжурия — житница востока — не изобиловала убойным рогатым скотом, и китайцы разводили его почти исключительно как рабочую силу. Соседняя же Монголия, наоборот, была богата рогатым скотом, огромные стада которого перекочевывали в поисках корма. Принимая же во внимание громадную потребность его для довольствия армии, очевидно, нужно было организовать этот вопрос сразу же на обдуманных началах. Между тем к разрешению вопроса были одновременно допущены войска, интендантство и

---

[384] Приказ по в.в. 1904 г. № 434.

[385] Там же.

[386] Военный сборник 1907 г. № 3 ст. Караевского и Белопольского. «Очерк деятельности интенданта Восточного отряда».

коммерческий заготовитель Громов, причем не было обращено должного внимания на разделение между ними труда. Пока шло сосредоточение армии и численность ее была не особенно велика, то непосредственное участие войск в заготовке мяса не могло давать заметных отрицательных результатов. Но с увеличением состава Маньчжурской армии дело приняло иной оборот. Нужно иметь в виду, что рядом с войсками, как было указано, работали интендантство и Громов. Районы заготовления не были распределены на эксплутационные участки между войсками и, таким образом, возникла вредная для дела конкуренция. Само интендантство избрало для своих операций более северные части Маньчжурии, что же касается Громова, то он был первоначально допущен к производству заготовок в районы сосредоточения армии. Ему, по условию, вменялось в обязанность иметь налицо не менее 500 голов скота[387]. Первый гурт скота был им образован к апрелю месяцу 1904 года в г. Ляояне, куда, по мере надобности, направлялись части гуртов, образованных им одновременно в Мукдене, Тьелине и других пунктах. Громов сдавал свой скот комиссии с участием представителя от контроля. (Замечено было, что некоторые части старались получать наиболее крупные экземпляры для употребления их временно в обозе вместо утомленных лошадей). В целом за 1-й период Громов поставил 2 ½ тыс. голов скота весом в 45 ½ тысяч пудов. Сверх того, Громов из учрежденного им склада отпускал войскам по их желанию и битое мясо. Всего за 1-й период им было отпущено мяса свыше 28 тыс. пудов.

Независимо указанных мер по мясному довольствию, на театре войны, были приняты еще дополнительные меры распоряжением главного интендантского управления.

Сверх контракта с доктором Шидловским о поставке 250 тыс. пудов солонины без костей, было предложено департаменту земледелия принять на себя заготовку солонины по способу Моргана. Для выполнения этой операции

---

[387] Интендантский журнал. 1907 г. № 1, стр. 13–21. Ст. Я. Вакара.

департаментом был избран в Западной Сибири г. Петропавловск, представлявший некоторые удобства в смысле близости к театру войны.

Хотя предварительные распоряжения по подготовке личного состава и устройству помещений были закончены еще в июле 1904 г., но к посылке приступили лишь в сентябре, т. е. после Ляоянского сражения[388].

В период до Ляоянского сражения собственно мясного кризиса не было, но при отсутствии порядка цены быстро поднялись с 5 руб. до 8 руб. 40 коп. за пуд.

К концу второго периода войны в мясе ощущался уже серьезный недостаток и как на одну из его причин указывалось на неудовлетворительность ведения закупок войсковыми агентами, допускавшими в некоторых случаях притеснения монголов. Последние не только озлобились, но и стали уходить со своими стадами вглубь страны, куда последовали за ними и более рьяные заготовители. В результате цены возросли до 15 руб. за пуд мяса. Начали поступать со всех сторон жалобы, пришлось воспретить посылку войсковых команд и заготовителей, передать все дело полевому интендантству и Громову. Этим сразу восстановилось доверие населения, а разрешение приобретать кроме рогатого скота и баранов значительно смягчило мясной кризис.

Но этих мер оказалось недостаточно, и поэтому уже в конце июля военное министерство вновь обратилось в департамент земледелия с просьбой организовать доставку мороженого мяса в количестве до 420 тыс. пудов в месяц (а всего около 1700 тыс. пудов) и 120 тыс. пудов солонины. Департамент земледелия, не признавая возможным выполнить заказ в таком размере, согласился до половины января 1906 г. заготовить 500–600 тыс. пудов мороженого мяса и 720 тыс. пудов солонины.

Между тем окончание войны, начавшаяся эвакуация армии и заготовление полевым интендантом 1 000 000 пудов соленой рыбы вызвали

---

[388] Интендантский журнал.1907г. №1, С. 79 и 80, №4, С. 55–60.

необходимость сократить наряды, данные департаменту земледелия, и, как следствие, повлекли за собой нарушение контрактов и уплату неустоек[389].

Показательна ситуация со снабжением мясом и мясными консервами на примере осажденного Порт-Артура.

Изменения продовольственного обеспечения прослеживается в приказах по порт-артурскому гарнизону. 23 апреля, согласно приказу № 158, была урезана на ¼ фунта ежедневная выдача мяса нижним чинам. До этого, как предписывал Свод военных постановлений, они получали 1 фунт мяса в день. Теперь ¼ мясной порции компенсировалась выдачей других продуктов дополнительно к обычному суточному рациону[390]. С 26 мая мясо стали выдавать по ½ фунта на человека в день, при этом добавочное довольствие было четко определено в приказе № 328: его составляли 2 золотника чая и 6 золотников сахара одному нижнему чину[391]. С 10 июня солдатам в соответствии с приказом № 360 стали чередовать ½ фунта мяса с ½ фунтами солонины[392], т. е. свежее мясо выдавали через день. Но и эта схема не прижилась: уже 11 июня в неделю было назначено два постных дня[393]. 17 июня была разрешена нижним чинам свободная рыбная ловля, а постных дней стало три (приказ № 376). Для больных и легкораненых в госпиталях три постных дня в неделю были устроены еще 7 июня. Как гласил приказ № 397, ежедневно получали мясо только труднобольные и тяжелораненые[394]. Следует напомнить, что по уставу в условиях боевых действий и сильных физических нагрузок постные дни в русской армии отменялись вовсе, даже накануне больших

---

[389] Интендантский журнал. 1907 г. №2 «Отчет по заготовкам мяса».

[390] Гюббенет В.Б. В осажденном Порт-Артуре. Очерк военно-санитарного дела и заметки по полевой хирургии. СПб., 1910. с. 144.

[391] РГАВМФ. Ф. 650.Оп. 1. Д. 517. Л. 18.

[392] Там же.

[393] Костенко М.И. Осада и сдача крепости Порт-Артур. Киев 1907, с. 160.

[394] Там же.

церковных праздников. Таким образом, уже в июне 1904 г. мясное довольствие чинов порт-артурского гарнизона сократилось почти вдвое. 3 июля было предписано выдавать банку мясных консервов (весом в 1 фунт) на двоих человек (приказ № 415). Консервы чередовались со свежей говядиной и солониной, а в постные дни заменялись рыбой. 23 августа по официальному предписанию войскам стали выдавать конину (приказ № 559). По свидетельствам очевидцев, на самом деле употреблять ее в пищу начали гораздо раньше. Уже в конце июня — начале июля убитые на позициях лошади шли в общий котел, а приказ № 444 19 июля давал задним числом разрешение на приготовление конины в общих котлах[395]. Тем не менее, как отмечал врач В. Б. Гюббенет, приказ № 444 не мог произвести «самого удручающего впечатления на гарнизон»[396]. Большие трудности с продовольствием признавались во всеуслышанье. В августе и сентябре консервов конину отпускали 4 раза в неделю по ½ фунта на человека. С 15 сентября консервов выдавалось уже 1/3 фунта на человека, или одна банка на троих, причем происходило это только по четвергам и воскресеньям. В оставшиеся дни недели в пищу шла солонина, которая, как и консервы, могла заменяться либо совмещаться с рыбой. Только в госпиталях выдавали ½ фунта мяса в четверг и воскресенье и по ¼ фунта в остальные дни (все эти меры предусматривал приказ № 597[397]). С 30 октября выдача мясных консервов войскам практически прекратилась, а больным и раненым стали выдавать по ½ банки на человека 5 дней в неделю; два оставшихся дня госпитали получали по ¼ фунта конины на человека[398]. Выдачи мяса могли изменяться в зависимости от распоряжений

---

[395] РГАВМФ. Ф. 650. Оп. 1. Д. 517. л. 18.

[396] Гюббенет В.Б. В осажденном Порт-Артуре. Очерк военно-санитарного дела и заметки по полевой хирургии. СПб., 1910, с. 145.

[397] Костенко М.И. Осада и сдача крепости Порт-Артур. Киев 1907. с. 160.

[398] Гюббенет В.Б. В осажденном Порт-Артуре. Очерк военно-санитарного дела и заметки по полевой хирургии. СПб., 1910. с. 155.

начальства непосредственно в подразделения. По свидетельству офицера 14-го Восточно-сибирского стрелкового полка А. Н. Голицинского, нижние чины его роты в начале ноября получали раз в неделю мясные консервы (одну банку на троих), два раза в неделю — суп с конским мясом в крошку (по ¼ фунта конины на человека), а в остальные дни приготовлялся суп из чумизы, крупы и китайских бобов с небольшой добавкой сала. При этом, по словам Голицинского, черного хлеба выдавалось вдоволь[399].

Как свидетельствовал комполка Н. Третьяков, конину многие поначалу есть не хотели, однако потом новый вынужденный вид довольствия стал в большом почете. «Близ нашего штаба, — рассказывал Третьяков о середине лета 1904 г., — была убита лошадь. Днем за неимением людей и повозки ее свести не могли. Утром на месте были только следы крови, а лошадь исчезла»[400]. Мнения о конине разделились. Оптимисты утверждали, что разницы с говядиной никакой, некоторые так и не смогли заставить себя попробовать. Конина не давала жирового навара, была жестковата и сладковата на вкус, несмотря на вымачивание и долгую варку. Большинство солдат и офицеров смирились с употреблением конского мяса. Случались и курьезные случаи, об одном из которых вспоминал полковник В. И. Сейфуллин. Дело происходило у капитана Кичеева, командира батареи на Крестовой горе. У армейских артиллеристов гостил офицер флота — капитан 2-го ранга Ф. М. Скорупа. «Во время обедов у Кичеева, — писал Сейфуллин, — произошел случай, всех нас долго смешивший, а его (Скорупу. — *А. А.*) до крайности опечаливший. Повар Кичеева всех нас три раза в неделю кормил маленькими кусочками конины, либо мулятины, а то и ослятины. Скорупе же (приказано было Кичеевым) вестовые говорили, что это говядина или телятина.

---

[399] Голицинский А.Н. На позициях Порт-Артура. СПб., 1907. с. 71.

[400] Третьяков Н. 5-й Восточно-сибирский стрелковый полк на Кинджоу и в Порт-Артуре. СПб., 1909. с. 155.

Он верил этому и ел. Но как-то зашел на кухню и увидел ногу лошади, да еще с подковой. Страшно был обижен и больше мяса не ел»[401].

Недостаток мяса в рационе гарнизона пытались отчасти компенсировать свежей рыбой, порядок получения которой был следующим: заведующие полковыми хозяйствами присылали за рыбой двуколку при унтер-офицерах. Им выдавалась рыба, выловленная специальными командами рыболовов и закупленная у китайцев. Как правило, это были молодые акулы и местная рыба сабля. По словам врача В. Б. Гюббенета, рыба эта была очень неудобоваримой. «Я очень часто наблюдал, — писал Гюббенет, — припадки острого гастрита у стрелков, употреблявших в пищу мясо молодых акул и сабли. К тому же, сабля имела противный острый вкус»[402]. Непосредственно на позициях солдаты самостоятельно ловили гольцов. Эта мелкая рыбешка водилась в ручьях и речках на склонах высот. Но существенно улучшить пищевой рацион это не могло, выдачи рыбы не компенсировали сокращения мясных порций для солдат порт-артурского гарнизона.

Кризис в снабжении мясом ярче всего проявился в последний месяц осады. Малыгин свидетельствовал об этом периоде: «Так как мяса было мало, то солдаты просили меня разрешить им стрелять собак. Разрешил — сказал только в общий котел не кладите»[403]. Один из эпизодов, описанных священником А. Холмогоровым, повествовал о добыче калорийного питания нижними чинами прямо на передовых позициях: «У стрелков на почве желудочных интересов, — писал Холмогоров, — разыгрывались любопытные сценки. Однажды между русскими и японскими позициями [забрело] стадо гусей. Японцы ... и русские открыли по ним пальбу. Убитых птиц зорко стерегли как японцы, так и русские. Ночью же, предполагая друг в друге

---

[401] Сейфулин В.И. Ночь на 20-е декабря// воспоминания ..с. 371.

[402] Гюббенет В.Б. В осажденном Порт-Артуре. Очерк военно-санитарного дела и заметки по полевой хирургии. СПб., 1910. с. 150.

[403] К порт-артурскому судебному процессу ....с. 377.

коварное намерение насчет гусиных тел, враги открыли целую перестрелку до утра. И все же гусей растащили, хотя и с опасностью для жизни.. досталось четыре гуся, два, очевидно, ухитрились стянуть японцы»[404]. Конечно, в большинстве случаев мясо доставали менее кровопролитным путем. Его покупали на базаре, доставали у китайцев, выменивали, случалось, что и просто отнимали у местного населения, причем в пищу шли любые мясные продукты: от говядины и птицы до конины и собачатины.

Таким образом, следует констатировать крайнюю недостаточность мясных порций в рационе защитников Порт-Артура. При этом во второй половине осады ухудшилось не только количество, но и качество мясных продуктов.

Улучшить питание гарнизона пытались усиленными выдачами сушеных овощей. С 19 июня вместо положенных 4 золотников сушеной капусты и бураков стали выдавать 8 на одного человека в день, и эта норма держалась до конца осады. В октябре из солдатского рациона исчезло коровье масло, которое заменили бобовым, но с непривычки многие солдаты употреблять его не могли. К октябрю закончились запасы сала, и большую часть в рационе гарнизона составляли ржаной хлеб грубого помола и крупы. До 6 ноября выдавалось 34 золотника крупы на человека в день, после — 32 золотника[405]. Изыскивались всевозможные способы приготовить и разнообразить пищу, используя местные средства. Так, 5 ноября был опубликован рецепт командира батареи № 21 капитана Вамензона. Кулинарное изыскание местного происхождения гласило следующее: «Сварить фасолевых бобов ¼ в пресной воде отцедить, прибавив уксусу 1/7 бутылки, постного масла 12 золотников и соли по вкусу»[406]. Отсутствие зелени и калорийной пищи заставило

---

[404] Холмогоров А. В осаде. Воспоминания порт-артурца. СПб., 1905. с. 38.

[405] Гюббенет В.Б. В осажденном Порт-Артуре. Очерк военно-санитарного дела и заметки по полевой хирургии. СПб., 1910. с. 150.

[406] РГАВМФ. Ф. 650. Оп. 1. Д. 517. Л. 20.

командование прибегнуть к дополнительной стимуляции защитников. Непримиримый борец со спиртными напитками в крепости, А. М. Стессель 1 декабря 1904 г. отдал приказ № 918, согласно которому всем нижним чинам на позициях дополнительно стали выдавать по ½ фунта сухарей и по ½ чарки водки на человека в день. Приказ № 942 от 7 декабря добавил к этому по полбутылки пива каждому стрелку. С 17 декабря приказом № 974 бойцы передовых позиций получили взамен сухарей по 1 фунту белого хлеба на человека в день и по 2 фунта ржаного, а также по ½ чарки водки два раза в день[407]. К концу осады нормальные и увеличенные нормы довольствия существовали лишь для хлеба, чая, сахара, некоторого вида круп (риса, чумизы и т. п. местного происхождения), а также для спиртных напитков, остальные выдачи продовольствия принятым в русской армии нормам не соответствовали. Очевидно, стремление компенсировать нехватку (прежде всего мяса) усиленными выдачами хлебопродуктов. Можно предположить, что окончательное истощение жизненных припасов застало бы порт-артурский гарнизон в феврале-марте 1905 г. Продовольственный рацион защитников крепости в декабре 1904 г. следует назвать крайне скудным, но отнюдь не катастрофическим.

Что касается прочих видов довольствия, то заготовки их и получение войсками сохраняли в этот период войны тот же характер, что и в предыдущий. Единственно, что вызвало затруднения — это довольствие сахаром, отсутствовавшим на местных рынках и медленно и неаккуратно доставлявшимся из России.

С наступлением морозов было приступлено к заготовке мороженого молока, предварительно подвергнутого стерилизации: оно замораживалось в жестянках емкостью в 5 бутылок. Всего было отправлено до 74 тыс. бутылок такого молока. Но с наступлением оттепелей оно стало быстро портиться в

---

[407] Гюббенет В.Б. В осажденном Порт-Артуре. Очерки военно-санитарного дела и заметки по полевой хирургии. СПб., 1910. С. 158–159.

дороге, и значительная часть его была уничтожена. Таким образом, обе попытки снабжать армию молоком окончились, в сущности, неудачно, что главным образом приписывалось недостаточной доброкачественности крестьянского молока и необходимости смешивать при стерилизации разнородные сорта его[408].

Относительно фуражного довольствия выяснилась необходимость выработки особых конских галет; сделанные с этой целью во время войны распоряжения начали реализовываться слишком поздно.

Снабжение продовольствием подкреплений, отправляемых на Дальний Восток, представляло немало неудобств вследствие крайне разнообразных окладов путевого довольствия. Обстоятельство это было причиною подчас значительных беспорядков на железной дороге, т. к. случалось, что люди, едущие в одном поезде, даже в одном вагоне, но лишь по разным надобностям, получали различные оклады. Необходимо было установить, чтобы мелкие команды и нештатные части получали пищу в поездах или на продовольственных пунктах, без каких либо денежных расчетов. Требовал разработки также и вопрос о продовольствии отделано следующих нижних чинов.

Наконец, японская война убедительно показала необходимость выработать во всех подробностях систему продовольствования при современных условиях ведения войны, настоять на усвоении этой системы всеми заинтересованными в деле учреждениями и принять ее по мере возможности на маневрах.

Принятый в японскую войну способ удовлетворения требований на вещевое довольствие, поступавших с Дальнего Востока, надо признать во всех отношениях неподходящим. Вызвав запоздание срочного довольствия войск, оставшихся внутри империи, лишив эти войска не только их неприкосновенных запасов, но и второсрочного обмундирования, крайне затруднив счетоводство

---

[408] Интендантский журнал 1907 г. №3 «отчет по заготовке молока».

по вещевой части, он вместе с тем, не обеспечил своевременного снабжения действовавших войск.

В японскую войну обмундировальные мастерские работали очень успешно, но их оказалось недостаточно, и поэтому пришлось создавать новые и сдавать шитье частным предпринимателям. Это последнее было крайне неудобно, в особенности, если речь шла о мелких промышленниках: тут мог быть подменен материал, шитье оказывалось небрежным и т. п. Вследствие этого необходимо было увеличить число мастерских настолько, чтобы каждый округ имел свою, которая могла бы вполне обеспечивать его потребности в шитье вещей.

Для успеха работы районных и центральных мастерских было нужно принять за правило, чтобы призываемые при мобилизации портные и сапожники оставались в местах расположения мастерских. Мера эта, не нанося особого ущерба укомплектованию войск по малочисленности мастерских, значительно облегчила бы шитье вещей. Вместе с тем она позволила бы без особых затруднений формировать летучие обмундировальные мастерские для отправки их, как это практиковалось в японскую войну, на театр военных действий.

Особая ситуация с вещевым довольствием сложилась в осажденном Порт-Артуре. Там за время осады сильно изменилось обмундирование чинов гарнизона. Причины этого изменения сводились к следующему: во-первых, естественный износ форменной одежды и обуви в условиях окопной войны шел значительно быстрее, чем в мирное время; во-вторых некоторые элементы обмундирования оказались неподходящими для ведения боевых действий. Уже 24 августа 1904 г. В. Б. Гюббенет отмечал: «Работая в каменистом грунте, нижние чины до крайности обносились: одежды их, особенно обувь и белье, превратились в лохмотья, наполненные насекомыми»[409]. Своевременно заменять всем нуждавшимся одежду и обувь крепостное интендантство было не

[409] Там же. С. 148.

в состоянии. Поэтому многие нижние чины на собственные средства приобретали китайскую одежду — халаты и шаровары. К концу осады в них была одета значительная часть сухопутного гарнизона. Со стороны командования это не встречало серьезных возражений. Очень быстро на каменистом грунте рвались и выходили из строя сапоги. Фронтовики устраивали настоящую охоту за трофейной обовью. Кроме того, на позициях вместо сапог стали мастерить короткие кожаные опорки. Употреблялись сибирские бродни, которые были почти непромокаемыми. На подъеме бродни захватывались ремешком с пряжкой[410]. С наступлением холодов солдаты в окопах ночью обертывали ноги китайскими одеялами. Было распространено обертывание башлыка поверх папахи в виде чалмы при сильном морозе.

В первые же месяцы боев на Квантуне актуальным стал вопрос о форме защитного цвета, который поднимался в России сразу после англо-бурской войны, однако, как известно, в войну с Японией русские солдаты вступили в белых рубахах, что делало их заметными и уязвимыми. Сберегая живую силу любыми средствами, в Порт-Артуре пошли на введение для солдат защитного обмундирования. Делалось это подручными средствами, единых образцов не было. Так, 6 января 1904 г. 26-й Восточно-сибирской стрелковый полк поступил приказ красить рубахи и чехлы на фуражках в серо-желтый цвет. По мнению служившего в этом полку офицера Н. Побилевского, «эта домашняя окраска — грязь и больше ничего»[411]. Однополчанин Побилевского поручик Длусский выступил на страницах «Нового края» со своим проектом защитной формы (цвет ее предполагался серо-кофейный, два козырька на головном уборе, парусиновые сапоги[412]). В этой же газете появились объявления о новой услуге в Порт-Артуре — дублении обмундирования (перекраски его в

---

[410] Кияницын И.И. Организация и меры борьбы с инфекционными болезнями в русско-японскую войну.//Военно-медецынский журнал. 1906. № 1. С. 88.

[411] Побилевский Н. Дневник артурца. СПб., 1912. С. 19.

[412] Новый край. 1904. 28 апреля.

коричневый цвет)[413]. С началом ожесточенных летних боев почти все чины порт-артурского гарнизона перекрасили свое обмундирование в защитные цвета. Причем иногда на позициях солдаты просто мазали белые рубахи землей и грязью в целях маскировки. Не вдаваясь в детальный разбор видов обмундирования, следует подчеркнуть, что нестрогая регламентация защитной формы способствовала общему процессу отхода от единообразной одежды в порт-артурском гарнизоне. Наметилась и другая тенденция. В первых же боях на суше выяснилось, что японцы стараются выбить из строя русских офицеров, которые своей формой сильно выделялись среди нижних чинов. Поэтому уже к лету 1904 г. большинство офицеров гарнизона носили гимнастерки защитных цветов солдатского покроя и солдатские шинели[414]. На позициях применялись и другие способы маскировки. Так, солдаты выворачивали наизнанку свои массивные сибирские папахи. «Вывороченная папаха, — писал полковник Н. Третьяков, похожа на камень»[415]. В зимнее время при Порт-Артуре с обеих сторон применялся прообраз будущих масхалатов. Солдаты распарывали и одевали поверх обмундирования нижнее белье на несколько размеров больше: получалось нечто вроде курток и штанов на завязках, которые активно использовали, когда позиции были припорошены снегом[416].

Таким образом, можно констатировать практически повсеместное несоблюдение уставной формы одежды в порт-артурском гарнизоне военного времени. Объяснение этому следует искать в недостаточном вещевом снабжении, в местных условиях боевых действий и их характере, а также в длительной изоляции крепости, препятствовавшей пополнению запасов.

Изготовление предметов обозного довольствия под наблюдением особых приемщиков дало хорошие результаты. Однако образец вьюка, выработанный

---

[413] Новый край. 1904. 27 апреля.

[414] РГАВМФ. Ф. 763. Оп. 1. Д. 181. Л. 80.

[415] Третьяков Н. 5-й Восточно-сибирский стрелковый полк на Кинджоу и в Порт-Артуре. СПб., 1909. С. 167–168.

[416] Норригараард Б.В. Великая осада Порт-Артура и его падение. СПб., 1906, С. 128.

по указаниям Военного Совета, не был лишен существенных недостатков, как показал опыт войны:

— Образец четырехколесных лазаретных линеек был признан вообще неудовлетворительным и, хотя было придумано много приспособлений к двуколкам для перевозки раненых, этот вопрос остался открытым.

— Во время войны пришлось закупать значительное количество подков, что оказалось делом довольно трудным: необходимо было разработать и установить размер подков по росту лошадей и условия поставки. Также следовало в дальнейшем образовать некоторый запас колес, изготовление которых требовало много времени.

— Надлежало предусмотреть формирование в тылу мастерских для ремонта повозок, как это было в японскую войну. Мастерские эти должны подразделяться на отделения для придачи отдельным армиям и отрядам.

— По опыту войны в дальнейшем должен был быть разрешен вопрос о включении в состав обозов грузовых автомобилей.

— Госпитальная часть требовала увеличения запасов, т. к. имеющиеся запасы были малы по сравнению с потребностью военного времени.

Обратимся к рассмотрению вопроса снабжения вещевым довольствием в период войны.

1. Снабжение армейских корпусов и стрелковых бригад.

В первую очередь к отправлению на Дальний Восток назначены были 10-й и 17-й корпуса. Войсковые части, входившие в состав этих корпусов, были вполне обеспечены вещевым довольствием на состав военного времени. Поэтому Главным интендантским управлением, по ходатайству войскового начальства, было сделано лишь распоряжение об отпуске материалов и вещей в запас штабов и управлений, входивших в состав корпусов, на казенную прислугу и нестроевых нижних чинов, назначенных для ухода за верховыми запасными и упряжными лошадьми[417].

---

[417] РГВИА Ф. 499. Оп. 1. Д. 1836 Л. 128.

Для обеспечения этих нижних чинов обмундирование, снаряжение и годовые вещи были отпущены из наличия складов.

Из того же источника было отпущено обмундирование, обувь и снаряжение в количестве 150 комплектов для снабжения нижних чинов, назначенных в штаб 10-го и 17-го армейских корпусов. *С последовавшим 3-го апреля 1904 г. Высочайшего повеления о включении в состав 10-го и 17-го армейских корпусов корпусных обозов.* Нижние чины обозов были снабжены обмундированием, обувью и снаряжением распоряжением интендантства, для чего материалы были позаимствованы из складов; для удовлетворения же остальных потребностей, как-то на конское снаряжение, подстилочные принадлежности и т. д., отпущены были деньги[418].

Независимо от этого, в виду вооружения обозных и нестроевых (войск?) драгунскими винтовками, а нестроевых и артиллерии — револьверами, для 10-го и 17-го армейских корпусов были отпущены и подружейные вещи; перед выступлением же в поход 17-го корпуса была отпущена походная кузница и 4 офицерских походных палатки с прибором для размещения в них канцелярии штаба[419].

После 10-го и 17-го армейских корпусов была мобилизована в Казанском округе 61-я пехотная дивизия, развернутая из резервной бригады, с придачей ей 40-й артиллерийской бригады. Затем были сформированы из резервных бригад Казанского и Московского округов 5-й и 6-й Сибирские армейские корпуса, и одновременно было приступлено (в июне 1904 г.) к мобилизации 1-го армейского корпуса; в июле был мобилизован 8-й корпус, в августе 16-й и три стрелковые бригады (1-я, 2-я и 5-я), в сентябре 4-й корпус и две стрелковые бригады (3-я и 4-я) и в апреле 1905 г. 9-й и 19-й армейские корпуса[420].

---

[418] Там же.

[419] Там же.

[420] РГВИА Ф. 499. Оп. 1. Д. 1836 Л. 129.

С целью установления однообразного порядка удовлетворения вещевым довольствием всех мобилизовавшихся и развертывавшихся войсковых частей было предложено окружным интендантам к руководству следующее[421]:

1) в виду того, что все войсковые части и управления имели неприкосновенные запасы готового обмундирования, обуви и снаряжения на разницу штатов мирного и военного времени (кроме частей войск, предназначенных в состав 5-го Сибирского корпуса, для снабжения которых обмундированием и снаряжением пришлось поэтому заимствовать вещей из запасов других войсковых частей), вторичного отпуска мобилизовавшимся частям каких-либо вещей ни в материалах, ни в готовом виде не производить, кроме управления 6-го Сибирского корпуса, которому обувь и обмундирование выдать в готовом виде, как это положено вновь формируемым частям и управлениям;

2) мобилизовавшимся резервным бригадам с артиллерию и инженерными войсками, предназначенным в состав 5-го и 6-го Сибирских корпусов отпустить деньги на полотняные рубахи и чехлы к фуражкам, а козырьки выдать натурою;

3) непромокаемыми накидками снабдить только те части войск, время прибытия которых на Дальний Восток совпадало с периодом дождей в Манчжурии;

4) на окраску чехлов и рубах в защитный цвет всем частям войск, предназначенным на усиление действующей армии, выдать деньги;

5) лагерные палатки от назначенных в поход частей передать резервным войскам, развертывающимся взамен уходивших на Дальний Восток войсковых частей;

---

[421] РГВИА Ф. 499. Оп. 1. Д. 1836 Л. 129–130.

6) в отношении обеспечения обмундированием, обувью и снаряжением нижних чинов развертывающихся частей, как равно и в отношении вещевого довольствия нижних чинов, выделявшихся и призывавшихся из запаса на формирование инженерных частей, — руководствоваться существующими положениями и распоряжениями;

7) в виду последовавшего распоряжения Главного артиллерийского управления о снабжении огнестрельным оружием и шашками всех нестроевых нижних чинов частей войск, управлений и заведений, отправлявшихся на Дальний Восток, производить при всех мобилизациях и формированиях всем нестроевым чинам сверх положенного по табелям вещевого довольствия также и отпуск подружейных вещей, табелями непредусмотренный;

8) выдать всем нижним чинам папахи, удлиненные полушубки, суконные рукавицы с варегами, по две пары теплых портянок и валенок, причем, имея в виду, что войсковые части могли встретить затруднение в приобретении теплых вещей собственным распоряжением на деньги, отпускаемые при мобилизации, окружным интендантам разрешено было сдать эти деньги обратно в казначейство, а вещи вытребовать от Московского интендантства из образовываемого в то время в Москве особого запаса теплых вещей.

Помимо изложенных общих указаний являлась надобность делать и специальные экстренные распоряжения при каждой отдельной мобилизации, вызывавшиеся преимущественно необходимостью немедленно пополнить неприкосновенные вещевые запасы мобилизовавшихся войск, нарушенные частью для снабжения сформированных по Высочайшему повелению третьих батальонов Восточно-Сибирских стрелковых полков, а частью для отправления вещей в Харбин и Хабаровск в образованные там чрезвычайные вещевые запасы для потребностей Маньчжурских армий и войск Приамурского округа. При этом 5-й стрелковой бригаде, согласно выраженному ею желанию, на пополнение недостающего обмундирования и снаряжения были отпущены

деньги на заготовление этих предметов собственным попечением; недостатки же предметов вещевого довольствия в остальных мобилизовавшихся частях были своевременно пополнены распоряжением интендантства из наличия вещевых складов. Некоторая задержка произошла лишь в удовлетворении предметами вещевого довольствия полков 6-го Сибирского корпуса[422], причиною чего послужило то обстоятельство, что в эти части было призвано из запаса большее число людей, чем следовало по штату полка военного времени, и кроме того, добавлены были обозные и другие нестроевые нижние чины. Для удовлетворения всех этих сверхкомплектных чинов потребовалось значительное количество обмундирования, обуви и снаряжения, которые во избежание еще большего промедления в снабжении и были позаимствованы из неприкосновенных запасов других частей.

Одновременно с мобилизацией 8-го армейского корпуса было призвано из запаса 1400 человек для 3-го резервного железнодорожного батальона, расположенного в Виленском округе; предметы обмундирования для них были построены в Двинской мастерской[423].

Наряду с вопросами мобилизации не менее значим вопрос снабжения госпитальным имуществом военно-санитарных поездов.

Перед войной с Японией в интендантских складах Европейской России хранилось госпитальное имущество для 30 военно-санитарных железнодорожных поездов. Имущество это содержалось по табели, приложенной к положению о военно-санитарных поездах, объявленному в приказе по военному ведомству 1878 г. № 177, и было рассчитано на 20 офицерских и 230 солдатских мест в каждом поезде[424].

27-го февраля 1904 года последовало утверждение проекта нового положения о военно-санитарных поездах, объявленного в приказе по военному

---

[422] РГВИА Ф. 499. Оп. 1. Д. 1836 Л. 131.

[423] Там же.

[424] Там же. 98.

ведомству 1904 г. № 98. По этому положению число перевозимых в поездах больных и раненых определялось в 20 офицеров и 232 нижних чинов при 38 нижних чинах постоянного состава поезда, согласно чему и было рассчитано имущество в приложенной к положению табели.

За время войны всего было сформировано 80 санитарных поездов. Формирование поездов производилось или по приказанию Военного министра, вследствие поступавших требований с Дальнего Востока, или на основании постановлений комиссии по эвакуации больных и раненых с Дальнего Востока, или же по инициативе Высочайших особ, а также частных лиц и обществ, изъявивших желание соорудить поезд полностью или частью на их средства[425].

Снабжение 36 поездов было произведено по норме, установленной приказом 1904 г. № 98. Шесть поездов были рассчитаны на 20 офицеров и 136 нижних чинов больных и раненных и снабжены имуществом по сокращенной табели. Два поезда были рассчитаны по числу на 20 офицеров и 256 нижних чинов и снабжены имуществом по увеличенной норме. 17 поездов были рассчитаны на 20 офицеров и 280 солдатских мест и были снабжены имуществом соответственно. Один поезд мог вместить до 500 больных и раненых и один — 306. На Дальнем Востоке было оформлено из местных средств 6 поездов. Наконец, за время войны было сформировано 11 вспомогательных санитарных поездов из вагонов IV класса и из товарных вагонов системы инженера Москвина[426].

Эти поезда были рассчитаны для перевозки 16 офицеров и 184 нижних чинов при 38 нижних чинов постоянного состава и снабжены имуществом по особой табели.

По инициативе Высочайших Особ, обществ и частных лиц было сформировано 9 военно-санитарных поездов[427].

---

[425] РГВИА Ф. 499. Оп. 1. Д. 1836 Л. 98.

[426] Там же.

[427] РГВИА Ф. 499. Оп. 1. Д. 1836 Л. 99.

В сформировании поездов Государыни Императрицы Александры Федоровны и Наследника Цесаревича и Великого Князя Алексея Николаевича интендантство участия не принимало, т. к. поезда эти получили все необходимое из склада Ея Величества.

Сформирование 6 поездов, происходившее на Дальнем Востоке, тоже не вызвало каких либо распоряжений со стороны Главного интендантского управления[428].

Сформирование остальных поездов вызвало распоряжения Главного интендантского управления относительно снабжения их: а) имуществом, б) книгами и бланками, в) обмундированием и снаряжением для прислуги, и г) авансами.

А. Интендантское имущество было отпущено по числу 66 военно-санитарных поездов, а именно: поезду Полоцк-Седлецкой казенной железной дороги, 54 военно-санитарным и 11 вспомогательным поездам. Между тем, в запасах вещевых складов Европейской России, как выше было сказано, хранилось имущество только 30 военно-санитарных поездов, причем в начале войны было выслано в Туркестан, на основании Высочайшего повеления 7-го февраля 1904 г. имущество 2 поездов. Поэтому за счет специальных запасов для санитарных поездов представилось возможным снабдить только первые по времени формирования 28 поездов. Для каждого из них, за исключением 12-го Сибирского, имущество было взято из склада того округа, в котором формировался данный поезд.

Во время формирования в феврале 1904 г. 9-го Сибирского военно-санитарного поезда, имущество для которого было назначено из запасов имущества поезда № 8, хранившегося в Воронежском вещевом складе, до сведения Государя Императора было донесено, что означенный поезд снабжался очень ветхим бельем. Главным интендантским управлением были приняты немедленно меры к выяснению этого обстоятельства и к замене, если

---

[428] Там же.

окажется нужным, негодного белья вполне доброкачественным. Однако справедливость дошедших до Государя Императора слухов не подтвердилась; комиссия для осмотра вещей, отпущенных 9-му Сибирскому военно-санитарному поезду, назначенная по приказанию Августейшего Командующего войсками Московского военного округа, нашла, что белье, заготовленное в основном позднее 1891 г., вполне сбережено и безусловно годно для продолжительного употребления. Хотя часть солдатских вещей находилась в употреблении на Курских маневрах, бывших в Высочайшем присутствии в 1902 г., но эти вещи, выбранные из лучших, были столь же благонадежны. По единогласному заключению комиссии белье было признано весьма хорошим, и ни одной ветхой вещи не оказалось, о чем и было доложено Его Величеству 21-го февраля 1904 года[429] Военным Министром.

Б. Книги и бланки для ведения хозяйственной отчетности военно-санитарных поездов были отпущены распоряжением Главного интендантского управления для 72 поездов, формировавшихся на Европейской сети железных дорог, и 2 поезда были снабжены из складов Государыни Императрицы Александры Федоровны[430].

В. Обмундирование и снаряжение, а равно и годовые вещи для нижних чинов постоянного состава военно-санитарных поездов было отпущено полностью для тех 66 поездов, которые снабжались имуществом от интендантства. Для остальных 8 поездов, формировавшихся на Европейской железнодорожной сети, названные предметы были отпущены по числу прислуги, назначенной от военного ведомства. Лишь 3 поездам, а именно 10-му Сибирскому для 4 нижних чинов, 11-му Сибирскому для 29 нижних чинов и 14-му Сибирскому — для 32 нижних чинов. Остальная прислуга этих поездов, а

[429] РГВИА Ф. 499. Оп. 1. Д. 1836 Л. 100.

[430] Там же.

равно прислуга 5 поездов, была снабжена попечением лиц, принявших на себя снабжение поездов имуществом[431].

Г. Комендантам каждого из 66 поездов, снабженных имуществом от интендантства, были отпущены распоряжением Главного интендантского управления при формировании поездов следующие авансы: 1) на основании ст. 13 временного положения о военно-санитарных поездах на приобретение вещей и материалов, заготовляемых при мобилизации, согласно табели — аванс 600 руб.; 2) на основании ст. 78 того же положения на довольствие больных и раненных — аванс по расчету посуточных окладов, и 3) на основании ст. 87 того же положения на разные расходы — аванс 500 руб.

Определение посуточного оклада для нижних чинов было сделано согласно указаний, приведенных в ст. 1064 кн. XVI Св. Военных Постановлений 1869 г. изд. 1893 г., то есть в основание взята стоимость одного фунта мяса –18 коп[432].

Из остальных 8 поездов, формировавшихся в Европейской России, были отпущены авансы только по ст. ст. 78 и 87 временного положения о военно-санитарных поездах следующим 5 поездам: 2-му, 10-му, 11-му и 14 Сибирским и временному Великой Княгини Ксении Александровны поездам, прочие же 3 поезда были обеспечены авансами из средств Государыни Императрицы[433].

Снабжение военно-санитарных пароходов[434] производилось по тем же нормам, как и военно-санитарных поездов нормального типа.

Для эвакуации больных и раненых по рекам Каме и Волге от Перми до Нижнего Новгорода были законтрактованы 3 парохода — «Новик», «Цесаревич», и «Полезный», из которых в навигацию 1904 года был приспособлен для перевозки раненых только пароход «Новик». Снабжение

---

[431] Там же.

[432] РГВИА Ф. 499. Оп. 1. Д. 1836 Л. 101.

[433] Там же.

[434] РГВИА Ф. 499. Оп. 1. Д. 1836 Л. 102–103.

этого парохода имуществом и вещами для прислуги было произведено из запасов военно-врачебных заведений, хранившихся в Казанском вещевом складе, а отсутствующие в этих запасах вещи были заготовлены распоряжением Казанского окружного интенданта, книги и бланки доставлены из Петербургского вещевого склада, авансы же ассигнованы коменданту парохода Петербургским окружным интендантом.

В навигацию 1905 г. были наняты все три названные выше парохода, причем пришлось пароход «Новик» снабдить имуществом вторично, поскольку Казанское интендантство израсходовало на военные надобности и по случаю холеры имущество, бывшее в 1904 г. на этом пароходе.

Для парохода «Цесаревич» имущество с вещами для прислуги, книгами и бланками было сформировано и выслано в Пермь из остатков запасов военно-врачебных заведений, хранившихся в Казанском вещевом складе, а не достававшие вещи заготовлены распоряжением местного окружного интенданта. Для двух остальных пароходов мягкие госпитальные вещи, вместе с обмундированием и снаряжением для прислуги, были высланы в Нижний Новгород из Московского, а металлические и прочие вещи — из Петербургского вещевого склада. Не достававшие вещи были заготовлены распоряжением Петербургского окружного интенданта.

Однако реальная ситуация требовала более серьезных мер, потому как война выдвигала свои условия.

Так, например, требовало вмешательства санитарное состояние в осажденном Порт-Артуре. Сестра милосердия О. А. Баумгартен, посетившая траншеи первой линии, записала в своем дневнике 26 августа о русских долговременных блиндажах: «Формою (блиндаж) напоминает длинный коридор. Его стены сколочены из досок и с обеих сторон обсыпаны землей, крыша переложена рельсами и железными листами, а сверху тоже засыпана толстым слоем земли. Во внутреннем помещении — лари, на которых спят солдаты. Стена над ларями разукрашена картинками … В ногах у каждого солдата лежит мешок с его имуществом: смена белья, мундир, кружка, чайник,

да еще какие-то необходимые принадлежности»[435]. С наступлением осенних холодов на позициях, в блиндажах и казематах стало холодно и сыро. Как замечал в этот период военный врач В. Б. Гюббенет, воздух внутри укреплений был скверный, спертый, циркуляции воздуха и доступа его снаружи не совершалось. Некоторые помещения вообще не отапливались за неимением печей и топлива. Осенью все прилегающие к позициям китайские постройки были разобраны на дрова. Во второй половине осады Гюббенет называл условия жизни на передовой антигигиеничными[436]. На это обращал внимание другой исследователь — П. Н. Лащенков: «Инфицируя воздух (где имеют пребывание наши солдаты) и плавая в нем, бактерии могут быть для них гораздо опаснее, чем пули, летающие в свободном воздухе открытых полей сражений»[437]. Благодаря санитарно-гигиеническим мероприятиям в Порт-Артуре удалось добиться главного — избежать эпидемии заразных болезней.

Летом 1904 г. на передовой столкнулись с другой проблемой. После ожесточенных августовских штурмов крепости японцами перед русскими позициями остались лежать тысячи трупов, которые быстро разлагались на жаре. «Все буквально пропиталось трупным запахом, — вспоминал военный корреспондент Е. К. Ножин. — Есть первое время не могли, несмотря на обилие приправляемого чеснока. Отвратительный запах: смесь трупов, карболки и чесноку»[438]. Приказ А. М. Стесселя за № 563 предписывал часовым на передовых позициях затыкать ноздри паклей, смоченной в разбавленном скипидаре[439]. Участник обороны П. В. Ефимович упоминает о полчищах мух,

---

[435] Баумгартен. О.А. В осажденном Порт-Артуре. Дневник сестры милосердия. СПб., 1906. С. 160–161.

[436] Гюббенет В.Б. В осажденном Порт-Артуре. Очерки военно-санитарного дела и заметки по полевой хирургии. СПб., 1910, с. 155–156.

[437] Лащенко. П.Н. Гигиенические отряды на театре военных действий. Харьков, 1904. с. 3.

[438] Ножин Е.К. Правда о Порт-Артуре. СПб., 1907, с. 702.

[439] РГАВМФ. Ф. 763. Оп. 1. Д. 89. л. 55.

носившихся в этот период над позициями. Против мух и запаха при уборке трупов использовалось подобие повязки из пакли, пропитанной керосином[440]. После августа 1904 г. между русскими и японским командованием при Порт-Артуре была достигнута договоренность о том, чтобы по завершении относительно крупной стычки устраивать кратковременное перемирие для уборки трупов. Эта договоренность соблюдалась до самого конца осады.

На позициях при обороне Порт-Артура не хватало воды. Для питья кипяченую воду в траншеи доставляли в деревянных бочках. Помыться же было целой проблемой. На позициях сделать это было некогда, да и негде, по воспоминаниям Ножина. Летом солдаты успевали наскоро умыться в ручьях и запрудах. В холодное время лишь на некоторых участках обороны были самодельные бани. Попасть в настоящую баню можно было, только сменившись с передовой. За две–три недели, проведенные без смены в окопах, солдаты успевали покрыться коркой грязи и вшами. Ножин грустно иронизировал по этому поводу, говоря, что солдат на передовой «и без приказов очень подходит под цвет местности, в которой живет»[441]. Чтобы бить «внутренних врагов», как называл засевших в одежде насекомых, солдаты на передовой использовали специальные палочки или бутылки, которыми прокатывали завшивленное обмундирование. Кроме того, как признавал исследователь И. И. Кияницын, «количество мыла, выдаваемого солдату, настолько незначительно, что оно никоим образом не может поддерживать должной чистоты и опрятности». По расчетам Кияницина, требовалось от ¼ фунта мыла на человека в неделю. Выдавался же 1 фунт на 10 человек в месяц[442]. В лужах и водоемах нижние чины застирывали свою одежду,

---

[440] Ефимович П.В. Перед концом Порт-Артура.// Воспоминания … с. 99.

[441] Ножин Е.К. Правда о Порт-Артуре. СПб., 1907, С. 111.

[442] Кияницын И.И. Организация и меры борьбы с инфекционными болезнями в русско-японскую войну// Военно-медицынский журнал. 1906. № 1. С. 90.

используя в качестве моющих средств глину и песок. Грязь и насекомые постоянно сопутствовали позиционной войне.

Все это, наряду с прямыми расходами на предметы интендантского довольствия требовало и существенных средств на содержание личного состава и самого интендантства.

Приведем ведомость расходов главного интендантского управления из ст. 1-й § 17-го на содержание личного состава[443].

Таблица 5. Ведомость расходов Главного интендантского управления на содержание личного состава

	Рубли
На удовлетворение содержанием в 1905 и 1906 гг. чинов временного отделения Главного интендантского управления	36.331
На удовлетворение чинов, добавленных к штатам Московского и Казанского окружных интендантств и складов	86.405
На содержание и довольствие вольноопределяющихся в 1904–1906 гг.	16.267
На вознаграждение офицерам и классным чинам Главного интендантского управления за усиленные занятия	94.023
На награды нижних чинов того же управления за усиленную работу по военным обстоятельствам	6.672

[443] РГВИА Ф. 499. Оп. 1. Д. 1836 Л. 24.

Суточные деньги офицерам, командированным из перемененного состава Интендантского курса на практические летние занятия	5.635
На выдачу содержания вольнонаемным в окружных интендантских управлениях и вознаграждения чинам управлений за усиленные занятия	93.670
На наем вольных рабочих в Московском, Тамбовском и Хорошевском складах	71.819
На сформирование и содержание проводников интендантского груза	23.856
Содержание интендантских чинов, получавших его на счет чрезвычайных кредитов и удовлетворение их семейств положенным в военное время довольствием	157.523
Итого	612.201

Тем не менее при таких серьезных суммах, требовавшихся на содержание интендантства, история компании свидетельствует, что и как в русско-турецкую войну, оно не было заблаговременно готово к обеспечению русской армии, терпящей лишения на Дальнем Востоке, причем «железнодорожная неготовность составила главную причину нашей военной неготовности на

Дальнем Востоке»[444]. Так в очередной раз подтвердилось, что основным способом пополнения материальных средств массовой армии является подвоз из тыла, который так и не удалось наладить должным образом.

В ходе боевых действий на полях русско-японской войны был получен значительный практический опыт организации и работы тыла по обеспечению и обслуживанию массовой армии. Этот опыт будет неоценим в ходе Первой мировой войны.

[444] Куропаткин А.И. Итоги войны. Варшава, 1906. С. 369.

3.3. Обеспечение интендантским довольствием чинов Военного ведомства в Порт-Артуре

Рассмотрим систему обеспечения интендантским довольствием, сложившуюся в период войны с Японией, на примере снабжения чинов Военного ведомства в Порт-Артуре, так как сухопутный гарнизон крепости по своему количественному составу был наиболее крупным соединением вооруженных сил Российской империи, дислоцированных в Порт-Артуре. 16 марта 1898 года, вскоре после того, как здесь обосновались русские военные корабли, первыми свою службу на Квантуне начали солдаты 1-го батальона 9-го Восточно-сибирского стрелкового полка. Впоследствии численность русских войск в Порт-Артуре неуклонно возрастала, и к 1904 году достигла более чем 40 000 человек.

Разместив первые прибывшие воинские части в уцелевших китайских казармах и фанзах, Военное ведомство срочно приступило к постройке и обустройству солдатского и офицерского жилья. Делалось это по нормам и постановлениям, принятым на этот счет в русской армии. Причем если в столичных и провинциальных городах войска размещались зачастую в казармах, построенных в изобилии при Николае I и ранее, то в Порт-Артуре старались следовать образцу, указанному в Своде Военных Постановлений 1869 года. Последние усовершенствования вносились в этот образец в 1882 году[445]. Размеры казарм такого типа рассчитывались по мирному штатному числу нижних чинов. Отдельная казарма могла строиться на подразделение от роты и выше, соответственно, с одним до нескольких этажей. Сооружались казармы из камня и кирпича. В каждой казарме создавались условия для несения службы, для жизни и отдыха. Самыми обширными помещениями были так называемые солдатские покои. В них устанавливались

---

[445] Макшев Ф. Военная администрация. Вып. 3. Военное хозяйство и устройство тыла. СПб., 1895, С. 210.

солдатские железные кровати (в один или два яруса, либо нары), простые шкафчики для рядовых и столики-шкафчики для унтер-офицеров, станки для ружей (пирамиды), полки для мешков и амуниции.

Отопление было печным, на зиму вставлялись двойные рамы. Согласно пункту 131 Устава внутренней службы за чистотой в казарме следили «очередные», специально назначенные на уборочные работы[446]. Нижние чины спали на тюфячных мешках, набитых соломой. Тюфяк, подушка и одеяло снабжались постельным бельем (в описываемый период тюфяки с соломой использовались также в немецкой армии; у французов, англичан и американцев были пружинные матрацы. Комфортабельность солдатских помещений в армиях трех последних наций была значительно выше, чем у немцев и русских, как замечает в своей работе А. Верещагин[447]). Объем воздуха, приходившийся в русских казармах на одного человека, составлял 14 кубических метров, что совпадало с нормами, принятыми в австрийской армии. В Германии подобная цифра равнялась 15 м куб., в Англии — 16,8 м куб., во Франции — 12–16 кубометров[448]. С числом людей по штатам мирного времени эти нормы в казармах соблюдались.

Казарма представляла собой замкнутый служебный и хозяйственный комплекс. В ней находились комнаты для делопроизводства и учебных занятий, подсобные помещения, кладовые, погреба, кухня, полковые мастерские, цейхгауз, сушилки, умывальни и отхожие места. В случае отсутствия квартир при казарме могли жить некоторые лица младшего и среднего командного состава. В баню все ходили в отдельное помещение, в отличие, например от американцев, у которых в конце XIX века в казармах располагались солдатские ванные и души.

---

[446] Третеский Л. Опыт 12-ти летнего командования ротой. Киев, 1901,С. 26–21.

[447] Верещагин А. В Китае. Воспоминания и рассказы. СПб, 1903, С. 145.

[448] Моркотун К.С. Морская гигиена. СПб, 1907, С. 370.

Устройство казарм в Порт-Артуре было задумано вполне практичным с точки зрения удобств военного быта и отвечающим основным требованиям гигиены жилищ. В то же время, несмотря на строгие требования Устава внутренней службы о поддержании чистоты, офицер порт-артурского гарнизона Голицынский отмечал в своем дневнике: «Самый город не отличался чистотой, а в особенности в этом отношении страдал район казарм»[449]. Исследователь А. Риттих к числу недостатков казарм относил сырость в их многих помещениях, сквозняки, невозможность регулировать должным образом температурный режим, плохую вентиляцию. «Так и кишат покои, нары, стены, — пишет Риттих, — мириадами насекомых»[450]. Теоретически названные проблемы должны были устраняться. Но на практике их разрешать удавалось далеко не всегда. Порт-артурский гарнизон располагался в казармах, наиболее современных на тот момент в России. Но по своим качествам эти казармы уступали местам проживания личного состава войск основных военных держав. Жилью гарнизона крепости были присущи недостатки те же, что и у войск в других регионах России. Казармы артиллерийской прислуги и гарнизонов фортов передовой линии сухопутной обороны крепости были устроены в бытовом плане по такому же принципу, что и в городе. Они были выполнены из бетона, более защищены и располагались вдоль фасов на самих оборонительных сооружениях[451]. К началу войны большинство позиций сухопутной линии обороны были совершенно не готовы. А. фон Шварц в своей работе указывает на «полузаконченность» мест проживания личного состава. Так, на передовом укреплении № 5 «в момент начала войны в казематах не было ни рам, ни окон, ни ставен... Нар не было, а также печей». Ввиду того, что гарнизону надо было жить на форту, пришлось строить кухни, кладовые,

[449] Голицынский А.Н. На позициях Порт-Артура. Из дневника ротного и батальонного командира. СПб,1906, С. 37.

[450] Риттих А. Русский военный быт в действительности и мечтах. СПб, 1893, С. 45.

[451] Яковлев В. Оборона современных долговременных фортов в период ближней атаки. СПб, 1910, С. 23.

офицерские помещения, отхожие места и другие помещения, которых не было устроено в бетонных казематах по экономическим соображениям». Он же указывает, что на батарее литеры Д прислугу орудий пришлось размещать в простых деревянных бараках, а на укреплении № 3 — в спешно вырытых блиндажах[452]. Условия жизни на фортах били значительно хуже, чем в городских казармах. Все качества фортовой казармы «были только отрицательные, — продолжает А. Фон Шварц, — узка, тесна, мало света, мало воздуха, отсутствие вентиляции, отсутствие офицерских помещений, отхожего места... Первые пять качеств имели последствием порождение различных болезней. Вследствие отсутствия отдельных помещений для офицеров, они должны были занять проход среди мест для пушек; отсутствие кладовых привело к тому, что как съестные, так и боевые припасы складывались под нарами, а сквозник (проход — А. А.) загромоздили бочками с водой. Отсутствие отхожего места было весьма тяжелым обстоятельством»[453]. Впрочем, следует иметь в виду, что эти недостроенные позиции были заняты личным составом порт-артурского гарнизона уже после начала боевых действий. До этого артиллеристы с батарей и защитники фортов располагались в своих казармах в городе, а на сухопутной линии обороны жили и работали посменно.

Большая часть офицеров порт-артурского гарнизона к 1904 году проживала в квартирах и комнатах, находившихся в кирпичных флигелях Военного ведомства, которые располагались вблизи солдатских казарм. Квартирами и комнатами обеспечивали в первую очередь семейных. Г. Козьмин отмечал в 1903 году, что в Порт-Артуре «временно многие из офицеров еще доживают в Китайских фанзах, неудобных и холодных... Это

---

[452] А. Фон Шварц. Влияние данных борьбы за Порт-Артур на устройство сухопутных крепостей. СПб., 1907, С. 30–32.

[453] Там же. С. 171.

приходится на долю обер-офицеров и преимущественно холостых»[454]. Не имевшие казенного жилья офицеры получали от казны деньги, которые начислялись по чинам и занимаемым должностям или особым приказом. Семейный штаб-офицер получал 408 руб. квартирных денег в год, холостой — 324 руб.; обер-офицеры — соответственно 246 руб. и 162 руб. в год. Собственно жильем штаб-офицер имел право получить 42 квадратные сажени площади (если он являлся командиром полка, отдельного батальона, эскадрона, батареи либо был приравнен в правах к полковым командирам). Если штаб-офицер не командовал отдельной частью, ему полагалось не более 26 квадратных сажень казенного жилья. Обер-офицер с правами ротного командира мог претендовать на 17 квадратных сажень; не имевший таких прав — на 7,5[455]. Казенные квартиры могли отводиться офицерам и в частных домах, и в таких случаях за квартиранта платило Военное ведомство. В понятие квартирных денег входили также расходы на отопление и освещение занимаемых помещений. Генералам полагались апартаменты от 50 до 80 квадратных сажень, а размер квартирных денег колебался от 636 руб. до 1206 руб. в год[456].

Пунктом 10 приказа № 273 по Военному ведомству за 1881 год были упразднены денщики, вместо которых генералам, штаб- и обер-офицерам назначалась казенная прислуга. Впрочем, набиралась эта прислуга в войсках, войсковых штабах и управлениях из общего числа рядовых строевых солдат. Назначенный в казенную прислугу нижний чин был обязан прислуживать офицеру и его семейству, охранять их имущество, выполнять различные поручения, как служебные, так и хозяйственные. «Казенная прислуга — это животрепещущий вопрос», — писал обеспокоенный моральной стороной дела

---

[454] Козьмин Г. Дальний Восток. Воспоминания и рассказы. СПб., 1904, С. 193.

[455] Свод Военных Постановлений (СВП) 1869 года. Книга XIX. Довольствие войск. СПб, 1911,С. 252.

[456] Там же.

Л. Третеский[457]. Однако, не следует забывать, что попасть в прислугу для простого солдата означало избавление от тягот строевой службы и казарменной жизни, при этом в большинстве случаев угодить офицеру было не труднее, чем тянуть солдатскую лямку, а в дни осады оказаться в вестовых значило спасение от передовой. Изыскивая резервы, в приказе № 719 от 29 сентября 1904 года генерал А. М. Стессель с возмущением упоминает о вестовом, который состоял при одной фельдфебельше[458]. Устраиваясь таким образом многие солдаты старались облегчить себе жизнь, миновав фронт. В служебной записке за № 731 о назначении всем чинам строительного управления вестовых, поданной командиру Порт-Артура 8 июля 1904 года, двое из семи упомянутых офицеров (инженер-полковник Горбачевский и капитан Авеллан) от казенной прислуги отказались[459]. До этого у них в услужении находились китайцы, запросившие во время войны за свои услуги слишком высокую плату. В мирное же время масса китайских «боек» (как их называли в Порт-Артуре от английского «boy») находились в услужении у военных, морских и гражданских чинов.

Характеризуя условия проживания сухопутных офицеров в Порт-Артуре как в целом удовлетворительные, нельзя забывать, что их далеко обходили морские коллеги одинакового чина и сходной должности как по престижу профессии, так и по представительности апартаментов.

Обмундирование частей порт-артурского гарнизона в течение осады претерпело ряд значительных изменений. Они были связаны, главным образом, с выходом из строя установленной формы одежды и, как следствие, с появлением нерегламентированного уставом обмундирования. Причиной тому послужили как отсутствие цейхгаузов, так и выявление в ходе боевых действий функциональной несостоятельности некоторых элементов военной формы (например, белых рубах и видимых издалека массивных папах). Эти два

---

[457] Там же.

[458] Цит. по: Ножин Е.К. Правда о Порт-Артуре. СПб, 1906.С. 845.

[459] РГАВМФ. Ф. 907. Оп. 1.Д. 178.л. 117.

основных фактора и привели к эволюции формы одежды сухопутного гарнизона. К началу войны сухопутный гарнизон Порт-Артура был одет в форму, предусмотренную Сводом Военных Постановлений для армейской пехоты и артиллерии. Остальные рода войск имели соответствующие знаки различия. Эта отправная точка, по которой можно судить, во что были одеты защитники крепости не позднее января 1904 года.

Согласно Своду, все предметы вещевого довольствия отпускались от интендантства. Прибывая на службу 1-го июля, новобранец получал на год: две рубахи, две пары брюк, два носовых платка, один утиральник (полотенце), две пары портянок, одну пару сапог либо деньги на их шитье и половину оклада амуничных денег. Прибывшие после 1-го декабря вещей и денег за текущий год не получали. Статья 1297 Книги XIX СВП определяла вещевое довольствие следующим образом: «(вещи) годовые, мундирные и бессрочные, равно деньги: амуничные, ремонтные, на шитье вещей и на заготовление вещей, не отпускаемых натурой»[460]. К годовым вещам относились гимнастические и нательные рубахи, брюки, предметы личной гигиены, сапог и сапожный товар. Бессрочные вещи (пуговицы, бляхи, знаки различия) выдавались единовременно натурой или деньгами. Кроме того, согласно статье 1338 нижним чинам дополнительно выдавалась теплая одежда, подразделявшаяся на две категории:

« 1) вещи, отпускаемые по климатическим обстоятельствам или потребностям службы (Порт-Артур попадал под это определение. — *А. А.*) для постоянного употребления или выдаваемые только на время (полушубки, рукавицы, шерстяные вареги, валенки, теплые башлыки, шерстяные носки, суконные наушники и теплые сапоги).

2) вещи, составляющие собственно постовые принадлежности (постовые тулупы, постовые шинели, кеньги)»[461]. Мундиры, шинели, головные уборы

---

[460] Свод... С. 94.

[461] Там же. С. 105.

выдавались нижним чинам на определенный срок или шились из купленного за казенный счет сукна. Кроме того, дополнительно войска на Квантуне получали бушлаты и чембары. Бушлат представлял собой род кафтана из верблюжьего сукна и употреблялся обычно при работах в зимних условиях. Чембарами называли штаны из козловой кожи, окрашенные в красный цвет. Их испытывали среди войск порт-артурского гарнизона в 1902–1903 годах. Оказалось, что штаны эти прочны, но марки и линяют, а кроме того, солдатам в них было очень жарко. К началу войны чембары входили в комплект обмундирования некоторых порт-артурских частей. В целом же было признано, что особой жары на Квантуне нет, и специального тропического обмундирования войскам гарнизона не требуется.

Из партии новобранцев непосредственно по ее прибытии в часть формировалась команда, которой заведовал офицер. При обмундировании он мылом рисовал у каждого на груди номер, соответствовавший размеру одежды. Только лишь подогнав мундиры, новобранцы сразу же сдавали их в цейхгауз (или, как его называли, «чихауз», из-за того, что вещи были пересыпаны табаком и антимольным порошком)[462]. В повседневном употреблении все нижние чины носили белые гимнастические рубахи (гимнастерки), мундиры одевали лишь на праздники и парады.

Ряд свидетельств указывает на изначально недостаточный вещевой запас в порт-артурских цейхгаузах. Так, военный врач В. Б. Гюббенет, находившиеся во время осады внутри крепости, в своих заметках отмечает, что к началу войны готовой обуви и теплой одежды для войск в интендантских складах практически не оказалось. Из летнего обмундирования после вывода в начале войны 11-го Восточно-сибирского стрелкового полка в Маньчжурию на его складах осталось всего 500 пар сапог и 5000 рубах[463]. Этого было совершенно

---

[462] Орлов Ф. Письма молодого солдата. СПб, 1904, С. 11.

[463] Гюббенет В.Б. В осажденном Порт-Артуре. Очерки военно-санитарного дела и заметки по полевой хирургии. СПб, 1910, С. 148.

недостаточно, чтобы одеть вновь прибывающих в Порт-Артур солдат и обеспечить гарнизону вещевой запас. Более того, до начала войны все интендантское довольствие было выдано частям 3-й Восточно-сибирской дивизии, после чего эта дивизия была переведена в Маньчжурию[464]. Судя по всему, в 1904 году до перерыва сообщения с крепостью не только не ввозили и не пополняли обмундирование, но даже вывозили его. Так, за счет порт-артурских артиллеристов были обмундированы некоторые чины формируемых в Манчжурии запасных батальонов. Весьма показательна ведомственная переписка о первосрочных мундирах, которых не хватало для запасников в Манчжурской армии. Над этой перепиской военный корреспондент Е. К. Ножин иронизирует следующим образом: «Было приказано взять из интендантских складов крепостной артиллерии (мундиры), перешить, обмундировать и отправить мундиры с людьми назад (на север)»[465].

В результате чины гарнизона крепости вынуждены были пополнять вещевые запасы через частные фирмы, переплачивая сверх выдаваемых на обмундировку от казны денег. В мирное время за соблюдением уставной формы одежды следили строго, но уже через несколько дней после начала войны, 31 января 1904 года, начальник Квантунского укрепленного района генерал-лейтенант А. М. Стессель в своем приказе за № 45 констатировал: «Продолжаю встречать команды 7-й бригады (впоследствии 7-й Восточносибирской стрелковой дивизии — А. А.), особенно 28 полка, в безобразном виде по одежде (не в смысле старости, а в смысле того, как она одета), так и потому невоинскому виду, в котором они бродят»[466]. Военный корреспондент Е. К. Ножин называл порт-артурский гарнизон в этой связи «в полном смысле разнузданным»[467]. Признавая такую оценку в целом явно

---

[464] Там же. С. 11.

[465] Ножин Е.К. Правда о Порт-Артуре. СПб, 1906, с. 83.

[466] РГАВМФ. Ф. 650. Оп. 1. Д. 517. Л. 15.

[467] Ножин Е.К. Правда о Порт-Артуре. СПб., 1907. С. 19.

преувеличенной, следует, однако, отметить, что война внесла дополнительный хаос в вопросы, связанные с обмундированием. Никакого учета обмундирования, имевшегося у частных фирм, в крепости не велось. Если принять во внимание периодическое появление на порт-артурском рынке как в мирное, так и в военное время разного рода вещевых запасов частного происхождения, то можно предположить, что при желании за деньги солдаты и офицеры могли приобретать уставную форму одежды. Однако для экономии средств (а зачастую ввиду их нехватки) большинство чинов гарнизона в период активных боевых действий предпочитало одеваться в нерегламентированные виды одежды (китайские халаты и т. п.), что обходилось дешевле и в период тесной осады не встречало со стороны командования серьезных препятствий.

Кроме того, уже в мирное время налицо были проблемы с качеством некоторых вещей, что негативно сказывалось на их повседневном употреблении. В частности, военный врач И. И. Кияницын отмечал, что «в шинелях теперешнего образца качество сукна не удовлетворяет самым скромным требованиям: при малейшем дожде шинель очень быстро промокает, тогда вес ее очень сильно увеличивается, доходя до 30 с лишним фунтов. Материал быстро теряет ворс, изнашивается и не дает должной защиты от холода и ветра»[468]. Другой исследователь, сухопутный офицер Л. З. Соловьев, к числу недостатков солдатского обмундирования относит отсутствие у нижних чинов непромокаемых накидок, а также отмечает перегруженность солдата снаряжением, которое было положено носить на себе по уставу. Нижнему чину по боевой выкладке приходилось тащить от 200 до 300 патронов в подсумках патронташа, вещевой мешок, шинельную скатку, котелок, баклагу для воды, топор или лопату, винтовку со штыком. Все это доставляло массу неудобств в повседневном употреблении. Л. З. Соловьев пишет: «Мешки (снаряжения) связывают солдата: они режут, оттягивают ему

[468] Кияницын И.И. Организация и меры борьбы с инфекционными болезнями в русско-японскую войну. //Военно-медицинский журнал. 1906, .№ 1, С. 87.

плечи; на ходу болтаются, на бегу бьют по ногам, сбивая с ног... стрелок должен возиться с мешками, мешающими ему удобно лечь, поднимаясь, стрелок подхватывает свои съехавшие на сторону мешки; ползет — они цепляются и волочатся по земле»[469]. Так выглядел солдат порт-артурского гарнизона во время учений мирного времени и в первый период обороны крепости. Впоследствии, ввиду позиционного характера войны под Порт-Артуром, большую часть носимого снаряжения солдаты оставляли в окопах или в ближнем тылу. И тем не менее из опыта порт-артурских боев командир 5-го Восточно-сибирского стрелкового полка полковник Н. Третьяков вынес следующее убеждение, отразившееся в его воспоминаниях: «Нам необходимо бросить все, что наш солдат носит в ранце, затем положить в этот ранец следующие предметы: 1 рубашку, 1 кальсоны, 1 пару портянок, пучок пакли, масленку, несколько иголок, 1 пучок ниток и сухарей на два дня. Все остальное самым решительным образом долой»[470].

Таким образом, говорить об удобстве уставного солдатского снаряжения и некоторых видов обмундирования не приходится. Как известно, русско-японская война ускорила введение новых образцов обмундирования и снаряжения во всей русской армии. К этому следует добавить, что солдаты порт-артурского гарнизона даже по своему уставному внешнему виду проигрывали матросам эскадры, которым не приходилось на себе носить все свое имущество. Исходя из этого, можно утверждать, что форма одежды влияла на формирование определенных стереотипов в психике и поведении солдат, которые чувствовали себя весьма неуютно на фоне бравых представителей флота.

В равной мере последнее утверждение можно отнести и к сухопутным офицерам. Их мундиры, шинели, пальто, фуражки по внешнему виду

---

[469] Соловьев Л.З. Указания опыта текущей войны на боевые действия пехоты. Впечатления ротного командира. СПб, 1905, С. 34.

[470] Третьяков Н. 5-й Восточно-сибирский стрелковый полк на Киндзоу и в Порт-Артуре. СПб, 1909, С. 93.

отличались от формы нижних чинов, и в отношении качества материалов это отличие было в лучшую сторону. Офицерская форма целиком шилась по индивидуальным меркам на выдаваемые от казны субсидии. Офицер был несравнимо более комфортабельно обеспечен различными бытовыми удобствами, полезными на походе. Так, многие офицеры порт-артурского гарнизона запасались палатками с двойным верхом, защищающим от солнца и дождей. Весьма популярны в офицерской среде были железные складные кровати и раскладные походные кресла конструкции полковника Аршинара. На палатки навешивались пологи из прочной сетчатки, служащие защитой от насекомых. В ходу были портативные походные кухни, представлявшие собой жестяное ведро, в котором помещались столовые приборы и все необходимое для приготовления обеда в походных условиях[471]. Все это хозяйство перевозилось в обозе и находилось под надзором офицерских вестовых. Самым большим удобством по ряду свидетельств (А. Квитка, Л. Третеский) оказались непромокаемые офицерские плащи. Следует отметить, что после начала активных боевых действий под Порт-Артуром, жизнь офицеров, находившихся непосредственно на передовых позициях, в плане бытовых удобств зачастую мало чем отличались от жизни нижних чинов. В силу позиционного характера войны многими удобствами, придуманными для походной жизни, воспользоваться так и не пришлось. После того, как выяснилась большая убыль в офицерском составе из-за его внешнего отличия по форме, наметилась тенденция к сближению внешнего вида офицера и солдата. Кроме того, офицерский гардероб времен осады отличался от уставного в силу военной необходимости и экономических причин.

Говоря о денежном довольствии чинов Военного ведомства, находившихся в Порт-Артуре, необходимо иметь в виду следующее. Как и во всей русской армии, солдаты гарнизона находились на казенном обеспечении жильем, одеждой и продовольствием, и фигурировавшие по этим трем пунктам

---

[471] Квитка А. Дневник забайкальского казачьего офицера. СПб, 1908, С. 20.

суммы относить к собственно денежному довольствию нельзя. Исследователь А. И. Сорокин в своей работе, посвященной обороне Порт-Артура, пишет, что солдаты в крепости получали мизерное жалованье 5 руб. в год[472]. Эти действительно крайне небольшие деньги нижний чин мог потратить по собственному усмотрению, т. к. жил солдат не на жалованье. Последнее выдавалось ежемесячно 20-го числа за выслуженный месяц. Деньги по именным спискам выдавал нижним чинам лично командир роты в присутствии младших офицеров и фельдфебеля[473]. На жалованье жили офицеры. Оно составляло у поручика — 600 руб. в год, у ротного командира — 1200 руб. и у батальонного командира — 1740 руб. в год. Как отмечал исследователь Е. И. Мартынов, «возможность существовать на эти средства составляет неразрешимую материальную задачу»[474]. Весьма мрачной рисует Мартынов жизнь армейского офицера: «тяжелые условия службы, гнет материальной нужды, приниженное положение в обществе»[475]. Особенно остро чувствовалось это в Порт-Артуре — городе, в котором находились также и моряки. Как уже отмечалось, на их фоне сухопутные офицеры всех родов войск в материальном плане выглядели очень бледно. Отчасти скрашивал такое положение тот факт, что все подразделения русской армии были не только военными, но и хозяйственными единицами. Солдатам и офицерам постоянно приходилось изыскивать возможность заработать для себя лишнюю копейку (ремесла, работа по найму и т. п.). Как единодушно отмечали исследователи уже в 1900-х годах (М. С. Галкин, Л. Третеский, Н. Бутовский, Е. И. Мартынов), такая ситуация не могла положительно сказываться на боевой

---

[472] Сорокин А. И. Оборона Порт-Артура. М., 1952. С. 226.

[473] Свод... С. 37–38.

[474] Мартынов Е. И. Из печального опыта русско-японской войны. СПб, 1907. С. 47–48.

[475] Там же. С. 51.

подготовке войск. Денежное содержание поддерживало существование военных, но отнюдь не престиж их профессии.

Продовольственное содержание порт-артурского гарнизона осуществлялось вне зависимости от его денежного содержания. С началом войны структура питания защитников крепости, подобно ряду других бытовых аспектов, претерпевает существенные изменения. Если в первые военные месяцы наблюдались как некоторые сбои, так и наоборот, усиленные выдачи в пищевом рационе, то отправной точкой, с которой продовольственный вопрос однозначно начинает эволюционировать в сторону ухудшения, следует считать перерыв регулярного наземного сообщения с Порт-Артуром. Установившаяся в конце апреля 1904 года тесная блокада уже в первых числах мая не замедлила отразиться на продовольственном снабжении солдат.

Согласно порядку, заведенному в русской армии к началу XX века, все провиантское довольствие делилось на две части. Первая выдавалась от казны натурой, и в нее входили мука (либо печеный хлеб и сухари) и крупы. Вторая часть выплачивалась деньгами. Все хлебные изделия полагалось выпекать из ржаной муки. Деньги отпускались по заготовительным ценам каждого года. Причем, как и в Морском ведомстве, изменяться сообразно ценам местного рынка могла в официальных бумагах только стоимость мяса. Остальные продукты должны были приобретаться по указанному номиналу[476]. К провиантскому обеспечению следует добавить чайное и приварочное довольствие. Чайное довольствие производилось ежедневно по норме 48 золотников чая и 6 фунтов 24 золотника сахара на 100 человек в день. Предметы приварочного довольствия, согласно статье 1170 СВП войска закупали сами. Если мясо, соль, сушеные овощи, чай, сахар и лимонную кислоту приобрести было затруднительно, то они выдавались в натуре. Присутствие этих продуктов в солдатском рационе в мирное время было

[476] Свод... С. 45.

обязательным[477]. Деньги за чайное приварочное довольствие выдавались на четыре месяца вперед. С началом блокады Порт-Артура продовольственный вопрос попадал под действие статьи 1172 Свода. Эта статья гласила: «В осажденных крепостях все продовольственные припасы отпускаются натурою из крепостных запасов»[478].

Согласно приказу по Военному ведомству за № 193 от 1878 года солдат русской армии в мирное время получал 3 фунта хлеба, 1/2 фунта мяса, 1/40 ведра капусты или картофеля, до 1/20 фунта муки на подболтку, до 1/2 фунта круп, 1/10 фунта масла, 1/10 фунта соли, луку, перцу лаврового листа по вкусу[479], что составляло суточную дачу продовольствия. В военное время мяса полагалось выдавать 1 фунт на человека. Благодаря высокому приварочному окладу чины порт-артурского гарнизона в мирное время могли питаться весьма разнообразно. Мясо покупалось в установленном количестве по контрактной цене у подрядчиков. Они доставляли его из Чифу и Манчжурии. В самом Порт-Артуре убойного рогатого скота до начала войны не держали. Капусту доставляли в бочках из Владивостока (туда она прибывала из Америки, отчего среди солдат гарнизона именовалась «американской»). Все остальные овощи и пряности приобретались на месте у китайцев[480]. Ввиду крайней дешевизны риса на Квантуне, солдатам часто готовили рисовую кашу, однако, как отмечал побывавший в Порт-Артуре в начале 1900-х гг. А. Верещагин, нижние чины предпочитали привычную гречку и пшенку, и особенно тосковали по русской квашеной капусте. Вспоминая об этом периоде в целом, Верещагин пишет: «Денег отпускается много, а провизия дешевая, в особенности мясо»[481]. По свидетельству исследователя доктора

---

[477] Там же. С. 72.

[478] Там же.

[479] Цит. по: Макшеев Ф. Военная администрация… С. 232.

[480] Козьмин Г. Дальний Восток. Воспоминания и рассказы. СПб., 1904. С. 184.

[481] Верещагин А. В Китае. Воспоминания и рассказы. СПб, 1903. С. 66.

В. В. Сиземского, еще в мирное время солдатам порт-артурского гарнизона выдавалось по 1 фунту мяса в день в виду усиленных работ на Квантунском полуострове[482]. В постные дни мясо заменялось сибирской рыбой кетой. Она доставлялась с Амура в герметически закупоренных бочках в засоленном виде. Кроме того, в пищевую раскладку входили консервы (щи с кашей, мясо, сгущенное молоко). В усиленных количествах выдавался чай. Хлеб выпекался на гарнизонных пекарнях, а мука для него выдавалась крепостным интендантством.

В результате исследований, проведенных в конце XIX века французским генералом Левалем, был определен желательный состав полной продовольственной дачи военного времени на одного человека в сутки. В этом случае предполагалось хлеба 750 грамм, свежего мяса — 500 грамм, овощей — 415 гр., жиру — 65гр., кофе — 30 гр., сахару — 40 гр., соли — 22 гр., перцу — 3 гр.[483] Ф. Макшеев в этот же период проводил сравнение суточных дач на одного человека в армиях Франции, Австро-Венгрии, Германии и России. Цифры получались соответственно следующие: хлеба в сутки на человека приходилось 750 гр. во французской армии, 700 гр. в австро-венгерской, 750 гр. в немецкой и 1228 гр. в русской.

— мяса свежего 500 гр., 400 гр., 375 гр. и 409 гр. соответственно.

— соли 16 гр., 30 гр., 25 гр. и 41 гр. соответственно.

Сахару 21 гр., 25г., 17 гр. 13 гр. соответственно.

Кроме того, в русской армии выдавались мука на подболтку, коровье масло и чай. В европейских армиях чаще употреблялись сухие овощи, свиное сало или говяжий жир и кофе[484].

---

[482] Сиземский В. В. Очерки врачебного и хирургического дела в Порт-Артуре во время русско-японской войны // Военно-медицинский журнал. 1908. № 2. С. 230.

[483] Цит. по: Макшеев Ф. Военная администрация… С. 244.

[484] Там же. С. 245.

Как видно из приведенных цифр, русская продовольственная дача по своему составу отличается от других очевидным преобладанием хлеба. По мнению Ф. Макшеева, эта дача по составу входящих в нее продуктов является весьма громоздкою по сравнению с иностранными.

В ежедневный рацион входила также выдача спиртных напитков. В русской армии выдавалась 1 чарка водки (1/80 ведра), которую могли заменять 4 1/2 чарки виноградного вина, либо 2/3 чарки рома или коньяка, либо 2 бутылки пива[485]. Во французской армии с 1890 года выдавалось 25 центилитров вина, либо 50 — пива, либо 6 1/4 водки. В австро-венгерской с 1892 года — 9 сантилитров водки, или 40 — вина, или 75 — пива, либо по 6 рому или коньяка[486].

Приготовление пищи на походе осуществлялось в специальных ротных походных кухнях. В Порт-Артуре кухни располагались непосредственно в казармах. В большие очаги были вмонтированы два котла, один из которыъ предназначался для варки щей, другой — для варки каши. А. Верещагин сравнивает кухни казарм держав, чьи войска располагались в начале 1900-х годов в Пекине, и приходит к выводу, что лучше всех по части приготовления пищи были обставлены американцы. На их стандартной казарменной кухне располагалась огромная плита со всевозможными приспособлениями: конфорками, котлами, кранами, духовыми печами, вертелами. «Жаркие, супы, мусы, хлеба, хлебцы, разные булочки, — пишет Верещагин, — все это пеклось, жарилось, варилось в разных соусницах, противнях и других сосудах»[487]. В меню американских солдат помимо традиционных составляющих входили ветчина, фрукты, варенье, мармелад, шоколад. Само меню, по свидетельству Верещагина, занимало несколько машинописных листов. Такая же картина наблюдалась в английских казармах, где в интендантском складе были «целые

---

[485] Свод... С. 255.

[486] Макшеев Ф.., Военная администрация..., С. 170–171, 196.

[487] Верещагин А. В Китае. Воспоминания и рассказы. СПб., 1903. С. 146.

горы жестянок с мармеладом и разными другими сладостями». В немецкой кухне все было «просто и практично. На столах всюду лежали Kartoffeln and Kartoffeln. В большом котле варилась лапша из гороховой муки», — передает свои впечатления Верещагин[488]. Подобное сравнение оказывается далеко не в пользу кухонь в казармах русской армии.

Кроме того, следует заметить, что в армиях передовых держав мира не случайно большое внимание уделялось обеспечению солдат сладким. Казачий офицер А. Квитка писал в своем дневнике во время русско-японской войны: «почти все ощущали потребность сладкого… Вероятно, это было требованием организма»[489]. В русской продовольственной даче, как акцентировал на этом внимание Ф. Макшеев, сахару было меньше, чем во всех приводимых для сравнения иностранных дачах[490]. Унтер-офицер 9-го Восточно-сибирского стрелкового полка Д. Г. Шепель вспоминал, как после начала войны порт-артурские солдаты во время одного из переходов «подобрали по дороге много шоколаду и других конфет, о которых раньше не имели и понятия»[491]. Можно утверждать, что недостаток сладкого в рационе русского солдата был серьезным упущением. Весь этот рацион, покрывая в целом затраты организма солдата, уступал по разнообразию продуктов рациону в иностранных армиях. Солдаты порт-артурского гарнизона ввиду их усиленного питания находились в лучшем положении, чем проходившие службу в других регионах России.

Говоря о снабжении продовольствием порт-артурского гарнизона, можно отметить, что в мирное время оно осуществлялось согласно уставным требованиям со всеми предусмотренными для этой местности усиленными

---

[488] Там же. С. 151–153.

[489] Квитка А. Дневник забайкальского казачьего офицера. Русско-японская война 1904–1905 гг. СПб., 1908. С. 88.

[490] Макшеев Ф. Военная администрация…, с. 246.

[491] Мирный В.А. Боевой дневник унтер-офицера в русско-японскую войну. М., 1912. С.12.

выдачами. О количественных запасах продовольствия в крепости к началу войны можно судить по ряду источников. Военно-историческая комиссия по описанию русско-японской войны выявила ведомственные сведения о запасах основных продуктов питания в крепостном интендантстве. В трудах комиссии дается их помесячный расход в военное время в соответствии с наличным составом гарнизона. Другим официальным источником по данной теме служит Обвинительный акт к порт-артурскому судебному процессу, в котором приводятся показания различных должностных лиц о ситуации с продовольствием во время осады.

Любопытно, что при достаточно небольшом расхождении по цифрам, в показаниях и воспоминаниях фигурируют разные оценки возможностей обороны крепости с учетом имевшихся запасов. Исследователь А. Н. Виноградский в своей работе отстаивает точку зрения, что Порт-Артур был снабжен жизненными припасами на один год осады для 12-ти тысячного гарнизона[492]. Бывший начальник Квантунского укрепленного района А. М. Стессель на судебном процессе показал: «Крепость сдалась не по недостатку хлеба, а вследствие невозможности держаться после взятия Большого Орлиного гнезда (в декабре 1904 года. — *А. А.*)»[493]. Корреспондент американского журнала Outlock Г. Кеннан, наблюдавший осаду со стороны японцев, в своих записях отмечал: «По-видимому, у генерала Стесселя не было подготовленной системы продовольствия, и ему было трудно обеспечить войска пищей»[494]. Кеннану противоречит французский офицер Клеман-де-Грандпре, также находившийся с японцами. Де-Грандпре ссылается тот факт, что после сдачи крепости японцы обнаружили там большие продовольственные

---

[492] Виноградский А.Н. История русско-японской войны 1904–1905 гг. СПб, 1908, вып.1, С. 32–33.

[493] К порт-артурскому судебному процессу. Обвинительный акт. СПб, 1908. С. 41.

[494] Кеннан Г. Из заметок об осаде Порт-Артура со стороны японцев. Варшава. 1909. С. 10.

запасы[495]. Если этот факт соответствует действительности, то, видимо, свою роль здесь сыграли нигде не учтенные продовольственные запасы частных фирм, поскольку по русским официальным источникам японцам было сдано относительно скромное количество продовольствия.

Принимая во внимание вышеуказанные сведения и свидетельства, приходится констатировать следующее. Во-первых, наиболее полно структуру питания порт-артурского гарнизона можно выявить главным образом из сопоставления воспоминаний, свидетельств и тех приказов, где указываются конкретные нормы выдачи продовольствия на каждого защитника. Цифры общих запасов могут быть использованы лишь для установления рамок, в которых эти выдачи колебались. Во-вторых, необходимо учитывать различия в снабжении продовольствием на местах, отчасти объясняющие происхождение противоречивых свидетельств.

Думается, используя материалы о ведомственных запасах в качестве справочных, следует посмотреть на весьма запутанную ситуацию с продовольственным снабжением Порт-Артура в 1904 году глазами простого защитника крепости. Подробное рассмотрение продовольственного вопроса в Порт-Артуре может составить предмет отдельного исследования. Прямое отношение к истории военной повседневности имеют конкретные продовольственные выдачи рядовым защитникам крепости.

Основной организационной единицей в русской армии была рота. Считалось, что лишь в роте численностью в 200–250 чел. может сохраниться дух части. Это максимальное число людей, связанных общим знакомством. Исследователь А. А. Ливен писал, что батальоны и дивизионы создаются лишь для удобства маневрирования и самостоятельной жизни не имеют. Личным знакомством объясняет Ливен и тот факт, что в полку не бывает более 16 рот. Тогда около 80 полковых офицеров, которые не живут так тесно, как нижние

[495] Клеман-де-Грандпре. Падение Порт-Артура. СПб. 1908. С. 99.

чины, будут друг друга хорошо знать[496]. Иными словами, для солдата дом — рота, для офицера — полк. При этом в части меньше, чем рота, личные отношения носили еще более сплоченный характер. В этой связи становится понятным высказывание унтер-офицера 9-го Восточно-сибирского стрелкового полка Д. Г. Шепеля, который был назначен во вновь сформированную по штатам военного времени роту: «Прослужив три года в своей родной 4-й роте, тяжело было ее покидать. Но, слава Богу, что я еще остался в своем полку»[497].

В роте протекала вся служебная деятельность рядового. День отводился военной подготовке, вечером выделялись часы для отдыха. Увольнения в город обычно приходились на выходные дни. Если досуг не был связан с увольнением, то формы его проведения обычно были коллективные, исключение составляло посещение библиотеки, которые имелись при каждой части. Однако, литература в них, как правило, была подобрана без всякой системы. По свидетельству Г. Козьмина, активно читающим русского солдата на Квантуне назвать было нельзя[498]. К коллективным формам досуга можно отнести всевозможные игры. Из подвижных практиковались русские деревенские игры — чехарда, горелки, лапта и т. п. Кроме того, играли в шашки, домино. Бесполезно было бороться с картами и орлянкой. Впрочем, большую часть свободного времени солдаты предпочитали посвятить личным делам: привести в порядок обмундирование, написать письмо домой. Письма из дома имели для порт-артурских солдат особую ценность. «Надо видеть, — писал Козьмин, — с каким захватывающим интересом, забившись куда-нибудь в укромное местечко, два или три земляка перечитывают уже сильно помятый листок письма»[499]. В праздничные дни внутренние помещения казарм

---

[496] Ливен А.А. Дух и дисциплина нашего флота. СПб., 1914. С. 24–25.

[497] Мирный В.А. Боевой дневник унтер-офицера в русско-японскую войну. М., 1912. С. 8.

[498] Козьмин Г. Дальний Восток. СПб., 1904. С. 196.

[499] Там же. С. 189.

украшались флагами, иконами, свечами, готовился обед по усиленной норме. Праздников было достаточно много: начиная от ротных и полковых и заканчивая днем коронации царствующей особы. Самым любимым был, пожалуй, Новый год. В квантунские казармы привозили елки. На солдатские елки вместо игрушек вешали подарки — подошвы к сапогам, рубахи, отрезы материи, папиросы в коробках, бутылки с водкой. Все это разыгрывалось между нижними чинами. Самым главным призом был обычно кошелек с деньгами, сумма в котором могла составлять несколько рублей[500].

Летом, в пору традиционных маневров и жизни в лагерях, распорядок дня солдат порт-артурского гарнизона несколько менялся: занятия начинались в 5–6 утра, и уже после 22–23 часов следовал отбой.

Сибирские стрелки довольно неплохо владели тактикой ведения горной войны, в которой особая ставка делалась на одиночную огневую подготовку, что впоследствии позволило кадровым войскам порт-артурского гарнизона долго удерживать позиции небольшим числом, причиняя врагу значительные потери. Лучшие стрелки в мирное время награждались ценными подарками и денежными призами. В ротах существовали так называемые «красные доски», куда заносили имена «призовиков» — отличников стрелковой подготовки[501]. Уже упоминавшийся унтер-офицер Д. Г. Шепель сообщал, что у него скопилось трое часов, полученных за несколько лет службы в Порт-Артуре. Это были ценные подарки за призовую стрельбу[502].

Организованными группами при офицере нижние чины посещали театр. Увольнение можно было провести в городе. Причем получить отпускной билет (т. е. увольнительную) у ротного командира на солдатском жаргоне

---

[500] Орлов Ф. Письма молодо солдата. СПб., 1904. С. 79.

[501] Там же. С. 117.

[502] Мирный В.А. Боевой дневник унтер-офицера в русско-японскую войну. М., 1912. С. 7.

именовалось «взять нумерок»[503]. Как до, так и после русско-японской войны, многие исследователи обращали внимание на то, что в свободное время в увольнении солдат предоставлен сам себе. «Солдаты идут гулять в город, — писал исследователь Блинский еще в 1898 г., — там они бродят без дела, толкаются на базаре и подвергаются соблазну зайти в не рекомендуемые заведения»[504]. Как заведения рекомендуемые, в Порт-Артуре были открыты многочисленные солдатские чайные, существовавшие почти при каждой крупной воинской части. Кроме того, в Порт-Артуре было большое здание солдатской чайной, которое принадлежало 3-й Восточно-сибирской стрелковой бригаде. «Это своего рода клуб, — писал о нем Г. Козьмин, — где для нижних чинов устраиваются вечера, спектакли, сообщения с туманными картинками и предоставляется стрелкам посидеть с земляком, поговорить о чем интересно»[505]. Конечно, далеко не всегда проведение досуга нижними чинами было связано с благопристойными заведениями. Однако можно констатировать, что за период с 1898 по 1904 годы бытовая благоустроенность порт-артурского гарнизона значительно повысилась.

С китайцами поддерживали активные торговые отношения. Их использовали в качестве переводчиков. С началом войны имел место всплеск китайских жалоб на поведение русских солдат. Ссылаясь на военное время, нижние чины гарнизона иногда просто отбирали у китайцев продукты и товары, ничего не давая взамен. О фактах произвола в отношении китайцев свидетельствовал начальник порт-артурского участка в своем рапорте за № 320, поданном военному командованию крепости 20 апреля 1904 года[506]. Дела по особо тяжким случаям дурного обращения с местным населением передавались в военно-полевой суд. Показательным стало дело двух солдат

---

[503] Орлов Ф. Письма молодо солдата. СПб., 1904. С. 75.

[504] Блинский. Вольные и атлетические игры для нижних чинов. СПб., 1898. С. 5.

[505] Козьмин Г. Дальний Восток. СПб., 1904. С. 190.

[506] РГАВМФ. Ф. 763. Оп. 1. Д. 165. Л. 73.

русской пограничной стражи, совершивших в начале войны в Порт-Артуре убийство китайца, что называется, на бытовой почве: бравые пограничники отбирали у китайца свинью, а владелец не пожелал расставаться с живностью. От полученных в ходе насильственной реквизиции телесных повреждений китаец скончался. Военно-полевой суд приговорил виновных к смертной казни. Это подняло авторитет суда и доверие местного населения к русским властям, и произвол по отношению к китайцам был в значительной степени пресечен. Правда, история с пограничниками кровожадного продолжения не получила: наместник на Дальнем Востоке адмирал Алексеев смертных приговоров никогда не утверждал. Осужденных солдат отправили в арестное отделение на длительные сроки, а оттуда, ввиду войны, они угодили в штрафное подразделение и были посланы на передовую.

Еще до перерыва сообщения с Порт-Артуром русскими властями были приняты меры по эвакуации китайского населения. Мотивация была простой — все продовольствие требовалось на военные нужды. 25 апреля 1904года А. М. Стессель издал предписание за № 711, согласно которому в Порт-Артуре разрешено было остаться лишь следующим категориям китайцев: торговцам, рикшам, служащим у европейцев, ремесленникам, проституткам, рабочим, прикрепленным к инженерному ведомству[507]. Всего в осажденном Порт-Артуре предполагалось оставить не более 6 000 китайского населения. 27 мая комиссар по гражданской части подполковник Вершинин распорядился оставлять в крепости лишь тех китайцев, которых работодатели и хозяева обеспечат достаточным количеством продовольствия[508]. В результате к 15 сентября 1904 года по данным русской администрации в Порт-Артуре проживало китайского населения: 4738 мужчин, 881 женщина и 777 детей,

[507] РГАВМФ. Ф. 763. Оп. 1. Д. 165. Л. 51.

[508] Там же. Л. 52–53.

всего 6396 человек [509]. Отношение к ним, в целом, сохранялось вполне лояльное.

На основе рассмотренного материала о повседневной жизни чинов Военного ведомства в Порт-Артуре можно сделать следующие выводы. Во-первых, весь военный быт был строго регламентирован, что касалось и неписаных традиций, которые существовали в русской армии начала XX века. Во-вторых, помимо общих регламентированных и традиционных моментов, свойственных повседневной жизни всех российских вооруженных сил, в гарнизоне Порт-Артура существовали свои особенности, касавшиеся некоторых видов обмундирования, структуры питания, удаленности места службы. И если по части материального обеспечения с 1898 по 1904 гг. можно отметить постоянные улучшения (например, в жилищном вопросе, когда солдаты гарнизона постепенно переселились из китайских строений в современные казармы), то от сознания удаленности своего места службы порт-артурцам отделаться было невозможно. В-третьих, как уже отмечалось, гарнизон Порт-Артура был предназначен играть вспомогательную роль в случае войны. Это было известно сухопутным чинам до начала войны и накладывало на них определенные поведенческие стереотипы. В то же время некоторые части гарнизона имели опыт боевых действий в Китае, успех которых порождал в них уверенность в собственных силах. В дальнейшем в ходе войны именно гарнизону Порт-Артура пришлось вынести на своих плечах тяжесть осады и защищать крепость столь продолжительный срок.

Обращаясь к оценкам деятельности органов интендантства во время русско-японской войны, мы приходим к следующему заключению.

Война 1904–1905 г. г. показала, что далеко не все недостатки, обнаруженные после турецкой войны 1877–1878 г. г., были устранены за тот четвертьвековой промежуток мирной работы, которая выпала на долю военного министерства. Значительная доля вины в этом падает и на интендантство.

---

[509] Там же. Л. 61.

Необходимо иметь в виду, что потребности войск, кажущиеся постоянными, меняются, однако, в зависимости от свойств театра войны, от воспитания солдата, его домашнего быта, жизни народа, степени его культурности. Если до этого войска довольствовались чаще сухарем, лишь изредка хлебом, если они получали не всегда кашу и мясо, если варка производилась в котлах и выдавалась большею частью спустя долгое время после прибытия войск на ночлег, то в начале XX века это признавалось уже ненормальным. Интендантство явилось на новое испытание мало подготовленным и мало обеспеченным. Неподготовленность, как показала действительность, отнюдь не может быть исключительно отнесена к несоответствию «положения о полевом управлении войск в военное время». Причины этой неподготовленности были более глубокие.

В первое время или, вернее, до боев на р. Шахэ включительно действовала одна армия, а потому наличие одной железнодорожной линии не противоречило требованиям «положения», а лишь соответствовало одному из наименее благоприятных случаев действия частной армии на самостоятельном театре войны, с одной слабо развитой железной дорогой, что затрудняет подвоз.

Между тем, краткий очерк интендантской подготовки указывает, что эта подготовка была неудовлетворительна. На точном основании того же «положения» все предварительные расчеты для составления плана довольствия должны были быть сделаны заблаговременно. Они могли не соответствовать вполне выяснившимся лишь впоследствии размерам потребностей той громадной вооруженной силы, которая была сосредоточена в действительности на Дальнем Востоке[510], но несомненно, что эти предварительные расчеты должны были ясно отвечать на вопросы о средствах страны, об удобных коммуникационных путях, о вероятных районах сосредоточения и, наконец, об удобных пунктах для устройства главной и промежуточной баз и т. д. Между тем, по заявлению самого же бывшего главного руководителя интендантской

[510] Русский Инвалид. 1908. № 220.

службы на театре войны, оказывается, что к началу кампании не оказалось даже руководящей идеи по обеспечению войск соответствующими видами интендантского довольствия. Правда, что и некоторые другие отделы полевого управления были почти в таких же условиях, но это все же не снимает с них ответственности.

Объяснением такого положения вопроса может отчасти служить то обстоятельство, что все усилия военного министерства были направлены к подготовке Западного фронта на случай Европейской войны. Дальнему же Востоку по-прежнему было уделено слишком мало внимания из-за неправильной оценки сил и подготовки азиатских противников.

Не имея плана, вслепую, интендантство приступило к своей работе с крайне недостаточным и мало подготовленным личным составом. Это сразу же отразилось на его деятельности в тот важный момент ее, когда закладывался фундамент для всей будущей интендантской деятельности[511]. Эти уроки должны были послужить интендантской службе российской армии в период подготовки на этот раз к мировой войне.

[511] Русский Инвалид. 1908. № 211.

Глава 4. Интендантское снабжение русской армии накануне и в годы Первой Мировой войны

После русско-японской войны было принято решение переработать, с учетом приобретенного опыта, все основные руководящие документы в армии: положение о полевом управлении войск, основные уставы, положение о войсковом хозяйстве и т. п.

Предшествующие войны (1877–1878 гг. с Турцией и 1904 — 1905 гг. с Японией) показали, что необходимо провести реорганизацию органов снабжения и улучшить подготовку специалистов интендантской службы. В обеих этих войнах правительство искало спасение в привлечении частых поставщиков и подрядчиков, что привело к перебоям в подвозе материальных средств и нередко срывало боевые действия войск. В связи с этим были реорганизованы Главное интендантское управление и Технический комитет, а также окружные, корпусные и крепостные интендантские органы, введены на мирное время (бригадные) интендантские органы и управления местных интендантов для довольствия войсковых частей и учреждений.

Система интендантского довольствия, сложившаяся к началу XX в., представляла структуру, в которой каждым видом довольствия занималось конкретное управление Главного интендантского управления. В связи с этим данный период в истории интендантского снабжения русской армии целесообразно рассмотреть через изучение основных видов довольствия.

4.1. Структура интендантства, сложившаяся к Первой мировой войне

В рассматриваемый период, т. е. накануне и в годы первой мировой войны, начальник Главного интендантского управления являлся и главным интендантом Военного министерства. По расписанию на 1912 г. эту должность занимал числящийся по Генеральному штабу генерал-от-инфантерии Дмитрий Савельевич Шуваев. Его помощниками были числящиеся по армейской пехоте

генерал-майор Николай Иосифович Богатко, генерал-майор Константин Николаевич Егорьев, генерал-майор Константин Ефимович Горецкий. Инспектором технических заведений Интендантского ведомства был числящийся по полевой легкой артиллерии генерал-майор Иван Рафаилович Караган[512]. К концу войны произошли некоторые кадровые изменения: главным интендантом Военного министерства и начальником Главного интендантского управления стал числящийся по армейской пехоте генерал-лейтенант Николай Иосифович Богатко, главным полевым интендантом — числящийся по армейской пехоте генерал-лейтенант Константин Николаевич Егорьев. Помощниками главного интенданта были: числящийся по Генеральному штабу генерал-майор Семен Николаевич Лилеев (и другие), числящиеся по армейской пехоте генерал-лейтенант Константин Ефимович Горецкий и генерал-майор Михаил Васильевич Акимов (и другие)[513].

В составе каждого военно-окружного управления имелось окружное интендантское управление; в составе каждого корпусного управления — управление корпусного интенданта, а в составе управления дивизии — управление дивизионного интенданта и т. д.

Интендантские учреждения мирного времени входили в состав разных инстанций военного управления — центрального, окружного, корпусных, дивизионных, крепостных — и назывались интендантскими управлениями: Главным, Окружным, Корпусным, Дивизионным и Крепостным. Другие являлись самостоятельными учреждениями и назывались интендантскими заведениями. Управления были распорядительными инстанциями, а интендантские заведения — исполнительными инстанциями.

В ведение интендантских заведений входила вся хозяйственно-операционная часть: прием, хранение и отпуск довольствия, а в некоторые из

---

[512] Общий состав Главного интендантского управления Военного министерства. СПб., 1912. С. 2.

[513] Общий состав чинов Главного интендантского управления. Пг., 1916. С. 3.

них — и производство (помол зерна, хлебопечение, сухаросушение, шитье обмундирования, постройка обоза и пр.). Заведения первого рода назывались складами и магазинами; заведения второго рода — техническими (казенно-фабричными), включая заводы, мастерские, мукомольни, хлебопекарни и пр. Также существовал и третий род самостоятельных интендантских органов специально для приема предметов вещевого довольствия и обоза — это вещевые приемные комиссии и обозные приемщики. Их можно назвать интендантскими приемными органами.

Интендантские заведения по своему назначению подразделялись на продовольственные, вещевые и обозные. В зависимости от своего оборудования они могли быть простыми хранилищами, складами (вещевые, обозные) или магазинами (продовольственные) и техническими заведениями (мукомольни, хлебопекарни, сухарные заводы, сенопрессовальни, обмундировальные мастерские, обозные мастерские и пр.). По порядку управления заведения делились на два вида: 1) отдельные, т. е. мукомольни, сухарные заводы, продовольственные магазины, вещевые склады и т. д.; 2) сборные или групповые, т. е. соединявшие нескольких заведений под началом одного лица.

На 1912 г. существовало до 300 продовольственных магазинов и технических продовольственных заведений, находящихся в ведении интендантства: 22 мукомольни, 7 хлебопекарен, 4 сухарных завода, 2 сенопрессовальни и 2 железнодорожных продовольственных пункта. Часть названных заведений объединились вместе с небольшим числом продовольственных магазинов и образовали 5 сборных, или групповых, продовольственных заведений. Вещевые заведения состояли главным образом из складов, в которых хранились материалы и шитые вещи: 17 вещевых складов, 2 склада неприкосновенных госпитальных запасов и 9 складов при обмундировальных мастерских для хранения материалов и вещей, сшитых центральными обмундировальными мастерскими.

Вся эта сложная система интендантской службы была призвана обеспечить русскую армию всем необходимым. Для того чтобы представить масштабы необходимых работ, приведем цифры общего состава вооруженных сил и их обеспеченности главными видами интендантского довольствия[514] по документу, датированному мартом 1915 г. Это план по нормальному плану развертывания армий на всех фронтах во время войны, разработанному Генеральным штабом в 1910 г., согласно которому общий состав вооруженных сил, включая запасные батальоны Московского, Казанского и Омского военных округов, исчислялся в 3 700 000 человек и 1 150 000 лошадей (позднейшими распоряжениями к этому общему количеству было добавлено 720 тыс. ополченцев). Этот состав вооруженных сил России обеспечивался главными предметами интендантского снабжения в зависимости от ежегодно отпускаемых на это денежных средств (чрезвычайных кредитов) по специальному плану, разработанному в канцелярии Военного министерства, в связи с потребностями армии.

По этому плану последнее ассигнование кредитов на доведения положенных для обеспечения армии интендантских запасов до установленных норм должно было состояться по сметному исчислению 1916 г., в связи с чем полная готовность русской армии в интендантском отношении могла быть достигнута лишь к началу 1917 г., а война, как известно, началась в августе 1914 г.

Однако по указанию главного интенданта были приняты экстренные меры по усиленному заготовлению разных предметов снабжения, поскольку законодательные учреждения предоставили Главному интендантскому управлению право производства заказов за счет кредитов, подлежащих обязательному ассигнованию в последующие годы. Вследствие этого удалось достигнуть того, что ко времени объявления мобилизации почти все недостающие в армии предметы интендантского довольствия (за исключением

---

[514] РГВИА. Ф. 499. Оп. 5. Д. 481. Л. 13.

84 тыс. комплектов снаряжения, 443 тыс. комплектов теплых вещей и 1222 штук парных повозок) уже были частично заготовлены или находились в производстве на фабриках и заводах и стали сдаваться интендантству с первых месяцев войны.

Между тем грандиозность вооружений, предпринятая противниками России, заставила Главное управление Генерального штаба с самого начала войны принять и со своей стороны меры к значительному усилению своих вооруженных сил по сравнению с разработанным ранее планом, а именно:

1) увеличить число запасных батальонов (и более чем в два раза — их штатный состав) и дружин Государственного ополчения;

2) привлечь все сформированные с началом войны дружины Государственного ополчения на театр военных действий в полном обмундировании и снаряжении вместо положенного сокращенного и сформировать внутри страны новые дружины для несения караульной службы;

3) произвести два досрочных призыва новобранцев;

4) произвести дополнительные призывы ратников.

Всеми перечисленными мерами общий состав русской армии был доведен до 7 580 000 человек, т. е. оказался на 3 160 000 человек больше, чем предполагалось раньше. Все это внесло серьезные коррективы в работу интендантства русской армии.

Серьезно изменился в связи с развертыванием боевых крупномасштабных действий и личный состав интендантства, штат которого был значительно расширен. Для замещения вакантных должностей главным контингентом явились инженерные кондукторы и вольноопределяющиеся I разряда, благодаря которым удалось наладить главнейшую часть новой работы, а именно приемку продуктов продовольствия. Однако, как выяснилось уже в первые 5 месяцев войны, число призванных кондукторов все еще не соответствовало размерам развивавшихся операций по заготовкам.

Интендантская академия в 1914 г. дала ведомству 49 офицеров[515], большая часть которых согласно закону была прикомандирована к Интендантскому ведомству и несла службу в полевых интендантствах и на приемках. На время войны занятия в Академии прекратились, а слушатели были определены для замещения должностей в интендантских учреждениях и заведениях на театре военных действий. Начальником Академии на протяжении всего рассматриваемого периода был числящийся по полевой легкой артиллерии генерал-майор Петр Васильевич Якубинский[516].

В 1915 г. укомплектование интендантства шло на прежних основаниях преимущественно по мобилизации, в связи с чем численность зауряд-военных чиновников в ведомстве стала еще более значительной. В частности, для обеспечения последними посторонних ведомств, обслуживавших армию параллельно с интендантством и получавших от него нижних чинов, главному интенданту было предоставлено право переименовывать эти нижние чины в зауряд-военных чиновников в неограниченном числе без назначения на должности, но зато и без содержания, присвоенного зауряд-военным чиновникам[517].

Но несмотря на все меры, специалистов не хватало, и приходилось привлекать на интендантские должности не только профессионалов, закончивших Интендантскую академию.

Недостаток высококвалифицированных кадров был не единственной проблемой интендантства. С началом войны участились случаи коррупции и хищения из интендантских запасов.

Приведем лишь один яркий пример из истории Иркутского военного округа. В феврале 1915 г. в местном военно-окружном суде слушалось дело делопроизводителя Читинского интендантского вещевого склада, губернского

---

[515] Там же. Оп. 1. Д. 1911. Л. 67.

[516] Общий состав чинов Главного интендантского управления... С. 31.

[517] РГВИА. Ф. 499. Оп. 1. Д. 1926. Л. 2.

секретаря Евгения Биммана[518], которого обвиняли по нескольким деяниям. Во-первых, в г. Троицкосавске, будучи заготовителем сена для Ургинского продовольственного склада с января по сентябрь 1914 г. и получив для надобностей этой заготовки летом того же года аванс в сумме 6050 руб. по ассигновке корпусного интенданта 2-го Сибирского армейского корпуса от 29 мая 1914 г. за № 4012, он:

а) означенную сумму казенных вверенных ему по службе денег присвоил и проиграл в карты, не пополнив растраченного;

б) умышленно, с целью скрыть получение упомянутого аванса в сумме 6050 руб., не записал его на приход в приходно-расходную тетрадь;

в) представляя по окончании заготовки сена для Ургинского продовольственного склада при распределительном отряде от 5 сентября 1914 г. за № 262 отчет по означенной заготовке в Иркутское окружное интендантство, умышленно, с целью скрыть совершенную им растрату аванса в сумме 6050 руб., не включил в упомянутый отчет сведения о получении этого аванса.

Во-вторых, осенью 1914 г. в г. Верхнеудинске, получив по ассигновке Иркутского окружного интендантского управления от 23 сентября того же года за № 4829 аванс в сумме 4000 руб. для восстановления перерасходованных им при заготовке сена для Ургинского продовольственного склада кредитов, означенную сумму кредитных денег, вверенных ему по службе, присвоил и проиграл в карты, не пополнив растраченного.

В-третьих, в октябре 1914 г. в г. Верхнеудинске, будучи помощником заготовителя 2-го Забайкальского района подполковника Ермолинского и получив по чекам последнего за № 177 051 и 177 052 из Верхнеудинского казначейства 5000 руб. на заготовку фуража, из этих казенных, вверенных ему по службе денег, присвоил и проиграл в карты 3198 руб.

---

[518] Там же. Оп. 8. Д. 385. Л. 41.

В-четвертых, в ноябре 1914 г., будучи арестован на Читинской гарнизонной гауптвахте по распоряжению окружного интенданта Иркутского военного округа генерал-майора Трофимова, с целью оскорбить названного генерала написал на имя последнего и отправил по почте письмо, в котором высказал в резких выражениях свое недовольство распоряжением генерала Трофимова о его, Биммана, аресте, употребив, между прочим, следующую фразу: «Если Вы сознательно сделали мне больно, арестовав меня, когда имели полную возможность этого не делать, я не остановлюсь ни перед чем, чтобы сделать и Вам и Вашим любимцам больно, но тут может получиться иная картина», каковое письмо и было получено генерал-майором Трофимовым[519].

В-пятых, в г. Чите, подав начальнику Читинского интендантского вещевого склада рапорт от 28 октября 1914 г. за № 6 о болезни, засвидетельствованный врачом и освобождавший его от исполнения своих служебных обязанностей до 1 ноября, после истечения срока с целью уклонения от своих обязанностей на службу в управление упомянутого склада не явился вплоть до ареста его 5 ноября 1914 г.

За эти деяния суд, приняв во внимание чистосердечное, соединенное с раскаянием признание Евгения Биммана и отличные аттестации о нем его начальства, а также прекрасное выполнение им, с выгодой для казны, сложных служебных поручений, приговорил его к лишению дворянства, чинов, медалей и всех особенных, лично и по состоянию присвоенных, прав и преимуществ, к исключению со службы и к отдаче в исправительное арестантское отделение на девять месяцев с последствиями по закону и с изыманием с него 13 248 руб. убытка казны[520].

Нам удалось выявить 36 дел о чиновниках и офицерах интендантства, привлеченных к следствию и суду с 22 января 1915 г. по 21 июля 1916 г. (см. Приложение 1). По этим делам прошло 57 офицеров и чиновников

---

[519] Там же. Л. 42.

[520] Там же. Л. 121–122.

интендантства, которые нанесли колоссальные убытки казне, при этом только 10 человек из них понесли наказание.

Учитывая масштабы работы, проводимой интендантством русской армии, понятно, что подобные явления были неизбежны. Однако, обращаясь к той же статистике судебных разбирательств, мы можем сделать вывод о неизменном стремлении самой системы Главного интендантского управления изжить в себе эти недостатки путем построения строго иерархичной системы функционирования всех служб.

За два с лишним века своего существования интендантство русской армии накопило богатейший опыт по организации и развертыванию всех служб тылового обеспечения. К началу первой мировой войны оно уже имело строго иерархичную структуру с концентрацией всей полноты власти в руках главного интенданта, что позволяло оправданно распределять и финансовые, и людские ресурсы на обеспечение тех или иных видов довольствия. Однако стоит признать, что при всей развитости самой системы интендантских служб она оказалась не совсем готова к столь масштабной войне, которая так не походила на недавнюю войну с Японией, хотя организация самой структуры интендантства соответствовала потребностям организации довольствия русской армии. Это заставило чиновников Интендантского ведомства перестраивать свою работу уже в процессе войны, что, конечно же, не сказывалось положительно на работе интендантства в целом.

4. 2. Система вещевого довольствия

Под вещевым довольствием понимается обеспечение войск предметами обмундирования, бельем, обувью и снаряжением. В России к вещевому довольствию относили также и войсковое конское снаряжение, и предметы и принадлежности для седлания лошадей, и интендантский обоз.

Вещевым довольствием в Главном интендантском управлении занимались I–III отделения.

Начальником I отделения («По заготовлению и отпуску предметов обмундирования и снаряжения») в рассматриваемый период был числящийся по армейской пехоте подполковник Евгений Иванович Хоникевич[521].

Начальником II отделения («По заготовлению и отпуску госпитальных и годовых вещей и постельных принадлежностей» (в 1912 г.), а в 1914–1918 гг. — II вещевого отделения) был действительный статский советник Петр Петрович Елсаков[522].

До первой мировой войны III отделение занималось провиантским, приварочным и фуражным довольствием, а во время войны оно становится III вещевым отделением и его возглавляет надворный советник Николай Николаевич Шумовский[523].

Основным документом, регулирующим деятельность по вещевому довольствию войск, служило «Положение о вещевом интендантском довольствии», объявленное приказом № 8 Военного ведомства 1890 г. Со всеми дополнениями и изменениями по 1 января 1910 г., за исключением табелей

---

[521] Общий состав Главного интендантского управления Военного министерства. СПб., 1912. С. 13; Общий состав чинов Главного интендантского управления. Пг., 1916. С. 6.

[522] Общий состав Главного интендантского управления … С. 18; Общий состав чинов ... С. 7.

[523] Общий состав чинов …. С. 9.

вещевого довольствия и описаний, оно вошло в «Свод военных постановлений 1869 г.» (1911. Кн. XIX, раздел IV).

Войска получали ежегодно от интендантской службы определенное количество вещей и определенную сумму денег на пошив (см. Приложение 2). И деньги и вещи отпускались, исходя из: 1) числа людей, 2) установленных сроков службы вещей, 3) установленных описаний вещей (каких материалов, в каком количестве, а также сколько денег требуется на каждую вещь). Войскам отпускались вещи: 1) годовые, 2) мундирные и амуничные, 3) бессрочные, 4) постельные принадлежности; деньги: 1) на шитье вещей и чистку амуниции и 2) ремонтные. Вещевым довольствием также считался установленный в 1905 г. отпуск мыла.

К категории годовых вещей и денег относились: белье нательное, носовые платки, утиральники, портянки и амуничные деньги. Каждый солдат получал ежегодно: три рубахи, трое исподних брюк, три носовых платка, два утиральника, три пары портянок, одну пару высоких сапог, кроме того, вторую пару передов, подошв и подметок[524]. Все эти вещи, кроме обуви[525], войсковые получали в готовом виде.

Годовыми вещами и амуничными деньгами нижние чины удовлетворялись 1 марта каждого года. Нижние чины и новобранцы, прибывавшие на службу после 1 июля, получали только половину того, что было положено на год. Прибывавшие после 1 декабря никаких годовых вещей и денег за текущий год не получали. Годовые вещи и деньги, выданные в год призыва новобранцам осеннего призыва, зачислялись им как данные с 1 января наступающего года.

При мобилизации все нижние чины запаса независимо от времени призыва их на службу получали: две рубахи, двое исподних брюк, три пары

---

[524] ПВВ. 1905. № 769; 1906. № 421; 1908. № 13; 1910. № 222.

[525] ПВВ. 1905. № 769.

портянок, два носовых платка, один утиральник, одну пару сапог в готовом виде и амуничные деньги в полном годовом размере.

Кроме того, каждому полагались постельные принадлежности. Новобранец при поступлении на службу получал их полный комплект: одно одеяло, одну тюфячную и одну нижнюю подушечные наволочки, три простыни и три верхние подушечные наволочки. Все вещи засчитывались сроком с 1 января следующего за годом призыва, а через год каждому солдату выдавалось по одной простыне и по одной верхней подушечной наволочке.

Выданные постельные принадлежности назад не отбирались, при переводе нижних чинов в другое место они пересылались вместе с ними. При увольнении в запас старослужащих нижних чинов полученные ими постельные принадлежности поступали в полную их собственность.

Постельные принадлежности в войсках получались от интендантской службы в готовом виде. Для белья нательного и постельного положено было приобретать хлопчатобумажные или улучшенные льняные ткани[526].

Мундирные вещи — это предметы одежды, амуничные — предметы снаряжения; для них тоже существовали установленные сроки службы. Так, мундирные вещи выдавались: мундир на два года, шаровары суконные на один год, шинель на два года, фуражка на два года, башлык на шесть лет, гимнастическая рубаха на один год. К мундирным вещам с 1912 г. относилась также походная суконная рубаха защитного цвета (ПВВ. 1912. № 218) с суконными шароварами защитного же цвета составляли походное обмундирование.

Войска в мирное время снабжались как походным, так и парадным обмундированием. Существовали конкретные сроки службы соответствующего обмундирования; например для пехоты (от 1 года до 4 лет)[527]:

---

[526] ПВВ. 1907. № 9, 590; 1909. № 406.

[527] Макшеев Ф. А. Военное хозяйство: Курс Интендантской академии. СПб., 1913. С. 199.

Парадное обмундирование:

парадный мундир — 4;

парадные шаровары — 3;

парадная фуражка — 3.

Походное обмундирование:

суконная рубаха — 1 1/2;

походные шаровары — 1;

походная фуражка — 2.

Сроки службы амуничных вещей составляли от 8 лет (для вещевых и сухарных мешков) до 14 лет (для патронных сумок) и пр.

Вещами, не имеющими каких-либо сроков годности, из предметов снаряжения отдельных людей и лошадей являлись все металлические вещи (в том числе котелки и чарки), седла с принадлежностями, а также парадные головные уборы (кивера, каски и пр.)[528]; из общей принадлежности целым войсковым частям — барабаны, рожки, трубы, музыкальные инструменты, свистки, обоз с упряжью и принадлежностью, церковные наметы.

Какой же существовал порядок снабжения войска обмундированием и снаряжением? Все части получали от интендантской службы в готовом виде все предметы обмундирования, обувь, белье, носильное и постельное, одеяла. Исключение делалось лишь для конной артиллерии и кавалерии — они всю обувь заготавливали сами на отпускаемые им деньги. Обмундирование для пехоты, легкой артиллерии и инженерных войск (кроме частей гвардии) производилось не по меркам на каждого человека, а по ростам или лекалам. Вещи отпускались интендантской службой по количеству затребованных комплектов каждого роста и поступали в неприкосновенные запасы частей войск без подгонки на каждого человека в отдельности. Обмундирование для кавалерии и конной артиллерии, а также для всех частей гвардии

---

528 Аранович А. В. Реформа парадной форменной одежды Русской армии в 1907 г. // Герценовские чтения 1998: Актуальные проблемы социальных наук. СПб., 1998. С. 45–48.

осуществлялось, исходя из мерок на каждого человека. Пехота, легкая артиллерия и инженерные войска обувь получали от интендантской службы на каждого новобранца по две пары сапог в готовом виде, на каждого старослужащего по одной паре в готовом виде и в материалах на вторую пару. Сапоги шили в интендантских службах по нескольким меркам, поэтому каждый полк должен был сообщать заранее, сколько именно комплектов по каждой мерке требовалось полку. Кавалерия и конная артиллерия всю обувь получали в деньгах и шили сами. Все белье и одеяла войска получали в готовом виде.

Все предметы довольствия производились в обмундировальных мастерских — центральных и районных. Центральные мастерские учреждались в крупных военно-административных центрах. В них шились все новое обмундирование для пехоты, легкой артиллерии и инженерных войск (кроме частей гвардии), а также обувь для них. Районные мастерские учреждались при воинских частях. Для каждой отдельной части кавалерии и конной артиллерии, а также для гвардейской части учреждалась своя районная мастерская. В этих мастерских шилось все новое обмундирование по меркам на каждого отдельного нижнего чина.

Так как некоторые предметы вещевого довольствия (годовые вещи и деньги) отпускались только на действительное число, а другие (все прочие вещи и деньги) на штатное число людей, то на вещевое довольствие составлялось два требования: одно на годовые вещи и деньги, а другое на прочие вещи и деньги.

Годовые вещи и деньги требовались авансом по списочному числу людей на 1 февраля текущего года, предшествующего тому, на который нужны вещи.

После проверки так называемых требовательных ведомостей, представленных дивизионными интендантами, Управление корпусного интенданта составляло общую требовательную ведомость для всего корпуса.

Окружное интендантское управление делало распоряжение об отпуске каждой войсковой части причитающегося ей вещевого довольствия. Корпусной

интендант по получении уведомления от Окружного интендантского управления о назначении к отпуску вещей и выделении ему соответствующего кредита ассигновал войскам деньги.

Отпуск в войска срочного вещевого довольствия начинался с 1 января и заканчивался к 1 марта.

Предметы белья и шитого обмундирования для приемки укладывались отдельно по званиям и номерам мерок. Из вещей каждого наименования и для каждого роста брали на выбор по несколько комплектов и подробно осматривали — сравнивали с образцами и описаниями (по наружному виду, качеству изготовления и шитья), а также с табелями мер (в отношении размеров), причем сам обмер предметов производился, по возможности, на соответственных манекенах. При этом осмотре поверялась правильность наложения клейм и номеров ростов, которые должны были быть наложены на видных местах черной масляной краской: на шинелях и мундирах — на подкладке внизу правой полы, в башлыках — с внутренней стороны у заднего шва, на шароварах — на подкладке на левой стороне у пояса, в фуражках — с внутренней стороны на подкладке, на гимнастических рубахах — с внутренней стороны у подола; а на погонах вместо клейм ставились пломбы на каждой пачке в 10 пар[529].

В 1912 г., согласно приказу Военного Ведомства № 457, было введено новое положение о вещевых складах. По новому штатному расписанию увеличивался и личный состав складов, и оклады на его содержание. Для больших складов была введена должность помощника начальника склада, на которого возлагалось заведование хозяйством склада; увеличивалось число смотрителей магазинов, на каждом складе устанавливалась должность заведующего завозом и вывозом.

---

[529] Вакар Я. Я. Справочник для дивизионных интендантов и всех лиц, соприкасающихся с войсковым хозяйством и продовольствием войск. СПб., 1911. С. 48.

Функции вещевых складов заключались в приеме предметов вещевого довольствия и в хранении и расходовании их. Приему подлежали предметы вещевого довольствия: 1) освидетельствованные приемными комиссиями и отдельными приемщиками, 2) от обмундировальных мастерских, 3) от частей войск и 4) от других вещевых складов.

Прием предметов обмундирования и снаряжения регулировался строгими правилами, утверждаемыми в Главном интендантском управлении[530]. Для приема предметов вещевого довольствия учреждались интендантские и войсковые постоянные приемные комиссии. Интендантские приемные комиссии занимались приемом материалов, а также тех вещей, которые были изготовлены из материалов, не подвергшихся предварительному исследованию и потому требующих технических и химических испытаний для определения качества. Войсковые приемные комиссии ведали приемом готового обмундирования, обуви, белья, постельных принадлежностей, палаточного лагеря, госпитальных и других вещей[531]. Интендантские приемные комиссии преимущественно располагались в пунктах нахождения вещевых складов. На 1912 г. существовало 10 интендантских приемных комиссий: Варшавская, Двинская, Казанская, Киевская, Кременчугская, Московская, Петербургская, Симбирская, Тамбовская и Тифлисская. Войсковые приемные комиссии учреждались главным начальником военных округов по представлениям окружных интендантов и с согласия главного интенданта в тех пунктах, где это было необходимо.

Кроме постоянных приемных комиссий могли учреждаться также и временные комиссии, а для приема материалов и вещей непосредственно на

---

[530] Извлечение из доклада по Главному интендантскому управлению 8 апреля 1911 г. за № 16400/86.

[531] ПВВ. 1911. № 551; 1912. № 119.

фабриках, заводах и в мастерских с разрешения главного интенданта из состава приемных комиссий могли быть командируемы отдельные приемщики.

Интендантские приемные комиссии имели двоякий личный состав: постоянный и переменный. Постоянный состав был весь интендантский. Переменный состав образовывали 5 членов-представителей — по одному от войск, государственного контроля, министерства торговли и промышленности, биржевых комитетов и фабрикантов[532]. Председатель приемной комиссии как интендантской, так и войсковой был непосредственным ее начальником.

Войсковые приемные комиссии рассматривали готовые вещи только на предмет качества пошива и соответствия размерам, но если при их наружном осмотре материалы, из которых они были изготовлены, оказывались явно непригодными для своего назначения, то комиссия не принимала вещи и сообщала о причине окружному интенданту, по распоряжению которого назначалась согласительная комиссия. В случае разрешения недоразумения копия журнального постановления согласительной комиссии предоставлялась в Технический комитет Главного интендантского управления. Если же согласительная комиссия не могла урегулировать возникшие разногласия, то вопрос через окружного интенданта для окончательного решения переносился в Технический комитет Главного интендантского управления.

Прием материалов и вещей производился ежедневно, исключая воскресные и неприсутственные дни.

На основании наружного осмотра и в результате технических испытаний партия вещевого довольствия должна была быть отнесена к одной из четырех категорий. В первую категорию попадали партии, соответствовавшие контрактным условия и кондициям и допускавшиеся к приему; во вторую — хотя не совсем отвечающие условиям и кондициям, но пригодные без ущерба для казны; в третью — хотя и не вполне соответствующие условиям и кондициям, но пригодные для своего назначения и может быть допущена к

[532] ПВВ. 1912. № 236, 244.

приему со скидкой с контрактной стоимости. К четвертой категории относились бракованные партии.

Хранению и расходованию в вещевых складах подлежали предметы вещевого довольствия: 1) назначенные для текущего довольствия войск и 2) состоящие в запасах разного назначения.

В канун первой мировой войны вещевых складов было 18. Соответственно обороту вещей они делились на три разряда: высший, средний и низший.

1. Складов высшего разряда было 5 (в порядке убывания их величины): Московский, Киевский, Иркутский, Петербургский и Двинский.

2. Складов среднего разряда — 7: Хабаровский, Кременчугский, Варшавский, Казанский, Тифлисский, Ташкентский, Читинский.

3. Складов низшего разряда — 6: Воронежский, Омский, Тамбовский, Симбирский, Хорошевский склад неприкосновенных госпитальных запасов и Брест-Литовский склад госпитальных запасов для полевых подвижных и запасных госпиталей[533]. Если исключить Хорошевский и Брест-Литовский, бывшие складами исключительно специального назначения, то вещевых складов общего назначения остается 16 (для хранения материалов, обмундирования и снаряжения): 5 высшего, 7 среднего и 4 низшего разрядов.

Перечислим главных смотрителей вещевых складов[534]:

Петербургский — полковник Семен Георгиевич Белов;

Двинский — полковник Иосиф Иосифович Яздовский;

Варшавский — полковник Петр Петрович Кравченко;

Киевский — полковник Николай Константинович Скордулли;

Кременчугский — подполковник Георгий Иванович Погребняк (и. д.);

Воронежский — полковник Николай Николаевич Семенов;

Московский — полковник Владимир Александрович Ховренко;

---

[533] Макшеев Ф. А. Военное хозяйство. С. 208.

[534] Памятная книга на 1912 г. СПб., 1912. С. 162.

Тамбовский — подполковник Николай Дмитриевич Костицын (и. д.);

Симбирский — полковник Александр Александрович Максимов;

Казанский — подполковник Петр Андреевич Уманцев-Дмитровский (и. д.);

Тифлисский — полковник Андрей Андреевич Синицын;

Ташкентский — ст. советник Фаддей Лаврентьевич Бутлер;

Омский — полковник Николай Михайлович Семенов;

Иркутский — полковник Василий Карлович Андерсон;

Читинский — подполковник Дмитрий Петрович Козловский (и. д.);

Хабаровский — полковник Лука Антонович Гальчинский;

Хорошевский склад неприкосновенных госпитальных запасов — полковник Владимир Николаевич Крепиш.

В вещевых складах, кроме материалов и готовых вещей обмундирования и снаряжения войск и вещевого довольствия постоянных госпиталей, содержались также обоз и все имущество разного рода подвижных учреждений, формируемых в военное время (полевые госпитали, не приданные дивизиям, военно-санитарные транспорты, имущество военно-санитарных поездов); в эти же госпитали сдавалось все заштатное имущество, что крайне загромождало и так небольшие территории складов.

Из осмотра некоторых вещевых складов, произведенного летом 1912 г. главным интендантом, подтвердилась загроможденность их излишним имуществом. В результате проверки выяснилось, что, например, в Двинском складе, не получив назначения, хранилось 60 000 шинелей, 32 000 мундиров, 82 000 фуфаек, 51 000 патронных сумок, 35 000 вещевых мешков, 5000 ранцев, 15 000 котелков и много других вещей, в том числе 30 000 кожаных пуговиц (здесь они лежали без употребления, а в Казани в них ощущался недостаток)[535].

Порядок хранения предметов вещевого довольствия указан в «Своде военных постановлений за 1869 г.» (кн. XII; последнее издание этой книги

[535] Приказ по Интендантскому ведомству 1912 г. № 176.

вышло в 1907 г.), в «Инструкции по хранению вещей в интендантских вещевых складах», объявленной циркуляром Главного штаба 1877 г. № 354, и в положении о вещевых складах ПВВ. 1912. № 457. Согласно этим документам, помещения для хранения вещей, кроме кожаных, деревянных, обвязочных и укупорочных материалов, должны были быть сухими с плотными полами. Помещения для сапожного товара и вещей, сделанных из выдубленной кожи, должны были быть не сухие, преимущественно в нижних этажах, обращенных на север, но и не слишком сырые. Предметы вещевого довольствия хранились на стеллажах, полках, в шкафах.

Вещевые склады подчинялись окружным интендантам по месту своего нахождения. Вещевой склад включал управление склада и магазины. Число последних было различно: в складах высшего разряда — от 11 до 16, среднего — от 4 до 11, низшего разряда — 4 и менее. Так, в Петербургском вещевом складе было 12 магазинов: холщовый, амуничный, металлическо-госпитальный, лагерный, мягко-госпитальный, металлический расходный, шитых вещей (все помещались за Московской заставой), сапожный, суконный, обвязочный, отборный (все — на Никольской улица, теперь — улица Глинки) и седельно-обозный (он находился на Дровяной улице).

Во главе склада стоял начальник склада — полковник. Во всех складах высшего и среднего разрядов, а также в одном низшего (Омском) по штату полагался помощник начальника склада, он же заведующий хозяйством, штаб-офицер. Магазины складов находились в непосредственном ведении смотрителей этих магазинов. Во всех складах, кроме двух специальных — Хорошевского и Брест-Литовского, имелся заведующий завозом и вывозом, а в Московском складе их было два. Остальной персонал складов состоял из нескольких чинов для поручений, делопроизводителя, письмоводителя и его помощников, заведующего бухгалтерией, бухгалтеров и их помощников, начальника служительской команды и его помощника.

Все поименованные должности, кроме начальника служительской команды и его помощника, были классными, которые могли замещаться

офицерами и классными чинами, но количество офицеров не должно превышать одной трети штатного состава должностей.

Чтобы иметь представление о численности офицерского состава (в том числе и чиновников) вещевых складов, приведем этот состав для Московского склада[536]: начальник склада — 1, его помощник — 1, чины для поручений — 6, чины канцелярии (делопроизводитель, письмоводитель, бухгалтер и пр.) — 12, начальник служительской команды и его помощник — 2, смотрители магазинов — 14, заведующие завозом и вывозом — 2, всего — 38 человек.

Нижние чины вещевого склада занимали должности фельдфебеля, каптенармуса, писарей, вахтеров, служителей из рядовых и фельдшера. Штат нижних чинов по Московскому вещевому складу: фельдфебель — 1, каптенармус — 1, писари — 32, вахтеры — 52, служители из рядовых — 310, фельдшер — 1, всего — 397 человек.

К началу первой мировой войны в штатном персонале всех вещевых складов числились 370 офицеров и чиновников и 3700 нижних чинов.

Вещевые запасы, содержащиеся на складах, делились на запасы для надобностей 1) мирного времени и 2) военного времени.

Для рассмотрения интересующего нас вопроса особое значение приобретает тема запасов для надобностей военного времени[537], которые именовались неприкосновенными.

Каждая воинская часть содержала неприкосновенный запас для себя и для соответствующей части дивизионного обоза; кроме того при большинстве частей полевых войск содержались неприкосновенные запасы для соответствующей ей резервной и запасной части. В вещевых складах содержались неприкосновенные запасы для неприданных дивизиям полевых госпиталей, военно-санитарных транспортов, полевых хлебопекарен и некоторых других учреждений.

---

[536] Макшеев Ф. А. Военное хозяйство. С. 211.

[537] ПВВ. 1911. № 493.

Вещевые запасы, которыми обеспечивали армии в военное время, назывались запасами военного времени. Они формировались по соображениям Главного интендантского управления, представляемым каждый раз с заключением начальника Генерального штаба через Военный совет на Высочайшее утверждение.

Кроме неприкосновенных и запасов военного времени при управлениях уездных воинских начальников содержались еще запасы для снабжения нижних чинов, призываемых в армию при мобилизации в случае необходимости. Из этого запаса выдавались вещи и новобранцам, нуждавшимся в одежде и обуви.

Обмундирование изготавливалось в двух казенных мастерских — в Киеве и Двинске, в которых работали в них исключительно вольнонаемные. В постоянный штат входили лишь начальник мастерской, его помощник, писарь и два вахтера.

Ведение хозяйственной части обмундировальной мастерской возлагалось на хозяйственный комитет, состоявший из председателя и двух членов, избираемых окружным интендантом из числа подчиненных ему учреждений. Заведующий мастерской и его помощник участвовали в заседаниях комитета с правом голоса.

Хозяйственный комитет составлял смету на предстоящий год и после утверждения ее окружным интендантом приводил в исполнение. Он распоряжался всеми суммами, отпускаемыми на содержание мастерской, определял стоимость постройки каждой вещи, устанавливал штат постоянных служащих и мастеровых и необходимое число мастеровых и рабочих для своевременного выполнения полученных мастерской нарядов, заключал и утверждал договоры по найму служащих.

Общее наблюдение за действиями комитета и мастерской лежало на окружном интенданте, которому ежемесячно предоставлялся отчет об успехах в работе по нарядам, а по окончании года — подробный годовой отчет. Не менее

одного раза в год окружной интендант производил полную ревизию мастерской.

Кроме двух казенных обмундировальных мастерских для потребности армии работало множество частных обмундировальных мастерских, мастерских Тюремного ведомства, мастерских общественных организаций и земских, специально оборудованных для пошива солдатского обмундирования, обуви и белья.

В центральных мастерских изготавливалось обмундирование, белье и обувь; районные мастерские предназначались главным образом для подгонки вновь сшитых вещей обмундирования и обновления ношеных вещей, но только для тех войсковых частей, для которых вещи шились по меркам на каждого человека.

В 1912 г. интендантская служба располагала 17 центральными мастерскими для шитья обмундирования: из них две казенные мастерские (Двинск и Киев), три тюремные (Санкт-Петербург, Херсон и Томск) и 12 частных (в Санкт-Петербурге, Москве и Елисаветграде по две; в Варшаве, Казани, Кременчуге, Ставрополе, Тифлисе и Ташкенте по одной).

В Главном интендантском управлении разрабатывались строгие критерии для изготовления обмундирования в центральных мастерских, утверждавшиеся непосредственно начальником канцелярии Военного министерства и помощником главного интенданта[538].

В периодической печати мы неоднократно встречаем сведения о деятельности мастерских по пошиву обмундирования и снаряжения. Так, «Новое время» сообщало, что «Петроградская ремесленная управа занята грандиозным приготовлением по заказу Интендантского ведомства для армии сапог и обмундирования. Для участия в исполнении первого привлечена армия сапожного цеха в числе 1460 человек, не считая ремесленников окраин

---

[538] Условия на изготовление обмундирования в центральных мастерских. Казань, 1914.

столицы, которые в списки цеха управы не входят. Каждый ремесленник обязан изготовить еженедельно по две пары сапог по цене 8 руб. 50 коп. В помещении ремесленной богадельни все цеховые подручные заняты изготовлением обмундирования из интендантского материала»[539].

Для избежания замеченных злоупотреблений со стороны посредников, отдающих в третьи руки изготовление белья, одежды и т. п., Общеземский союз прибегнул к содействию кооперативов, заключив договор с Московским союзом потребительных обществ на шитье 1 500 000 шт. белья с обязательной поставкой ежемесячно 500 000 шт.

В свою очередь, Союз потребительных обществ открыл среди московских и подмосковных кооперативов распорядительные пункты для пошива белья и обмундирования населением всех районов — 30 в Москве и 10 под Москвой. На них работало свыше 3000 женщин. В результате уже сшитое и сданное белье оказалось неизмеримо лучше, чем то, которое изготавливалось через посредников, к тому же многие нуждающиеся семьи получили нужный заработок[540].

Значительную помощь Главному интендантскому управлению в обеспечении армии всем необходимым во время ведения боевых действий оказывало Главное управление землеустройства и земледелия по снабжению теплой одеждой и сапогами, привлекая к заготовлению необходимых вещей крестьян-кустарей. Участие крестьян-кустарей в работах по изготовлению теплой одежды и сапог для армии имело огромное значение и для регулирования цен, и для поддержания минимальным заработком крестьянских семейств, лишившихся части работников, призванных на военную службу.

С первых же дней войны Главное управление землеустройства и земледелия образовало особые комиссии при земских управах в тех губерниях, где в крестьянской среде были наиболее распространены промыслы,

---

[539] Новое время. 1914. 14 декабря. № 13923.

[540] Новое время. 1914. 19 декабря. № 13928.

изготавливающие необходимые для армии предметы. В помощь этим комиссиям были откомандированы специалисты Главного управления по соответствующим отраслям кустарного производства. Кроме того, в составе некоторых комиссий находились представители от кустарных артелей, для того чтобы дать кустарям возможность участвовать в строго беспристрастном ведении дела[541].

Размещение центральных мастерских по округам не соответствовало потребностям округов в обмундировании, вследствие чего обмундирование для некоторых округов изготавливалось не в своем, а в чужом округе, а иногда даже в нескольких. Пошив обуви производился частично в тех же центральных мастерских, частично в разных других трудовых артелях, организациях Земств: Сумского, Остерского, Старооскольского, Новооскольского, Моршанского, тюремных учреждениях и мастерских частных предпринимателей. Всего в 1912 г. по контрактам с интендантскими службами работало 26 сапожных мастерских и организаций (кроме того, шитье сапог производилось в двух мастерских — Киевской и Двинской)[542].

С началом войны вследствие активного развертывания боевых действий интендантская служба вынуждена была в кратчайший срок заготовить огромное количество обмундирования и обуви. Ввиду первостепенной важности подобной задачи пришлось отступить от принятого в мирное время порядка производства заготовления, организовать его на самых широких началах, даже при участии губернаторов.

В этом отношении весьма ценное содействие Главному интендантскому управлению в деле заготовления обмундирования и обуви оказали организованные в Симбирской губернии уездные общественные мастерские под непосредственным энергичным руководством губернатора, тайного советника А. С. Клюгарева и уполномоченного по губернии вице-губернатора,

---

[541] Интендантский журнал. 1915. № 2. С. 64.

[542] Макшеев Ф. А. Военное хозяйство. С. 220.

действительного статского советника А. В. Аранова. Показателем плодотворной деятельности указанных организаций могут служить следующие количества разных предметов обмундирования, сапог и других вещей, изготовленных за период с конца октября 1914 г. по 15 июля 1915 г.: шинелей — 508 327, походных рубах — 376 562, шаровар — 437 683, рукавиц — 92 670, пар сапог — 198 199, пар наушников — 269, полушубков — 8719, палаток — 4980[543].

Интересен также вопрос о поставщиках обмундирования и снаряжения. Война заставила чиновников Военного ведомства обратиться к услугам тех поставщиков, которым ранее не могли быть представлены права на поставки предметов обмундирования (лицам еврейского происхождения, не купцам 1-й гильдии, приписанным вне черты еврейской оседлости и не владельцам фабричных заведений)[544].

В каждом конкретном округе по-своему решали проблему нехватки обмундирования и снаряжения, но механизмы выполнения этой задачи были схожими. Обратимся к примеру Туркестанского военного округа[545]. Так, в 1914 г. в округе заканчивался долгосрочный кредит, заключенный с акционерным обществом «Луи Зали» на постройку обмундирования, обуви и белья для войск округа. С разрешения Главного интендантского управления в первой половине 1914 г. стали устраивать торги на заподряд постройки обмундирования и белья для нижних чинов на новое пятилетие. Испрошенное незадолго до начала войны разрешение Военно-окружного совета на устройство торгов не было приведено в исполнение. Тогда главный интендант в телеграмме от 30 июля 1914 г. № 30490 предложил администрации по делам общества «Луи Зали» продлить на год срок контракта на постройку

---

[543] Согласно справке I отд. ГИУ от 3 августа 1915 г. № 2596. (РГВИА. Ф. 499. Оп. 2. Л. 963. Л. 71).

[544] РГВИА. Ф. 499. Оп. 2. Д. 963. Л. 33.

[545] РГВИА. Ф. 499. Оп. 1. Д. 1911. Л. 86.

обмундирования и белья. С предложением этим общество согласилось, и 10 ноября 1914 г. заключен был новый контракт на период с 1 января 1915 г. по 1 января 1916 г. на пошив обмундирования и белья на условиях и по ценам старого контракта.

Вместе с тем ввиду возникшей большой нужды в обмундировании и белье Главное интендантское управление распоряжениями в октябре и ноябре 1914 г. предложило мастерской сделать помимо контрактного количества свыше 5000 комплектов обмундирования и белья и 123 000 башлыков. Мастерская успешно справилась с заказом ввиду его срочности, выполнив пошив башлыков за месяц. Кроме того, по заказу Кавказского окружного интенданта и по распоряжению Главного интендантского управления, мастерская поставила 40 000 меховых папах и 15 000 меховых теплушек для Кавказской армии. Независимо от заказов Главного интендантского управления мастерская с ведома Окружного интендантского управления выполняла заказы теплых вещей для войск округа и дружин, отправляющихся на фронт. Без помощи центральной обмундировальной мастерской войска округа были бы поставлены в очень затруднительное положение, ибо на местном рынке теплых вещей не было, из-за по обыкновению теплой и непродолжительной зимы. Из снаряжения же мастерская, кроме мелких заказов, изготовила 30 000 патронных сумок из отмененных сапожных чехлов. Вообще же снаряжение в больших количествах в округе производиться не могло из-за отсутствия на местных рынках подходящих материалов.

Кроме обеспечения армии обмундированием и снаряжением перед округом стояла задача изготовления предметов обмундирования и починка его для военнопленных[546], поскольку среди прибывавших в пределы округа военнопленных нижних чинов многие оказались в совершенно негодной обуви, а некоторые и вовсе без нее, не имели белья, пальто, у некоторых оказались совершенно изношенные шаровары.

---

[546] Там же. Л. 87.

Военные начальники, в ведении которых оказались первые партии таких военнопленных, вынуждены были покупать для них самые необходимые вещи из тех, что имелись в продаже. Однако покупка новых вещей требовала больших расходов из казны. Поэтому в целях экономии было решено, используя труд самих военнопленных, чинить все те вещи, какие имелись на них. С этой целью в распоряжение воинских начальников поступили ассигнования на покупку необходимого инструмента и материалов для починки.

В какой же степени исправно и своевременно войска и военно-врачебные заведения округа были удовлетворены предметами вещевого довольствия? Ответ мы находим в докладной записке, приложенной к годовому отчету за 1914 г. по Туркестанскому военному округу[547].

Вещевое довольствие по сроку 1914 г. (на основании предписания Главного интендантского управления 25 июля 1913 г. за № 31451) началось с 15 августа 1913 г. рассылкой постельных принадлежностей для новобранцев призыва 1913 г., а затем и других предметов вещевого довольствия. Постельные принадлежности для новобранцев призыва 1913 г. были доставлены войскам к ноябрю. Прочие предметы вещевого довольствия были доставлены большей части войск округа до 1 января 1914 г., а остальной части войск вещи доставлялись после 1 января без замедления.

Вещевое довольствие по сроку 1915 г. в связи с военным временем производилось по мере действительной потребности в вещах и поступления от армейских частей засвидетельствованных требований, согласно приказу по Военному ведомству 1914 г. № 553. Отпуск вещей производился как из имеющихся в наличии на вещевом складе, так и из сданных войсками, ушедшими в поход. Задержек в снабжении необходимыми предметами вещевого довольствия не было.

---

[547] Там же.

Продолжавшаяся и в 1916 г. война потребовала принятия тех же исключительных мер для обеспечения армии всем необходимым ей снабжением, какие применялись в 1915 г. В результате в 1916 г. Главному интенданту было предложено: а) избрать способ заготовления довольствия, б) утверждать поставки собственной властью в пределах цен, назначаемых Военным советом, и в) заготовлять вещи с отступлением от образцов, лишь бы они соответствовали своему назначению (постановление Председателя Особого совещания 1 марта 1916 г.)[548].

Во избежание вредной для казны конкуренции в распределении заказов между частными заводами и общественными организациями по плану 1916–1917 гг. на основании постановления председателя Особого совещания от 11 января 1916 г. была образована Особая комиссия при Главном интендантском управлении с представителями Главных управлений Военного министерства и общественных организаций[549].

На долю интендантских служб выпала чрезвычайно сложная работа по удовлетворению огромных потребностей армии, исчисляемых миллионами комплектов вещей и миллионами пудов разных продуктов, на заготовление которых в 1916 г. было разрешено к отпуску из военного фонда более 3,8 млрд. руб., помимо 430 млн. руб., ассигнованных на текущее довольствие армии.

Сложная задача заготовки столь грандиозного количества вещей выполнялась при широком участии общественных и кустарных организаций, благодаря чему лишь незначительное (по сравнению с размерами общих заготовок) количество предметов было заказано за границей, в основном, некоторая часть сапог, седел, подошвенной кожи, сукон и подков.

Заготовка предметов интендантского довольствия производилась согласно планам удовлетворения потребности армии. В конце 1916 г. были

---

[548] РГВИА. Ф. 499. Оп. 1. Д. 1926. Л. 85.

[549] Там же.

разработаны планы снабжения армии на период до 1 июля 1918 г., причем в основание расчетов была положена численность армии в 8,5 млн. человек и 2 млн. лошадей.

Потребность в обуви за годы войны сильно возросла и в 1916 г. в среднем требовалось до 2,2 млн. пар сапог ежемесячно. Предвидя дальнейшее повышение спроса на обувь, Военное ведомство предусмотрело план заготовки 3,5 млн. пар сапог в месяц, учитывая необходимость почти пяти пар сапог на человека в год и ежемесячно — по 1 млн. пар сапог для укомплектования снабжения.

С целью получения возможно большего количества обуви заготовка ее производилась по усмотрению Главного интенданта как на фабриках и мастерских, законтрактованных Главным интендантским управлением, так и общественными земскими и губернскими организациями, причем к изготовлению сапог были привлечены все сапожники в городах и населенных пунктах.

С той же целью был допущен заподряд обуви произвольных образцов. На летнее время заготавливались башмаки с бинтами из хлопчатобумажной ленты, на холодное — с теплыми вязаными бинтами, а также сапоги с брезентовыми голенищами; кроме того, разрешались различные отступления от описания шитья сапог, в частности, было допущено изготовление голенищ сапог из конской кожи.

Помимо изготовления новых сапог были приняты меры к починке в возможно большем количестве старой обуви. В частности, в 1916 г. продолжалась материальная поддержка в 8,2 млн. руб. Московского городского общественного управления, широко поставившего дело починки солдатских сапог и достигшего месячной производительности всех мастерских и заводов до 120 тыс. пар сапог новых и полностью отремонтированных старых.

Ввиду невозможности из-за нехватки материалов заготавливать в своем отечестве необходимое для армии количество сапог, за границей было закуплено до 6,8 млн. пар сапог и около 8 млн. пар башмаков, причем из числа

заготовленных в 1916 г. фактически отечественные предприятия выдали 14 млн. 700 тыс. пар сапог, а из-за рубежа было получено 5,7 млн. пар сапог и 4 млн. пар башмаков.

На довольствие армии с 1 января 1916 г. по 1 января 1917 г. было выслано всего 24,4 млн. пар сапог, из них 14,4 млн. пар действующей армии и 10 млн. для укомплектования. Одной из главных причин недостатка сапог являлась нехватка на отечественном рынке подошвенной кожи, поэтому в 1916 г. за границей было заказано 695 тыс. пудов подошвенной кожи и в течение 1916 г. получено 354 тыс. пудов. Кроме того, ввиду недостатка на отечественном рынке также и юфти заказано за границей легкой кожи на 5 млн. пар сапог.

Заготовка теплых вещей на зиму 1916 г. производилась отечественными предприятиями, и лишь 100 тыс. фуфаек и кальсон были заказаны в Японии.

С целью наиболее полного использования производительности предприятий, изготавливающих в некоторых губерниях полушубки, валенки, шерстяные чулки и перчатки, было решено обязать их работать исключительно на нужды Военного ведомства; поставку же этих предметов прочим учреждениям и частным лицам было позволено производить лишь в исключительных случаях.

Кроме того, для увеличения количества предметов теплой одежды от призываемых военнообязанных, была повышена оплата приобретаемых от них вещей, особенно готовых к носке сапог, и приняты меры к широкому оповещению призываемых о нормах оплаты за приносимые вещи.

В потребность 1916 г. сверх принятых к заказу теплых вещей, оставшихся от заготовок 1915 г., было заказано в России: 2,3 млн. пар валенок, 2,6 млн. полушубков, около 7 млн. телогреек и шерстяных фуфаек, более 10 млн. ватных брюк и шерстяных кальсон, свыше 13 млн. теплых портянок и чулок, 10 млн хлопчатобумажных кальсон, 10 млн. фуфаек. Разных материалов для

изготовления теплых вещей всего заготовлено на сумму свыше 65,5 млн. руб.[550]

В счет потребованных армией теплых вещей за период с 1 января 1916 г. по 1 января 1917 г. было отпущено таковых 80–100 % всего потребления войсками.

С целью обеспечения грандиозной потребности в вещах и материалах для изготовления обмундирования на отечественном рынке было закуплено серо-синего и защитного сукна на сумму свыше 229 млн. руб. и в течение года было принято более 51 млн. аршин этого сукна, получено из-за границы около 24 млн. аршин сукна указанных образцов. Прочих материалов для изготовления обмундирования заказано в России на сумму до 78,5 млн. руб.

Общая производительность серо-синего сукна на отечественных фабриках была увеличена почти на 35 % путем привлечения к выделке этого сукна большего числа фабрик, вырабатывавших ранее шароварное сукно. И все же проблема нехватки этого материала не была решена, вследствие чего за границей было закуплено 29,5 млн. аршин[551].

По причине недостаточного развития в России суконного производства разрешалось изготовление обмундирования из сукноподобных тканей и из подходящих сукон, имеющихся на рынке. В целях же сбережения защитного сукна было пошито 10 млн. шароваров из легкой ткани для лета и 3,5 млн. комплектов рубах и шаровар к зиме из легкой ткани на теплой подкладке. К изготовлению обмундирования кроме казенных и законтрактованных центральных мастерских были привлечены средства земств, городов, а также различные организации при содействии губернаторов и общественных учреждений, деятельность которых дала возможность во много раз увеличить количество изготовляемых для армии вещей и избежать участия посредников.

---

[550] Там же. Л. 87.

[551] Там же.

В счет затребованных войсками предметов обмундирования на срок с 1 января 1916 г. по 1 января 1917 г. было отпущено: 11 млн. шинелей, 9,9 млн. походных рубах, 11,8 млн. шароваров зимних, 12,4 млн. гимнастических рубах и 10 млн папах, чем вполне была удовлетворена потребность армии.

Потребность армии в белье на 1916 г. была обеспечена заказом 41 млн комплектов белья разным организациям: из этого количества было получено более 35 млн комплектов, требующихся армии. Недопоставка же остального белья была вызвана, во-первых, необходимостью срочно приступить летом к изготовлению теплых вещей; во-вторых, уходом части рабочих на летние полевые работы, в период наиболее интенсивных заготовок белья.

Для обеспечения армии походным лагерем в потребность 1916 г. было изготовлено 2 млн походных палаток, в армию было отправлено 47 тыс. офицерских и 1 млн 243 тыс. солдатских походных палаток.

Снаряжение заготовлялось главным образом на отечественном рынке и лишь небольшое количество поясов и патронных сумок было получено из Японии.

Ввиду недостатка некоторых материалов часть их была заменена: например, патронные сумки изготавливались из брезента, водоносные фляги — из луженого железа и стекла, а чехлы к ним взамен сукна — из молескина. Кроме того, для ускорения заготовок продолжали выпускать снаряжения упрощенного образца.

В результате этих мер количество заготовленного снаряжения вполне покрывало потребность в нем и было выслано в армию полностью.

Итак, нами восстановлена общая структура системы вещевого довольствия войск накануне и в годы первой мировой войны, выявлены слабые звенья в ее механизме, на конкретных примерах показано соотношение производимого товара в России по сравнению с закупаемым за границей. Но за условной схемой стояли конкретные варианты обмундирования и снаряжения русского солдата и офицера, в которых он сначала проходил мирную службу, а затем сражался на поле боя.

4.3. Система устройства военно-врачебных заведений и обеспечение их интендантским довольствием

Деятельность интендантской службы в сфере довольствия лазаретов и госпиталей заключалась в обеспечении их предметами интендантского заготовления. Активное участие в этом принимали и общественные организации.

В Интендантском ведомстве довольствием военно-врачебных заведений занималось II отделение «По заготовлению и отпуску госпитальных, теплых и годовых вещей и постельных принадлежностей», начальником которого был действительный статский советник Петр Петрович Елсаков[552].

Военно-врачебные заведения по своему характеру разделялись на два вида. Одни, войсковые или полковые лазареты и приемные покои, входили в состав войсковой организации и потому могли называться войсковыми. Они открывались лишь тогда, когда в данном пункте не имелось самостоятельных военно-врачебных заведений или их наличные средства были недостаточны. Другие, военные госпитали и местные лазареты, состояли вне полковой организации, будучи самостоятельными или постоянными военно-врачебными заведениями. К самостоятельным заведениям, но не постоянным, а открываемым лишь на известное (обычно летнее) время в году, относились еще и санитарные станции.

Войсковые лазареты открывались, когда, во-первых, в месте расположения войсковой части совсем не было постоянного или местного лазарета; во-вторых, таковой хотя и имелся, но штатное число больных в нем было больше, чем положено мест в лазарете этой воинской части; в-третьих, постоянный госпиталь или местный лазарет были переполнены больными. В первом случае войсковой лазарет открывался по распоряжению командира

---

[552] Общий состав Главного интендантского управления Военного министерства. СПб., 1912. С. 18.

части, а во втором и третьем — с разрешения главного начальника военного округа[553].

Войсковые лазареты в мирное время содержались из расчета три места на 100 человек штатного состава части. Но кроме вещей, положенных лазарету по этому расчету, они содержали еще имущество по табелям военного времени.

В частях войск, не имевших собственных лазаретов или квартировавших в местах расположения постоянных военно-врачебных заведений, устраивались в случае надобности по усмотрению главного начальника военного округа приемные покои для оказания первоначальной помощи заболевшим, а также для таких больных, отправление которых в госпиталь или лазарет оказывалось излишним или невозможным. В приемных покоях полагалось на батальон четыре места, на эскадрон и батарею — по два.

Войсковые лазареты находились в ведении старшего полкового врача, действовавшего под контролем полкового командира. Ближайшее заведование хозяйством лазарета лежало на классном медицинском фельдшере, которому было присвоено звание заведующего хозяйством лазарета, и который был подчинен во всех отношениях старшему полковому врачу. В пределах утвержденной сметы старший врач распоряжался сам той частью полковых сумм, которые были назначены на содержание лазарета, получая их по мере надобности от начальника хозяйственной части полка.

При выступлении в поход лазареты мирного времени закрывались.

К постоянным военно-врачебным заведениям относились: постоянные госпитали, местные лазареты и санитарные станции.

Военные госпитали в зависимости от величины разделялись на четыре класса[554], из которых самыми большими были госпитали 4-го класса. Для

---

553 ПВВ. 1908. № 518; 1911. № 49; 1912. № 303.

554 Положение о постоянных военных госпиталях было объявлено в: ПВВ. 1912. № 45, 324.

каждого госпиталя штатом было установлено определенное число мест для больных офицеров и нижних чинов.

Управлял каждым постоянным госпиталем главный врач, на которого было возложено непосредственное попечение за состоянием госпиталя во всех отношениях. В госпитале у главного врача был помощник по общим вопросам, а также заведующий хозяйством госпиталя по хозяйственным делам, которому подчинялись все должностные лица по хозяйственной части госпиталя, а именно заведующий госпитальной командой, комиссар, бухгалтер и письмоводитель. Комиссар являлся приемщиком, хранителем и расходчиком госпитальных вещей и всех припасов и материалов для продовольствия больных и содержания госпиталя. Госпитальную команду составляли все нижние чины госпиталя: фельдшеры, писари, госпитальные и палатные надзиратели и служители.

Заведование хозяйством госпиталя ложилось на хозяйственный комитет госпиталя. В комитете председательствовал помощник главного врача, членами его состояли несколько врачей госпиталя и заведующий хозяйством.

Местные лазареты учреждались там, где не было постоянных военных госпиталей, или там, где кроме госпиталя требовалось открыть еще другое постоянное военно-врачебное заведение[555]. В лазаретах на 50 мест и более был положен особый заведующий хозяйством лазарета (из офицеров или гражданских чиновников); он же являлся начальником команды нижних чинов, состоявших при лазарете. В лазаретах, рассчитанных на 100 мест и более, для заведования учреждался хозяйственный комитет под председательством старшего врача, двух ординаторов и заведующего хозяйством. Наивысший размер местного лазарета — 350 мест.

Санитарные станции были открыты в качестве вспомогательно-лечебных учреждений на определенное время в году для лечения больных, страдавших

---

[555] Положение о местных лазаретах было объявлено в: ПВВ. 1911. № 432; 1912. №113, 324.

хроническими болезнями, а также для специального лечения некоторых заболеваний с помощью отечественных минеральных вод[556]. Эти станции подразделялись на: 1) санитарно-лечебные, 2) санитарно-гигиенические и 3) глазные. Управлял такой санитарной станцией старший врач.

Больные в военно-врачебных заведениях содержались за счет казны, причем нормирование осуществлялось двояко: либо на содержание каждого больного казна отпускала определенный денежный оклад в сутки (так называемый посуточный оклад), либо на счет казны относили расход на продовольствие для каждого больного, соответствующий стоимости порции, назначенной ему врачом.

На посуточные оклады содержались войсковые и местные лазареты, приемные покои и санитарно-лечебные станции.

Обслуживание больных на санитарно-гигиенических и глазных станциях производилось на приварочные оклады, причем довольствие больным могло улучшаться за счет экономических средств войск или из сумм, отпускаемых в распоряжение главных начальников военных округов на усиление продовольствия войск.

На каждый день содержания одного больного нижнего чина в войсковом лазарете или приемном покое поступала[557] дневная казенная дача на его продовольствие в роте, включавшая указную дачу провианта, обыкновенный приварочный оклад и деньги на чайное довольствие; к этому от казны прибавлялось еще 15 коп. Посуточные оклады, исчисленные на этих основаниях за округлением в целые копейки, утверждались ежегодно военно-окружными советами.

На таких же основаниях исчислялись и утверждались посуточные оклады на содержание больных нижних чинов в местных лазаретах и санитарно-лечебных станциях. Посуточный оклад на содержание офицеров в этих

---

[556] Положение о них объявлено в: ПВВ. 1911. № 375.

[557] ПВВ. 1909. № 432.

лечебных заведениях равнялся двойному солдатскому посуточному окладу. Из посуточного оклада рассчитывались не только продовольствие больных, но и другие расходы по содержанию их во врачебных заведениях, а именно ремонт и возобновление лазаретных вещей, стирка белья и т. д.

Все предметы, называемые санитарным имуществом интендантского заготовления[558], отпускались войскам единовременно при формировании войсковых частей или при увеличении их штатного состава; затем предметы этого имущества ремонтировались и возобновлялись самими войсками на посуточные оклады. Но вещи, которые были уничтожены по актам после заразных болезней, а также истребленные при пожарах, компенсировались интендантской службой натурою или деньгами.

Предметами медицинского заготовления, а именно медикаментами, аптечными предметами, хирургическими инструментами и аппаратами лазареты снабжались ежегодно по установленным каталогам, распоряжением окружных военно-санитарных управлений[559].

Содержание больных в госпиталях осуществлялось также за счет казны[560], которая принимала на себя расход по продовольствию каждого больного, необходимый для назначения ему врачом порции, выбранной из указанной табели. Для каждой порции по табели указывалась и подробная раскладка продуктов, входившая в состав порции. По этим данным ежедневно исчислялось, сколько и каких продуктов должно быть израсходовано на больного. Деньги на содержание больных госпиталя передавались через военно-санитарные управления[561].

---

[558] Ст. 513 Положения о войсковых лазаретах в редакции ПВВ. 1912. № 303.

[559] ПВВ. 1908. № 537; 1909. № 289.

[560] ПВВ. 1912. № 45; 1911. № 69, 70.

[561] ПВВ. 1911. № 84.

Снабжение госпиталей предметами вещевого довольствия больных, т. е. госпитальными вещами, лежало на интендантской службе и производилось на следующих основаниях.

Госпиталь при своем открытии получал полный комплект госпитальных вещей, а некоторые заготавливал сам на отпущенные ему деньги.

Все вещи изначально имели определенные примерные сроки жизни, но действительную негодность вещей каждые четыре месяца свидетельствовала комиссия, составленная из членов хозяйственного комитета.

Требование на новые вещи за подписью всех членов хозяйственного комитета направлялось в Окружные интендантские управления, которые и распоряжались отпуском их с вещевых складов.

Санитарно-лечебные станции довольствовались посуточными окладами, получая вещевое довольствие от интендантской службы. На время закрытия станций все их имущество передавалось ближайшему уездному воинскому начальнику.

Итак, ввиду возложения на систему лазаретного и госпитального довольствия функций системы вещевого довольствия, работа первой была сильно затруднена и результаты оставляли желать лучшего, что ярко проявилось уже во время войны, но тем не менее справлялась с возложенными на нее обязанностями.

От рассмотрения общей структуры интендантского довольствия лазаретов и госпиталей перейдем к конкретным мероприятиям.

Главная цель медицинской службы любого государства — забота о сохранении здоровья людских ресурсов. Особенно актуальным это становится для страны, принимающей участие в войне. Во время войны центральной задачей санитарной службы армии в первую очередь становится не просто спасение и лечение больных и раненых воинов, а максимально эффективное возвращение их в строй, т. е. снижение смертности и инвалидности среди пострадавших. Для этого уровень организации санитарной службы армии должен отвечать соответствующим нормам.

Перед началом первой мировой войны организация военно-медицинской помощи в России была делом сравнительно новым. Она основывалась на минимальном опыте, полученном во время русско-японской и других войн, во время которых русская армия несла колоссальные потери не только убитыми в боях, но и умершими от ран и болезней.

В августе 1864 г. в Женеве одиннадцать государств подписали соглашение об улучшении участи раненых и больных воинов в действующих армиях Швейцарии, Бадена, Бельгии, Дании, Испании, Швеции и Норвегии, Нидерландов, Пруссии, Гессена и Португалии. Эта конвенция положила основание Международного общества Красного Креста.

В частности, она гласила: «1. Сражающиеся должны заботиться о находящихся в их власти больных и раненых воинах без различия национальностей, о людях, принадлежащих вражеской армии, не содержащихся в качестве военнопленных, неспособных продолжать службу.

2. Нельзя проявлять враждебные действия против лазарета.

3. Нельзя брать в качестве военной добычи имущество лазарета.

4. Служащие госпиталей объявляются нейтральными; нельзя запрещать им исполнять их обязанности.

5. Кроме флага страны, к которой принадлежит лазарет, обязателен белый флаг с красным крестом посередине.

6. Общества Красного Креста разных стран должны помогать друг другу»[562].

Россия присоединилась к Женевской конвенции в 1867 г. и вошла в состав Международного общества Красного Креста. До 1879 г. российская организация носила название «Общества попечения о раненых», во главе которой стояли фрейлина М. Ф. Сабинина, баронесса Фредерикс и лейб-медики П. А. Наронович и Ф. Я. Карелль. В русско-турецкую войну 1877–1878 гг. Общество активно проявило себя, после чего оно было переименовано в

---

[562] Там же.

Российское общество Красного Креста (РОКК). С 1881 г. РОКК находилось под покровительством императрицы Марии Федоровны.

Цель деятельности Красного Креста во время войны заключалась «в содействии отечественному Военному ведомству в уходе за ранеными и больными воинами», а в мирное время велась «подготовка... <предстоящей> деятельности во время войны»[563].

Таким образом, в последней четверти XIX в. в России существовали две структуры, официально занимающиеся организацией медицинской помощи армии, — Военно-медицинское управление[564] и Российское общество Красного Креста.

В начале XX в. обострение политической ситуации на Дальнем Востоке привело к разработке планов действий РОКК и военно-медицинского управления во время предполагаемой войны. Особенное распространение получила идея «летучих отрядов», или идея «веера»[565]. Суть ее сводилась к существованию одного крупного стационарного госпиталя-склада, от которого веером, в направлениях следования войск, оперативно перемещались бы медицинские отряды, оказывая помощь и эвакуируя тяжелораненых в центральный госпиталь. Однако уже в 1904 г. этой идее не суждено было реализоваться из-за плохой коммуникации и отсутствия нужного количества железных дорог.

Санитарные отряды Красного Креста во время русско-японской войны действовали на территории Манчжурии и без специального плана. Активное участие и героизм проявил санитарный отряд, находившийся в осажденном Порт-Артуре[566]. В этой связи была учреждена серебряная медаль за

---

[563] Там же. С. 30.

[564] В 1910 г. переименовано в Военно-санитарное ведомство. (Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1983. С. 283).

[565] РГА ВМФ. Ф. 763. Оп.1. Д. 431. Л. 5.

[566] Махаев С. К. Подвижницы милосердия. М., 1914. С. 79.

медицинскую службу во время русско-японской войны. Действия санитарных отрядов в русско-японскую войну стали репетицией предстоящих событий 1914 г. и четко обозначили все слабые стороны организации санитарной службы: низкое финансирование, отсутствие единого руководства, неразвитая система транспортной связи, недостаточное количество подготовленного медицинского персонала и т. д. Казалось бы, опыт войны 1904–1905 гг. заставил власти принять соответствующие меры: Главным управлением Генерального штаба и Военно-санитарным ведомством совместно с Главным управлением Российского общества Красного Креста в межвоенный период проводилась разработка специальных мобилизационных и эвакуационных планов[567], в аптеках велись заготовки медикаментов и перевязочных средств, создавались склады для обеспечения различных резервных лечебных учреждений, оборудовались санитарные поезда, производилась подготовка медицинских кадров по уходу за ранеными.

В канун первой мировой войны, по данным главного военно-санитарного инспектора, армия была обеспечена в полном объеме на четыре месяца неприкосновенного запаса медико-санитарным имуществом, а именно медикаментами, дезинфекционными средствами, срочными и бессрочными аптечными предметами, перевязочными материалами и хирургическим инструментарием. Дополнительно к этому имелся четырехмесячный запас медицинского имущества, положенного по каталогу, для 76 корпусов численностью в 50 000 каждый, 122 лазаретов, 850 полевых и 79 крепостных госпиталей, 74 военно-санитарных транспортов, 100 военно-санитарных поездов и на 76 020 коек для крепостей[568], а вдовствующая императрица Мария Федоровна оптимистично отметила, что «гроза военных событий застала Российское общество Красного Креста вполне подготовленным к

[567] Малис Ю. Г. Принципы эвакуации раненых // Вестник Красного Креста. Пг., 1914. № 10. С. 870–876.

[568] Санитарная служба русской армии в войне 1914–1917 гг.: Сборник документов. Куйбышев, 1942. С. 13.

многотрудному делу помощи больным и раненым воинам»[569]. Все расчеты по подготовке к грядущему мировому конфликту проводились на примерах русско-японской кампании, но, как писал в 1916 г. известный журналист того времени Борис Фроммет: «В сравнении с войной 1914–1916 гг. русско-японская война была не более как военная прогулка»[570]. Последствия недальновидности расчетов Военного ведомства по организации медицинской помощи не заставили себя долго ждать. Из-за того, что не была учтена ни очевидная масштабность войны, ни появление новых эффективных средств поражения (пулеметы, огнеметы, танки, отравляющие вещества, разрывные пули), увеличилось количество пострадавших с новыми характерами ранений, что привело к изменению эвакуационной системы.

В журнале заседания Главного Управления РОКК от 14 сентября 1914 г. отмечалась «необычная прежде всего длительность боя, ведущегося непрерывно, в то время как в прежние войны, в том числе и в русско-японскую, бои велись лишь периодами, а остальное время было посвящено маневрированию, укреплению позиций и т. д. Необычайная сила огня, когда, например, после удачного шрапнельного залпа из 250 человек остается не получившими ранения всего 7 человек»[571].

В первую же неделю ведения боевых действий окончательно стало ясно, что Россия к войне в целом не готова, а состояние военно-медицинской службы, в частности, начинало приобретать положение, настолько близкое к катастрофическому, что до окончания войны его так и не сумели полностью привести в удовлетворительное состояние. Обрисовался слишком серьезный постоянно растущий круг проблем, влияющий на уровень организации медицинской помощи, обнаруживались в глобальных масштабах все новые

---

[569] Русское чтение. Пг., 1914. № 131(23 июля).

[570] Всероссийский земский союз как новое интендантство // Жизнь для всех. Пг., 1916. № 8. С. 948.

[571] Санитарная служба русской армии … С. 215.

трудности — все имеющиеся дефекты, просчеты, недочеты. «В России все ужасы войны благодаря специфическим условиям русской жизни приняли прямо катастрофический характер»[572], — говорил на первом заседании Государственной Думы 1 ноября 1916 г. Н. С. Чхеидзе.

На основании «Временного положения об эвакуации раненых и больных воинов» от 5 августа 1914 г.[573] задачи по обеспечению армии медицинской помощью возлагались только на Военно-санитарное ведомство и Красный Крест, но уже с начала ведения боевых действий выяснилось, что они были не в состоянии предоставить достаточное количество лечебных учреждений и транспорта и не могли самостоятельно выполнить взятые на себя обязательства по обслуживанию фронтов и тыла.

Разрабатывая систему медицинского обеспечения русской армии при подготовке к возможной войне, как уже отмечалось выше, военно-санитарная мысль основывалась на опыте «недавней» войны 1904–1905 гг., «используя ее весь положительный опыт». В ранг «положительного опыта» входила система эвакуации раненых с театра военных действий в глубь страны в качестве основы организации военно-санитарной службы. Для русско-японской войны, с ее территориальными особенностями, методами ведения боевых действий эвакуационная система была действительно самой рациональной. После 1905 г. получила развитие идея эвакуации «во чтоб это ни стало», мотивированная тем, что «при теперешнем способе ведения войны и теперешнем способе передвижения на первом плане стоит эвакуационная система с небольшим уклоном в пользу тяжелораненых и больных, которых даже в случае отступления следует оставить под защитой Женевской конвенции»[574]. Таким образом, эвакуационная система легла в основу военно-медицинской службы

---

[572] Государственная Дума 1906–1917: Стенографические отчеты. Т. 4. СПб., 1997. С. 36.

[573] РГА ВМФ. Ф.599. Оп.1. Д.36.

[574] Потираловский П. П. Краткий курс санитарной практики. М., 1911. С. 124.

России. Ошибочность данного выбора проявилась в полной мере в ходе войны 1914–1918 гг., когда эвакуационная система явилась одной из основных причин неудовлетворительной работы военно-санитарной службы при рассмотрении ее деятельности с точки зрения выполнения интендантством его задач.

В сентябре 1914 г. при Военном ведомстве указом Совета Министров было организовано Особое межведомственное совещание, специальной целью которого было рассмотрение смет и открытие кредитов Всероссийскому городскому (ВГС) и земскому союзам. На 1 января 1916 г. Всероссийский земской союз (ВЗС) от правительства получил 152 млн. руб.[575] Ряд финансовых проектов шел также через межведомственное совещание для рассмотрения проектов представлений гражданских ведомств в Совет Министров об ассигновании чрезвычайных сверхсметных кредитов на расходы военного времени. К примеру, на заседании данного совещания 21 апреля 1915 г. рассматривался вопрос «об отпуске 50 000 руб. на расходы по ведению эвакуации больных и раненых воинов и связанных с ней мероприятий, проводимых общественными и частными организациями в деле помощи означенным воинам»[576].

Во «Временном положении об эвакуации раненых и больных воинов» отмечено, что «действующая армия нуждается в постоянном удалении от нее раненых и больных, дабы их присутствие не стесняло ее подвижности и не оказывало неблагоприятного влияния на находящихся в ее рядах чинов. Удовлетворение как этого требования, так и необходимости избежать скопления раненых и больных в тылу армии и тем предупредить возможность возникновения здесь эпидемий и заражения путей сообщения, составляет задачу эвакуации раненых и больных»[577].

Процесс эвакуации подразумевал четыре типа эвакопунктов.

---

[575] Краткий очерк деятельности Всероссийского земского союза. М., 1916. С. 47.

[576] РГИА. Ф. 1414. Оп. 1. Д. 1. Л. 208.

[577] РГА ВМФ. Ф.763. Оп.1. Д.431. Л.5.

I тип. Головной эвакуационный пункт был предназначен для приема и временного размещения раненых и больных, доставляемых из корпусных районов, до их отправки на тыловой эвакуационный пункт.

II тип. Тыловой эвакуационный пункт занимался сортировкой пострадавших по степени тяжести для дальнейшей отправки на распределительные пункты и их временного размещения.

III тип. Распределительный эвакуационный пункт располагался во внутреннем районе, в узле железной дороги, как можно ближе к границе тылового района. Отсюда раненые подлежали дальнейшей эвакуации в окружные эвакуационные пункты.

IV тип. Окружной эвакуационный пункт имелся в каждом военном округе, где раненые должны были находиться до полного выздоровления.

Но для обеспечения выполнения поставленной задачи требовалась стройная, планомерная система эвакуации, которая предусматривала бы «пути сообщения шоссейные и железнодорожные, когда в тылу есть города с хорошо оборудованными госпиталями, а на фронте достаточное количество помещений для этапных и подвижных лазаретов»[578], когда армия обеспечена в нужном количестве санитарными поездами, автотранспортом.

С первым потоком раненых, которых старались срочно переместить в тыл, эвакуационная система начала давать сбои. Причиной являлось отсутствие системы и плана в перевозке раненых с головных эвакуационных пунктов. Раненые при большом наплыве скапливались на головных эвакуационных пунктах, иногда сутками ожидали отправления. «Часто почти от позиций шли до тыловых пунктов транзитом или от головных пунктов в глубь страны»[579]. Подтверждением этому служит большое количество свидетельств. 18 сентября 1914 г. начальник Генерального штаба телеграфировал начальникам снабжения армий Северо-Западного и Юго-Западного фронтов: «Поезда с ранеными

---

[578] XIV съезд российских хирургов. Москва 16–19 декабря 1916 г. М., 1927. С. 49.

[579] Оппель В. А. Очерки хирургии войны. Л., 1940. С. 185.

следуют не по расписанию, без предварительного уведомления эвакуационных и продовольственных пунктов, без медикаментов, перевязочных средств»[580]. Отсутствие расписания поездов, естественно, приводило к так называемым эвакуационным пробкам. Хирург действующей армии В. А. Оппель считал, что «при достаточном количестве санитарных поездов, увозящих раненых на тыловые эвакуационные пункты, пробки раненых могут быть прекращены», но поездов не хватало (Военное ведомство располагало всего 259 военно-санитарными поездами)[581]. Начальник Вилленского жандармского полицейского управления железных дорог просил начальника Барановичевского отделения 1 сентября 1914 г. немедленно доложить начальнику Штаба армии о сложившейся ситуации: «На станции Пинск вторые сутки скопление более 3000 раненых. Есть эшелоны по два дня некормленые. У эвакуационной комиссии перевозка, кормление и дальнейшая эвакуация не организованы. Среди раненых растет недовольство»[582]. Член Государственной Думы А. И. Шингарев в своем докладе на заседании бюджетной комиссии от 10 декабря 1915 г. отмечал: «Развозка раненых была неправильна, поезда шли, например, не по заранее намеченным направлениям, их не встречали питательные пункты и на местах остановок не приспособлено было кормление. Первое время приходили в ужас от этой картины. В Москву приходили поезда с некормленными несколько суток людьми, с не перевязанными ранами, а если перевязывали однажды, в течение нескольких дней не перевязывали вновь. Иногда даже с таким количеством мух и червей, что трудно даже медицинскому персоналу выносить такие ужасы, которые обнаруживались при осмотре раненых»[583]. Непосредственный участник событий хирург действующей армии Н. Н. Теребинский делился на XIV Съезде российских

---

[580] Санитарная служба русской армии … С. 214.

[581] Оппель А. В. Очерки хирургии войны. С. 183.

[582] Санитарная служба русской армии ... С. 210.

[583] Там же. С. 14.

хирургов своими наблюдениями: «Значительное большинство прибывало в виде, часто заставлявшем удивляться крепости и живучести человеческого организма»[584]. Все это происходило на фоне нехватки санитарных поездов, вследствие чего раненых зачастую перевозили «в возвращавшихся порожняком составах, только что освободившихся от воинских эшелонов, не очищенных иногда от конского навоза, без соломы, фонарей, сходней и других необходимых принадлежностей»[585].

В результате эвакуации «транзитом» при отсутствии обязательной, по положению об эвакуации, сортировки раненых в тыловых эвакопунктах, в Петрограде и в Москве в сентябре 1914 г. обнаружилось, что из громадного количество раненых около 80 %[586] в принципе не подлежали такой глубокой эвакуации. Короче говоря, проводилась лишняя перевозка. Следовательно, можно предположить, что если нормальная грузоподъемность поезда составляла от 450[587] до 500 раненых[588], то каждый поезд в начале войны привозил 360–400 человек, не подлежащих необходимой эвакуации, но которых необходимо было где-то разместить. Помимо непродуманной ситуации на железных дорогах, существовал еще один негативный фактор. Как правило, люди, получившие относительно серьезное ранение, но способные сами передвигаться, отправлялись к ближайшему месту, где можно было получить первую помощь (перевязочные отряды, передовые отряды Красного Креста). Затем они, не заходя в полковые пункты или в госпиталь, самостоятельно отправлялись в эвакуационный пункт. Тяжело раненые были вынуждены ждать наступления ночи, когда закончится бой, в надежде, что их найдут и подберут санитары, поскольку подбирали раненых только в темное

---

[584] XIV съезд российских хирургов. С. 17.

[585] Санитарная служба русской армии ... С. 214.

[586] Там же.

[587] Краткий очерк деятельности Всероссийского земского союза. С. 14.

[588] РГИА. Ф.1623. Оп.1. Д.453. Л.3.

время суток. Это вносило не только путаницу в отчетность, но и, безусловно, влияло на правильность эвакуации. Понятно, что разобраться в опасности ранения в каждом отдельном случае на головном эвакуационном пункте при массовом поступлении раненых не представлялось возможным, но отсутствие контроля порождало выше описанную ситуацию. К тому же имелись случаи, когда люди причиняли себе повреждения по «злому умыслу». Многие считали себя счастливцами, если получали рану. «Разбитые нравственно, всеми силами рвутся в глубь страны, заползают в пустые вагоны, не принадлежащие санитарным поездам, лишь бы быть перевезенными»[589].

Говоря о системе эвакуации, необходимо осветить аспект состояния готовности лечебных учреждений разного типа к приему раненых.

Из телеграммы главного начальника снабжения армии Юго-Западного фронта в ставку, датированной 6 сентября 1914 г., становится понятно действительное состояние обеспечения полевыми лечебными учреждениями русской армии в начале войны: «...согласно мобилизационному расписанию, в тыловой район Юго-Западного фронта должны были прибыть 100 госпиталей, из них подвижных — 26, запасных — 74. В действительности в указанный район прибыло всего 54 госпиталя, не дослано 46 госпиталей. Нужда в госпиталях огромная, недостаток их отражается крайне вредно на деле. Телеграфировал главному военно-санитарному инспектору просьбу безотлагательно направить недостающие госпитали»[590]. По всей видимости, подобное отсутствие лечебных учреждений в начале войны имело место по всем трем фронтам.

Не хватало самого необходимого. Срочно требовалось заготовить большое количество госпитальных палаток для налаживания системы полевых госпиталей. Этим занималось Интендантское управление, заготовившее в 1915 г. 1000 шт. госпитальных палаток гессенского типа на сумму

---

[589] Санитарная служба русской армии ... С. 215.

[590] Там же. С. 211.

2 470 000 руб. для снабжения ими военно-врачебных заведений. В том же году для довольствия военно-врачебных заведений интендантским имуществом было заготовлено различных госпитальных вещей на сумму до 4 млн руб. Кроме того, Интендантское управление отдало распоряжение заготовить «в потребность» до 1 июня 1916 г. вещей на сумму до 8 млн. руб., включая и целые комплекты военно-врачебных заведений на случай экстренных требований[591].

Госпитали и лазареты внутренних районов в конце августа еще не были полностью задействованы, так как волна эвакуации из действующей армии туда в полной мере еще не дошла. Однако, как видно из рапорта начальника Эвакуационного управления Генерального управления Главного штаба (ГУГШ) начальнику ГУГШ от 23 августа 1914 г., сложившаяся ситуация не обнадеживает: «...учреждения внутренней эвакуационной организации совершенно не готовы к приему и размещению больных и раненых; распределительные и окружные пункты не устроены; предназначенные для их организации госпитали не отправлены; личный состав для госпиталей, медицинского и хозяйственного разряда, не предназначен и не командирован по местам; больничных мест для постоянного лечения больных и раненых в распоряжении Военного ведомства не имеется, и для открытия их мобилизационным планом не предусмотрено ни необходимых для этого госпиталей, ни личного состава. Очевидно, что при таком условии органы внутренней организации не имеют возможности ни принимать раненых, ни размещать их для лечения»[592].

Сложившееся положение с недостатком лечебных учреждений являлось закономерным. Это становится понятным из доклада Военно-санитарного отдела Наблюдательной комиссии при Особом совещании для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства от 25 декабря 1915 г. Всего

---

[591] РГВИА. Ф. 499. Оп. 1. Д. 1917. Л. 18.

[592] Санитарная служба русской армии ... С. 209.

по расчету войскам госпиталей, входящих в состав дивизий и бригад и включенных в мобилизационное расписание, должно было быть предписано 227 подвижных госпиталей и 454 запасных. К началу мобилизации имущества было только на 191 подвижной и для 428 запасных госпиталей[593], т. е. не хватало 62 госпиталей. Недостаток объясняется тем, что число дивизий, а соответственно и число госпиталей было увеличено при реорганизации армии в 1910 г., а кредиты на изготовление имущества отпускались по воинским частям начиная только с 1912 г.[594]

В том же году были испрошены кредиты на изготовление имущества для 100 сводных эвакуационных госпиталей на 420 мест каждый, т. е. 42 тыс. коек. К началу войны это имущество было почти все заготовлено, однако хранилось оно в Петрограде[595], поэтому требовалось некоторое время для его рассылки, и, естественно, к формированию госпиталей приступили только в сентябре 1914 г. Потребовалось два месяца для того, чтобы все госпитали были развернуты[596].

Характеризуя работу эвакуационной системы санитарной службы русской армии в начале войны, мы убедились, что при отсутствии надлежащей подготовки, плана организации и координации работы система эвакуации вместо спасения пострадавших наносила колоссальный ущерб людским ресурсам, не говоря уже о нерациональном использовании и без того скромной технической базы.

Количество мест в лечебных учреждениях также не оправдало ожиданий своей изначальной малочисленностью. По подсчетам Военного ведомства, общее число коек, подготовленных для приема раненых, должно было составить 280 тыс.[597] Очевидно, что Военное ведомство не могло

---

[593] Там же. С. 104.

[594] Там же.

[595] Там же.

[596] Там же.

[597] Краткий очерк деятельности Всероссийского земского союза. С. 5.

самостоятельно организовать такое количество больничных мест. Положение нормализовалось после того, как в дело организации медицинской помощи сначала в тылу, а затем и на театре военных действий вступила земская и муниципальная общественность — Всероссийский земский и городской союзы. Они взяли на себя организацию 2/3 больничных мест от 280 тыс., что составило 155 400 мест[598]. В отчете Главного комитета Земского союза говорилось, что «военное ведомство направило свои силы и средства на удовлетворение потребностей действующей армии в отношении ее боевого снаряжения и организации санитарной части на театре военных действий, а все дело помощи больным и раненым во внутренних районах было поручено общественным организациям»[599].

Совместными усилиями фронтовые и тыловые учреждения военно-санитарного ведомства, РОКК, ВЗС, ВГС и ряда других общественных и частных организаций в течение первого месяца войны могли принять до 330 тыс. больных и раненых. Но уже в конце августа–начале сентября 1914 г. после боев в Галиции последовал сильный наплыв раненых — около 280 тыс. человек[600]. Иначе говоря, в первые же месяцы войны был использован основной резерв больничных мест и государственных средств. Опять потребовалась срочная доразверстка старых и формирование новых госпиталей и лазаретов.

Такое количество раненых не было неожиданностью. По подсчетам Главного управления Генерального штаба в отношении от 20 июля 1914 г. за № 3801 на имя начальника штаба Московского военного округа говорилось, что «ежемесячный привоз больных и раненых при нормальном течении военных

---

[598] Там же.

[599] Обзор деятельности Главного комитета Всероссийского земского союза с 1 августа 1914 г. по 1 февраля 1915 г.. М., 1915. С. 37.

[600] Трескунова Б. Некоторые данные об организации госпитализации и эвакуации раненых во внутренних районах России в период 1914–1915 гг. // Военно-медицинский журнал. 1939. № 7. С. 47.

операций будет не менее 22 000 в Воронежский эвакуационный пункт и 35 000 в Московский, следовательно всего на Московский военный округ — 57 000»[601]. Можно предположить, что при таком расчете уже только Московский, Петроградский, Киевский военные округа могли бы удовлетворить возникшую потребность в местах для раненых, если бы времени на подготовку военно-санитарной части было больше, как и предполагалось по мобилизационному плану, на один год[602]. При этом интендантская служба предпринимала со своей стороны все возможное для обеспечения военно-врачебных заведений. Так, только в 1916 г. в Московском и Петроградском военных округах было заготовлено 216 военно-врачебных заведений на сумму 3 767 000 руб.[603] Причем заготовление материалов и нахождение мастерских или отдельных лиц по пошиву белья, а также заготовление одеял, гессенских палаток, носилок, халатов, туфель производилось распоряжением главного интенданта. Заготовление же прочих вещей произвольных образцов и из материалов произвольного качества, с единственным непременным условием соответствия заготовленных предметов своему назначению осуществлялось через Окружного интенданта Московского военного округа и начальника Военно-окружного интендантского управления Петроградского военного округа.

Сложившаяся ситуация, конечно, является еще одним подтверждением того, чего стоило России изменение ее стратегических планов в угоду союзникам и «преждевременное» вступление в мировой конфликт. Несмотря на это, мы можем предположить, что в течение месяца с начала войны некоторый дефицит больничных коек был создан искусственно, так как непосредственно в

---

[601] РГИА. Ф. 1623. Оп. 1. Д. 529. Л.1.

[602] Таленский Н.А. Первая Мировая война 1914–1918 гг. //Военное искусство капиталистического общества (1789–1917). М., 1953. Вып. 2. С. 258.

[603] РГВИА. Ф. 499. Оп. 1. Д. 1926. Л. 100.

ближайшем тылу действующей армии были плохо поставлены и организация медицинской помощи и контроль.

К концу 1914 г. положение с больничными местами нормализовалось. По этому поводу Военно-санитарный отдел Наблюдательной комиссии в заключении об обеспечении коечной сетью писал: «...общее количество мест для раненных воинов представляется достаточным, однако следует иметь в виду, что из числа коек — всего 738 261, 375 980 находятся в учреждениях военного ведомства, и почти такое же количество — 362 281 числится в учреждениях РОКК и Всероссийского земского и городского союзов; лишь благодаря этому недостатка в койках не наблюдается»[604]. Но оказалось, что решение данного вопроса не сняло всего комплекса проблем.

Нехватка транспорта и недостаточная протяженность железных дорог не давали возможности равномерно заполнить больными и ранеными весь созданный объем больничных мест в лечебных учреждениях. Раненые накапливались в распределительных пунктах, куда их свозили с передовых позиций, в результате чего близлежащие эвакуационные пункты были переполнены, а лечебные учреждения в отдаленных районах пустовали. Средний процент заполнения коек внутренней эвакуации в первый период войны составлял около 50 %, а затем колебался от 70 до 77 %[605].

Данные по заполняемости Петроградского распределительного округа (Вятская, Пермская и других губерний) выглядели следующим образом[606]: на 1 сентября из 89 241 места было занято 43 705 мест (49 %), на 15 октября из 93 846 — 47 838 (51 %), на 1 ноября из 103 621 — 66 950 (65 %), на 1 декабря из 106 853 — 74 970 (70 %), на 15 декабря из 111 702 мест было занято 834 509 мест (75 %). Занятость лечебных учреждений в отдаленных районах до конца войны так и не составила 100 %.

---

[604] Санитарная служба русской армии ... С. 12.

[605] Краткий очерк деятельности Всероссийского земского союза. С. 12.

[606] Трескунова *Б.* Некоторые данные об организации госпитализации ... С. 48.

Неравномерная занятость госпиталей и лазаретов, безусловно, происходила из-за отсутствия четкого учета числа раненых и количества свободных коек. Нередко свободные больничные места находились в непосредственной близости от действующей армии. Например, в Киеве в октябре 1914 г. на средства киевского духовенства был организован лазарет[607], а 27 ноября в издании «Церковный Вестник» появилась информация о том, что в лазарет не поступило ни одного раненого[608].

В телеграмме Главного военно-санитарного инспектора военному министру от 15 сентября 1914 г., в частности, говорилось о том, что в Москве «установить точное число мест невозможно, по неполноте регистрации»[609], а в Петрограде вообще дело устройства лазаретов не имело определенного плана, поскольку в начале войны считалось, что город будет находиться в сфере военных действий[610]. Отсутствие контроля над ситуацией с количеством больничных мест в Москве и Петрограде затрудняло эвакуационную работу. Эти города наряду с Орлом, Курском и Харьковым (позже подключились к работе Екатеринослав и Ростов-на-Дону) являлись центральными распределительными пунктами, куда, согласно плану эвакуации, направлялись все санитарные поезда с театров военных действий, и откуда больные и раненые для дальнейшего лечения распределялись во внутренние губернии России, каждая из которых была приписана к указанным пунктам и должна была получать раненых исключительно из своего округа[611].

В самих губерниях система учета велась аккуратнее. Например, Тамбовская губернская земская управа, относящаяся к Московскому округу, предполагала организовать 2000 больничных мест, с тем чтобы «при крупных

---

[607] Церковный Вестник. 1914. № 41.

[608] Там же. № 48.

[609] Санитарная служба русской армии ... С. 213.

[610] Очерк деятельности Всероссийского союза городов. М., 1916. С. 185.

[611] Краткий очерк деятельности Всероссийского земского союза. С. 10.

сражениях весь подсчет удвоить до 4000»[612]. При этом имелись объективные расчеты: уездные земские больницы — 367 мест; лазареты, открываемые уездными земствами, — 345; городские лечебные учреждения — 212; учреждения Красного Креста — 63; лазареты, открываемые частными лицами — 302 места (всего — 1289)[613].

Надо заметить, что меньшее количество подотчетных учреждений давало возможность на губернском уровне точнее рассчитывать количество мест. Однако и в этих случаях наблюдался беспорядок. В докладе Тамбовской губернской земской управы о помощи раненым говорилось: «Управе недостает во многих случаях точного учета городских коек, коек Красного Креста и других учреждений, ведущих самостоятельный учет. Наконец, надо предположить, что каждый день приносит с собой новые предложения со стороны частных лиц, и многие из жертвователей примыкают и попадают на учет к другим организациям»[614]. Из данного примера напрашивается еще один немаловажный вывод: при отсутствии единой централизованной системы регистрации больничных мест возникали сложности в контролировании ситуации на уровне губернской земской управы. Следовательно, на уровне всей Империи информация о количестве коек, где они исчислялись десятками тысяч, была необъективной, и тем самым создавались трудности в размещении больных и раненых воинских чинов, нарушалась работа по организации медицинской помощи.

Отсутствие налаженной системы по перевозке и распределению раненых и больных воинов являлось далеко не единственным деструктивным элементом в организации медицинской помощи. Еще одним из числа серьезных недостатков существующей системы организации санитарной службы было обилие ведомств и учреждений, имевших различную подчиненность, но

---

[612] РГИА. Ф. 1623. Оп. 1. Д. 529. Л. 1.

[613] Там же. Л. 2.

[614] Там же. Л. 1.

занимающихся одним делом — делом помощи больным и раненым воинам. Отсутствовало единое руководство в механизме оказания медицинской помощи. Это было закономерно, поскольку эвакуацией раненых и больных ведало Главное управление Генерального штаба; лечением в полевых и стационарных лечебных заведениях и эвакуацией на грунтовых участках занимались санитарные начальники фронтов и армий, РОКК, ВЗС и ВГС; снабжением медицинским имуществом и учетом и распределением медицинских кадров — Главное санитарное управление; снабжение санитарно-хозяйственным имуществом находилось в руках Главного интендантского управления. В сентябре 1914 г. была сделана попытка объединить всю санитарную и эвакуационную деятельность. Однако верховным начальником санитарной и эвакуационной части становится человек, далекий от медицины, не обладавший опытом профессионального администратора, но состоявший в родстве с Николаем II, — принц А. П. Ольденбургский. К качественным изменениям это не привело. «Острые недостатки до известной степени были устранены, но остальные — отсутствие плана организации, отсутствие достаточной приспособленности всех организаций к военно-санитарному делу — остались и поныне», — отмечал А. И. Шингарев[615]. Типичной ситуацией на тот момент был прецедент, когда в начале сентября в Москве главному уполномоченному Земского союза «внезапно заявлено было о том, что через 12 часов в Москву для размещения прибывает 21 поезд с ранеными в числе около 15 000 человек»[616]. И того, кто направлял эти поезда, совершенно не заботило ни количество больничных мест в городе, ни наличие продуктов, необходимых для питания раненых, и т. д.

Самой распространенной формой участия в деле помощи пострадавшим воинам и их семьям были денежные пожертвования. С начала августа и по

---

[615] Санитарная служба русской армии .... С. 14.

[616] Там же. С. 215.

1 сентября 1914 г. в фонд Красного Креста поступило 1 544 203 руб. 52 коп.[617], с 1 сентября по 1 октября 1914 г. — 7 824 701 руб. 61 коп.[618] Приведем примеры особенно крупных пожертвований: в Москве Коммерческий банк И. В. Юнкер и К° пожертвовал на нужды раненых 130 000 руб. (на них при Московской Мариинской больнице открыли 100 мест)[619]; частное лицо госпожа Кеншина на дело помощи больным и раненым воинам передала 1 млн руб.[620]; товарищество русско-американской фирмы «Треугольник» пожертвовало на Красный Крест 40 тыс. руб. с просьбой оборудовать госпиталь; Петроградская еврейская община выразила готовность израсходовать на дело Красного Креста сумму в 100 тыс. руб. и предложила организовать госпиталь Красного Креста, приняв на себя его содержание[621], и т. д.

В связи с этим отметим помощь членов IV Государственной Думы больным и раненым воинам. С самого начала войны ежемесячно, по постановлению Государственной Думы отчислялось несколько процентов от жалованья, что составляло 6 тыс. руб., на которые за 1914 год были организованы при ближайшим содействии Красного Креста и отправлены на передовые позиции два этапных лазарета имени Государственной Думы[622].

Служащие канцелярии ведомства Императрицы Марии постановили отчислять каждый месяц 1 % от жалованья РОКК «на время продолжения военных действий»[623].

---

[617] Вестник Красного Креста. 1914. № 7. С. 144.

[618] Там же. № 8. С. 911.

[619] РГИА. Ф. 759. Оп. 90. Д. 1. Л. 31.

[620] Вестник Красного Креста. 1914. № 9. С. 200.

[621] Русское чтение. 1914. № 185.

[622] Там же. № 186.

[623] РГИА. Ф. 759. Оп. 90. Д. 1. Л. 23.

Спустя два года после вступления России в войну вопрос о единой системе управления в деле обеспечения медицинской помощью оставался открытым и не менее актуальным. В декабре 1916 г. на XIV съезде российских хирургов профессор, лейб-хирург, член Главного управления РОКК Н. А. Вельяминов говорил об «отсутствии на фронте компетентного центрального органа, руководящего всеми делами врачебно-санитарной помощи в армии», и о необходимости «объединения деятельности различных ведомств и организаций, причастных к санитарному делу»[624]. На этом же съезде хирург П. Г. Корнеев в своем докладе отмечал: «Между учреждениями военно-санитарных и общественных организаций нет тесного контакта. Да он и невозможен. Постановка дела в военно-санитарном ведомстве достаточно не выяснена. В учреждениях частной и общественной помощи также нет полного единства, каждая организация имеет свой центр, свой уклад, и связь устанавливается лишь чисто внешняя»[625]. К примеру, Военно-санитарное ведомство и Красный Крест, как уже отмечалось нами ранее, тесно сотрудничали в деле подготовки обеспечения медицинской помощью русской армии. Но одним из показателей лишь внешней связи их совместной деятельности служит факт, отраженный в приказе № 112 по 1-й армии от 14 сентября 1914 г.: «...в составе лечебных заведений и учреждений РОКК имеются этапные и подвижные лазареты, а также передовые летучие санитарные отряды, которые, находясь на передовых позициях, оказывают первую помощь. Несмотря, однако, на эту их деятельность, закон не предоставляет им права выдачи перевязочных свидетельств и тем лишает раненых возможности получить этот необходимый в будущем документ»[626]. Правда, данное упущение было исправлено достаточно быстро приказом

---

[624] XIV съезд российских хирургов. С. 16.

[625] Там же. С. 27.

[626] Приказы и приказания по 1-й армии за 1914 год. Пг., 1914. Приказ № 112 от 9 сентября 1914 г.

№ 620 по Военному ведомству от 26 сентября 1914 г. «О распространении права выдачи перевязочных свидетельств на все время войны на лечебные заведения Красного Креста на театре военных действий»[627].

И лишь приказом № 417 Временного правительства по Военному ведомству от 29 июня 1917 г. для объединения военно-санитарного дела как на фронте, так и в тылу были сформированы Временный главный Военно-санитарный совет и Центральный санитарный совет фронтов[628]. В июне–августе 1917 г. был создан особый комитет для разработки проекта по объединению военных и общественных организаций на европейском театре войны[629]. Об эффективности этих мер в свете бурных событий 1917 г. судить сложно. Можно предположить, что вряд ли они кардинально прояснили ситуацию, потому что, во-первых, эти действия были слишком несвоевременными, и во-вторых, общее положение страны, находящейся в глубоком экономическом кризисе (промышленность, сельское хозяйство, железнодорожный транспорт), не способствовало улучшению состояния отдельного направления.

Основываясь на фактах, характеризующих неудовлетворительную подготовку военно-медицинской службы к участию в войне, можно сделать следующий вывод: при такой ситуации основная цель военно-медицинской службы — максимальное сохранение людских ресурсов — не могла быть достигнута. Общие санитарные потери русской армии в первую мировую войну составляли 12–13 млн человек, т. е. в среднем ежегодно с 1 млн воюющих мы теряли около 800 тыс. В. А. Оппель, пользуясь данными, собранными им лично на Юго-Западном фронте, говорит о том, что из 100 раненых в часть возвращалось 44 (сюда не вошли лазареты дивизий, откуда также попадали

---

627 Сборник приказов по Военному ведомству. Пг., 1914.

628 Сборник приказов по Военному ведомству. Пг., 1917.

629 Юрий М.Ф. Буржуазные общественные организации в I Мировую войну 1914–1918 г. (ВЗС, ВСГ, Земгор, ЦВПК): Докт. дис. Черновец, 1990. С. 286.

обратно в строй легко раненые), остальные раненые либо умирали (10 %), либо были негодными к службе (40 %)[630], оставаясь инвалидами.

На XIV съезде российских хирургов в декабре 1914 г. прозвучала фраза, которая позволяет еще раз убедиться в причинах больших людских потерь, имевших место несмотря на усилия хирургов, работающих буквально на передовой и в госпиталях в тылу: «У нас почти во всех ведомствах и организациях врачи оттесняются от административной и организационной деятельности, и нам, врачам, приходится меньше бороться со смертью, чем с теми препонами, которые нам ставят администраторы — не врачи <...а> без целесообразно поставленной администрации и планомерной организации всего врачебно-санитарного дела, врачебное искусство на войне становится бессмысленным»[631].

В Сборнике приказов и приказаний по 1-й армии за 1914 г. находим немало ситуаций, не только подтверждающих несогласованность действий разных инстанций, но и просто равнодушие ответственных чинов: «Неоднократно приказывал заведующему санитарной частью, действительному статскому советнику Федосееву, иметь наблюдение за поездами, доставляющими раненых, наблюдать за своевременностью их выгрузки и уходом за ними <...> Сегодня около 7 часов утра прибыл товарный поезд с ранеными, которых начали переносить в госпиталь. Затем, от 11 часов до 4 часов дня был сделан перерыв. Раненые оставались лежать без соломы, без перевязки и пищи, действительный же статский советник Федосеев не счел даже нужным мне об этом доложить, что подполковник Скомковский, распоряжавшийся этим, пользуется большими правами»[632]. Такие ситуации складывались именно потому, что «по положению от 16 июня 1914 г., в дело военно-санитарной помощи вступило большое количество чисто военных

---

[630] Оппель А. В. Очерки хирургии войны. С. 172.

[631] XIV съезд российских хирургов. С. 22.

[632] Приказы и приказания по 1-й армии за 1914 год.

чинов: в настоящий момент около 500 офицерских чинов просто «болтается» в военно-санитарных учреждениях, а это состав чуть ли не корпусный»[633]. Подавляющее большинство этих людей, будучи военными чинами, естественно, не понимало важности учета чисто медицинской стороны дела в организации санитарной помощи. Например, 3/4 ранений — это повреждения осколочного характера, которые сопровождались тяжелой инфекцией и требовали хирургического вмешательства не позднее 6–8 часов, но эвакуация «во что бы то ни стало» не давала такой возможности — известно, что поезда ехали сутками без остановок, прямо от позиций. Своевременная хирургическая оперативная помощь раненым при таких условиях была невозможна, поезда являлись плохими лечебными заведениями хотя бы потому, что вследствие скученности раненых доступ к ним в вагоне был просто затруднен. С точки зрения хирургии это было недопустимо, требовалась этапная хирургия. «Эвакуация без надлежащей организованной этапной хирургической помощи не только вредна для самих раненых, но и вредна с общегосударственной точки зрения, ибо может превращать в инвалидов таких людей, которые могли бы или быть почти здоровыми, или же мало пострадавшими»[634]. Под этапным лечением, систему которого разработал профессор В. А. Оппель[635], понималось лечение, идущее одновременно с эвакуацией, причем каждый раненый получал бы нужную ему хирургическую помощь тогда, когда он в этом нуждался. Здесь мы опять подходим к тому, что система эвакуации была губительна для России в этой войне, к тому же она являлась дорогим и зачастую бессмысленным мероприятием.

«Инструкция по организации хирургической помощи раненым на фронте» вышла в 1916 г., и благодаря ей в действующей армии были устранены многие недостатки, связанные с хирургической помощью на первых этапах

---

[633] Санитарная служба русской армии ... С. 12.

[634] Оппель А. В. Очерки хирургии войны. С. 175.

[635] Военно-медицинский журнал. 1915. Т. 10. С. 151.

эвакуации, с организацией сортировки раненых и больных, с управлением потоками эвакуации, но базовые недостатки организации медицинской помощи русской армии все-таки продолжали существовать.

4. 4. Система продовольственного довольствия накануне и в годы Первой мировой войны

Изучение системы продовольственного снабжения войск, сложившейся накануне первой мировой войны, является первостепенной задачей для понимания всей структуры и методов функционирования сложного механизма Интендантского ведомства, непосредственно проявившей себя в годы войны.

До первой мировой войны вопросами продовольственного снабжения армии занималось III отделение Главного интендантского управления «По провиантскому, приварочному и фуражному довольствию». Его возглавлял числящийся по армейской пехоте полковник Федор Петрович Шелехов[636].

Размер казенного отпуска на продовольствие нижних чинов и лошадей определялся табелями провиантского, приварочного и фуражного довольствия (продовольственными окладами). Большая часть отпусков выражалась суммой, полагавшейся на одного человека и на одну лошадь в день (указные деньги); на остальное устанавливались определенные денежные оклады (приварочные и кормовые)[637]. Нормальный вес и другие качества продовольственных припасов определялись в ст. 145–147 (СВП. Кн. XII). Правила о допуске замены одних продуктов другими и отступлении от нормальных качеств продуктов изложены в той же книге (ст. 148–150) и в соответствующих интендантских табелях. Понятие «провиант» соответствовало понятию «солдатский паек»[638]. Указная суточная дача провианта полагалась на каждого человека ежедневно: муки ржаной — 2 фунта 25 1/2 золотников; крупы — 32 золотника.

---

[636] Общий состав Главного интендантского управления Военного министерства. СПб., 1912. С. 23.

[637] СВП. 1869. Кн. XIX, раздел III. Ст. 1088.

[638] Приказ № 190 (ПВВ. 1908) разъясняет, что под словами «солдатский паек» следует понимать указную дачу провианта.

Указной даче муки соответствовало 3 фунта хлеба или 2 фунта сухарей. При недостатке ржаной муки или ее дороговизне она заменялась полностью или отчасти пшеничной, в равном весе.

Крупа полагалась гречневая, пшенная или ячневая, она могла быть заменена пшеничной и рисовой.

Дача муки или хлеба, или сухарей везде и всем была одинаковая, но войсковым частям, получавшим от интендантской службы провиант хлебом, а не мукой, выдавали еще на приготовление кваса и сырца по 3 фунта муки на человека в месяц. Дача крупы полагалась некоторым войскам усиленная.

Строевые и нестроевые нижние чины войск гвардии и офицерских школ получали при общей указной даче муки усиленную дачу крупы, а именно по 40 золотников в день на человека.

Все строевые и нестроевые нижние чины строевых частей и войсковых управлений (как и прикомандированные): 1) Туркестанского военного округа, за исключением Закаспийской области; 2) на китайской границе Туркестанского же округа; 3) находящиеся в районе бывших степных укреплений Казанского военного округа (Черноярской местной команды — в Ставке хана Внутренней Киргизской орды и Кустанайской местной команды в Тургайской области) и форте Александровском на Каспийском море и 4) Омского военного округа, находящиеся в отрядах и постах на китайской границе, а также Березовской местной команды (Тобольской губернии), — получали муки — общую дачу, а круп — усиленную дачу до 48 золотников в день на человека как во время нахождения в названных местностях, так и во время следования туда и обратно по степным районам. В местностях, указанных в п. 3, а также городах Березове и Сургуте Тобольской губернии, данную дачу провианта получали также генералы, штаб-обер-офицеры, классные чиновники, причем им предоставлялось право получать взамен

провианта деньги по местным, современным отпуску, подрядным ценам, по расчету стоимости солдатского пайка[639].

В 1914 г. проводились опыты по уменьшению указной дачи хлеба с переходом на хлеб лучшего качества, а именно из просеянной ржаной муки или с заменою некоторой доли ржаного хлеба пшеничным[640].

Согласно «Положению о чайном довольствии»[641], оно выдавалось нижним чинам всей армии ежедневно по следующей норме: в день на 100 человек 48 золотников (т. е. полфунта) чаю и 6 1/4 фунтов сахару.

В холодное время устанавливалось усиленное чайное довольствие нижним чинам, т. е. ежедневно отпускалось сверх обычной вышеуказанной нормы еще по 25 золотников чаю и по 3 фунта 12 золотников сахару на 100 человек в день, чтобы люди могли получать чай по 4 раза в сутки. На покупку посуды и на уголь от казны отпускалось по 5 коп. в год на человека, по штатному числу людей.

Приварочные деньги предназначались на приобретение для нижних чинов приварка, т. е. мяса, соли, овощей и других припасов. Размер приварка определялся ежегодно для каждой губернии особо по трем суточным окладам: обыкновенному, усиленному и уменьшенному. Оклад приварочных денег состоял из двух частей: изменяющейся — из суммы, соответствующей стоимости 3/4 фунта мяса, и постоянной, предназначенной на приобретение остальных припасов: при обыкновенном окладе 2 1/2 коп. в день, считая 1 1/4 коп. на овощи и 1 1/4 коп. на приправу (соль, сало, перец и пшеничную

---

[639] ПВВ. 1908. № 190. С. 45. Ст. 1090.

[640] ПВВ. 1911. № 506.

[641] ПВВ. 1911. № 39.

муку на подболтку), а при уменьшенном — 1 1/4 коп. в день на приправу. Усиленный оклад равнялся 1,5 обыкновенного оклада[642].

По обыкновенному окладу получали все нижние чины частей, имеющих артельное хозяйство и не пользующиеся огородами; по уменьшенному — войска, имеющие огороды, а по усиленному — нижние чины штабов, управлений, заведений, писари, фельдшеры и прочие, не имеющие артелей. Нижним чинам команд разведчиков, когда командировки продолжались свыше суток и производились вне маневров, отпускался двойной приварочный оклад. Приварочные оклады устанавливались на год (с 1 января по 1 января), для каждой губернии особый. Для определения размеров приварочных окладов на каждый предстоящий год окружной интендант каждого военного округа собирал заблаговременно сведения о ценах на мясо второго сорта: а) за прошедший год — о покупках в войсках и о подрядных для госпиталей; б) о современных в вольной продаже в местах расположения войск. Увеличение в течение года установленных на этот год приварочных окладов могло быть сделано лишь при следующих условиях: если по причине вздорожания съестных припасов установленные приварочные оклады оказывались недостаточными для покрытия расходов на продовольствие рот, то войска обращались к расходованию на этот предмет запаса артельной суммы; если при этом размер этих сумм в среднем не превышал 400 руб. на каждую роту полка, начальники дивизий могли ходатайствовать об увеличении приварочных окладов. Ходатайства эти рассматривались военно-окружными советами и, если они признавались уважительными, представлялись на разрешение военного совета.

Согласно ПВВ (1911. № 83), войскам Туркестанского военного округа для профилактики цинги могла отпускаться лимонная кислота в количестве

---

[642] Вакар Я. Я. Справочник для дивизионных интендантов и всех лиц, соприкасающихся с войсковым хозяйством и продовольствием войск. СПб., 1911. С.70.

1/8 золотника в день на человека (отпуск этот относился к приварочному довольствию).

Казна отпускала на продовольствие кормовые деньги и деньги на чайное довольствие командам новобранцев, отправляемым уездными воинскими начальниками в войска; командам запасных нижних чинов, призываемым на учебные сборы, а также следующим одиночным порядком нижним чинам.

Суточный кормовой оклад составлялся из стоимости суточной дачи провианта по местным заготовительным ценам и местного усиленного оклада приварочных денег. Кормовые деньги по этим окладам полагались на время передвижения по обыкновенным дорогам (т. е. железным), с дневками. Согласно ПВВ (1906. № 26, 94 и 563), на время переездов по железным дорогам, водным путем и на почтовых (с дневками) был установлен постоянный кормовой оклад в 25 коп. Отпуск на чайное довольствие при кормовом окладе устанавливался по местным ценам на чай и на сахар с учетом 0,48 золотников чаю и 6 золотников сахару на одного человека в день[643].

Рассмотрение вопроса продовольственных поставок было бы неполным без упоминания о пищевых консервах.

Примитивными пищевыми консервами считались традиционные ржаные сухари. Сухари содержались в виде неприкосновенного запаса на случай мобилизации в войсках и в интендантстве и заменялись на более свежие в мирное время. Сухарный запас ежегодно заменялся полностью: для этого его расходовали на довольствие войск в мирное время, а вместо него заготавливали свежие.

Комиссия по разработке новых пищевых раскладок, рассмотрев вопрос о сухарях, пришла к заключению о полной необходимости коренным образом изменить в армии поставку сухарного дела, для чего предлагалось запретить а) приготовление сухарей из бракованного, неудавшегося хлеба; б) перепекание

---

[643] Макшеев. Ф. А. Военное хозяйство: Курс Интендантской академии. СПб., 1913. С. 115–116.

сухарей, назначенных в рационы ради освежения сухарного запаса, в хлеб. Кроме того, не предрешая вопроса о необходимости иметь в армии в мирное время запасы сухарей, высказывалось мнение, что: а) ржаной сухарь, изготовленный из хлеба, хотя бы и особо для него приготовленного, представляет пищевой продукт наиболее трудноперевариваемый, грубый и вредный для войск, особенно в военное время, и неудобный для хранения и перевозки; б) ржаной сухарь и у нас отжил свой век, подобно тому как это случилось почти во всех иностранных армиях; в) сухари должны быть заменены иными специально для этого выработанными хлебными консервами, более питательными, удобоваримыми, удобными и в других отношениях.

Например, перед Первой мировой войной Брянское продовольственное интендантское заведение производило экспериментальное заготовление особых галет, в частности мы располагаем инструкцией по заготовлению пшеничных и ржаных галет[644].

В годы войны ржаные галеты предназначались для довольствия войск вместо сухарей и изготавливались только интендантством, но не войсками. Они упаковывались в пакеты из серой бумаги по 1 3/4 фунта (чистого веса продукта) в каждом пакете (для ровного веса разрешалось докладывать куски галет); таким образом, в одном пакете была полная суточная норма военного времени. Каждые 60 пакетов упаковывались в деревянный ящик, который затем обвязывался проволокой.

Пшеничные галеты изготавливались таких размеров, что в одном фунте их было 8 или 10 штук. Они укладывались в жестяные ящики, по два пуда галет в каждом (40 двухфунтовых дач); эти ящики вставлялись в деревянные, которые затем оковывались железом.

Кроме того, для продовольствия войск предназначались мясные консервы и сушеные овощи.

---

[644] Вакар Я. Я. Справочник для дивизионных интендантов... С. 97–98.

Мясные консервы предназначались для использования в военное время вместо свежего мяса или вообще мясных продуктов, если их было недостаточно. Согласно ПВВ 1907 г. № 571 «Указания к употреблению и хранению в войсках мясных консервов интендантского заготовления», они отпускались на довольствие войск с целью освежения запасов и для ознакомления войсковых частей с условиями питания консервной пищей.

Мясные консервы изготавливались на частных фабриках под наблюдением чинов Военного ведомства. Для одной порции мясных консервов употреблялось: мяса без костей 67 1/2 золотника, жира 10 золотников, соли 3/4 золотника и луку 1 золотник, а всего 79 1/4 золотника. Из этого получался 79 1/4 золотника мясных консервов, заключавших в себе: мяса без жира 36 золотников, жиру при мясе или в топленом виде 12 золотников, соли 3/4 золотника, луку 1 золотник и бульону 29 1/2 золотника[645].

Консервы укладывались в цилиндрические однопорционные жестянки, на которых обозначался год изготовления и шифр окружного интендантства, под наблюдением которого консервы изготовлялись на фабрике. Жестянки по 72 штуки упаковывались в деревянные ящики, при этом в каждый ящик клалось 8 ножей для вскрытия жестянок, а сам ящик обвязывался проволокой.

Мясные консервы отпускались в войска по возможности ящиками, и принимались войсковыми приемщиками при целостности ящичной укупорки и пломб приемных комиссий лишь в количественном отношении, причем для проверки полного числа порций в ящиках, последние взвешивали (нормальный вес ящика с консервами около 3 пудов)[646].

Вскрытие ящиков с консервами без надобности в расходовании их допускалось в случае явной порчи консервов. Срок хранения мясных консервов в запасах определялся 5-летним сроком, считая от года их изготовления,

---

[645] Макшеев Ф. А. Военное хозяйство. С. 120.

[646] Инструкция смотрителям продовольственных магазинов Интендантского ведомства по хранению продовольственных продуктов и фуража в продовольственных магазинах. Пг., 1916. С. 95.

причем замена консервных запасов происходила не иначе, как по распоряжению подлежащих окружных интендантств[647].

Одна порция мясных консервов соответствовала суточной мясной даче военного времени, т. е. одному фунту свежего мяса. А потому при отпуске мясных консервов на довольствие войск в мирное время, когда полагалось лишь по 3/4 фунта мяса на человека, устанавливалось отпускать 4 порции их на 5 человек, с зачетом приварочных денег за каждые 4 порции консервов по стоимости 3 3/4 фунтов мяса по утвержденным приварочным окладам[648]. Мясные консервы приготавливались в пищу путем варки с сырыми приварочными продуктами (в артельных котлах, походных кухнях и одиночных котелках) или без них. Они могли употребляться и в натуральном виде (без разбавления кипятком), для чего достаточно было разогреть жестянку, поставив ее на 15 мин в кипяток или горячую золу.

Сушеные наквашенные овощи для довольствие войск заготавливались интендантством в виде смесей для щей, борща и картофельного супа. Эти смеси должны были включать: капусты для щей — 75 %, для борща — 20 %; свеклы для борща — не более 55 %; картофеля для супа — 75 %; лука и моркови по 10 % для каждого вида первого блюда; укропа, петрушки и сельдерея — по 5 %; также 1/4 % перца стручкового и 1/8 % лаврового листа[649].

Кроме того, согласно утвержденному 13 июня 1914 г. Главным интендантом генералом-от-инфантерии Шуваевым «Описанию предметов приварочного довольствия»[650], войска обеспечивались: солониной, свиным солено-копченым салом, свежей рыбой (судак, карп, вобла и другими, которые находились в местной продаже и по доступной цене), соленой рыбой

---

[647] Там же С. 98.

[648] ПВВ. 1909. № 416.

[649] Условия на поставку сушеных наквашенных овощей для продовольствия войск. Полтава, 1911. С.1.

[650] Циркуляр Главного интендантского управления № 21. СПб., 1914. С. 3–4.

(допускались снетки, судаки, щуки, сельди, кета, вобла и другие породы употребляемых в пищу рыб), макаронами (2-го сорта), гороховой мукой, сушеными овощами[651], чесноком, помидорами и помидорным пюре-консервантом.

В заключение рассмотрим вопрос «о винной порции». В 1908 г.[652] выдача водки нижним чинам была воспрещена, и она была изъята из продаж в солдатских буфетах и лавках. Начальникам всех степеней было запрещено по своему усмотрению давать водку нижним чинам части в военное и мирное время; выдача ее допускалась лишь отдельным нижним чинам в виде лекарства. Винную порцию разрешалось, однако, заменять легким виноградным вином, пивом или улучшенной пищей по усмотрению, в зависимости от времени года, условий квартирования и пр.

Итак, система продовольственных поставок в русской армии была строго регламентирована, в ней были задействованы как государственные структуры, так и частные предприниматели. Главное интендантское управление предпринимало все возможное для расширения наименования продуктов, входивших в солдатский рацион.

Вопросами продовольственного обеспечения армии с началом войны занимается не III отделение Главного интендантского управления, как это было ранее, а VI, которое становится продовольственным и возглавляется в этот период статским советником Николаем Николаевичем Ивановым[653].

С началом войны интендантство проводит мероприятия по надлежащему обеспечению армии. В основу принимаемых мер был положен следующий принцип: войска должны стремиться заготовить все на месте с тем расчетом, что им ничего не будет подвезено с тыла; интендантство же, в свою очередь,

---

[651] Приказ по Интендантскому ведомству 1909 г. № 143.

[652] ПВВ. 1908. 30 декабря. № 584 // Сборник приказов по Военному ведомству за 1908 г. СПб., 1908.

[653] Общий состав чинов Главного интендантского управления. Пг., 1916. С. 11.

должно было позаботиться о своевременном заготовлении запасов продовольствия для войск с учетом того, что последним не удастся ничего приобрести на месте.

Считалось, что только при таких совместных усилиях войск и интендантства можно было рассчитывать, что армия будет достаточно обеспечена продовольствием[654].

Первым этапом для осуществления упомянутого принципа являлось заготовление еще в мирное время в установленном размере полевых продовольственных запасов военного времени.

Однако означенные запасы были размещены в пограничной полосе, не вполне защищенной от случайностей первого периода войны, поэтому приходилось считаться с вероятностью того, что в случае вынужденного отступления наших армий значительная часть этих (полевых) запасов должна быть уничтожена на месте за невозможностью вывести ее своевременно в тыл.

Поэтому предполагалось с объявлением мобилизации приступить к заготовлению главнейших видов продовольственных припасов в том количестве, в каком было установлено содержание их в полевых запасах военного времени. Так, считалось, что необходимо будет заготовить:

«Муки 6 925 000 пудов на 6 717 250 руб.

Крупы 918 000 пудов на 1 147 500 руб.

Чаю 3085 пудов на 135 740 руб.

Сахару 43 870 пудов на 256 640 руб.

Овса 10 432 000 пудов на 9 910 400 руб.

Сена 8 494 000 пудов на 5 096 400 руб.

Сухарей 499 000 пудов на 998 000 руб.

Мясных консервов 24 600 000 порций на 6 888 000 руб.

Овощных консервов 1770 пудов на 14 140 руб.

Итого на сумму 31 164 070 руб.

---

[654] РГВИА. Ф. 499. Оп. 10. Д. 1482. Л. 1.

25 % надбавка

Итого (кругло) 38 956 000 руб.».[655]

Кроме того, признавалось необходимым, в соответствии с Положением о гуртах скота[656], с момента объявления мобилизации приступить к формированию полевых и крепостных гуртов скота для обеспечения: а) полевых войск — 4-дневной дачей мяса; б) крепостных войск — 30-дневной дачей мяса.

«Считая (кругло) в полевых войсках 2 380 000 и в гарнизонах крепостей 760 000 потребность в мясе определялась в 508 000 пудов. При этом полагалось, что вес одной туши 7 пудов, отсюда считалось необходимым для заготовления 73 000 голов скота. Определялась стоимость 1 головы в 70 руб.».

С началом войны Главное интендантское управление строго следовало заранее выработанным планам заготовления.

Так, согласно справке о расходах для надобностей войск по предметам, не составлявшим текущего довольствия, датированной 8 августа 1914 г., следует[657], что 21 июля 1914 г. за № 763 Главное интендантское управление предоставило в Военный совет план заготовления довольствия на сумму 170 млн 155 тыс. руб. для обеспечения потребности действующей армии на первое время войны. Представление это было утверждено Военным Советом по журналу 24 числа того же месяца. Затем вследствие значительного увеличения вооруженных сил по сравнению с предполагавшейся ранее численностью армии в военное время и на основании поступивших из армии требований Главное интендантское управление внесло в Военный Совет ходатайство о разрешении произвести следующие дополнительные заготовления, не предусмотренные общим представлением от 21 июля за № 763:

---

[655] Там же.

[656] ПВВ. 1912. № 239.

[657] РГВИА. Ф. 499. Оп.10. Д. 1482. Л. 8.

1) 29 июля за № 1931 — сушеных овощей, мяса и сала на сумму 13 млн 320 тыс. руб.;

2) 30 июля за № 1951 — продовольственных продуктов на сумму 9 млн 097 тыс. 468 руб. 75 коп.;

3) 5 августа за № 2054 — продовольственных продуктов на сумму 60 млн 400 тыс. руб.

Продовольствие к войскам поступало через систему продовольственных магазинов Интендантского ведомства.

Всего во время войны функционировало 105 таких магазинов[658] (см. Приложение 3).

Обратимся к отчетам по поставкам и заготовкам продовольствия по конкретным округам. Проследим общую картину заготовления, проанализировав отчет по Туркестанскому военному округу за 1914 г.[659]

По материалам отчета провиант отпускался натурой из продовольственных магазинов, а там, где их не было, поставлялся прямо в войска или же подвозился из ближайших продовольственных магазинов по требованию частей войск.

Для частей войск, не имевших обозных лошадей, а также при расположении войск далее 10 верст от магазинов провиант подвозился за счет казны. Новобранцы, назначенные на укомплектование войск Термезского гарнизона, при следовании от Самарканда до Термеза по грунтовой дороге получали хлеб, приготовленный попечением интендантства. Памирский отряд довольствовался провиантом, высылаемым из Омского магазина, а также частично заготовленным самостоятельно на месте.

На основании Свода военных положений (1911. Кн. XIX. Ст. 1090) и положения Военного Совета 21 декабря 1913 г. отпускалось по всему округу в день на человека: муки 2 фунта 25 1/2 золотника и крупы — 48 золотников. На

---

[658] РГВИА. Ф. 499. Оп. 1. Д. 1618 . Л. 165–166.

[659] Там же. Д. 1911. Л. 92.

основании приказа по Военному ведомству 1910 г. № 467 и п. 14 Табели провиантского довольствия отпуск провианта семействам нестроевых сверхсрочных нижних чинов и тех строевых сверхсрочных, которые уже получали провиант до выхода провиантского приказа, производился в следующем размере: женщины и дети мужского пола от 7 до 16 лет, а женского — до 10 лет получали муки полную солдатскую дачу — 2 фунта 25 1/2 золотника и крупы 32 золотника в день на человека, а дети моложе 7 лет — половину этой нормы.

В 1914 г. войска Туркестанского военного округа довольствовались пшеничным и ржаным хлебом, а крупу рисовую, гречневую и отчасти пшено, а также и ячневую получали в Семиреченской области.

В этом году заготавливали провиант также для запасов и их освежения. Для доведения провиантских хозяйственных запасов до новой нормы, установленной приказом по Военному ведомству 1913 г. за № 692, необходимо было заготовить муки 340 855 пудов и крупы 53 256 пудов. В счет этого количества, по предписанию Главного интендантского управления от 24 марта 1914 г. за № 13281, было выслано в округ 173 434 пуда ржаной муки из числа заготовленной Казанской Губернской земской управой для Петроградского военного округа, а 167 421 пуд мучных припасов и 53 256 пудов крупы было заготовлено распоряжением Окружного интендантского управления.

Замена провиантских запасов муки, крупы и сухарей производилась отпуском войскам. Пополнение запасов муки и крупы осуществлялось из того количества, которое было заготовлено интендантскими службами для войск на текущее время, а сухари получали из Брянского продовольственного интендантского заведения.

После 18 июля суточный и годовой оклад за выбытием частей войск на театр войны, не определялся.

На основании Свода военных положений (1911. Кн. XIX. Ст. 1100, прим. 1) нижним чинам войск, расположенных в Закаспийской области, кроме городов Асхабада, Каахка, Мерва и Серахса, в силу неблагоприятных

климатических условий, отпускалась дополнительно к основной еще добавочная порция мяса в размере 1/4 фунта в день на человека.

Довольство нижних чинов Памирского отряда, согласно Своду военных положений 1864 г. (1911. Кн. XIX. Ст. 1101, прим. 3), производилось на установленные Военно-окружным советом особые приварочные оклады по ценам, действительно уплачиваемым отрядом за мясо и другие продукты, а также за доставку их к этому отряду.

Нижним чинам Памирского отряда на основании Высочайше утвержденного положения Военного совета 8 декабря 1900 г. отпускалось добавочное чайное довольствие сверх установленной нормы в размере 18 золотников чаю и 54 золотников сахару на 100 человек в день.

На путевое довольствие нижних чинов, следовавших по грунтовым дорогам в составе нештатных команд и поодиночке, вместо провианта в натуре, приварочных и чайных денег, отпускались кормовые деньги, установленные по областям, порядком, изложенным в Своде военных положений 1869 г. (1911. Кн. XIX. Ст. 1131–1132), причем при желании предоставлялось право получать из магазинов и в войсковых частях, расположенных на пути следования, хлеб, сухари и крупу с платою за них из кормового оклада по установленному расчету[660].

Кроме необходимого продовольствия войска получали также и фуражное довольствие в размере суточных дач, определенных Табелью фуражного довольствия.

Тем войсковым частям, у которых были удостоверения администрации о невозможности выдерживать лошадей на подножном корме полное, определенное законам время, взамен подножного корма выдавались деньги по стоимости 15 фунтов сена или клевера в сутки на лошадь.

5-й и 6-й Оренбургские казачьи полки и 5-я и 6-я сотни 4-го Оренбургского полка на основании приказа по Военному ведомству 1889 г.

---

[660] РГВИА. Ф. 499. Оп. 1. Д. 1911. Л. 94.

№ 208[661] получали сухой фураж 11 месяцев, а на 12-й месяц — деньги на травяное довольствие по расчету 15 фунтов на лошадь в сутки. Четыре же сотни 4-го Оренбургского казачьего полка, квартировавшие в г. Керкахе, где было установлено довольствие сухим фуражом круглый год, получали сухой фураж наравне со всеми частями гарнизона.

На основании ст. 70 Наставления для мобилизации и ст. 1120 Свода военных положений (1911. Кн. XIX) довольствие войскам округа предоставлялось и после объявления мобилизации по окладам мирного времени; только те части, которые отправлялись непосредственно на фронт, со дня посадки в вагоны получали оклады, установленные на первое время мобилизации, а фуражное довольствие — по нормам военного времени, как это было установлено ст. 1175 Свода военных положений (1911. Кн. XIX)[662].

Ввиду значимости кавалерии как рода войск и невозможности в тот период заменить лошадей на какой-либо другой вид транспорта заготовка фуража была главной заботой интендантской службы в течение всей войны. Например, Окружной интендант Киевского военного округа 21 марта 1914 г. подписал разрешение отпустить 4-му тяжелому артиллерийскому дивизиону до 3000 пудов и 33-й артиллерийской бригаде — 6000 пудов сена[663]. О фураже говорилось также в документе, отправленном окружному интенданту Петербургского военного округа 26 апреля 1914 г. корпусным интендантом Гвардейского корпуса[664].

Деятельность хлебопекарен рассмотрим на примере работы интендантства Варшавского военного округа. Для довольствия войск печеным хлебом в этом военном округе имелось 4 военные постоянные хлебопекарни: две в Варшаве — Варшавская городская хлебопекарня и пекарня в Цитадели и по

---

[661] Там же.

[662] Там же. Л. 96.

[663] Там же. Л. 22.

[664] РГВИА. Ф. 499. Оп. 3. Д. 1231. Л. 29.

одной хлебопекарне в Новогеоргиевской и Брест-Литовской крепостях[665]. В 1913 г. Центральная хлебопекарня совершенно не выпекала хлеб, так как паровые машины и котлы пришли в негодность и предстояло ее упразднение. Поэтому Варшавская городская, Новогеоргиевская и Брест-Литовская хлебопекарни выпекали хлеб в течении круглого года.

На приготовление хлеба из местных продовольственных магазинов поступала мука, заготовленная как землевладельцами, так и подрядным способом. Исключением была пшеничная мука для приготовления булок для Брест-Литовского военного госпиталя, которая доставлялась на хлебопекарню непосредственно госпиталем[666].

К 1 января 1914 г. в районе Варшавского военного округа насчитывалось 14 полевых хлебопекарен, которые находились на хранении в магазинах: 6 — в Брест-Литовском, 6 — в Белостокском и 2 — в Волковыском. Казенным форменным обозом были обеспечены 12 хлебопекарен: 4 — в Брест-Литовске, 6 — в Белостоке, 2 — в Волковыске, причем за неимением места в продовольственных магазинах часть обоза временно хранилась при первом кадровом обозном батальоне в городе Белостоке, а именно для Брест-Литовска 80 парных повозок, 80 комплектов упряжи; для Белостока 120 парных повозок, 120 комплектов упряжи; для Волковыска 90 парных повозок, 90 комплектов упряжи[667]. В конце 1913 г. были произведены пробные мобилизации 2 полевых хлебопекарен, хранившихся в Белостоке. Проверка мобилизационных работ и инвентаря показала, что имущество содержалось правильно и было в полном порядке[668].

---

[665] РГВИА. Ф. 499. Оп. 1. Д. 1911. Л. 330.

[666] Там же.

[667] Там же. Л. 366.

[668] Там же.

Обратимся к краткому отчету по продовольственному делопроизводству за 1915 г.[669] Согласно ПВВ (1910. № 605) и распределению занятий по делопроизводствам Технического комитета, утвержденному главным интендантом 21 июня 1911 г., деятельность продовольственного делопроизводства заключалась в рассмотрении вопросов, касающихся продовольствия армии. Однако в 1915 г. ведению делопроизводства подлежала и часть вещевого довольствия, а именно тканей льняных, хлопчатобумажных, непромокаемых и всех изделий из них, а также теплых вязаных вещей, полушубков, валенок, одеял и госпитальных вещей.

Деятельность продовольственного делопроизводства по продовольственной части заключалась: 1) в разрешении вопросов текущей переписки; 2) в пересмотре некоторых инструкций по приему и хранению продовольственных продуктов; 3) в анализе результатов исследований лаборатории Технического комитета пищевых продуктов; 4) в наблюдении за ходом работ на консервных заводах «Бирман и Фрак» в г. Козлове, «Кольберг» в Москве, «Бергль» в Аклюменской области, «Петроградского товарищества» и «Братьев Вихоревых» в Петрограде, «Петроградского товарищества и В. Г. Сорокина» в Петропавловске, «Фальц-Фейн» и «Авич и Братья Изральсон» в Одессе, «Моралев и Щепетов» в Астрахани (по термограммам и исследованию контрольных жестянок); 5) в изучении образцов довольствия иностранных армий; 6) в обсуждении предложений частных лиц и фирм о поставке предметов довольствия войск; 7) в рассмотрении вопросов, возникавших по заготовке консервов, а также вопросов, вызванных войной.

Мы располагаем данными о закупках в России в 1915 г. на сумму 456 млн 700 тыс. руб. следующих продуктов[670]: овес — 91 800 000, ячмень — 109 828 000, рожь — 33 821 000, ржаная мука — 24 380 000, пшеница — 23 570 000, пшеничная мука — 11 634 000, гречиха — 4 435 000, гречневая

[669] РГВИА. Ф. 499. Оп. 1. Д. 1917. Л. 59.

[670] Там же. Л. 25.

крупа — 5 410 000, просо — 142 000, пшено — 5 067 000, перловая крупа — 790 000, рис — 319 000, горох — 59 000, чечевица — 42 000, макароны — 84 000 пудов (всего 311 млн 381 тыс. пудов продуктов).

В марте 1915 г. Высочайшим повелением были предоставлены особые полномочия управляющему Министерством торговли и промышленности[671], на которого было возложено заведование продовольственным делом в Империи, а также образование особого комитета для установления полного единства в этом деле. Было признано крайне необходимым участие представителя Военного министерства, но со строго определенною целью:

1) при обсуждении вопроса о заготовке продуктов следить за тем, чтобы довольствие армии было прежде довольствия населения;

2) при составлении планов перевозок продуктов в первую очередь удовлетворять в полной мере потребности Военного ведомства.

В 1915 г. по продовольственной части было постановлено следующее[672]:

1. Допускать на время войны укупорку и перевозку сухарей в фанерных ящиках.

2. Допускать заготовление квашеной капусты взамен сушеных овощей.

3. Допускать к приему томат-пюре из просоленных помидоров.

4. Допускать укупорку просоленного томат-пюре в трехпудовые деревянные бочки.

5. Разрешить для консервных заводов Москвы уменьшение жира до 5 золотников и соответственно увеличение количества мяса.

6. Допустить заготовление для довольствия войск прессованного сахара.

7. Признать, что количество лома в сухарях, хранящихся в продовольственных магазинах, намного больше, чем предписано инструкцией, что не может служить причиной признания сухарей некондиционными.

Были рассмотрены следующие вопросы:

---

[671] РГВИА. Ф. 499. Оп 3. Д. 1401. Л. 14.

[672] Там же.

1. Об увеличении процента лома при выпечки сухарей из смеси ржаной и пшеничной муки.

2. Об изготовлении мясных консервов в жестянках большей емкости.

3. О приобретении наличной покупкой от Петроградского консервного завода 1 400 000 порций мясных консервов.

4. О забракованных в Севастопольской крепости сушеных овощах, заготовленных Главным управлением землеустройства и земледелия.

5. О допустимости охлаждения мяса на консервном заводе Заневского во Владивостоке.

6. О допустимости на довольствие войск муки из сушеной рыбы.

7. Об изменении смеси сушеных овощей «борща», заготовленной отделом заготовки.

Были выработаны[673]:

1. Инструкция смотрителям продовольственных магазинов.

2. Временная инструкция для приготовления и укупорки сушеного мяса.

3. Временная инструкция по наблюдению за изготовлением и приему сушеных яиц в порошке для интендантства.

4. Описание фанерного ящика для упаковки и перевозки сухарей.

Обращаясь к отчетам за 1916 г.[674], мы обнаруживаем, что в отчетном году была образована комиссия с участием представителей различных ведомств и учреждений для выработки образцов консервов, способных заменить мясо в случае его недостатка. Комиссия эта провела ряд заседаний, на которые были приглашены специалисты по вопросам питания. В результате работы комиссии: 1) были выработаны образцы консервов — рыбных (консервирования по методу академика А. Я. Данилевского) и из сбоя (по способу, предложенному надворным советником Овденко); 2) производились опыты по изготовлению

---

[673] РГВИА. Ф.. 499. Оп. 1. Д. 1917. Л. 60.

[674] Там же. Д. 1926. Л. 72.

мясорастительных консервов и 3) рассмотрены предложения фирм и частных лиц по изготовлению различных видов растительных консервов.

По продовольственной части были вынесены следующие постановления[675]:

1. Допустить замену квашеной капусты смесью сушеных овощей — щей или борща — по расчету за 10 пудов квашеной капусты один пуд сушеных овощей.

2. Допустить несоблюдение в полной мере основных требований условий относительно пропорций заготовляемых смесей — щей и борща.

3. Допустить прикрепление крышек к консервным ящикам гвоздями взамен шурупов.

4. Уменьшить на время войны срок выдержки мясных консервов в термостате с 14 до 7 дней.

5. Допустить, по обстоятельствам военного времени, изготовление на Петроградском консервном заводе консервов из мороженого мяса в количестве 2000 пудов.

6. Допустить на время войны изготовление на консервном заводе Сорокина и Бракловского в г. Кургане консервов из мороженого мяса впредь до возможности правильной работы с парным мясом.

7. Заменить на заводе Кальма в Троицке наклейку ярлыков на консервные жестянки, во избежание притягивания влаги, вкладыванием их в каждый ящик по 10–20 штук.

8. Признать возможность введения на довольствие нижних чинов гороховой колбасы, предложенной фирмой Чичкина.

9. Признать желательным, согласно ходатайству Отдела заготовок, введение на довольствие армии моченых плодов при отсутствии в них вредных консервирующих средств.

---

[675] Там же. Л. 73.

10. Разрешить выпускать на Брянском продовольственном заведении галеты без толокна и сахара и с уменьшенной кладкой дрожжей 1/4 вместо 1 1/2 фун.

11. Признать желательным полную утилизацию сбоя на всех консервных заводах.

12. Допустить на довольствие нижних чинов сухой гороховый мясной суп «Экстролин» и «Экстром».

Были выработаны[676]:

1. Кондиции на поставку рафинированного пищевого масла, заготовленного для довольствия войск.

2. Инструкция по заготовке и приемке квашеной капусты.

3. Технические условия на прием уксуса из вина.

4. Способ консервирования рыбы по методу академика А. Я. Данилевского.

Мясные, яичные и рыбные консервы были заготовлены в России в течение года в тех количествах, которые были возможны при существовавшем в 1916 г. неблагоприятном состоянии подвоза топлива и материалов к консервным заводам и снабжения их жестью, а именно около 75,5 млн порций.

Сухарей, галет и сушек в 1916 г. требовалось заготовить на срок до 1 января 1917 г. до 3 млн пудов; из этого количества около 2 590 000 пудов было уже фактически принято в казну, причем выслано армии 2 460 000 пудов, а 130 тыс. пудов оставалось на хранении в складах внутри Империи на случай экстренных требований из армии на высылку этих продуктов. Недостающее до 3 млн пудов количество сухарей, галет и сушек, равное 410 тыс. пудам, не могло быть сдано в казну контрагентами к 1 января 1917 г. главным образом из-за задержек в подвозе к сухарным заводам дров и казенной муки.

Из 550 тыс. пудов сушеных овощей, которые по распоряжению Главного интендантского управления необходимо было заготовить в течение года через

---

[676] РГВИА. Ф. 499. Оп. 1. Д. 1926. Л. 74.

Министерство земледелия, фактически было заготовлено и отправлено армии только 417 500 пудов этого продукта, что объяснялось плохим урожаем овощей. Из 5,5 млн пудов квашеной капусты по плану заготовки через Министерство земледелия фактически было заготовлено ввиду плохого урожая капусты лишь около 2 800 000 пудов; полностью высланные армии.

Организация снабжения армии замороженным и охлажденным мясом являлась первостепенной задачей. Вот почему положениями Военного совета 6 июня и 19 декабря 1915 г. и 21 июля 1916 г. на эти цели были выделены средства в сумме 13 млн 299 тыс. 960 руб. Для осуществления этого мероприятия было намечено сооружение четырех мясозаготовительных пунктов в городах Уральске, Троицке, Козлове, Ново-Николаевске. К концу 1916 г. главные строительные работы были завершены и началось техническое оборудование этих пунктов.

Заготовление продовольствия соответственно потребностям Военного ведомства производилось, согласно Положению Совета Министров от 1 августа 1915 г., по распоряжению главноуполномоченных Министерства земледелия, руководствовавшихся в своих действиях особыми инструкциями, утвержденными главным интендантом и министром земледелия, но согласованными с Государственным контролем[677].

Со времени передачи заготовок продовольственных продуктов Министерству земледелия, на непосредственном попечении Главного интендантского управления осталось только заготовление некоторых приварочных припасов. Заготовление мясных продуктов поручалось главным образом Московскому окружному интенданту.

Помимо зачтенных остатков продовольствия от предыдущего года, в 1916 г. по планам, утвержденным Военным советом, были произведены заготовки провианта и фуража и в счет заподряженного для действующей армии было выпущено на отечественном рынке (за округлением) провианта —

[677] Там же. Л. 103.

376,5 млн пудов; фуража — 393,3 млн пудов; приварочных припасов — свыше 30 млн пудов; мороженого мяса, солонины и рыбы до 10 млн пудов; было закуплено живого скота: крупного 2 млн голов, овец 1,1 млн и свиней 2,4 млн; разных консервов заготовлено 78 млн порций, в том числе до 350 000 порций яичных и около 2,5 млн рыбных, так как заготовка мясных консервов встретила затруднение в доставке скота и некоторых укупорочных материалов[678].

Сухарей и галет было принято свыше 2,5 млн пудов и, ввиду возобновления к концу года требований на сухари, начато их усиленное заготовление на казенных и частных заводах. За невозможностью заготовить положенное по нормам довольствия количество сушеных овощей, которых было выслано в армию 417 500 пудов, или 78 % от затребованного, были сделаны распоряжения о заготовке 5,5 млн пудов квашеной капусты взамен части овощей.

За границей было приобретено лишь небольшое количество риса — около 600 тыс. пудов и куплено соленой рыбы около 2,5 млн пудов[679].

Продовольственные продукты высылались в части в тех размерах, в которых они требовались, а некоторых продуктов назначалось даже больше. Однако из-за нехватки необходимого количества вагонов и недозаготовки продуктов Министерством земледелия часть подготовленных для армии продуктов не могла быть своевременно отправлена.

В 1916 г. в действующую армию было выслано: фуража более 347,2 млн пудов, провианта около 171,9 млн пудов и до 2 млн голов скота. Кроме того, для войск внутренних округов в течение первых семи месяцев 1916 г. было выкуплено провианта 18,7 млн пудов и фуража свыше 19,8 млн пудов.

Итак, обобщая вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что интендантство в целом справлялось с решением задачи продовольственного

---

[678] Там же. Л. 79.

[679] Там же.

обеспечения русской армии с использованием в основном внутреннего потенциала страны и лишь частично обращаясь к западным экспортерам.

4. 5. Денежное и квартирное довольствие

Основным законоположением по денежному довольствию являлась книга XIX Свода военных постановлений 1869 г., изданная в 1910 г.

По ней денежное довольствие офицеров и военных чиновников было разделено на: 1) постоянные отпуски от казны и 2) отпуски в особых случаях.

Первые производились постоянно лицу, занимающему определенную должность или имеющему известный чин и состоящему на службе. К ним относились жалованье и деньги: столовые, на представительство, добавочные, квартирные, фуражные и на наем прислуги взамен денщиков.

К отпускам в особых случаях относились суточные по разным случаям деньги (лагерные, походные, караульные), прогонные деньги, пособия на подъем и пр.

Кроме денежных отпусков от казны в личное распоряжение каждого офицера производились еще отпуски на общие нужды офицеров.

Жалованье определялось по двум окладам: основному и усиленному. По усиленному окладу оно производилось в отдаленных местностях (например, в Туркестане, Приамурском округе и пр.), а также офицерам — слушателям военных академий и офицерских школ.

Жалованье полагалось одним по чину, другим по должности. По чину оно полагалось всем генералам и офицерам, занимавшим строевые должности; по должности — генералам и офицерам, занимавшим административные должности, и всем военным чиновникам (за исключением артиллерийских, инженерных и корпуса военных топографов, которым жалованье было определено по чинам).

Оклады жалованья по чинам определялись Табелью 1899 года[680].

Так, оклады жалованья по чинам для офицеров отдельного корпуса пограничной стражи состояли из основных и усиленных[681].

---

[680] ПВВ. 1899. № 141; 1907. № 652.

Таблица 6. Оклады жалованья по чинам для офицеров отдельного корпуса пограничной стражи

Чины	Оклады							
	Основные				Усиленные			
	За узаконенными вычетами		Полные		За узаконенными вычетами		Полные	
	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
Генерал	2100		2291	32	2940	—	2207	86
Генерал-лейтенант	1800		1963	99	2472	—	2697	22
Генерал-майор	1500		1636	66	2004	—	2186	57
Полковник	1080		1178	40	1344	—	1466	45
Ротмистр	900		982	—	1080	—	1178	40
Штаб-ротмистр	780		851	7	948	—	1034	38
Поручик	720		785	60	876	—	955	81
Корнет	660		720	13	804	—	877	25

В табелях, расписаниях и штатах жалованье представлено по двум окладам: основному (обыкновенному), и усиленному (для главных управлений Военного министерства усиленного оклада не было). Кроме того, тот и другой оклады были: 1) в полном размере и 2) за установленными вычетами.

Установленные вычеты из жалованья были следующие: 1 % — на госпиталь, 1,5 — на медикаменты, 6 % — в эмеритальную кассу. Для

[681] РГВИА. Ф. 499. Оп. 11. Д. 91. Л. 77.

получателей эти вычеты были фиктивными, так как казна сама делала по ним взносы.

Оклады жалованья по чинам (по табели 1899 г.) с установленными вычетами см. в табл. 7.

Обер-офицеры гвардии получали жалованье по окладам чинов выше: капитан как подполковник, подпоручик как поручик и т. д. Кроме того, гвардейские офицеры, состоящие в штате в своих частях, получали ежегодно прибавку половины оклада жалованья по старой табели (1859 г.).

Приведем сведения об окладах жалованья по некоторым интендантским должностям с учетом установленных вычетов (см. табл. 8)[682].

Чины временного штата интендантского склада для приема и хранения имущества, сдаваемого войсковыми частями при частичной и общей демобилизации, имели оклады от 120 до 300 руб. в месяц (см. табл. 9)[683]. Это были последние оклады интендантским служащим старой России.

Таблица 7. Оклады жалованья по чинам с учетом установленных вычетов, руб.

Чины	Основной	Усиленный
Полному генералу	2100	2940
Генерал-лейтенанту	1800	2472
Генерал-майору	1500	2004
Полковнику	1200	1536
Подполковнику	1080	1344
Капитану	900	1080
Штабс-капитану	780	948
Поручику	720	876
Подпоручику	660	840

[682] Макшеев Ф. А. Военное хозяйство. СПб., 1913. С. 32.

[683] РГВИА. Ф. 499, Оп. 5. Д. 624. Л. 55.

Прапорщику запаса (в мирное время) (в военное время)	 300 600	Не установлен 732

Кроме жалованья по усиленному окладу в некоторых отдаленных местностях полагались еще прибавки к жалованью за 5-летия службы: либо одна прибавка за 5-летнюю службу, либо две прибавки через каждое 5-летие, либо три последовательные прибавки за каждые пять лет службы в одной части или местности.

Жалованье полагалось со дня производства в чин. Выдавалось жалованье 20-го числа каждого месяца за текущий месяц.

Кроме жалованья полагались еще на содержание столовые деньги, в зависимости от занимаемой должности.

Столовые деньги для занимающих высшие строевые должности (начиная с должности начальников отдельных частей) значительно превосходили жалованье по чинам; у чинов на должностях с батальонного командира и ниже столовые деньги были меньше жалованья, а младшие офицеры столовых денег не получали совсем.

На административных должностях, т. е. там, где жалованье было положено по должности, оклад столовых был равен окладу жалованья.

Таблица 8. Оклады жалованья по интендантским должностям с учетом установленных вычетов, руб.

Чины	Оклады	
	Основной	Усиленный
Главный интендант	4000	Нет
Помощник главного интенданта	3000	Нет
Окружной интендант	3000	3300
Помощник окружного интенданта	2000	2200
Корпусной интендант		По

		чину
Дивизионный интендант		По чину
Начальник отделения Главного интендантского управления	1500	Нет
Начальнику отделения Окружного интендантского управления	1000	1100
Штаб-офицер для поручений Корпусного интенданта		По чину
Делопроизводитель управления: старший младший	 480 450	 528 495
Начальник вещевого склада: высшего разряда среднего разряда низшего разряда	 1700 1500 1200	 1870 1650 Нет
Председатель вещевой приемной комиссии 1-го разряда	800	
Техник (старший)	720	
Член-приемщик вещевой комиссии 1-го разряда (6-го класса)	600	Не установлен
Член-приемщик комиссии (8-го класса)	400	Не установлен
Обозный приемщик (6-го класса)	960	Не установлен
Обозный приемщик (8-го класса)	480	Не установлен
Начальник продовольственного заведения	1000	1100
Смотритель магазина вещевого склада	500	550
Смотритель продовольственного магазина (в зависимости от класса магазина)		
Особого 1-го класса	700	770

1-го класса	400	440
2-го класса	350	385
3-го класса	300	330
4-го класса	200	220

Таблица 9. Оклады чинов временного штата интендантского склада для приема и хранения имущества и их количество

Чины / должности	Оклад, руб.	Число чинов, человек
Начальник склада	300	1
Помощник начальника склада	250	3
Делопроизводитель	250	1
Помощник делопроизводителя	200	1
Счетовод (контролер)	175	4
Медфельдшер	200	1
Писарь	150	8
Вахтер	175	9
Начальник команды склада	200	1
Служитель	120	60
Плотник	150	5
Кузнец	150	2
Шорник	150	3
Конюх	120	5

Для должностей военно-окружных управлений и некоторых административных учреждений, а также для классных должностей корпусного

и дивизионных интендантских управлений было установлено два оклада столовых денег: основной и усиленный[684].

Приведем годовые оклады столовых денег (в рублях) по некоторым должностям[685]:

корпусному командиру — 5700 руб.,

начальнику дивизии — 4200,

бригадному командиру — 2700,

полковому командиру — 2700,

батальонному командиру — 660,

ротному командиру — 360,

полковому адъютанту — 96,

корпусному интенданту — 2400,

дивизионному интенданту — 900,

крепостному интенданту 1-го класса — 1560, 2-го класса — 1020, 3-го класса — 720,

штаб-офицеру для поручений при корпусном интендантском Управлении — 600,

обер-офицеру для поручений при корпусном, а также при дивизионном интендантском Управлении — 300 руб.

Столовые деньги полагались со дня вступления в должность, а не со дня приказа о назначении на нее. Выдавались они 20-го числа каждого месяца за весь будущий месяц.

В нашем распоряжении имеется также справка, направленная командиру корпусного продовольственного транспорта 44-го армейского корпуса (действующей армии)[686], датированная 17 июня 1917 г., в которой Главное интендантское управление сообщает следующие нормы:

---

[684] Расписание: ПВВ. 1903. №154; штаты ПВВ. 1911. №186.

[685] Макшеев Ф. А. Военное хозяйство. С. 35.

[686] РГВИА. Ф. 499. Оп. 11. Д. 91. Л. 34.

1. Столовые деньги командиру корпусного продовольственного транспорта армейского корпуса — 900 руб. в год (ПВВ. 1904. № 575).

2. Полевые порционы командирам взводов корпусного продовольственного транспорта были положены по VIII разряду, как обер-офицерам (Свод военных постановлений (Кн. XIX, приложение 21).

3. Столовые деньги командиров взводов корпусного продовольственного транспорта — по 96 руб. в год (ПВВ. 1904. № 575).

4. Столовые деньги делопроизводителю корпусного продовольственно транспорта армейского корпуса — 100 руб. основные и 330 руб. усиленные (ПВВ. 1904. № 575).

Некоторым высшим должностям были присвоены еще деньги на представительство: корпусным командирам — по 1500 руб., начальникам гвардейских (пехотных и кавалерийских) дивизий — также по 1500 руб., начальникам гвардейских бригад — стрелковой, отдельной кавалерийской и артиллерийской — по 1200 руб.[687]

Согласно приказу по Военному ведомству (ПВВ. 1909. № 1), с 1 января 1909 г. для строевых штаб- и обер-офицеров, а также для военных врачей и ветеринаров младших разрядов были установлены добавочные деньги к жалованью.

Оклады прибавок устанавливались по чинам, причем для некоторых чинов после выслуги в нем известного количества лет были установлены дополнительно новые прибавки. Добавочные деньги по статусу приравнивались к жалованью, но никаких вычетов из них не совершалось.

Добавочные деньги были установлены в следующем размере по чинам (армейским и гвардейским в одном и том же размере, без повышения гвардейских на чин):

подпоручику — 180 руб.,

поручику — 240,

---

[687] ПВВ. 1910. № 534.

штабс-капитану — 300,

капитану — 360,

подполковнику — 480,

полковнику — 480.

Добавочное жалованье духовенству устанавливалось с 1 января 1911 г. (ПВВ. 1911. № 269). Табель же добавочного жалованья инославному и иноверческому духовенству, состоявшему при войсках, был следующий[688]:

штатному римско-католическому священнику — 300 руб. в год,

штатному евангелическо-лютеранскому проповеднику — 300,

штатному магометанскому мулле и магометанским муллам Крымского и Дагестанского конных полков — 120 руб. в год.

Кроме выше упомянутых добавочных окладов для офицеров, служивших в строевых частях, были установлены следующие прибавки: штабс-капитану и капитану по выслуге четырех лет в чине — 120 руб., подполковнику по выслуге пяти лет в чине — 180 руб. У полковника была та же прибавка, что и у подполковника, причем выслуга считалась с производства в подполковники. Штаб-офицерам добавочные деньги отпускались с таким расчетом, чтобы общая сумма жалованья столовых и добавочных не превышала для подполковника 2400 руб., для полковника 2520 руб. в год.

В состав постоянного содержания офицерам и военным чиновникам входили также квартирные деньги. Делились они на несколько разрядов, оклады по этим разрядам слагались из сумм: 1) на наем квартиры, 2) на наем конюшни и 3) на отопление и освещение квартиры. В первом и втором случаях все местности, на которые распространялось положение 1874 г., были разделены на 9 разрядов, а в третьем — те же местности были разделены на 8 разрядов. Годовой размер окладов см. в табл. 10[689].

---

[688] РГВИА. Ф. 499. Оп. 11. Д. 51. Л.17.

[689] ПВВ. 1902. № 264; 1903. № 40.

Особым образом содержание исчислялось для чинов главных управлений Военного министерства (генералов, офицеров, чиновников). Для них оно складывалось следующим образом: оклад жалованья, равный окладу столовых, плюс оклад квартирных, равный половине оклада жалованья. Те, кому предоставлялась казенная квартира, никаких квартирных денег не получали.

Кроме квартирных денег к постоянному денежному содержанию относились также фуражные деньги, которые полагались генералам, штаб-офицерам и некоторым обер-офицерам, обязанным иметь собственных верховых лошадей. Отпуск фуражных денег на конюшни определялся из количества лошадей: полному генералу— на 8 лошадей, генерал-лейтенанту — на 6, генерал-майору и штаб-офицерам, командующим отдельными частями, — по 5 лошадей, прочим штаб-офицерам — на 2 и ротным командирам — на одну лошадь. При этом отпуск на конюшню производился независимо от того, имелись лошади в наличии или нет. Из интендантских чинов фуражные деньги в мирное время получали дивизионные интенданты и обер-офицеры их управлений[690].

Таблица 10. Квартирные деньги офицерам и военным чиновникам в расчете на год, руб.

Чины	1-й разряд			8-й разряд		
	Квартира	Конюшня	Отопление и освещение	Квартира	Конюш-ня	Отопление и освещение
Полный генерал	1692	138	500	534	42	125
Генерал-лейтенант	1512	102	375	444	30	100
Генерал-майор	1332	84	250	426	24	75
Штаб-офицер,	906	84	200	306	24	62,5

[690] ПВВ. 1911. № 117; 1912. № 329.

командующий отдельною частью						
Прочие штаб-офицеры	594	36	150	198	12	37,5
Обер-офицер, командующий ротой	426	18	100	132	6	25
Прочие обер-офицеры	246	-	62.5	102	-	17,5

Денщиков положено было иметь только по одному для генералов, штаб- и обер-офицеров строевых частей войск и строевых управлений. Кроме того, деньгами им было положено: генералам за двух и штаб-офицерам за одного денщика.

Всем прочим военнослужащим (генералам, штаб- и обер-офицерам, не служащим в строю, всему военному духовенству и всем классным чинам), кому по штату положена казенная прислуга, был установлен тот же 10-рублевый ежемесячный денежный отпуск за каждую положенную прислугу[691]. Эти деньги выдавались ежемесячно вместе с жалованьем[692].

Однако из содержания офицеров и военных чиновников производились и вычеты: 1) при увеличении содержания — в доход казны, 2) при пожаловании орденами — в капитул орденов, 3) в офицерские заемные капиталы, 4) в офицерское собрание и 5) на уплату долгов, в случае требования кредитора.

Вычет при увеличении содержания производился двояко: 1) с лиц, получавшим жалованье по чинам, удерживалась трехмесячная разница между новым и старым окладами одного жалованья; 2) с лиц, получавших жалованье

[691] ПВВ. 1908. № 126.

[692] ПВВ. 1910. № 424.

по должностям, удерживалась трехмесячная разница между новым и старым окладами всего содержания (считая в том числе жалованье, столовые и квартирные). Однако в военное время с лиц, назначаемых на должности в полевые управления действующей армии с увеличением содержания, вычетов за увеличение его не производилось[693], так же как и не делалось вычета при производстве в чины за боевые отличия с лиц, получавших жалованье по чинам[694].

Вычеты за ордена производились в размере: от 15 руб. (Станислав III степени) до 500 руб. (Андрея Первозванного). За все ордена с мечами, а также ордена Святого Георгия и Анны IV степени вычетов не производили[695].

Вычеты в офицерский заемный капитал шли на образование собственного капитала каждого участника, а вычеты на офицерское собрание — на его нужды.

На уплату долгов по требованию кредитора из содержания офицера и военного чиновника могли ежемесячно удерживать 1/4–1/2 оклада всего содержания.

Кроме этого все генералы, офицеры и военные чиновники, исключая штаб- и обер-офицеров, служивших в строю, оплачивали квартирный налог на общих основаниях с обывателями.

При этом существовали отпуски для особых случаев. К ним, в частности, относились суточные и порционные деньги. Суточные деньги полагались за время лагерных сборов, за время передвижений в составе войск, за содержание караулов и при некоторых командировках.

Таблица 11. Размер суточных и порционных денег в особых случаях

Особые случаи	Суточные

[693] Свод военных постановлений 1869 г. (1911. Кн. XIX. Ст. 276)

[694] ПВВ. 1905. № 540.

[695] ПВВ. 1904. № 26.

	Генералам	штаб-офицерам	обер-офицерам
За время лагерных сборов (суточные)[696]	—	1 руб. 50 коп.	1 руб. 00 коп.
За время передвижений и подвижных сборов (походные)	2 руб. 50 коп.	2 руб. 25 коп.	1 руб. 50 коп.
За содержание караулов (караульные)	—	60 коп.	30 коп.

Суточные лагерные полагались лишь в том случае, если в лагере собиралось не менее 6 батальонов пехоты или 6 батарей; суточные — если передвижения продолжались более трех дней; суточные караульные выделялись войскам, содержавшим караулы в местах постоянного квартирования, только за дни караулов; а войскам, посылаемым в какой-нибудь пункт для несения караулов, — за все время командировки.

Кроме того, существовали суточные деньги для личного состава вещевых приемных комиссий[697], которые являлись постоянной прибавкой к содержанию.

Чинам интендантских приемных комиссий полагалось:

председателю — до 6 руб.,

помощнику председателя — до 4 руб. 50 коп.,

технику: при поступлении на службу — 3 руб., по прослужении 5 лет — 3 руб. 50 коп., 10 лет — 4 руб., 15 лет — 4 руб. 50 коп., 20 лет — 5 руб.,

[696] ПВВ. 1909. № 1.

[697] ПВВ. 1911. № 551.

члену приемщику: в течение первых 5 лет — 3 руб., по прослужении 5 лет — 3 руб. 50 коп., 10 лет — 4 руб., 15 лет — 4 руб. 50 коп.,

делопроизводителю — 1 руб. 50 коп.,

председателям других ведомств (кроме военного) — по 4 руб.,

членам войсковых приемных комиссий: председателю — до 4 руб.,

членам приемщикам — до 3 руб.

Кроме суточных и порционных денег существовал такой вид довольствия, как прогонные деньги, которые полагались генералам, офицерам и военным чиновникам при переездах по делам службы не в составе войск. Размер прогонных денег исчислялся в зависимости от цели переездов: при временных командировках прогоны полагались генералам на шесть лошадей, штаб-офицерам — на три и обер-офицерам — на две; при перемене места службы (новое назначение, перевод и пр.) прогоны полагались по чинам[698]: генерал-фельдмаршалу — 20 лошадей, полному генералу — 15, генерал-лейтенанту — 12, генерал-майору и чинам 4-го класса — 10, чинам 5 класса — 7, полковнику и чинам 6-го класса — 5, подполковнику и чинам 7-го класса — 4, капитану и чинам 8-го класса — 3, остальным обер-офицерам и классным чинам — 2 лошади.

Если переезд предстоял по почтовым дорогам, то на каждую лошадь и версту полагалось столько копеек, сколько было установлено платить за проезд состоявших на государственной службе по данному тракту, а именно 2 1/2 коп — 4 коп. в зависимости от тракта.

В некоторых случаях устанавливались единовременные отпуски:

1) при производстве в офицеры: из пажей 1-го разряда — 500 руб., прочим пажам, а также выпускавшимся из военных училищ — 300 руб.; всем вновь произведенным офицерам и вновь назначенным медицинским и ветеринарным врачам, прибывавшим на службу в свои части по окончании учебных заведений, выдавалось единовременное пособие в размере 100 руб.

---

[698] Макшеев Ф. А. Военное хозяйство. С. 44.

каждому на приобретение предметов домашнего обихода первой необходимости[699];

2) за окончание одной из военных академий по 1-му разряду (годовой оклад жалованья);

3) за окончание офицерской кавалерийской школы (полугодовой оклад жалованья), при причислению к Генеральному штабу (на обзаведение лошадью и седлом — 300 руб.);

4) при отправлении на службу в некоторые отдаленные местности Империи.

Выдавались также деньги на улучшение общественного быта офицеров, для чего каждой войсковой части ежегодно отпускалась некоторая сумма, размер которой ежегодно устанавливался военным советом. Из отпускаемой суммы 3/4 отчислялось в суммы офицерского собрания и 1/4 в офицерский заемный капитал. Но сумма собрания и заемный капитал пополнялись еще и обязательными ежемесячными вычетами из содержания офицеров.

Казна предоставляла помещение под офицерское собрание в казармах. При постройке новых казарм строились и помещения для офицерского собрания. Если же войска квартировали в наемных помещениях, то на наем помещений под офицерское собрание казна отпускала в распоряжение войск особые суммы по местным окладам[700]. Правительство принимало ряд дополнительных мер по улучшению быта офицеров: 1) офицерам было предоставлено право льготного проезда по железным дорогам, как казенным, так и частным, а также на пароходах некоторых частных обществ; 2) начальство содействовало образованию офицерских экономических обществ, удешевлению важнейших предметов офицерского обихода: обмундирования, снаряжения, обуви, мяса, колониальных товаров и пр.

Денежное довольствие нижних чинов имело свою специфику.

---

[699] ПВВ. 1909. № 1.

[700] ПВВ. 1895. № 144.

Нижние чины во время прохождения срочной службы состояли на полном казенном содержании, получали помещение, продовольствие, обмундирование, снаряжение и пр. Так как они отбывали государственную повинность, о вознаграждении их жалованьем за службу не могло быть и речи. Однако они получали все же жалованье, для того чтобы у них были небольшие карманные деньги на покрытие тех потребностей, на которые им не выделялись деньги из казны. Это касалось в основном рядовых, и все же в качестве вознаграждения за службу в некоторых отдельных местностях, а также во время войны всем нижним чинам полагалось усиленное жалованье. А унтер-офицерам жалованье отпускалось в таких окладах, которые поощряли бы стремление к достижению унтер-офицерского звания.

Нижние чины срочной службы всех родов оружия, кроме гвардии, получали жалованье по табели 1905 г.[701] Например, строевые имели следующие основные оклады: фельдфебель — 72 руб., старший унтер-офицер — 48 руб., младший унтер-офицер — 12 руб., ефрейтор — 7 руб. 20 коп., рядовой — 6 руб. и соответственно усиленные оклады: 108 руб., 72, 18, 10 руб. 80 коп. и 9 руб.

Нестроевые получали оклады в сумме 72 руб. — полковой писарь, 48 руб. — старший писарь, 12 руб. — младший писарь, 72 руб. — старший фельдшер, 48 руб. — младший фельдшер и усиленные оклады соответственно в сумме 108 руб., 72, 18, 108 и 72 руб.

Жалованье получали ежемесячно 20-го числа за весь текущий месяц[702].

Гвардейские оклады по Табели 1905 г. были больше армейских: все основные — на 6 рублей, и все усиленные — на 9 рублей.

Отдельно рассмотрим вопрос обеспечения денежным довольствием сверхсрочных нижних чинов.

---

[701] Табель 1905 г. была объявлена: ПВВ. 1905. № 769 и дополнена: ПВВ. 1906. №360; 1908. № 416.

[702] ПВВ. 1906. № 356 и № 680.

Одновременно с состоявшимся 6 декабря 1905 г. значительным увеличением жалованья нижним чинам срочной службы было проведено крупное повышение денежных окладов для сверхсрочников[703]. При этом, однако, допускалось всего лишь три таких сверхсрочных на роту, эскадрон и батарею (фельдфебель и два взводных унтер-офицера со званием подпрапорщика). Ввиду недостаточности этого числа в 1911 г. была введена новая категория сверхсрочных, так называемых сверхсрочных второго разряда (унтер-офицеры и ефрейторы), — трех на роту, эскадрон и батарею, с предоставлением им преимуществ, меньших, чем подпрапорщикам, но все же весьма существенных, и с назначением им больших дополнительных денежных окладов[704].

Всем сверхсрочным нижним чинам полагалось: 1) все то довольствие (в том числе и денежное), которое было положено срочным нижним чинам соответственных званий, и 2) ряд дополнительных денежных отпусков в виде добавочного жалованья, единовременных пособий, квартирных денег семьям (если не было казенной квартиры) и пенсии.

В материальном отношении это выражалось следующим образом[705]: добавочное жалованье в год для подпрапорщика составляло в первые три года в этом звании 342 руб.; в последующие годы — 402 руб.; для унтер-офицера: 1) взводного, успешно прошедшего курс войсковой унтер-офицерской школы, — 282 руб., 2) прочих сверхсрочных унтер-офицеров по 180 руб.; а для ефрейтора — 120 руб.

Единовременные пособия также регламентировались: 1) малое пособие в 150 руб. выдавалось за двухлетнюю безупречную сверхсрочную службу на строевых должностях независимо от звания; 2) большое пособие в 1000 руб. —

---

[703] ПВВ. 1905. № 771. В дальнейшем мера эта была развита: ПВВ. 1906. № 156; 1907. № 410.

[704] ПВВ. 1911. № 295.

[705] Там же. № 446.

подпрапорщикам, прослужившим на сверхсрочной службе 10 лет, в том числе в звании подпрапорщика не менее двух лет; в 500 руб. — унтер-офицерам и ефрейторам, прослужившим на сверхсрочной службе 10 лет, а также тем подпрапорщикам, которые прослужили на сверхсрочной службе 10 лет, но пробыли в звании подпрапорщика менее двух лет. Получившие пособие в 500 руб. и приобретающие затем право на пособие в 1000 руб. получали его с зачетом 500 руб.

Дополнительное пособие в размере 72 рублей в год выдавалось женатым ефрейторам и тем из женатых унтер-офицеров, которые получали добавочное жалованье из оклада 180 руб. в год.

Квартирные деньги выдавались семейному сверхсрочному независимо от звания, если квартира не была предоставлена в натуре, в размере половины квартирного оклада младшего офицера.

Добавочное жалованье, дополнительное пособие и квартирные деньги выдавались ежемесячно 20-го числа, как жалованье срочным нижним чинам[706].

После 15 лет сверхсрочной службы независимо от звания выдавалась пенсия 96 руб. в год, а по смерти военнослужащего назначалась пенсия вдове в размере 36 руб. в год.

Полагалось также добавочное жалованье за получение военного ордена в размере основного оклада жалованья по тому званию, которое было в день совершения подвига: кавалерам 4-й степени — 1/3 оклада, 3-й степени — 2/3 оклада, 2-й степени — полный оклад, 1-й степени — 1 1/2 оклада. Это прибавочное жалованье производилось со дня совершения подвига, а по увольнении в отставку назначалось в пенсию до смерти.

В некоторых технических учреждениях Военного ведомства (артиллерийских и интендантских) нижним чинам, кроме жалованья, за каждый день работы могло быть выдано посуточное вознаграждение от казны в размере от 3 до 6 коп. Также выдавались так называемые «зарабочие» деньги и нижним

---

[706] ПВВ. 1906. № 356.

чинам войск, которые сами строили казармы хозяйственным способом (по 12 коп. на одного человека).

Кроме того, семьи нижних чинов сверхсрочной службы, а также нижних чинов срочной службы, кому закон разрешал иметь при себе семьи, обеспечивались путевым довольствием[707].

Для обучения грамотности нижних чинов и на устройство библиотек казна выделяла[708] в строевые части: 1) по 20 коп. в год на каждого строевого рядового в ротах, эскадронах, батареях и парках и 2) по 10 коп. в год на унтер-офицеров и нестроевых нижних чинов. На прочие команды, учреждения и заведения Военного ведомства, комплектовавшиеся новобранцами, деньги на указанную надобность отпускались по другому, несколько уменьшенному, расчету. Кроме того, на учебные пособия для учебных команд в полках и батальонах казна отпускала по 50 коп. в год на половину штатного числа унтер-офицеров в части.

Обеспечение квартирным довольствием до 1912 г. было одной из задач, решаемых интендантством. Этим занималось VI отделение Главного интендантского управления, во главе которого стоял числящийся по инженерным войскам генерал-майор Александр Андреевич Гребенщиков[709]. Но в 1912 г. квартирное довольствие перешло в ведение нового главного управления Военного министерства, а именно Главного управления по квартирному довольствию войск. Кроме того, в составе военно-окружных управлений были образованы окружные управления по квартирному довольствию войск (из бывших окружных инженерных управлений)[710], но при этом сохранялось тесное взаимодействие с интендантством.

---

[707] ПВВ. 1910. № 322.

[708] ПВВ. 1911. № 593.

[709] Общий состав чинов Главного интендантского управления Военного министерства. СПб., 1912. С. 33.

[710] ПВВ. 1912. № 423.

Обеспечение квартирным довольствием включало: 1) обеспечение войск, военных управлений и заведений помещениями для жилья, учений, хранения разного рода запасов, размещения лошадей, обоза и прочего; 2) снабжение этих помещений необходимой мебелью, утварью и соломой для набивки тюфяков и подушек и соломой для подстилки людям на биваках; 3) отопление и освещение помещений, отпуск топлива на варку пищи и хлебопечение; 4) обеспечение войск земельными участками для учений, стрельбищ.

В интересах обучения войск и в дисциплинарном отношении наиболее удобным являлось расположение войск в мирное время в специально приспособленных казармах, но достичь такого расположения удавалось не всегда из-за отсутствия достаточных средств. Поэтому в тех пунктах квартирования войск, где не было казарм Военного ведомства, приходилось обращаться к иному способу квартирного довольствия войск: нанимать подходящие частные помещения, а если таковых не было — пользоваться обывательскими помещениями по обязательному отводу.

Расквартирование войск вне казарм Военного ведомства как в мирное, так и в военное время требовало участия местных гражданских и общественных властей, а также непосредственного участия самого населения, которое было обязано предоставлять для расквартирования войск свои помещения на известных условиях (это являлось одной из земских повинностей).

На расходы по расквартированию войск в Империи ежегодно вносилась определенная денежная сумма в смету Военного министерства, которое, однако, не распоряжалось этими суммами, а передавало их в губернские распорядительные комитеты — особые правительственные органы смешанного состава, учреждаемые по одному в каждой губернии под председательством губернатора и состоящие из представителей нескольких министерств и тех сословных и общественных управлений, имевших какие-либо обязанности по расквартированию войск. На эти комитеты были возложены все заботы по обеспечению войск квартирным довольствием. Для содействия губернским комитетам в местах квартирования войск учреждались уездные и городские

распорядительные комитеты, которые исполняли распоряжения губернских комитетов. Губернские же комитеты находились в равном подчинении двум министерствам: внутренних дел и финансов.

Квартирный кредит исчислялся по установленным квартирным окладам, которые определялись для каждой из следующих квартирных потребностей особо: 1) для найма помещений нижним чинам, без отопления и освещения; 2) для расходов по отоплению и освещению этих помещений и по приобретению топлива для варки пищи и хлебопечения; 3) для найма помещений под штабы и управления, с отоплением и освещением их; 4) для найма конюшен казенным лошадям и сараев под казенный обоз и 5) для выдачи офицерам квартирных денег.

Все эти оклады различались по местностям. Расписание местностей по разрядам устанавливалось на 6 лет министром внутренних дел по соглашению с военным министром, министром финансов и государственным контролером. В рассматриваемый нами период действовало расписание местностей, объявленное в ПВВ. 1908. № 192; 1911. № 197[711].

В каждой губернии изысканием способов расквартирования войск и распоряжением по найму воинских помещений, а также удовлетворением квартирных потребностей занимался уездный распорядительный комитет.

Требования о приготовлении квартир с подробными сведениями о всех заведениях и чинах, которые должны были быть обеспечены квартирным довольствием, представлялись начальниками частей войск и штабами, выдававшими маршруты, губернаторам, передававшим его губернскому распорядительному комитету, который, получив это требование, подготавливал сведения о возможностях предоставления войскам казарменных зданий, если таковые имелись в его ведении или были изготовлены городом, земством или

[711] Сборник приказов по Военному ведомству за 1908 г. СПб., 1908. №192; Сборник приказов по Военному ведомству за 1911 г. СПб., 1911. № 197.

частными предпринимателями. Если же таких помещений не было, то комитет был обязан нанять подходящие помещения собственными силами.

На наем помещений, отопление, освещение и содержание с помощью губернаторских распорядительных комитетов или начальников частей войск, штабов, управлений и заведений казна отпускала установленные квартирные оклады не полностью, а за вычетом из них 5 %. Военные начальники могли при этом принимать на свое попечение квартирное довольствие вверенных им частей не иначе, как с разрешения командующего войсками округа и с соблюдением устава о земских повинностях.

Наем помещений как губернским распорядительным комитетом, так и общественными управлениями производился: на срок до одного года с согласия командира части; на срок до трех лет — начальника дивизии; на срок до шести лет — командира корпуса; на сроки более продолжительные по согласованию военного министра с министрами внутренних дел и финансов и государственным контролером.

Это касалось найма помещений для нижних чинов, строевых лошадей, штабов, управлений и заведений. Офицеры же нанимали квартиры сами, для чего каждому из них выдавались на руки причитающиеся им квартирные деньги.

Если все меры, предпринятые к найму помещений для казарменного расположения нижних чинов, оказывались безуспешными, то общественные управления были обязаны выделить помещения «натурою обывателей», с выдачею последним полных квартирных окладов за вычетом лишь суммы, определенной на топливо для варки пищи и хлебопечения.

За отведенные квартиры обывателям выдавалась плата из казны, но она совсем не производилась: 1) за первые трое суток по прибытии войск на квартиры; 2) за квартиры, отведенные не более как на трое суток, и 3) за расквартирование в казачьих селениях сменных казачьих частей и команд во время сборов перед выступлением их на службу.

Условия и порядок отвода квартир офицерам на продолжительное время также регламентировались[712]. Отвод квартир населением для офицеров и классных чинов на продолжительное время был обязателен лишь в следующих случаях: в применении к строевым частям не менее батальона; в случае прибытия этих частей в новые места квартирования или нового их сформирования; тогда, когда офицеры и чиновники были не в состоянии сами нанять квартиры за установленные для данного пункта квартирные оклады.

Заявление об этом начальство офицеров и классных чиновников направлялось губернскому распорядительному комитету не позднее двух месяцев со дня размещения переведенной или вновь образованной строевой воинской части в назначенном им месте постоянного квартирования. После проверки этих заявлений и в случае признания их правильными, комитет обращался к надлежащему городскому или сельскому общественному управлению с требованием об отводе офицерам квартир в течение месяца со дня получения требований комитета. Квартиры отводились на один год, с отоплением, освещением и топливом для кухонь, но без мебели.

Отводимые квартиры должны были удовлетворять требованиям, установленным в уставе о земских повинностях. Если квартиры установленных в законе размеров отсутствовали, то могли предоставляться квартиры меньших размеров. При возникновении полной невозможности для общественного управления расселить офицеров по квартирам в общественных или нанятых зданиях или помещениях допускалось расквартирование их по квартирам местных жителей.

При перемещении войск в летние лагеря необходимо было обеспечить: 1) место под лагерное расположение и для производства учений, стрельбы и саперных работ; 2) помещение для личного состава (бараки, палатки), для штабов и управлений, а также для лошадей; 3) материал для устройства кухонь

---

[712] ПВВ. 1911. № 258.

и хлебопекарен; 4) топливо на варку пищи и хлебопечения и 5) подстилочные принадлежности как людям на биваках, так и лошадям в конюшне.

Отвод мест под лагерь и для производства саперных работ был предусмотрен уставом о земских повинностях. Места эти отводились по взаимному соглашению гражданского начальства с военным, при этом последнее должно было просить об отводе этих земель не позже, как за месяц до вступления войск в лагерь. Места под лагерь назначались преимущественно пустующие, принадлежавшие городам. Если же это было невозможно, то отводились земли, принадлежавшие помещикам или сельским обществам. Когда при этом занимались земли, приносившие доход владельцам, то им назначалось вознаграждение в размере, определяемом местным начальством совместно с понятыми из соседних селений.

Отвод мест для маневров был предусмотрен уставом о земских повинностях (ст. 669), но отвод мест для учений и для стрельбы по уставу о земских повинностях был необязателен. Поэтому при возникновении подобного вопроса его решали по особому соглашению с гражданским начальством или частными лицами.

Сам выбор лагерных мест производился комиссией из представителей всех заинтересованных ведомств, причем члены военного ведомства (в том числе непременно офицер генерального штаба и врач) назначались главным начальником военного округа; члены гражданского ведомства — губернатором.

При расположении лагерем войска размещались в палатках, для некоторых же лагерей, например для Красносельского, устраивались как палатки, так и бараки[713]. На земство в этом случаи не возлагалось никаких обязанностей: палатки завозились, бараки строились и ремонтировались на смету военного министерства. Они относились к предметам интендантского довольствия. Войска получали палатки либо от интендантства (из вещевых

---

[713] Аранович А. В. Феномен Красного Села (Из истории Красносельских военных сборов) // Психология Петербурга и петербуржцев за три столетия. СПб., 1999. С. 66.

складов) на время лагерных сборов (по окончании сбора сдавали их обратно) или сами строили палатки из отпускаемых интендантством материалов и денег и затем сами же их содержали[714].

Размеры палаток рассчитывались по следующим нормам. Отдельная палатка полагалась: 1) на одного штаб-офицера, 2) на двух обер-офицеров, 3) старшему врачу, 4) священнику, 5) на двух вольноопределяющихся, 6) на 15 нижних чинов, 7) для прислуги полкового командира, 8) для прислуги двух штаб-офицеров и 9) для прислуги четырех обер-офицеров.

На устройство и ремонт лагерных кухонь и пекарен войскам отпускались деньги по 7 или 11 коп. на каждого штатного нижнего чина воинской части, выступающей в лагерь: по 7 коп. — если лагерь был удален не более чем на 5 верст от казарм; по 11 коп. — при большом удалении; по 5 коп. — если войска получали хлеб из интендантских пекарен[715].

Обеспечением лагерей топливом для варки и хлебопечения и подстилочными принадлежностями занималось земство, которое было обязано доставлять их в лагерь за плату от Военного ведомства. С требованиями о доставлении этих материалов войска должны были обращаться в губернские распорядительные комитеты заблаговременно, до выступления в лагерь. При выступлении в поход и лагерь и при временных командировках и отлучках по делам службы право на квартирное довольствие в местах постоянного служения сохранялось офицерам еще в продолжение двух месяцев, но если в этих местах оставались жены и семейства офицеров, то они могли получать квартирное довольствие вплоть до возвращения их мужей и отцов. В военное время семейства сохраняли право на квартирное довольствие в любом месте, где бы они ни пожелали поселиться во время отсутствия своих мужей и отцов до их возвращения[716].

---

[714] ПВВ. 1897. № 278.

[715] ПВВ. 1900. № 299; дополнения: ПВВ. 1909. № 321; 1910. № 699.

[716] Положение о пособиях в военное время: ПВВ. 1895. № 306.

В случае смерти офицера семейство его получало квартирное довольствие еще в течение шести недель. Нижние чины, которые по закону имели при себе семейства, т. е. сверхсрочнослужащие везде и нижние чины срочной службы, находящиеся в некоторых отдаленных местностях (Сибирь, Приамурский военный округ, Закаспийская область и некоторые области Кавказа), получали квартирные деньги. Оклады их были различны для сверхсрочных и срочных. Первые получали половину квартирного оклада младших офицеров в данном пункте независимо от состава семьи, а вторые — по установленным для нижних чинов окладам, считая жену за одного нижнего чина и каждых трех детей за одного нижнего чина[717].

Итак, изучение системы денежного и квартирного довольствия накануне и во время первой мировой войны позволяет представить социальный портрет русского солдата и офицера. Разбор тех компонентов, из которых складывалось непосредственно офицерское жалованье, дает представление о механизме финансирования Вооруженных Сил. Решение вопросов квартирного довольствия было крайне важно для Военного Министерства, о чем свидетельствует то обстоятельство, что в 1912 г. из ведения VI квартирного отделения Главного интендантского управления эти вопросы были переданы образованному новому главному управлению Военного министерства, а именно Главному управлению по квартирному довольствию войск, при этом в составе военно-окружных управлений были образованы окружные управления по квартирному довольствию войск (из бывших окружных инженерных управлений). Но при этом тесного взаимодействия с интендантством на данном этапе избежать было невозможно.

К началу первой мировой войны оно уже имело строго иерархичную структуру, с концентрацией всей полноты власти в руках главного интенданта, что позволяло правильно распределять и финансовые и людские ресурсы для обеспечения теми или иными видами довольствия. Однако стоит признать, что

---

[717] ПВВ. 1899. № 13; 1911. № 446.

при всей развитости самой системы интендантских служб она оказалась не совсем готова к столь масштабной войне, которая так не походила на войну с Японией. Это заставило чиновников Главного интендантского ведомства перестраивать свою работу уже в процессе войны, что, конечно же, не сказывалось положительно на работе интендантства в целом.

Заключение

За два с лишним века своего существования, со времени правления Петра Великого, интендантство русской армии накопило богатейший опыт по организации и развертыванию всех служб тылового обеспечения. Особым периодом в становлении интендантства русской армии является вторая половина XIX–начало XX века. Это период от образования Главного интендантского управления до крушения старой России, время, когда интендантские службы выносят на себя все тяготы трех величайших военных компаний: русско-турецкой, русско-японской и Первой мировой войны.

Именно изучение этого периода позволяет нам оценить эффективность работы интендантства русской армии, выявить положительные и отрицательные стороны в его деятельности, определить основные виды довольствия и проанализировать, в какой период обеспечение его отдельными видами удавалось организовать наиболее успешным образом.

Благодаря всестороннему изучению историографии и источниковой базы нам удалось воссоздать целостную картину системы интендантского довольствия в означенный период, выявить основные виды довольствия и оценить вклад государственных и частных предприятий в вопросе организации обеспечения частей и соединений русской армии.

Анализ делопроизводственных документов и законодательной базы позволил реконструировать всю цепочку интендантских поставок от производства предметов довольствия до непосредственно поступления на места, распределения и хранения.

Относительно личного состава интендантского ведомства необходимо заметить следующее. Чины интендантского ведомства не разделялись на специальности, т. е. другими словами, не было разницы в порядке и источниках комплектования чинов интендантства, служащих в канцеляриях или в технических интендантских заведениях. В интендантстве одинаково служили и достигали высших должностей и лица, служившие ранее в рядах армии, и

элементы, ей совершенно чуждые. Офицеры, переводясь из строя, сохраняли офицерский мундир и чины или по желанию могли быть переименованы в гражданские чины. Не было строгих требований и в отношении образовательного ценза, так как наряду с гражданскими лицами, получившими высшее образование, в интендантстве трудились чиновники из бывших писарей интендантского ведомства, выдержавшие испытание по крайне легкой программе. Словом, комплектование личного состава интендантского ведомства носило совершенно случайный характер, и лишь с 1901 г. произошло некоторое улучшение в этом вопросе с учреждением особого интендантского курса, служившего для высшего специального образования, соответствующего требованиям интендантской службы, для чиновников, уже состоящих на службе в интендантстве[718] (эта категория интендантских чинов отличалась наибольшим разнообразием образовательного уровня).

Тем не менее и этот шаг к улучшению личного состава интендантства не вызвал еще на очередь вопрос о внутриведомственной специализации, поэтому переход из управлений в технические заведения, склады и обратно совершался совершенно беспрепятственно. Такое игнорирование необходимости специализации в подготовке интендантских чинов, конечно, не создавало желательных для войск знатоков дела.

Учрежденный курс успел дать интендантству лишь небольшой контингент лиц со специальным образованием, вопросы же комплектования интендантского ведомства, распределения чинов его по специальностям и прочие остались в том же неудовлетворительном состоянии, как и раньше, нисколько не устраняя импровизации в подборе штата для многочисленных интендантских учреждений военного времени.

Лишь в 1911 г. на базе интендантского курса создается Интендантская академия с трехгодичным сроком обучения, однако время было безвозвратно

[718] Св. в. п. 1869 г., кн. XV, ст. 460, 467, 471.

упущено, и до Первой мировой войны так и не удалось подготовить необходимого и достаточного количества специалистов.

Обращаясь к вопросу интендантского довольствия мы вынуждены констатировать, что интендантство проявляло завидную неподготовленность в вопросе обеспечения действующей армии несмотря на то, что ни одна из предстоящих военных компаний не была неожиданностью для ведомства. В большей или меньшей степени это проявлялось в обеспечении войск конкретными видами интендантского довольствия.

Так, к примеру, в войну 1877—78 гг. главная задача интендантского довольствия — продовольствие — была разрешена отрицательным образом: 1) военное министерство в лице Главного интендантского управления отличалось пассивностью, мотивируя это разобщенностью армии с внутренними пределами Империи; 2) полевое интендантство, не обладая достаточными денежными средствами и не имея точных сведений о средствах района предстоявшей деятельности, передало таковую всецело в руки коммерческой компании, связав по рукам привыкшие к самодеятельности войска; 3) торговое товарищество, преследуя исключительно коммерческие цели, в большинстве случаев выполняло отрицательно свои обязанности перед войсками и вводило в напрасные и без того огромные расходы, достигшие в общей сложности свыше миллиарда рублей. В результате армия скорее голодала, чем была сыта.

Оказалась непосильной задачей и выполнение своих функций для полевого интендантского управления, поскольку при отсутствии штатов и положения о полевом управлении оно получило характер импровизации, а штат его в большинстве не только не обладал опытом, но даже в нравственном отношении оставляли желать лучшего. Кроме того, отсутствовали всякие статистические данные о средствах как района предстоящего сосредоточения армии (Румыния), так и ближайшего к нему театра войны (Болгария). Полевому интенданту приходилось составлять свой продовольственный план вслепую, а периодическое, но для него почти неожиданное усиление армии немало нарушало его расчеты. Вместе с тем, нельзя не поставить в упрек и то, что даже

естественный базис в борьбе с турками — Бесарабия — не был подготовлен ни в смысле наличия чрезвычайных запасов, ни в смысле оборудования интендантских заведений (мукомолен, пекарен и пр.), ни, наконец, в смысле устройства удобных искусственных путей. В этом отношении опыт предшествовавшей Восточной войны прошел даром. Сделав первоначально, под давлением обстановки, ошибку с заключением продовольственного договора с частным товариществом, ее повторили и впоследствии, когда ошибочность решения стала очевидной.

Таким образом, интендантство, отказавшись от своей прямой задачи, вверило важную заботу о продовольствии армии случайному товариществу, очевидно преследовавшему только свои коммерческие цели. Сам состав товарищества не давал гарантий, что интересы армии будут поставлены выше всего, а кроме того товарищество было организацией случайной и неподготовленной к деятельности в условиях боевой обстановки, что обращало предприятие в риск, за который должна была расплачиваться сама армия.

Вторая по важности забота интендантства, т. е. снабжение армии предметами вещевого довольствия была выполнена без системы: одни части получили предметы в готовом виде, другим разрешено было принять материалы и деньги на пошив вещей, как будто предстояло выполнить необходимые работы в условиях мирного времени.

Нельзя не отметить, что если в эту войну, несмотря на все проблемы с продовольственным обеспечением, армия и вышла благополучно из тяжелого испытания, то, конечно, во многом благодаря тому, что настроение главной массы населения театра войны было вполне благоприятное и сочувственное для русской армии.

По окончании войны турецкой войны военное министерство, сознавая необходимость переработки «Положения о полевом управлении войск», уже в 1881 году приступило к этой задаче[719]. Результатом совокупных работ военного

[719] Обзор деятельности военного министерства в Царствование императора Александра III, 1881 – 1894 гг., СПб., 1903. с. 60 и 62.

и гражданского ведомств явилось положение 1890 г. (приказ № 62). Одной из главнейших причин своих неудач в русско-турецкую войну интендантство признало неудовлетворительное разрешение вопроса о личном составе ведомства. Формирование только для одной Балканской действующей армии полевого интендантского управления, местных интендантов в тылу, корпусных и дивизионных интендантов, транспортных эшелонов, магазинов и складов потребовало свыше 800 человек офицеров и чиновников. Между тем, из этого числа удалось с трудом подобрать лишь до 200 чинов интендантского ведомства. Подобный случайный состав не мог быть удовлетворителен, что нередко и служило поводом к разнообразным нареканиям на действия интендантства, и военное министерство вынуждено было признать, что существовавший способ комплектования и условия подготовки чинов этого ведомства в мирное время представляли мало гарантий работоспособности этих лиц, не говоря уже о том, что лишь крайне ограниченное число их имело понятие о предстоявшей деятельности в военное время.

В целом во второй половине XIX века военное хозяйство развивалось, используя опыт, накопленный в годы русско-турецкой войны, постоянно наращивая возможности доставки войскам продовольствия и фуража (подвижные продовольственные склады), организуя новые специальные службы военных сообщений.

Так, в это время была выработана более совершенная система эшелонирования запасов материальных средств, частей и учреждений, предназначенных для обеспечения войск; медицинская служба приобрела новую структуру во главе с директором военных госпиталей; принимается новая схема снабжения: армия — корпус — дивизия — полк — рота — военнослужащий; вводятся должности интенданта корпуса на военное и мирное время и интенданта дивизии на военное время, с подчинением их строевым командирам; корпусам и дивизиям придаются транспортные средства; по мере строительства железных дорог для эвакуации раненых и больных формируются военно-санитарные поезда. Предпринимаются меры по

улучшению снабжением продовольствием: в частности, принимается на снабжение полевая кухня; питание воинов начинается сосредотачиваться в батальонном звене, и ротная артель постепенно уходит в прошлое; вводятся пищевые консервы для личного состава и фуражные консервы для животных.

Однако, обращаясь к оценкам деятельности органов интендантства во время русско-японской войны, мы приходим к заключению, что далеко не все недостатки, обнаруженные после турецкой войны 1877–1878 г. г., были устранены за тот четверть вековой промежуток мирной работы, которая выпала на долю Военного министерства, и значительная доля вины в этом падает на интендантство.

Необходимо учитывать, что потребности войск, кажущиеся постоянными, меняются, однако, в зависимости от свойств театра войны, от воспитания солдата, его домашнего быта, жизни народа, степени его культурности. Если до этого войска довольствовались чаще сухарем, и лишь изредка хлебом, если они получали не всегда кашу и мясо, если варка производилась в котлах и выдавалась большею частью спустя долгое время после прибытия войск на ночлег, то в начале XX века этого было уже недостаточно. Интендантство явилось на новое испытание мало подготовленным и мало обеспеченным, и эта неподготовленность, как показала действительность, отнюдь не может быть исключительно отнесена к расхождениям между реальным состоянием дел и «положением о полевом управлении войск в военное время». Причины этой неподготовленности были более глубокие.

В первое время, или вернее до боев на р. Шахэ включительно, когда на театре войны действовала единая армия, наличие одной слабо развитой железнодорожной линии, затруднявшей подвоз довольствия, не противоречило требованиям «положения», а лишь соответствовало одному из наименее благоприятных случаев развития событий.

В целом интендантская подготовка, даже следующая букве положения, была неудовлетворительна. Так, на точном основании того же «положения» все предварительные расчеты для составления плана довольствия должны были

быть сделаны заблаговременно. Они могли не соответствовать вполне по размеру выяснившимся лишь впоследствии потребностям той громадной вооруженной силы, которая была сосредоточена в действительности на Дальнем Востоке. Но несомненно, что эти предварительные расчеты должны были ясно отвечать на вопросы о средствах страны, об удобных коммуникационных путях, о вероятных районах сосредоточения и, наконец, об удобных пунктах для устройства главной и промежуточной баз и т. д. Между тем, по заявлению самого же бывшего главного руководителя интендантской службы на театре войны, оказывается, что к началу кампании отсутствовала концепция по обеспечению войск соответствующими видами интендантского довольствия. Правда, и некоторые другие отделы полевого управления были почти в таких же условиях, но это все же не снимает с них ответственности.

Объяснением такого положения вещей может отчасти служить то обстоятельство, что все усилия военного министерства были направлены к подготовке Западного фронта на случай Европейской войны, а Дальнему Востоку по-прежнему уделялось слишком мало внимания из-за неправильной оценки сил и подготовки азиатских противников.

Не имея плана, вслепую, интендантство приступило к своей работе с крайне недостаточным и мало подготовленным личным составом, что сразу же отразилось на его деятельности в тот важный момент ее, когда закладывался фундамент для всей будущей интендантской деятельности[720]. Эти уроки должны были послужить интендантской службе российской армии в период подготовки на этот раз к мировой войне.

Общий обзор службы интендантства за время русско-японской войны показывает, что в силу обстоятельств оно не могло ограничиться исполнением обычных в мирное время обязанностей: интендантство было вынужденно требованиями военного времени принять на себя заботы о снабжении

---

[720] Интендантское снабжение в войну 1904–1905 гг. // Русский Инвалид 1908 г. № 211.

действовавших войск в том числе теми предметами довольствия, которые войска обычно заготовляли сами или же вовсе не требующимися в мирное время. Значение этого факта усугублялось тем, что интендантское снабжение собранных на Дальнем Востоке войск отличалось разнообразием и полнотой, не наблюдавшимся ни в одну из войн, веденных Россией. Категории необходимых предметов интендантского довольствия расширились весьма значительно, и некоторые из них войска узнали впервые. Вместе с тем требовалось, чтобы интендантство удовлетворяло войсковые нужды выдачею большинства продуктов и вещей в готовом виде.

Интендантство не было подготовлено в надлежащей степени к такому расширению круга деятельности, а состояние интендантской части перед войною не позволяло интендантству входить в дело постепенно и исполнять его не спеша.

В ходе войны был получен значительный практический опыт организации и работы тыла по обеспечению и обслуживанию массовой армии, который явно обозначил необходимость кардинально реформировать устройство интендантства таким образом, чтобы его организация в мирное время базировалась на одинаковых основаниях с военным, и все военное хозяйство сосредотачивалось в его ведении.

К началу первой мировой войны интендантство уже имело строго иерархичную структуру с концентрацией всей полноты власти в руках главного интенданта, что позволяло правильно распределять и финансовые, и людские ресурсы на обеспечение тех или иных видов довольствия. Однако стоит признать, что при всей развитости самой системы интендантских служб она оказалась не совсем готова к новой, столь масштабной войне, которая так не походила на войну с Японией. Это заставило чиновников Главного интендантского ведомства перестраивать свою работу уже в процессе войны, что, конечно же, не сказывалось положительно на работе интендантства в целом.

Однако деятельность интендантства не всегда была скоординирована с деятельностью других управлений Военного ведомства. Это наиболее ярко выразилось при организации лазаретного и госпитального довольствия русской армии. Неготовность русской военно-санитарной служба к войне объясняется рядом причин: 1) преждевременное вступление России в международный конфликт; 2) экономические причины, не позволившие заблаговременно провести подготовку военно-санитарной службы; 3) ошибочный выбор системы эвакуации как основы в обеспечении помощью раненым и больным; 4) отсутствие единого руководства в деле организации медицинской помощи. Во всем этом лишь небольшая часть вины лежала на интендантстве русской армии.

Хотя в деятельности отдельных служащих интендантства обнаруживаются серьезные недостатки, даже злоупотребления и случаи присвоения государственного имущества, но все же большинство чинов интендантства добросовестно исполняли свои обязанности, о чем свидетельствуют многочисленные списки награжденных, проходившие по этому управлению[721].

Изучение структуры интендантства и занимаемого им места в общей структуре Военного ведомства, а также всей системы интендантского довольствия позволило полнее представить масштабы компаний и степень подготовленности к ним русской армии, что в качестве исторических уроков особенно важно на нынешнем этапе крупномасштабного реформирования вооруженных сил и служб тыла в частности.

В результате исследования удалось выявить те виды довольствия, в снабжении которыми ключевую роль играли общественные организации. Таким видом довольствия, к примеру, в период Первой мировой войны являлось прежде всего госпитальное и лазаретное довольствие. При этом

---

[721] Переписка о награждении чиновников Интендантского ведомства действующей армии; наградные листы и списки награжденных. Декабрь 1915 – 21 января 1916 г. РГВИА. Ф. 499. Оп. 1. Д. 1924. Наградные листы интендантских чиновников. 5 декабря 1915 г. РГВИА. Ф. 499. Оп. 1. Д. 1925.

историческая практика свидетельствует, что важность, придававшаяся традиционно поставкам из-за границы, несколько преувеличена.

Исследование истории воинской повседневности позволяет выйти к проблемам исторической психологии, наиболее ярко выраженным как раз в тех сферах деятельности, где так или иначе можно обогатиться за счет государства и области вещевого довольствия.

Свою историю интендантство прекращает вместе с крушением Русской императорской армии и армии свободной России: на заседании Вещевого совещания ставки при Фронткомснабе 26 января 1918 г. под председательством тов. Трахтемберга, принимая во внимание предполагаемое верховным командованием прекращение существования старой армии к 1 марта, было постановлено распоряжением комиссариата по демобилизации обратить вещевое дело на нужды гражданского населения[722], а в дальнейшем принимаются решения об использовании интендантских запасов для обмундирования и снаряжения формируемой Красной Армии.

[722] РГВИА. Ф. 499. Оп. 5. Д. 624. Л. 66.

Список сокращений

ВЗС — Всероссийский земский союз

ВГС — Всероссийский городской союз

ГИУ — Главное интендантское управление

ГУГШ — Генеральное управление Главного штаба

ПВВ — Приказ Военного ведомства

ПВМ — Приказ военного министра

ПИВ — Приказ Интендантского ведомства

РГА ВМФ — Российский государственный архив военно-морского флота

РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив

РГИА — Российский государственный исторический архив

СПВ — Свод военных постановлений

РОКК — Российское общество Красного Креста

ЦГИУ — Циркуляр Главного интендантского управления

ИА ВИМАИВ и ВС — Исторический архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ[723]

Неопубликованные источники

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА) Ф. 499 (Главного интендантского управления):

Оп. 2. Д. 701; Оп. 13. Д. 726; Оп. 2. Д. 732; Оп. 13. Д. 771; Оп. 13. Д. 773; Оп. 2 Д. 866; Оп. 2. Д. 963; Оп. 2. Д. 980; Оп. 15. Д. 14; Оп. 13. Д. 515; Оп. 1. Д. 1618; Оп. 1. Д. 1911; Оп. 1. Д. 1924; Оп 1. Д. 1925; Оп. 2. Д. 1688; Оп. 3. Д.1231; Оп. 3. Д. 1232; Оп. 3. Д.1240; Оп. 3. Д. 1401; Оп. 3. Д. 1411; Оп. 3. Д. 1465; Оп. 5. Д. 481; Оп. 5. Д. 599; Оп. 5. Д. 624; Оп. 8. Д. 385; Оп. 11. Д. 91; Оп. 1. Д.1836; Оп. 1. Д. 294; Оп. 1. Д. 350; Оп. 1. Д. 1713; Оп. 8. Д. 25; Оп. 1. Д. 282; Оп. 1; Оп. 1. Д. 171; Оп. 8. Д. 230; Оп. 8. Д. 226; Оп. 8. Д. 246.

Российский государственный архив военно-морского флота (РГА ВМФ):

Ф. 763. Оп. 1. Д. 431; Ф. 599. Оп. 1. Д. 36; Ф. 763. Оп. 1. Д. 431; Ф. 650. Оп. 1. Д. 606; Ф. 763. Оп. 1. Д. 201; Ф. 650. Оп. 1. Д. 517; Ф. 763. Оп. 1. Д. 181; Ф. 763. Оп. 1. Д. 89; Ф. 907. Оп. 1. Д. 178; Ф. 763. Оп. 1. Д. 165.

Российский государственный исторический архив (РГИА):

Ф. 1623. Оп. 1. Д. 453; Ф. 1623. Оп. 1. Д. 529; Ф. 759. Оп. 90. Д. 1; Ф. 1414. Оп. 1. Д. 1.

Исторический архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (ИА ВИМАИВ и ВС):

Ф. 23. Оп. 88. Д. 6; Ф. 23. Оп. 88. Д. 7; Ф. 23. Оп. 88. Д. 6 (4); Ф. 23. Оп. 88. Д. 31; Ф. 23. Оп. 88. Д. 34; Ф. 23. Оп. 88/2. Д. 1; Ф. 23. Оп. 88/2. Д. 6; Ф.

[723] В библиографию включена не только непосредственно цитируемая , но и другая использованная автором литература.

23. Оп. 88/2. Д. 8; Ф. 23. Оп. 88/2. Д. 9; Ф. 23. Оп. 88. Д. 4; Ф. 23. Оп. 88. Д. 24; Ф. 23. Оп. 88. Д. 31.

Опубликованные источники

Законодательные акты

1) Свод военных постановлений за 1869 г.: изд. 3-е. СПб., 1907. Кн. I.

1) Свод Военных Постановлений (СВП) 1869 года. Книга XIX. Довольствие войск. СПб, 1911.

Делопроизводственные документы

1) Временное положение о главном интендантском управлении. СПб., 1864. 7 с.

2) Временные правила о переходе провиантской и комиссариатской частей от ныне существующего устройства к вновь установленному. СПб., 1864. 8 с.

3) Вольнонаемный интендантский транспорт в Турецкую войну 1877–1878 гг. Бухарест: С. Михалеску, 1878. 99 с.

4) Государственная Дума 1906–1917: Стенографические отчеты. Т. IV. СПб., 1997. 365 с.

5) Доклад Комиссии, командированной по распоряжению министров — военного и путей сообщения для исследования задержек воинских грузов, транспортируемых в действующую армию и выяснения вопроса о возможности производить перевозку раненых и больных небольшими отрядами. СПб., 1878. 76 с.

6) Доклад о плане довольствия Полевого Интенданта действующей армии Великому Князю Главнокомандующему, 29 января 1877 года, № 1972. Кишинев, 1877. 34 с.

7) Инструкция смотрителям продовольственных магазинов Интендантского ведомства по хранению продуктов и фуража в продовольственных магазинах. Пг., 1916. 8 с.

8) Комитет по передвижению войск по железным дорогам и водным путем. Записка о порядке отправления с театра военных действий больных и раненых во внутрь страны. СПб., 1877. 5 с.

9) К порт-артурскому судебному процессу. Обвинительный акт. СПб., 1908. 116 с.

10) Материалы для составления отчета о продовольствии армии, в минувшую войну 1877–1878 гг., в Румынии и Европейской Турции. Систематическое изложение дел и сведений, собранных бывшею Комиссией для исследования действий, продовольствовавшего армию товарищества Грегер, Горвиц и Коган. СПб.: тип. В. В. Комарова, 1881. 110 с.

11) Особая комиссия для исследования действий полевого интендантства и бывшего товарищества по продовольствию действующей армии. СПб., 1880. 79 с.

12) Описание продуктов приварочного довольствия. СПб., 1915. 46 с.

13) Очерк деятельности Всероссийского союза городов. М., 1916. 239 с.

14) Отчет по военно-медицинской части в Русско-Турецкую войну 1877–1878 гг. Составленный по официальным данным под руководством и при непосредственном участии доктора медицины Н. Козлова, бывшего главного военно-медицинского инспектора. СПб., 1885. 123 с.

15) Отчет о деятельности управления интенданта 1-й Маньчжурской армии за период с 11 декабря 1904 г. по 1 сентября 1905 г. М., 1906. 48 с.

16) Отчет управления начальника военных сообщений 1-й Манчжурской армии. М., 1906. 76 с.

17) Отчет о деятельности управления начальника военных сообщений 3-й Маньчжурской армии за 1904–1905 гг. СПб., 1907. 43 с.

18) Отчет о деятельности Российского общества Красного креста во время русско-японской войны. Т. I. СПб.: Главное управление Российского общества Красного креста, 1911. 34 с.

19) Очерк деятельности Отдела снабжения армии за первый год. Июль 1915 — июль 1916 г. М., 1917. 48 с.

20) Особое совещание для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства. Краткая программа снабжения армии на период до 1-го июня 1917 года. Пг., 1916. 32 с.

21) Правила укладки груза в дивизионном лазарете. Киев, 1913. 93 с.

22) Правила укладки грузов в войсковых обозах. СПб., 1912. 121 с.

23) *Пиотровский А. О.* Объяснительная записка бывшего начальника интендантского транспорта действующей армии и коммисионера полковника А. О. Пиотровского. По отчету о расходах на вольнонаемный транспорт во время Турецкой войны. СПб.: В. Гершбаума, 1891. 20 с.

24) Сборник документов: Санитарная служба русской армии в войне 1914–1918 гг. Куйбышев, 1942. 464 с.

25) Галицин С. П. Сборник материалов к вопросу об устройстве санитарно-врачебной части в военное время. СПб., 1879. 53 с.

26) Сборник материалов по Русско-Турецкой войне 1877–1878 гг. на Балканском полуострове. Выпуск 18. Снабжение предметами интендантского довольствия за время с мобилизации 1876 г. по 18 июля 1877 г. Издание Военно-исторической комиссии Главного штаба. СПб., 1900. 139 с.

27) Сборник приказов по Военному ведомству за 1864 г. СПб., 1864.

28) Сборник приказов по Военному ведомству за 1865 г. СПб., 1865.

29) Сборник приказов по Военному ведомству за 1866 г. СПб., 1866.

30) Сборник приказов по Военному ведомству за 1867 г. СПб., 1867.

31) Сборник приказов по Военному ведомству за 1868 г. СПб., 1868.

32) Сборник приказов по Военному ведомству за 1869 г. СПб., 1869.

33) Сборник приказов по Военному ведомству за 1870 г. СПб., 1870.

34) Сборник приказов по Военному ведомству за 1871 г. СПб., 1871.

35) Сборник приказов по Военному ведомству за 1872 г. СПб., 1872.

36) Сборник приказов по Военному ведомству за 1873 г. СПб., 1873.

37) Сборник приказов по Военному ведомству за 1874 г. СПб., 1874.

38) Сборник приказов по Военному ведомству за 1875 г. СПб., 1875.

39) Сборник приказов по Военному ведомству за 1876 г. СПб., 1876.

40) Сборник приказов по Военному ведомству за 1877 г. СПб., 1877.
41) Сборник приказов по Военному ведомству за 1878 г. СПб., 1878.
42) Сборник приказов по Военному ведомству за 1879 г. СПб., 1879.
43) Сборник приказов по Военному ведомству за 1880 г. СПб., 1880.
44) Сборник приказов по Военному ведомству за 1881 г. СПб., 1881.
45) Сборник приказов по Военному ведомству за 1882 г. СПб., 1882.
46) Сборник приказов по Военному ведомству за 1883 г. СПб., 1883.
47) Сборник приказов по Военному ведомству за 1884 г. СПб., 1884.
48) Сборник приказов по Военному ведомству за 1885 г. СПб., 1885.
49) Сборник приказов по Военному ведомству за 1886 г. СПб., 1886.
50) Сборник приказов по Военному ведомству за 1887 г. СПб., 1887.
51) Сборник приказов по Военному ведомству за 1888 г. СПб., 1888.
52) Сборник приказов по Военному ведомству за 1889 г. СПб., 1889.
53) Сборник приказов по Военному ведомству за 1890 г. СПб., 1890.
54) Сборник приказов по Военному ведомству за 1891 г. СПб., 1891.
55) Сборник приказов по Военному ведомству за 1892 г. СПб., 1892.
56) Сборник приказов по Военному ведомству за 1893 г. СПб., 1893.
57) Сборник приказов по Военному ведомству за 1893 г. СПб., 1893.
58) Сборник приказов по Военному ведомству за 1894 г. СПб., 1894.
59) Сборник приказов по Военному ведомству за 1895 г. СПб., 1895.
60) Сборник приказов по Военному ведомству за 1896 г. СПб., 1896.
61) Сборник приказов по Военному ведомству за 1897 г. СПб., 1897.
62) Сборник приказов по Военному ведомству за 1898 г. СПб., 1898.
63) Сборник приказов по Военному ведомству за 1899 г. СПб., 1899.
64) Сборник приказов по Военному ведомству за 1900 г. СПб., 1900.
65) Сборник приказов по Военному ведомству за 1901 г. СПб., 1901.
66) Сборник приказов по Военному ведомству за 1902 г. СПб., 1902.
67) Сборник приказов по Военному ведомству за 1903 г. СПб., 1903.
68) Сборник приказов по Военному ведомству за 1904 г. СПб., 1904.
69) Сборник приказов по Военному ведомству за 1905 г. СПб., 1905.

70) Сборник приказов по Военному ведомству за 1906 г. СПб., 1906.

71) Сборник приказов по Военному ведомству за 1907 г. СПб., 1907.

72) Сборник приказов по Военному ведомству за 1907 г. СПб., 1907.

73) Сборник приказов по Военному ведомству за 1908 г. СПб., 1908.

74) Сборник приказов по Военному ведомству за 1909 г. СПб., 1909.

75) Сборник приказов по Военному ведомству за 1910 г. СПб., 1910.

76) Сборник приказов по Военному ведомству за 1911 г. СПб., 1911.

77) Сборник приказов по Военному ведомству за 1912 г. СПб., 1912.

78) Сборник приказов по Военному ведомству за 1913 г. СПб., 1913.

79) Сборник приказов по Военному ведомству за 1914 г. Пг., 1914.

80) Сборник приказов по Военному ведомству за 1915 г. Пг., 1915.

81) Сборник приказов по Военному ведомству за 1916 г. Пг., 1916.

82) Сборник приказов по Военному ведомству за 1917 г. Пг., 1917.

83) Сборник материалов по Русско-Турецкой войне 1877–1878 гг. на Балканском полуострове. Выпуск 18. Снабжение предметами интендантского довольствия за время с мобилизации 1876 г. по 18 июля 1877 г. Издание Военно-исторической комиссии Главного штаба. СПб., 1900. 476 с.

84) Свод материалов к отчету по интендантской части за время войны с Японией 1904–1905 гг. СПб.: тип. Тренке, Фюсно, 1906. 455 с.

85) Условия на изготовления обмундирования в центральных мастерских. Казань, 1914. 7с.

86) Условия на поставку сушеных наквашенных овощей. Полтава, 1914. 10 с.

87) Устав полевой службы и наставление для действия в бою отрядов из всех родов оружия. СПб., 1904. 142 с.

88) *Н. Ухач-Огорович.* Отчет по хозяйственной части управления транспортов штаба главнокомандующего всеми сухопутными и морскими вооруженными силами, действовавшими против Японии в 1904–1905 гг. т. I–III. СПб., 1906. 84 с.

Мемуары

1) *Брусилов А. А.* Мои воспоминания. М., Воен. изд.,1946. 264 с.

2) *Баумгартен. О. А.* В осажденном Порт-Артуре. Дневник сестры милосердия. СПб., тип. А. С. Суворина, 1906. 310 с.

3) *Верещагин А.* В Китае. Воспоминания и рассказы. СПб., В. Березовский, 1903. 224 с.

4) *Газенкампф М. А.* Мой дневник 1877–1878 гг. СПб., В. Березовский,1908. 624 с.

5) *Деникин А. И.* Очерки русской смуты: Крушение власти и армии (февраль–сентябрь 1917 г.). М.: Наука, 1991. 519 с.

6) *Засосов Д. А., Пызин В. И.* Из жизни Петербурга 1890–1910-х годов: Записки очевидцев. Л.: Лениздат, 1991. 271 с.

7) *Квитка А.* Дневник забайкальского казачьего офицера. Русско-японская война 1904–1905 гг. СПб.: В. Березовский, 1908. VIII. 430 с.

8) *Кропоткин П. А.* Записки революционера. М.; Л.: Academia, 1933. 377 с.

9) *Куропаткин А.* Действия отрядов генерала Скобелева в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Ловча и Плевна, ч. I — II, СПб., Воен. типограф., 1885. 346 с.

10) *Кеннан Г.* Из «Заметок об осаде Порт-Артура». Варшава: тип. «Русского о-ва.», 1909. 61 с.

11) *Клеман-де-Грандпре.* Падение Порт-Артура. СПб. 1908.

12) *Козьмин Г.* Дальний Восток: Воспоминания и рассказы. СПб., В. Березовский, 1904. 331 с.

13) *Костенко М. И.* Осада и сдача крепости Порт-Артур: Мои впечатления. Киев, тип. Окр. штаба, 1907. 2, IV. 327 с.

14) *Милютин Д. А.* Дневник. В 4-х. т. 1947–1950. Т. 1 – 255 с., Т. 2. –291 с., Т. 3 – 325 с., Т. 4 –202 с.

15) *Мирный В. А.* Боевой дневник героя унтер-офицера 9-го Восточно-Сибирского стрелкового полка из русско-японской войны 1904–1905 г. М., 1912. 108 с.

16) *Немирович-Данченко В. И.* Год войны. Дневник русского корреспондента. 1877–1878 гг., т. I–III., 2 испр. и доп. Изд. СПб., 1879, т. 1–3. СПб., 1903.

17) *Паренсов П. Д.* Из прошлого. Воспоминания офицера Генерального штаба П. Паренсова. Ч. 1–5. СПб., В. Березовский, 1901–1908. 376 с.

18) *Пузыревский А. К.* Десять лет назад. Война 1877–1878 гг. СПб., тип. В. С. Балашова, 1887. 285 с.

19) Орлов Ф. Письма молодо солдата. СПб., тип. военн. кн. маг. В. Н. Васильева, 1904. 240 с.

20) *Пузыревский А. К.* Русская армия перед войной 1877–1878 гг. СПб., В. Березовский, 1889. 79 с.

21) *Скалон Д. А.* Мои воспоминания 1877–1878 гг.: В 2 т. СПб., тип. т-ва М. О. Вольф, 1913. Т.1. 410 с. Т.2. 373 с.

22) *Трубецкой В.* Записки кирасира. М.: Россия, 1991. 220 с.

23) *Третеский Л. И.*. Опыт 12-ти летнего командования ротой. Киев, тип. А. О. Штерензона, 1901. 280 с.

24) *Третьяков Н.* 5-й Восточно-сибирский стрелковый полк на Кинджоу и в Порт-Артуре. СПб., 1909. 93 с.

25) *Шумков. Г.* Рассказы и наблюдения из русско-японской войны (военно-психологические этюды). Киев, лито. — тип. т-ва Кушнерев и Ко,1905. 62 с.

26) *Шумков. Г.* Первые шаги психиатрии во время русско-японской войны в 1904–1905 гг. Киев, тип. т-ва Просвещение,1907. 59 с.

27) *Фейгин Ф. И.* Недостатки врачебной помощи в нашей действующей армии в компанию 1877–1878 гг. Заметки полевого хирурга. СПб., тип. железн. дор. изд. — ва А. Ф. Штольценбурга, 1895. 163 с.

28) Холмогоров А. В осаде. Воспоминания порт-артурца. СПб., 1905. 102 с.

Периодическая печать

1) Великая война в образах и картинах. Вып. 1–10. / Под ред. И. Лазаревского. М.

2) Вестник Красного Креста. Пг., 1914–1916.

3) Вестник Царскосельского района. Пг., 1914–1916.

4) Военно-исторический сборник. Пг., 1914–1916.

5) Военно-медицинский журнал. 1915. Т. 10.

5) Военный сборник. Пг., 1914–1915.

6) Известия Всероссийского земского союза. М., 1914–1917.

7) Иллюстрированный календарь Красного Креста. М., 1914–1916.

8) Интендантский журнал. 10907. № 1–12.

9) Интендантский журнал. 1912. № 1–12.

10) Интендантский журнал. 1913. № 1–12.

11) Интендантский журнал. 1914. № 1–12.

12) Интендантский журнал. 1915. № 1–12.

13) Интендантский журнал. 1916. № 1–12.

14) Интендантский журнал. 1917. № 1–10.

15) Летопись войны 1914 г. № 1–48. Пг. 1914–1915.

16) Разведчик. 1907. № 896.

17) Русский инвалид. Пг., 1907–1915.

18) Церковный Вестник. 1914. № 41.

Справочная литература

1) *Вакар Я. Я.* Справочник для дивизионных интендантов. СПб., тип. — лит. П. Т. Ревина, 1911. 340 с.

2) Военная энциклопедия. СПб., тип. И. Д. Сытина. 1913. Т. XI. 322 с.

3) Война с Японией 1904–1905 гг. Санитарно-статистический очерк. Сост. Санитарно-статистической частью Главного военно-санитарного управления при непосредственном участии и под руководством Н. Козловского. Главное военно-санитарное управление. Пг., Глав., воен. — сан. упр., 1914. — IV. 303 С.

4) *Гбер К. П.* Расходы на продовольствие Маньчжурской армии в войну 1904–1905 гг. СПб., 1911. 43 с.

5) *Домонтович М. А.* Обзор русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на Балканском полуострове. СПб., Гос. тип. 1900. X. 156 с.

6) Двухсотлетие интендантства 1700–1900: Историческая справка. СПб., тип. Тренке и Фюсно, 1900. 52 с.

7) *Золотарев В. А.* Некоторые проблемы отечественной историографии русско-турецкой войны 1877–1978 г. Л., 1976. 57 с.

8) *Золотарев В. А.* Научно-библиографический обзор русско-турецкой войны 1877–1878 г. Л., 1975. 19 с.

9) История первой мировой войны. 1914–1918 гг. Т. 1–2. М., Наука, 1975. Т. 1 — 446 С. Т. 2. — 607 с.

10) Каталог Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи / Под ред. А. А. Сотникова. Л., 1972. 757 с.

11) *Каминский Л. С. и Новосельский С. А.* Потери в прошлых войнах. Справочная книга. М., Медгиз, 6-я тип. Треста Полиграфкнига, 1947. 212 с.

12) *Лучинин. В. В.* Русско-японская война 1904–1905 гг. Библиографический указатель книжной литературы на русском и иностранных языках. М., Воениздат. 1939. 144 с.

13) *Ланге Н.* Правила о форме одежды генералов, штаб- и обер-офицеров, состоящих на действительной службе. Пг., 1917. 132 с.

14) Личный состав учреждений Всероссийского земского союза. М., 1915. 364 с.

15) *Максимов Н. А.* Статистический очерк военно-судной части во время войны 1877–1878 г на Балканском полуострове. Ч. 1–2. СПб., тип. т-ва Общественная польза, 1879–1880. Ч.1 – 2, 11, 2, 35 С. Ч.2. – 8, 39–99 с.

16) Мировая война в цифрах, М. — Л., Гос. воен. Изд. ЛОЦТ им. Ворошилова 1934. 128 с.

17) Общий состав чинов Главного интендантского управления. Пг., 1916. 36 с.

18) Общий состав чинов Главного интендантского управления. СПб., 1912. 88 с.

19) Полный и подробный алфавитный указатель приказов по Военному ведомству, циркуляров, предписаний и отзывов Главного штаба и прочих Главных управлений и приказов, предписаний и циркуляров по всем военным округам, за 52 года, с 1859 по 1911 г.: В 2 кн.; изд. 3-е, доп. / Сост. К. Патин; под ред. Л. Васильева. СПб., 1911. 482 с.

20) Памятная книжка на 1912 год. СПб., 1912. 882 с.

21) *Павлович М.* Итоги Мировой войны. М., Московский рабочий, 1924. — 233 с.

22) Россия в Мировой войне 1914–1918 гг. (в цифрах). М., тип. М. К. Х. им. Ф. Я. Лаврова, 1925. 103 с.

23) Список учреждений Комитета Юго-Западного фронта Всероссийского земского союза на 1 сентября 1916. Киев, 1916. 20 с.

24) Список учреждений комитета Северного фронта Всероссийского союза городов. Пг., 1916. 15 с.

25) Список учреждений Главного комитета Всероссийского союза на 1 января 1917. М., 1917. 15 с.

26) Список лечебных учреждений для эвакуированных воинов на 1 февраля 1915 г. СПб., управление верховного нач. сан. и эвак. части, 1915. — 442 с.

27) *Сыхра. В.* Восточная война 1877–1878 гг. по официальным и другим сведеньям. Т.1. СПб., тип. Эттингера, 1879. — VIII, 182 с.

28) Тыл действующей армии, ч. 1. Организация и деятельность управления действующей армии. СПб., 1910. Работа Военно-исторической комиссии по описанию войны, т. VII, ч. 1.

29) Труды комиссии по изучению санитарных последствий войны. М., 1923. 89 с.

30) *Шенк В. К.* Правила ношения формы одежды офицерами всех родов оружия, гражданскими чинами Военного ведомства. СПб., 1911. –218 с.

31) *Шенк В. К.* Формы обмундирования русской армии. 32 наглядные таблицы новых форм, составленные на 1 апреля 1911 г. СПб., 1911. 5 с.

Монографии

1) *Аничков. В. М.* Военное хозяйство. Сравнительное исследование положительных законодательств России, Франции, Пруссии, Австрии, Сардинии, Бельгии и Баварии. СПб.: тип. Н. Деноткина, 1860. 613 с.

2) Боевое снабжение русской армии в мировой войне. М.: Воениздат, 1930. 120 с.

3) *Богданович. М. И.* Исторический очерк деятельности военного управления в России 1855 — 1880 гг., т. VI. СПб.: тип. М. Стасюлевича, 1881. 424 с.

4) *Борисевич А. Т.* Организация, расквартирование и передвижение войск. СПб., 1902. 76 с.

5) *Бутовский. Н.* Очерки современного офицерского быта. СПб.: тип. Тренке и Фюсно, 1899.51 с.

6) *Блинский.* Вольные и атлетические игры для нижних чинов. СПб., 1898. 61 с.

7) *Вещиков. П. И.* Военное хозяйство — тыл вооруженных сил России (XVIII–XX вв.). М., 2003. 345 с.

8) *Волков С. В.* Русский офицерский корпус. М.: Воениздат, 1993. 368 С.

9) *Виноградов С.* Интендантство в Порт-Артуре. Опыт исследования по официальным документам. Хабаровск, 1908. 147 с.

10) *Виноградский А. Н.* История русско-японской войны 1904–1905 гг. СПб.: Общество ревнителей военных знаний, 1908, вып.1. 187 с.

11) *Галкин. М. С.* Новый путь современного офицера. М.: тип. Г. Лисснера и Д. Садко, 1906. 143 с.

12) *Газенкампф. М. А.* Военное хозяйство. СПб.: тип. Штаба войск гвардии и СПб. военного округа, 1875. Вып. 1–4. Вып. 1. — 51 с.; Вып. 2 — 102 с.; Вып. 3 — 49 с. Вып. 4. 39 с.

13) *Георгиевский А. С. Мицов З. В.* Медицинская общественность и военная медицина в Освободительной войне на Балканах в 1877–1878 гг. М: Медицина, 1978. 234 с.

14) *Герценштейн Г. М.* Военно-санитарные порядки восточной войны. СПб.: тип. Я. Трея, 1881. 62 с.

15) *Геруа. А. В.* После войны о нашей армии. СПб.: тип. А. С. Суворина, 1907. 351 с.

16) *Головачев. П. М.* Россия на Дальнем Востоке. СПб.: тип. Е. Ф. Кускова, 1904. 216 с.

17) *Глинка В. М.* Русский военный костюм XVIII–начала XX века. Л.: Советский художник, 1988. 237 с.

18) *Гюббенет. В. Б.* В осажденном Порт-Артуре. Очерк военно-санитарного дела и заметки по полевой хирургии. СПб.: тип. Главного управления уделов, 1910. 406 с.

19) *Елчанинов А. Г.* Ведение современных войн и боя. СПб.: тип. Г. Скачкова с сыновьями, 1909. 324 с.

20) *Епанчин. Н. А.* Освободительная война 1877–1878 гг. СПб.: типо –лит. В. В. Комарова, 1902. 28 с.

21) *Зайончковский А. М.* Мировая война 1914–1918 гг. Т. 1–2. М.: Воениздат, 1938. –383 с., — 288 с.

22) *Искерский К. К.* Война 1877–1878 гг. Причины развития тифозных эпидемий, от которых таяли наши войска во время войны 1877–1878 гг. Меры против этого зла в будущем. СПб.: тип. Н. В. Васильева, 1897. 122 с.

23) *Иконников Т. Я.* Дальневосточный тыл России в годы Первой мировой войны. Хабаровск, 1999. 354 с.

24) История л. — гв. 2-й арт. бригады во время Турецкой кампании 1877 – 78 гг. СПб.: тип. С. М. Николаева, 1901. 285 с.

25) *Каминский Л. С., Новосельский С. А.* Потери в прошлых войнах. М.: Медиздат, 1947. 212 с.

26) *Карпов Л. Н.* Земская санитарная организация в России. М.: Медицина, 1964. 123 с.

27) *Карбышев. Д.* Оборона Порт-Артура (1904). М.: тип. им. Ворошилова, 1933. 62 с.

28) *Кашеринов В.* Старое вино в новых мехах (По поводу отчета ген. Губера о деятельности интендантства в русско-японскую войну). Курск: тип. П. З. Либерман, 1906. 25 с.

29) *Китанина Т. М.* Война, хлеб и революция. Л.: Наука, 1985. 384 с.

31) *Купчинский Ф. П.* Герои тыла. Очерк преступной деятельности чинов Интендантского ведомства во время русско-японской войны. СПб.: Молодая мысль, 1908. 344 с.

32) *Козьмин. Г.* Дальний Восток. СПб.: тип. В. Березовский, 1904. 331 с.

33) *Курдюк А. А.* Комплектование и расстановка офицерского корпуса русской армии в годы Первой Мировой войны. М., 1998. 367 с.

34) *Костямин. Н. Н.* Способы исследования тканей одежды с точки зрения гигиены. СПб.: тип. И. В. Леонтьева, 1909. 305 с.

35) *Колчигин. Б., Разин. Е.* Оборона Порт-Артура в русско-японскую войну 1904–1905 гг. М.: Вениздат, 1939. 92 с.

36) Краткий обзор деятельности ВЗС на Западном фронте. 1915–1917. М., 1918. 228 с.

38) Краткий очерк деятельности Всероссийского земского союза. М.: тип. т-ва. Рябушкинских, 1916. 52.

39) Краткий обзор деятельности полевого интендантства в русско-японскую войну 1904–1905 гг. Харбин: тип. бр. Скоблиных, 1905. 115 с.

40) *Леонов О., Ульянов И.* Регулярная пехота 1855–1918. М.: АСТ, 1998. 283 с.

41) *Лащенков П. Н.* Гигиенические отряды на театре военных действий. Русско-японская война. Харьков: электропечатная газ. «Харьковский листок», 1904. 20 с.

42) *Левицкий Н. А.* Русско-японская война 1904–1905 гг. М.: Воениздат, 1938. 380 с.

43) *Левит М. М.* Становление общественной медицины в России. М.: Медицина, 1974. 120 с.

44) *Ливен А. А.* Дух и дисциплина нашего флота. СПб.: электро-типография Н. Я. Стойковой, 1914. 126 с.

45) *Макшеев Ф. А.* Военное хозяйство: Курс Интендантской академии. СПб.: тип. Тренке и Фюсно, 1913. 422 с.

46) *Майоров А. А.* Деятельность Земгора по оказанию помощи Русской армии в годы Первой Мировой войны. Орел, 1997. 230 с.

47) *Махаев С. К.* Подвижницы милосердия. М.: тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1914. 144 с.

48) *Незнамов А. А.* Современная война: Действие полевой армии. СПб.: тип. Скачкова, 1911. 143 с.

49) *Нони Г.* Интендантство во время войны. М.: Воениздат, 1938. 224 с.

50) *Ножин Е. К.* Правда о Порт-Артуре. СПб.: тип. П. А. Артемьев. Ч. 1–2, 1906–1907. 964 с.

51) О долге и чести воинской в Российской армии. М.: Воениздат, 1991. 368 с.

52) *Оппель В. А.* Очерки хирургии войны. Л.: Медиздат, 1940. 400 с.

53) *Оппель В. А.* Организация хирургической помощи. Принципы этапного лечения. Пг., 1917. 170 с.

54) *Охлябин С.* Честь мундира. М.: Республика, 1994. 302 с.

55) Обзор деятельности военного министерства в Царствование императора Александра III, 1881 – 1894 гг. СПб., 1903. 397 с.

56) Очерки русской общественной медицины. М.: Медицын, 1965. 147 с.

57) Описание Русско-Турецкой войны 1877 –78 г., СПб.: Военно-историческая комиссия Главного штаба, 1901. Т. 1. 393 с.

58) *Павлович М. П.* Итоги мировой войны. М.: Московский рабочий, 1924. 234 с.

59) *Петров Б. Д.* Очерки истории отечественной медицины. М.: Медицына, 1962. 303 с.

60) *Пирогов Н. И.* Военно-врачебное дело и частная помощь на театре войны в Болгарии и в тылу действующей армии в 1877–1878 гг. СПб.: Главное управление общества попечения о больных и раненных воинах, 1914. 240 с.

61) *Пучковский А. М.* Исторический очерк пищевого довольствия русской армии. СПб.: тип. М. И. Акинфиева, 1913. 261 с.

62) *Попов В. И.* Довольствие мясом русской армии в Первую мировую войну 1914– 1918 гг. М.: Воениздат, 1942. 73 с.

63) *Потираловский П. П.* Краткий курс санитарной практики. М.: «Прводеденье» И. К. Голубев, 1911. 336 с.

64) *Риттих. А.* Русский военный быт в действительности и мечтах. СПб.: тип. В. Березовский, 1893. 280 с.

65) Сто лет Красного Креста в нашей стране. М.: Медицина, 1967. 298 с.

66) *Ростунов. И. И.* История русско-японской войны 1904–1905 гг. М.: Наука, 1977. 383 с.

67) *Ростунов И. И.* Русский фронт Первой мировой войны. М.: Наука, 1976. 387 с.

68) *Савашкевич В. Н.* Тыл русской армии в первой мировой войне 1914–1918 гг. Л., 1948. 44 с.

69) *Свечин. А. А.* Предрассудки и боевая действительность. СПб.: тов. В. Березовский, 1907. 136 с.

70) *Строков А. А.* История военного искусства. Т. 5. СПб.: Полигон, 1994. 710 с.

71) *Степанский А. Д.* Самодержавие и общественные организации в России на рубеже XIX–XX. М., 1980. 96 с.

72) *Степанский А. Д.* Общественные организации в России рубеже XIX–XX. М., 1982. 91 с.

73) *Соловьев. Л.З.* Указание опыта текущей войны на боевых действиях пехоты. СПб.: Общество ревнителей военных знаний, 1905. 48 с.

74) *Сорокин. А. И.* Оборона Порт-Артура. М.: Воениздат, 1952. 207 с.

75) *Соловьев Л. З.* Указания опыта текущей войны на боевые действия пехоты. Впечатления ротного командира. СПб, 1905. 34 с.

76) *Туманский А. К.* Полет сквозь годы. М.: Воениздат, 1962. 321 с.

77) *Тржемесский. И. И.* Исследование и оценка с гигиенической точки зрения одежды нижних чинов русского флота. СПб.: тип. З. Соколинского, 1913. 132 с.

78) *Урланис Б. И.* История военных потерь. СПб.: полигон, 1994. 434 с.

79) *Ухач-Огорович Н. А.* К вопросу о транспортах Маньчжурской армии. По поводу работ военно-исторической комиссии по описанию русско-японской войны. Киев: тип. С. В. Кульженко 1910. 198 с.

80) *Фадеев В. И.* Земское и городское самоуправление в дореволюционной России. М.: Инион, 1996. 20 с.

81) *Филимонов. Н. Г.* Постепенное развитие мероприятий по мобилизации русской кадровой армии в XIX столетии. СПб.: Военная типография, 1908. 123 с.

82) *Хренов М. М., Зубов Р. Т., Коновалов И. Ф., Нестеров-Комаров Г. Н., Теровкин М. А.* Военная одежда русской армии. М.: Воениздат, 1994. 381 с.

83) *Хавкин П. Б.* Распределительные госпитали в деле эвакуации современной медицины. Пг., 1916. 143 с.

84) *Цабель. С. А.* Типы полевых оборонительных построек, применявшихся во время русско-японской войны. СПб.: В. Березовский,1907. 120 с.

85) *Черемисов. В. А.* Русско-японская война 1904–1905 гг. Киев: типолиьография окружного штаба, 1907. 297 с.

86) *Черменский. Е. Д.* Русско-японская война 1904–1905 гг. М.: Знание, 1954. 48 с.

87) *Шацилло. К. Ф.* Русский империализм и развитие флота. М.: Наука, 1968. 367 с.

88) *Шацилло. К. Ф.* Россия перед первой мировой войной. М.: Наука, 1974. 112 с.

89) *Шварц. А. В. Романовский. Ю. Д.* Борьба за Порт-Артур. СПб.: В. Березовский, 1907. 202 с.

90) *Шварц. А. В.* Влияние данных борьбы за Порт-Артур на устройство сухопутных крепостей. СПб.: Северное книгоиздательство, 1907. 238 с.

91) *Шепелев Л. Е.* Титулы, мундиры, ордена. Л.: Наука, 1991. 222 с.

92) *Шигарина Н. Д.* Евреи, продовольствовавшие нашу армию в последнюю турецкую войну. В 2–х вып. Киев: тип. Д. Повальского, 1878. Вып. 1–2. 78 с., 68 с.

93) *Штерн С.* Из недавнего прошлого. Очерки некоторых хозяйственных и санитарных распорядков в последнюю Русско-турецкую войну. Иркутск: тип. Н. Н. Синицына. 1886. 68 с.

94) *Шрейдер. Д. И.* Наш Дальний Восток. СПб.: А. Ф. Девриен, 1897. 469 с.

95) *Шубин Н. А.* Проблемы снабжения русской армии в условиях Первой Мировой войны: опыт взаимодействия государства и общественных организаций. 1914–1917 гг. М., 1997. 347 с.

96) *Янушкевич.* Организация и роль интендантства в современных армиях. На войне. СПб.: тип. Г. Скачкова с сыновьями, 1910. 211 с.

Статьи

1) *Абрамов П. В.* Инструкция по организации хирургической помощи раненым на фронте.// ВМЖ. 1947. № 2. С. 47–56.

2) *Акимова Г. С.* Из истории организации устройства Земгора.// Труды МГИАИ. М., 1970. Т.28. С. 34–47.

3) *Акимова Г. С.* Документальные материалы Земгора и их организация. Труды МГИАИ. М., 1972. Т.29. С. 74–85.

4) *Аракалова М. П., Костюченко И. Ю.* Кадеты и Всероссийский земский союз помощи больным и раненым воинам в годы Первой мировой войны. // Россия в I Мировой войне. Рязань. 1994. С. 27–29.

5) *Бурденко Н.* Об организации госпитализации и эвакуации раненых в Лодзинской операции.//Военно-медицинский журнал. М., 1938. № 6. С 17–34.

6) Всероссийский земский союз как новое интендантство // Жизнь для всех. Пг., 1916. № 8. С. 24–36.

6) *Галкина П. В.* Земство и I Мировая война. Материалы Московской губернии// Россия в I Мировой войне. Рязань, 1994. С. 47–50.

7) *Георгиевский А. С.* Под гнетом неразрешимых противоречий.// ВМЖ. М., 1964. № 8. С. 76–82.

8) *Дерябин А. И.* Гражданская война в России 1918–1920. Юг. «Цветные части» // Цейхгауз. 1991. № 1. С. 30–35.

9) *Дьяконова И. А.* Болезни, медицина, развитие фармацевтической промышленности в 18 в. и в первой половине 20 в. // Вопросы истории. М., 1997. № 3. С. 165–167.

10) *Зембржицкий В.* Подача помощи раненым и их эвакуация.//Военный сборник. М., 1917. № 4. С. 32–43.

11) *Заблудовский П. Е. и Жук А. П.* Столетие общественной медицины в России. // Очерки истории русской общественной медицины. М., 1965. С. 17–32.

12) *Карацук А.* Авиационные части Российской армии. 1914–1917. Униформа // Цейхгауз. 1991. № 1. С. 24–29.

13) *Кибовский А.* Авиация Российской армии. 1914–1917 // Цейхгауз. 1996. № 5. С. 30–35.

14) *Корнаков П., Юшко В.* Второе рождение гренадер: Штурмовые команды российской армии. 1916–1917 // Цейхгауз. 1995. № 4. С. 20–22.

15) *Лиферов Р. А.* Организация медицинской помощи в русской армии в Первую мировую войну. // Россия в I Мировой войне. Рязань, 1994. С. 101–104.

16) *Малис Ю. Г.* Принципы эвакуации раненых.// Вестник Красного Креста. Пг., 1914. № 10. С. 870–876.

17) *Николаев И.* Суконная промышленность в России//Интендантский журнал. 1900. № 1. С 81–97.

18) *Недзвецкий. В.* Интендантство в XIX веке//Интендантский журнал. 1900. № 1. С. 54–68.

19) *Петров К.* Финансовое положение России 1914–1917 // Вопросы экономики. № 8. М., 1995. С. 99–106.

20) *Поляков Н. Г.* Снабжение русской армии медицинским имуществом в войне 1904–05 и 1914–18 гг.// ВМЖ. М., 1942. № 4–5. С. 67–84.

21) *Погребинский А. П.* К истории союзов земств и городов в годы империалистической войны.// Исторические записки. 1941. Т. 12. С. 54–61.

22) *Росс Н. Г.* Попытка создания русской революционной армии (май–июнь 1917) // Новый часовой. 1994. № 1. С. 75–88.

23) *Росс Н. Г.* Ударные части в русской армии (весна и лето 1917 г.) // Новый часовой. 1994. № 2. С. 130–140.

24) *Самонин С.* Военные головные уборы последнего царствования // Цейхгауз. 1993. № 3. С.2–11.

25) *Самонин С.* Русские военные кокарды 1844–1917 // Цейхгауз. 1993. № 2. С. 2–5.

26) *Трескунова Б.* Некоторые данные об организации госпитализации и эвакуации раненых во внутренние районы России в период 1914–1915 гг.// ВМЖ. М., 1939. № 7. С. 17–31.

27) *Таленский Н. А.* Первая Мировая война 1914–1918 гг. //Военное искусство капиталистического общества (1789–1917). М., 1953. Вып. 2.

Диссертации

1) *Акимова Г. С.* Главный по снабжению армии комитет (Земгор) 1915–1918 гг.: автореф. дис…к. ист. наук. М.: Московский гос. Историко-архивный институт, 1972. 24 с.

2) *Вещиков. П. И.* Военное хозяйство — тыл вооруженных сил России (XVIII–XX вв.). дис. на соискание ученой степени д. ист. наук. М., 2003. 38 с.

3) *Китанина Т. М.* Военно-промышленные концерны в России в годы Первой Мировой войны. автореф. дис…к. ист. наук. Л.: ЛГУ, 1964. 23 с.

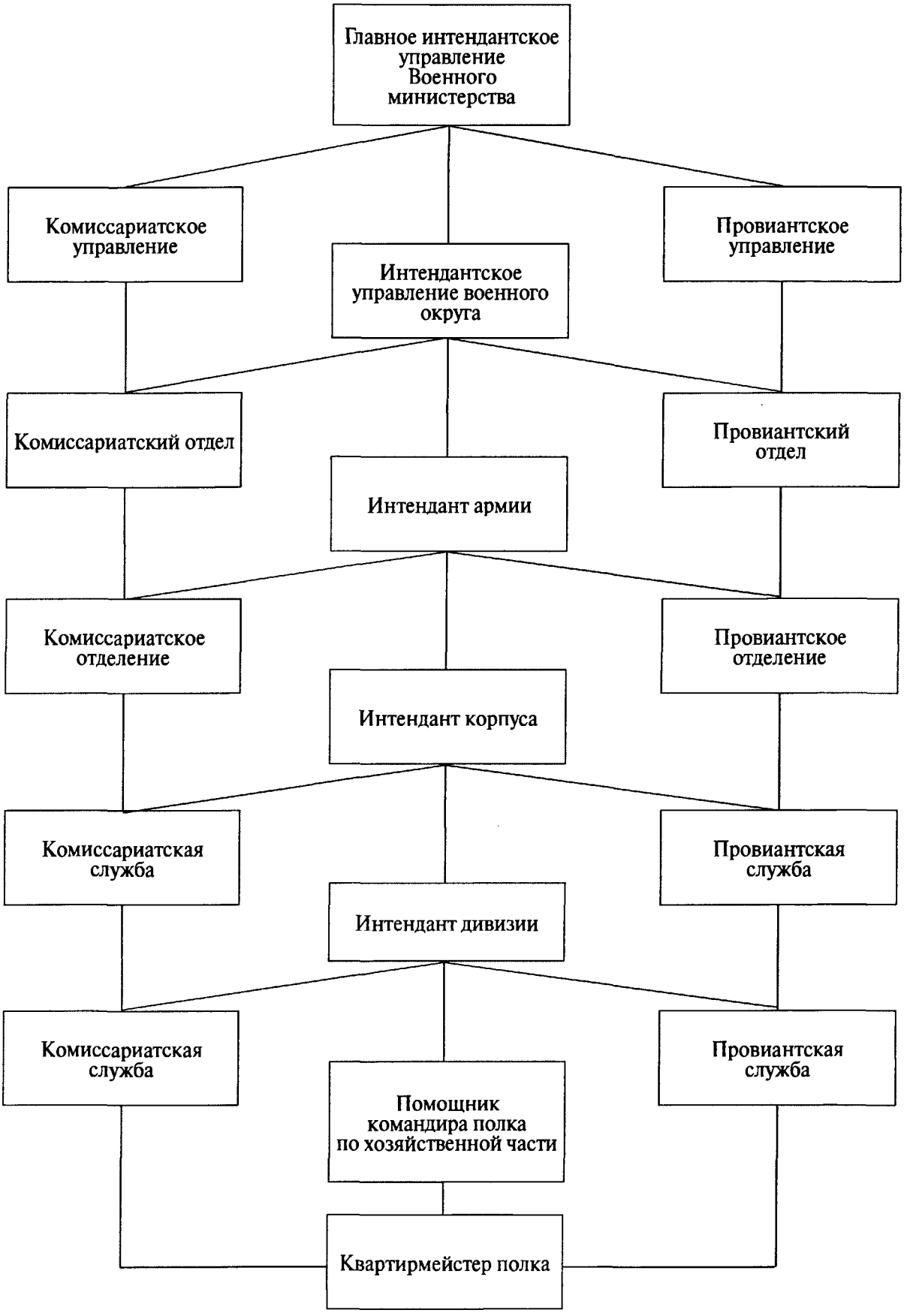
4) *Лысев А. В.* Русский Порт-Артур в 1904 г. История военной повседневности: автореф. дис… к. ист. наук. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2002. 21 с.

5) *Сергеева С. Л.* Деятельность военно-промышленных комитетов в годы Первой Мировой войны. автореф. дис…к. ист. наук. М., 1996. 24 с.

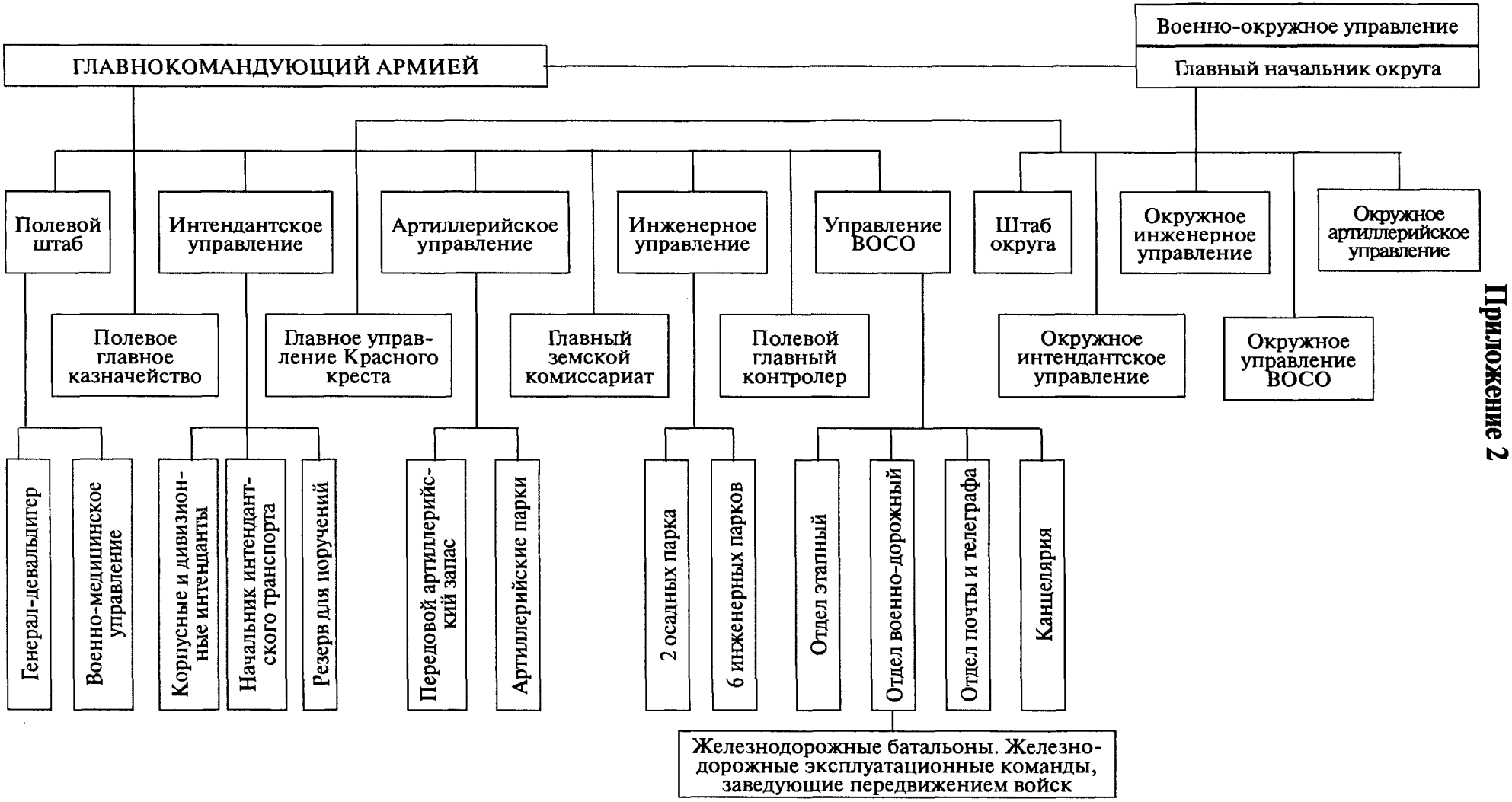
6) *Степанский А. Д.* Общественные организации в России рубеже XIX–XX. дис. на соискание ученой степени д. ист. наук. М., 1982. 37 с.

Приложение 1

Структура интендантских органов русской армии после реформы 60–70 гг. XIX века

Полевые органы материального, транспортного и медицинского обеспечения действующей армии по Положению 1876 г.

Приложение 2

Приложение 3.

Размещение продовольственных запасов

(Описание Русско-Турецкой войны 1877–1878 гг. Т. 1. С. 335 и 338.)

В ранец пехотинца — сухарей на 3 дня, крупы на 2 дня и соли на 2 дня; в вьюке кавалериста — сухарей на 3 дня, крупы на 2 дня, соли на 2 дня, овса на 2 дня и сена на 1 день. Остальной запас в повозках полкового обоза.

Примечание. Продовольственная утварь содержалась:

1) на людях: в пехоте одиночные котелки и фляги для воды; в кавалерии котелок на трех человек, парусиновое ведро также на 3-х человек, торба на каждого человека;

2) на повозках обоза артельные котлы.

Вес снаряжения пехотинца достигал 1 пуда 34 фунтов.

Приложение 4.

УКАЗНЫЕ ДАЧИ СУТОЧНОГО ДОВОЛЬСТВИЯ ЛЮДЕЙ И ЛОШАДЕЙ

(приказ по в. в. 1899 г., № 346)

А. Продовольственная дача

Сухарей ржаных .....1 ф. 72 з.

или хлеба ржаного .....2 ф. 48 з.

Крупы ..... — ф. 24 з.

Мяса свежего ....1 ф. – з.

или консервов мясных (без оболочек) ..... — ф. 72 з.

Соли ..... — ф. 11 з.

Овощей свежих ..... — ф. 60 з.

или сушеных ..... — ф. 44 з.

Масла или сала ..... — ф. 5 з.

Подболточной муки ..... — ф. 4 з.

Чаю ..... — ф. 1.5 з.

Сахару ..... — ф. 3 з.

Перцу ..... — ф. 1/6 з.

Б. Фуражная дача

1) Обыкновенная:

Овса .....13 ф. 72 з.

Сена .....15 ф. – з.

2) Уменьшенная:

Овса .....12 ф. – з.

Сена .....10 ф. – з.

Дополнительно может быть отпускаемо на 1 человека в сутки 1/80 ведра вина, получарка уксуса и ¼ зол. лимонной кислоты.

Приложение 5. Краткий перечень распределения расходов, произведенных интендантством в войну 1904–1905 г. г.

(Н. Н. Янушкевич. Организация и роль интендантства в современных армиях. На войне. СПб., 1910. С. 199.)

Всего израсходовано .....608 952 т. руб.

Из них:

а) выделено в распоряжение интендантских

органов Дальнего Востока .....259.135 т. руб.

б) израсходовано на военные потребности вне

театра войны .....349.817 т. руб.

В последней сумме выделяются следующие главные рубрики:

1) Расходы на усиление личного состава .....612 т. руб.

2) Заготовление предметов снабжения .....242.154 т. руб.

3) Перевозка войск и грузов .....27.441 т. руб.

4) Разные расходы (пособия семьям военнослужащих,

Возмещение расходов Красного Креста и пр.) .....13.450 т. руб.

5) Содержание мобилизованных войск

до отправления их из пределов Европейской России .....66.158 т. руб.

В числе заготовительных операций наибольшие расходы потребовали:

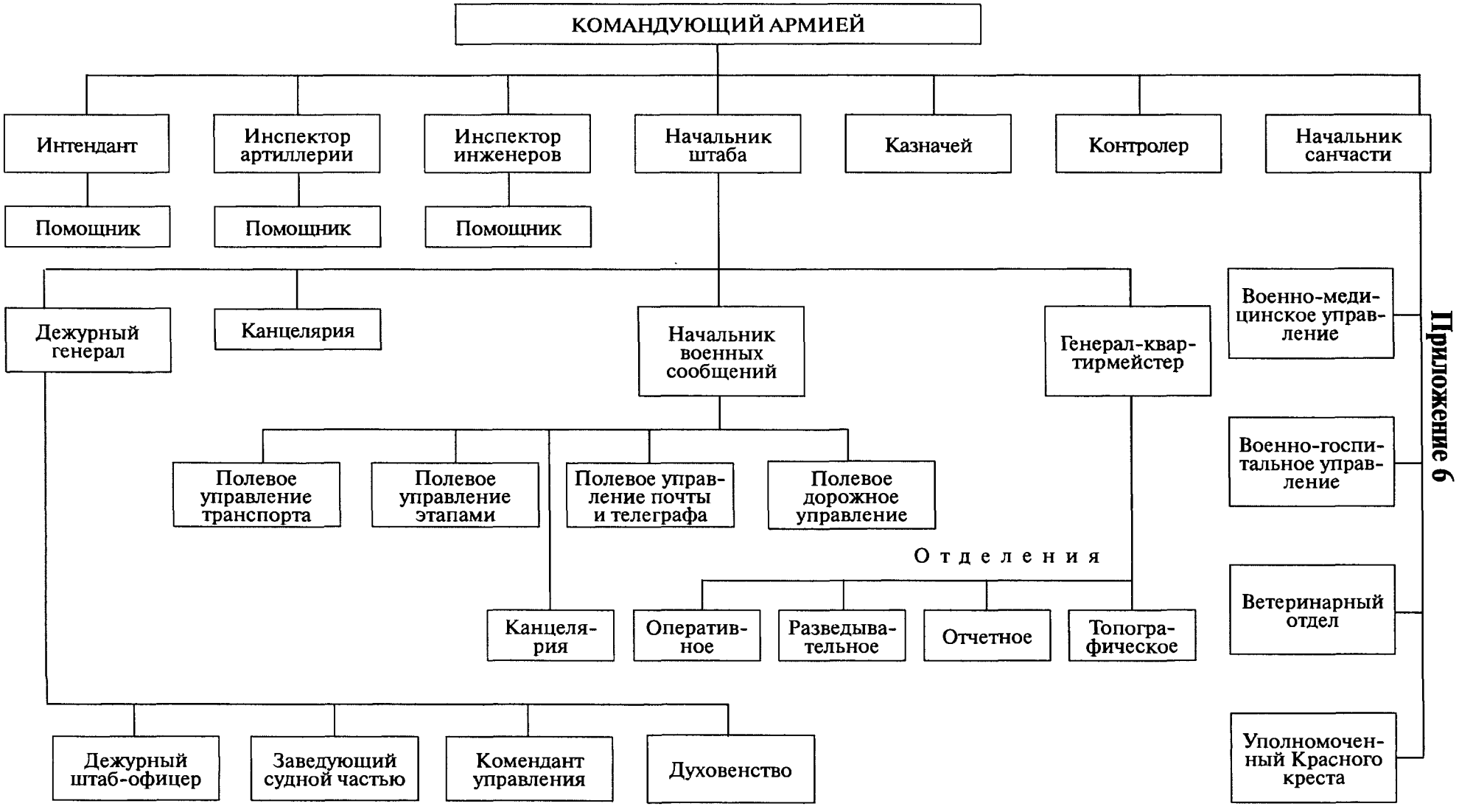
1) Заготовление обмундирования, обуви и снаряжения ....170.180 т. руб.

2) заготовление продовольственных припасов .....42.305 т. руб.

3) Заготовление обоза .....11.624 т. руб.

4) Заготовление госпитального и лазаретного имущества ...9.128 т. руб.

Полевое управление Маньчжурской армии (1, 2, 3 армий) в русско-японской войне 1904–1905 гг.

Приложение 6

Управление тылом при Главнокомандующем Маньчжурскими армиями в войну 1904–1905 гг.

Приложение 7

Приложение 8
Органы продовольственного обеспечения войск в период русско-японской войны 1904–1905 гг.

Приложение 9. Состав войсковых интендантских управлений, согласно приказа по в. в. 1907 г. № 347.

1. Управление корпусного интенданта

Корпусный интендант 1

Чинов для поручений 1

Делопроизводитель 1

Бухгалтер 1

Помощник бухгалтера 1

Помощник делопроизводителя 1

2. Управление дивизионного интенданта

Дивизионный интендант 1

Помощник дивизионного интенданта 1

Обер-офицер для поручений 1

3. Управление бригадного интенданта артиллерийской бригады

Бригадный интендант 1

Казначей 1

Квартирмейстер 1

Заведующий делопроизводством 1

Артиллерийский чиновник (по хозяйственной части) 1

Классный технический мастер 1

4. Хозяйственной управление полка

Полковой интендант 1

Казначей 1

Квартирмейстер 1

Командир нестроевой роты 1

Делопроизводитель 1

Заведующий оружием (чиновник артиллерийского ведомства) 1

Заведующий хозяйством полкового лазарета (классный медицинский фельдшер) 1

Приложение 10. О чиновниках и офицерах Интендантского ведомства, привлеченных к следствию и приданных суду (22 января 1915 г. — 21 июля 1916 г.) (РГВИА. Ф. 499. Оп. 8. Д. 385)

№ п/п	Ф. И. О., должность	Обвинение	Приговор
1	И. д. столоначальника Омского окружного интендантского управления подполковник Н. И. Чемоданов. Мещанин Моисей Рояк и Давид Киршенбаум.	Самовольно приобретал зерно по ценам выше нормы, причинив казне убыток в 4021 руб. 98 коп., и присвоил казенные деньги в сумме 5195 руб. 24 коп. Рояк и Киршенбаум обвинялись в пособничестве.	Исключен из службы вследствии присуждения к наказанию с лишением воинского звания, чинов, орденов и медалей с отправкой на один год и восемь месяцев в исправительное арестантское отделение. -
2	Смотритель Сумского продовольственного магазина прапорщик Богданов	Выдача ложных квитанций на преувеличенные суммы	Немедленное удаление от службы
3	Штаб-офицер для поручений управления корпусного интенданта 3-го	Преступные деяния при заготовке зерна	Сведения не сохранились

	Сибирского армейского корпуса подполковник Третьяков.		
4	Обер-офицер для поручений Иркутского вещевого склада штабс-капитан Гуляев.	Хищения в Верхнеудинском особом продовольственном магазине.	Сведения не сохранились.
5	Смотритель Курского продовольственного магазина полковник фон-Эзенвейне и старший вахтер того же магазина Иван Анненков	Обвинялись в продаже казенной муки.	Сведения не сохранились.
6	Смотритель Песчанского продовольственного магазина коллежский советник Закржевский	Обвинялся в преступлениях, предусмотренных ст. 142 и 145, ч. 2 (С. В. П. 1869 кн. XXII. Изд. 4-е.).	Сведения не сохранились.
7	Помощник заведующего Черниговской военной мукомольни капитан Юмашев	Обвинялся в том, что осенью 1913 г., состоя в должности смотрителя шкотовского продовольственного магазина, уволил в запас армии бывшего при том	Ст. 142, 145, 227, 229, ч. 3. (С. В. П. 1869. Кн. XXII. Изд. 4-е.).

		же магазине, старшего вахтера Калитуху, не озаботившись тем, чтобы последний сдал свою должность заместителю его вахтеру Трофимову, последствием чего оказалась недостача продуктов, а получив от последнего донесение о недостаче, не принял мер к производству дознания на предмет установления виновных в недостаче.	
8	Губернский секретарь Бимман	См. основной текст.	См. основной текст.
9	Бывший смотритель сортовых магазинов, на время следствия бухгалтер управления Иркутского интендантства надворный советник Артеменко	Обвинялся в небрежном хранении вещей в магазине, последствием чего оказалась недостача 2000 пар сапог.	Сведения не сохранились.
10	Бывший обер-офицер для поручений Виленского	Сведения не сохранились.	Сведения не сохранились.

	окружного интендантского управления ротмистр Н. О. Пузино		
11	Служащий по вольному найму счетовод В. В. Чулков.	Сведения не сохранились.	Сведения не сохранились.
12	Смотритель Благовещенского продовольственного магазина губернский секретарь Вальце	Сведения не сохранились.	Сведения не сохранились.
13	Обер-офицер для поручений капитан Макаревич	Обвинялся в превышении власти, не имевшее важных последствий, и незаконном присвоении вверенных ему денег	Оправдан по суду.
14	Окружной интендант Иркутского военного округа генерал-майор Трофимов	Небрежность в сохранении вверенного ему имущества (дело о пожаре в Песчанском продовольственном магазине)	Полностью оправдан. При этом награжден орденом Святого Станислава I степени.
15	Старший земской стражник Красноставского уезда Люблинской губернии	Обвинялся в хищении сахара.	Сведения не сохранились.

	И. Громов		
16	Бывшие чины интендантства Казанского военного округа: полковники Зиновьев, Антонов, подполковник Сухарев, не имеющий чина дворянин Долматов, исключенный по суду из службы Ройбуль и находившийся на службе в Казанском окружном интендантском управлении, начальник продовольственного отделения коллежский советник Целебрицкий, обер-офицеры для поручений, числящиеся по армейской пехоте капитаны Москалевич и Калантаевский	Обвинялись в том, что, служа в Симбирском вещевом складе, неправильно браковали сукно с целью получения взяток и занимались его перепродажей, принеся казне немалый урон не менее 1330 руб. 81 коп., при этом сами обогатились: полковники Зиновьев — 13 979 руб., Антонов — 41 187 руб., подполковник Сухарев — 76 772 руб., дворянин Долматов — 25 980 руб., Ройбуль — 15 241 руб., коллежский советник Целебрицкий — 51 088 руб., капитаны Москалевич — 900 руб. и Калантаевский — 50 616 руб.	Сведения не сохранились.

17	Смотритель сортового магазина Варшавского временного интендантского вещевого склада полковник в отставке Клюгарев	Обвинялся в получении взятки от поставщицы интендантства Антонины Ящук.	Сведения не сохранились.
18	Заведующий отделением Иркутской обозной мастерской капитан Новиков	Обвинялся в ложном показании под присягой.	Сведения не сохранились.
19	Надворный советник Островский	Сведения не сохранились.	Устранен от занимаемой должности
20	Заведующий сухарным отделением Брянского продовольственного интендантского заведения штабс-капитан Шимкевич	ст. 227 (С. В. П. 1869. Изд. 4-е. Кн. XXII)	Сведения не сохранились.
21	Титулярный советник Константин Чижов Ротмистр Ильин	Сведения не сохранились.	Назначен прапорщиком в строй. Предоставлено право поступить тем же чином в

			действующую армию
22	Исполняющий должность смотрителя магазина № 3 Ва́ршавского вещевого склада подполковник А. А. Любарский	Сведения не сохранились.	Сведения не сохранились.
23	Смотритель Асхабадского продовольственного 1-го класса магазина М. Д. Буйнов	Сведения не сохранились.	Сведения не сохранились.
24	Смотритель Московского продовольственного магазина № 2 надворный советник Островский	Казенное сено частью употребил на прокорм собственного скота, а частью продал частным лицам.	Сведения не сохранились.
25	Смотритель Ярославского продовольственного магазина, губернский секретарь А. А. Брычев.	Обвинялся в растрате казенных 1566 руб. 62 коп.	Сведения не сохранились.
26	Заведующий сухарным отделением	Обвинялся в том, что 4 марта 1915 г.	Сведения не сохранились.

	Брянского продовольственного интендантского заведения штабс-капитан Н. В. Шимкевич	совершил приписку 2000 пудов толокна.	
27	Смотритель Благовещенского продовольственного магазина Губернский секретарь Вальц	Обвинялся в небрежном ведении отчетности по вверенному казенному имуществу и в побеге со службы	По суду оправдан.
28	Заведующий Ашитковским военно-мукомольно-сенопресовальным заведением полковник Н. Гаевский.	Сведения не сохранились.	Исключен со службы с лишением чинов.
29	Чины Симбирской приемной комиссии: полковник Синицин, коллежский Советник Целебрицкий, капитан Москолевич, капитан Колантаевский, дворянин Долматов, полковник Антонов.	Обвинялись в получении взяток от поставщиков.	Сведения не сохранились.

30	Письмоводитель Читинского интендантского вещевого склада Титулярный Советник Щеголев	Присвоил казенную сумму в 1345 руб.	Сведения не сохранились.
31	Смотритель Казанского продовольственного магазина коллежский секретарь Рознаковский Старший вахтер С. Дымнов, младший вахтер А. Мишеньеин, нестроевой старшего разряда из писарей Т. Кучерлябский	Продал 1000 пудов муки на сумму 1400 руб. Обвинялись в том, что, зная о незаконной торговле, не донесли по начальству за получаемое денежное вознагрождение.	Признаны невиновными.
32	Смотритель Гатчинского расходного продовольственного магазина коллежский асессор Самсонов, вахтер того же магазина Ф. Сташевский.	Злоупотребление служебным положением.	Сведения не сохранились.
33	Заведующий 2-й полевой	За преступления, предусмотренные ст.	Приговорен к отстранению от

	хлебопекарней (армии Северного фронта) ротмистр Б. Плотников	232, ч. 2 (С. В. П. 1869. изд. 4-е. Кн. XXII.) ст. 13, 362 и 1681 (Уложение О наказаниях Угол. и Исправ. 1885 г.)	службы.
34	Помощник заведующего 2-й полевой хлебопекарней (армии Северного фронта) Губернский секретарь С. Бороздин	Сведения не сохранились.	К содержанию на гауптвахте на шесть месяцев с ограничением некоторых прав и преимуществ на службе.
35	Бывший смотритель магазина 7-го класса Читинского интендантского вещевого склада, на момент следствия бухгалтер Иркутского местного интендантства надворный советник Артеменко	Обвинялся в халатности, приведшей к хищениям.	За данное преступление, согласно 10 ст. Уст. дисц. надворному советнику Артеменко был объявлен выговор в приказе, со взысканием с него убытков казне в порядке 122 ст. того же устава.
36	Помощник смотрителя Читинского особого продовольственного магазина, не имеющий	Обвинялся в удержании из корыстных целей 89 руб. 62 коп. собственных денег подчиненных ему	Лишен права ношения медали в память 300-летия царствования дома Романовых,

	чина, Голубенко	нижних чинов.	исключен из службы и подвергнут заключению в тюрьму гражданского ведомства на 8 месяцев, с взысканием присвоенных денег с имущества подсудимого.

Приложение 11. Ведомость о ценах заготовления обмундирования и снаряжения на 1914 г. (РГВИ Ф. 499. Оп. 2. Д. 866. Л. 5–6)

№ п/п	Наименование вещей	Цена	
		руб.	коп.
1	Вещевые мешки	2	53
2	К ним наружные сухарные мешки с тремя внутренними порционными мешочками	-	69
3	Ранцы парусиновые образца 1899 г.	4	87
4	К ним сухарные мешки, комплект	1	15
5	Ранцы образца 1894 г. для гвардии	4	80
6	К ним сухарные мешки, комплект	1	15
7	Нагрудные патронташи	-	91
8	Запасные патронные сумки	-	67
9	Сумки поясные пехотные патронные	-	96
10	Сумки кавалерийские патронные	-	84
11	Шейные ремни белой глянцевой кожи	-	11
12	Ремни поясные пехотные юфтевые	-	44
13	Ремни поясные белой глянцевой кожи	-	56
14	Поясные ремни лосиные пехотные	-	89
15	Поясные ремни для гвардейской кавалерии	1	66
16	Портупеи плечевые белой глянцевой кожи	-	67
17	Портупеи поясные красной кожи для гусар и уланов	3	10
18	Портупеи лосиные для гвардейской кавалерии	1	73
19	Ремни ружейные белой юфти для пехоты 1911 г. для	-	68

	ложе без глазков		
20	Ремни ружейные красной юфти для гвардии	-	83
21	Ремни погонные из сыромятной кожи к драгунским винтовкам	-	61
22	Ремни погонные казачьи черной кожи	-	61
23	Ножны штыковые 1893 г.	-	29
24	Кобуры револьверные: 1) для нижних чинов, 2) для офицерских чинов	1 1	04 79
25	Чехлы к малым киркомотыгам	-	70
26	Чехлы на лопаты: 1) для пехоты, 2) для кавалерии	- -	68 56
27	Получехлы на легкие топоры пехоты	-	31
28	Получехлы к большим топорам	-	36
29	Получехлы на малые топоры для кавалерии	-	36
30	Сумки юфтевой кожи для носки карт и записной книжки	3	50
31	Ремни для носки сумок	-	98
32	Касочные колпаки для конных Гренадер	3	50
33	Каски колпаковые с прибором	39	75
34	Стальные каски для гвардейского конного жандармского эскадрона	39	50
35	Знаки для разведчиков: 1) артиллерии, 2) кавалерии	- -	6 4
36	Чехлы с приспособлением для носки фляг	-	36

37	Знаки за отличную стрельбу: 1-й степени 2-й степени, 3-й степени	- - -	12 3 3
38	Кокарды	-	1
39	Поясные ремни красной кожи для жандармов	1	14
40	Плечевые портупеи красной юфти для жандармов	1	49
41	Ремни ружейные красной юфти для жандармов	-	79
42	Патронные сумки красной юфти для жандармов	1	19
43	Кобуры револьверные красной юфти для жандармов	1	35
44	Аксельбанты красной шерсти без наконечников для жандармов	-	34
45	Портупея поясная красной юфти для жандармов	3	10
46	Патронные сумки красной юфти	1	19
47	Плечевые пистолетные ремни красной юфти для жандармов	1	90

Приложение 12. Список продовольственных магазинов по округам, подведомственных Главному интендантскому управлению на 1 января 1917 г.

№ п/п	Название магазинов	Последовавшие изменения за время войны с начала войны
Московский военный округ		
Особые первого класса		
1	Смоленский № 1	
2	Смоленский № 2	
3	Смоленский № 3	
Базисные		
4	Мерефский	Учрежден на время войны ПИВ. 1915. № 46.
Первого класса		
5	Московский № 1	
6	Московский № 2	
Второго класса		
7	Тульский	
8	Калужский	
9	Тверской	
10	Ярославский	Перечислен на время войны в первый класс (ПИВ. 1916. г № 12)
11	Рязанский	Перечислен на время войны в первый класс (ПИВ. 1917.

		№ 20)
12	Владимирский	Перечислен на время войны в первый класс (ПИВ. 1916. № 50)
13	Орловский	Перечислен на время войны в первый класс (ПИВ. 1916. № 7)
Третьего класса		
14	Тамбовский	Перечислен на время войны во второй класс (ПИВ. 1916 г. № 45) Перечислен на время войны в первый класс (ПИВ. 1917. № 79)
15	Нижегородский	Перечислен на время войны во второй класс (ПИВ. 1915. № 7) Перечислен на время войны в первый класс (ПИВ. 1916. № 25)
16	Воронежский	Перечислен на время войны во второй класс (ПИВ. 1916. № 12) Перечислен на время войны в первый класс (ПИВ. 1916. № 54)
17	Клементьевский	Перечислен на время войны во второй класс (ПИВ. 1917. № 79)
18	Скопиеский	Перечислен на время войны во второй класс (ПИВ. 1916. № 1)
Четвертого класса		

19	Рыбинский	
20	Костромской	Перечислен на время войны в третий класс (ПИВ. 1915. № 56) Перечислен на время войны во второй класс (ПИВ. 1917. № 94)
Казанский военный округ		
Второго класса		
21	Оренбургский	Перечислен на время войны в первый класс (ПИВ. 1915. № 68)
22	Казанский	Перечислен на время войны в первый класс (ПИВ. 1915. № 68)
23	Саратовский	Перечислен на время войны в первый класс (ПИВ. 1915. № 68)
24	Самарский	Перечислен на время войны в первый класс (ПИВ. 1915. № 68)
25	Пензенский	Перечислен на время войны в первый класс (ПИВ. 1915. № 68)
26	Симбирский	
Третьего класса		
27	Пермский	Перечислен на время войны во второй класс (ПИВ. 1915. № 68)

28	Екатеринбургский	Перечислен на время войны во второй класс (ПИВ. 1915. № 68)
29	Сызранский	Перечислен на время войны в первый класс (ПИВ. 1915. № 68)
30	Уфимский	
31	Саранский	Перечислен на время войны во второй класс (ПИВ. 1915. № 68)
32	Вятский	Перечислен на время войны во второй класс (ПИВ. 1915. № 68)
Четвертого класса		
33	Орский	
34	Астраханский	Перечислен на время войны во второй класс (ПИВ. 1915. № 68)
Туркестанский военный округ		
Особые первого класса		
35	Ташкентский	
36	Термезский	
Первого класса		
37	Скобелевский	
38	Керкинский	
39	Асхабадский	
40	Кушкинский	
41	Самаркандский	

42	Верненский	
Второго класса		
43	Джаркентский	
44	Самаркандский	
45	Чардшуйский	
46	Краснововодский	
Третьего класса		
47	Петро-Александровский	
48	Копальский	
49	Ожский	
50	Сердхский	
51	Чекишлерский	Учрежден на время войны (ПИВ. 1916. № 60) Упразднен на время войны (ПИВ. 1917. № 55)
52	Пишпекский	Учрежден на время войны (ПИВ. 1917. № 45)
53	Карасуский	Учрежден на время войны (ПИВ. 1917. № 55)
Четвертого класса		
54	Андижанский	
Омский военный округ		
Первого класса		
55	Омский	

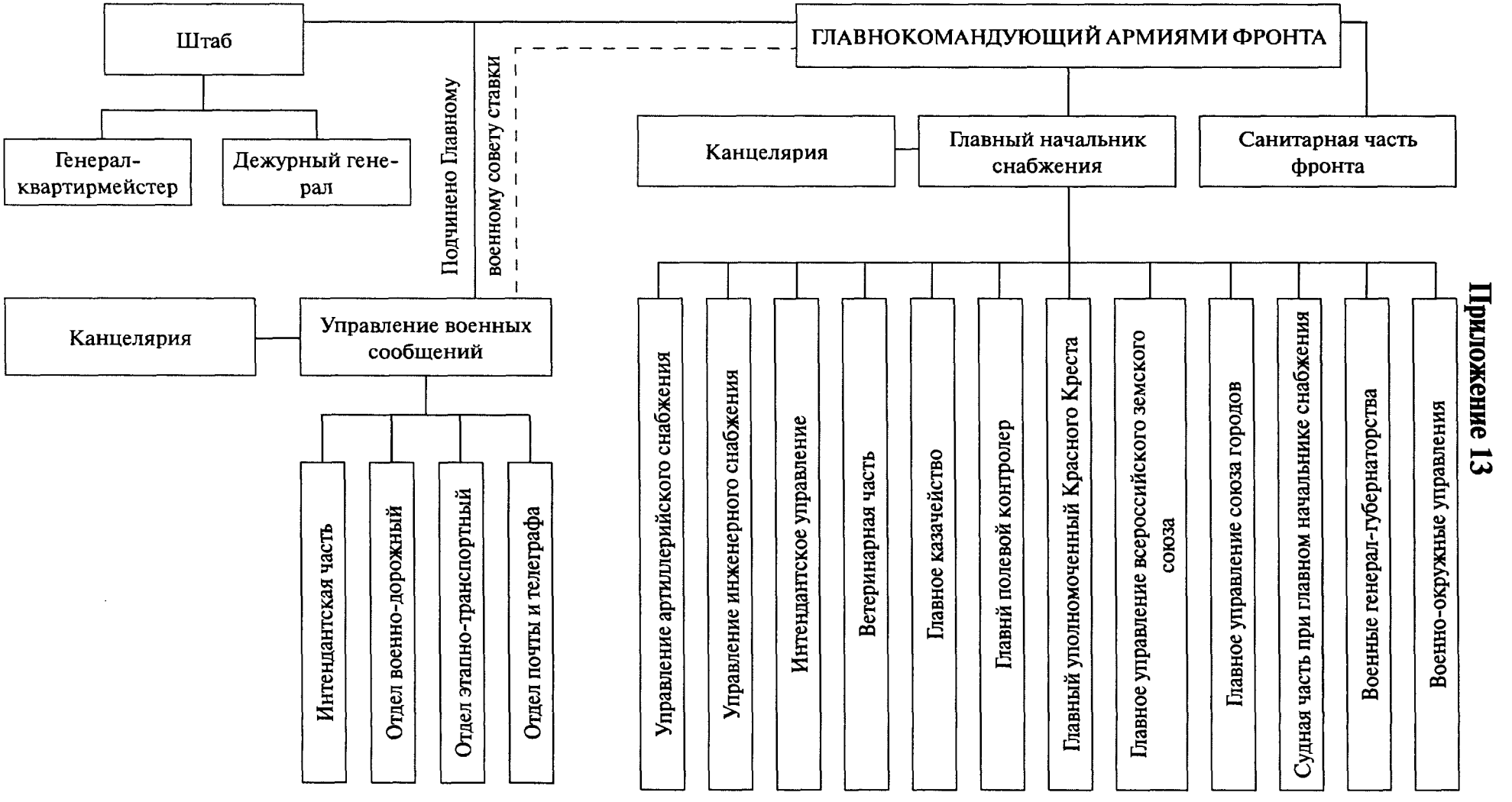
56	Новониколаевский	
57	Томский	На время войны учрежден (ПИВ. 1917. № 9)
Второго класса		
58	Зайсакский	
Третьего класса		
59	Семипалатинский	Перечислен на время войны во второй класс (ПИВ. 1915. № 55)
Иркутский военный округ		
Особые первого класса		
60	Иннокентьевский № 1	
61	Верхнеуденский № 2	
62	Читинский	
63	Иннокентьевский № 2	
Первого класса		
64	Иркутский	
65	Красноярский	
66	Читинский	
67	Стретенский	
68	Нерчинский	
69	Песчанский	
70	Троицкосавский	
71	Казанский	
72	Ачинский	

73	Березовский	
Второго класса		
74	Нижнеудинский	
Третьего класса		
75	Якутский	
76	Минусинский	
Приамурский военный округ		
77	Хабаровский № 1	
78	Хабаровский № 2	
79	Владивостокский № 1	
80	Владивостокский № 2	
81	Владивостокский № 3	
82	Хабаровский № 3	
83	Владивостокский № 4	
Первого класса		
84	Благовещенский № 1	
85	Николаевский № 1	
86	Хабаровский	
87	Спасский № 1	
88	Иманский	
89	Черниговский	
90	Владивостокский № 1	
91	Владивостокский № 2	

92	Владивостокский № 3	
93	Владивостокский № 4	
94	Владивостокский № 5	
95	Владивостокский № 7	
96	Никольский № 1	
97	Никольский № 2	
98	Раздольнинский	
99	Посытский	
100	Спасский № 2	
101	Николаевский № 2	
102	Шкотовский	
103	Барабашский	
Второго класса		
104	Славянский	
Третьего класса		
105	Апучинский	

Приложение 13

Организация управления обеспечением войск фронта в ходе Первой мировой войны (1914–1918 гг.)

Приложение 14

Органы управления обеспечением войск полевой армии в ходе Первой мировой войны (1914–1918 гг.)

Приложение 15
Структура продовольственной службы действующей армии в Первой мировой войне (1914–1918 гг.)

